

В.С. СПИРИН

ПОСТРОЕНИЕ
ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ
ТЕКСТОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. С. СПИРИН

ПОСТРОЕНИЕ ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ ТЕКСТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976

Ответственный редактор
Ю. В. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Книга посвящена выработке методики прочтения и интерпретации источников по древнекитайской философии на основе анализа отдельных фрагментов. Автор устанавливает схемы, лежащие в основе разных текстов, по различным параллельным построениям, пронизывающим многие древнекитайские тексты классического периода. Параллельность элементов текста определяется по формальным и содержательным признакам. Обнаружив одни и те же структуры в философских, математических и поэтических текстах и найдя их терминологическое обозначение и теоретическое осмысление в логико-гносеологических положениях древнекитайской науки, автор приходит к новому прочтению и толкованию древнекитайских идеологических текстов.

С $\frac{70101-151}{013(02)-76}$ 222-76

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1976.

ОТ АВТОРА

Древнекитайская философия изучается уже не одно столетие. Интерпретации содержания ее первоисточников отличаются большим многообразием. Даже одни и те же памятники представляются то как рационалистические, то как мистические. Научно обосновать ту или иную их интерпретацию довольно трудно. И трудность вынесения каких-либо твердых суждений здесь, как правило, обусловлена не сложностью грамматики или словарного состава, а некоторой кажущейся неопределенностью смысла фрагмента или целого произведения. Иначе говоря, главная трудность заключается в сложности понимания контекста. Поэтому насущной задачей исследователя древнекитайских памятников является изучение способов образования контекста. Данная книга как раз посвящена поиску решения этой проблемы.

В историко-философском плане проблема контекста перерастает в вопрос о понятийном составе источников, в проблему логичности тех или иных рассуждений, содержащихся в источниках, и, более широко, в проблему техники мышления древних китайских философов, методологии китайской философии. Описание некоторых черт методологии древнекитайской философии является второй задачей этой книги.

Решение двух поставленных задач предлагается искать при использовании системно-структурного подхода к источникам. В общем виде это означает, что фрагменты источников подвергаются формальному анализу, а данные такого анализа интерпретируются с точки зрения древнекитайской теории. Применение указанного метода равносильно постановке ряда новых для китайистики вопросов методики работы с древнекитайскими памятниками. Сосредоточение внимания на таких новых вопросах является особенностью данной книги, которая строится по следующему плану.

Во введении проводится обоснование важности поставленных задач и их связи между собой.

Первая часть посвящена методике обнаружения и описания формальной структуры памятников, под которой понимается форма проявления параллелизмов текста.

Во второй части исследуется семантическая сторона наиболее общих компонентов структуры.

В третьей части рассматривается материал, который показывает связь обнаруживаемых структурным анализом явлений с древней логико-гносеологической теорией.

В заключительном разделе формулируются некоторые выводы относительно методики историко-философского изучения древнекитайских текстов.

Пользуемся случаем выразить глубокую благодарность Л. Н. Меньшикову, В. С. Колоколову, В. Г. Бурову, А. М. Карапетянцу, оказавшим нам огромную помощь и поддержку в написании данной книги.

ВВЕДЕНИЕ

Марксистская историко-философская наука, ставящая своей целью выяснение закономерностей развития философской мысли, в своих изысканиях основывается на всем богатстве философского наследия человечества. Этнические и региональные особенности конкретного материала не признаются ею за принципиальные расхождения идеологического процесса.

Философское наследие народов Востока, огромное по количеству произведений, дает богатый фактический материал, иллюстрирующий разнообразие философских идей и постановок вопросов. Уже поэтому исследование так называемых восточных философий имеет большое методологическое значение. При этом форма выражения философских идей далеко не безразлична для истории философии. Различные формы проявляется наиболее остро и рельефно при сравнении философий Востока и Запада¹.

В философском компаративизме пока обычно обращают внимание на связь той или иной философии лишь с естественным языком. Существенных результатов при таком подходе едва ли можно ожидать. Потенциальные возможности естественных языков одинаковы. Если существуют особенности какой-либо идеологии и философии, то они проявляются прежде всего в их собственном особом языке, который часто еще надлежит обнаружить. Формой выражения философии, как и любой формы идеологии и науки, является не просто естественный язык, а вся совокупность семиотических средств, которые используются в данной области знания. В число таких средств может входить и особое построение текстов.

Если говорить о форме традиционной китайской философии вообще и ограничиться рамками обычного языка, то можно констатировать, что она характеризуется чрезвычайной устойчивостью, известным единством и преемственностью. На протяжении более двух с половиной тысяч лет китайские мыслители, вне зависимости от принадлежности к разным школам и направлениям, пользовались набором терминов, которые в своем словесном выражении были совсем или почти одними и теми же. В связи с этим с особой остротой встает вопрос об изначальном значении указанных терминов. Только решение этого вопроса дает ключ к пониманию эволюции основных понятий философии Китая. Поэтому исследователей всегда особо интересовал период становления и оформления классической китайской философии. Обычно в этот период включается время от Конфуция (т. е. VI в. до н. э.) до III в. до н. э. Границы этого периода весьма условны. Но, так или иначе, приблизительно в указанное время были выработаны основные положения китайской

¹ Это можно заметить, например, в материалах дискуссии по методологическим проблемам истории философии [29, 115—124].

философии, и изучение истории последней неизбежно должно основываться на детальном знании источников этого периода.

Единство словесной формы памятников этого периода с памятниками более поздних времен, как правило, не вводит современных исследователей в заблуждение. При осуществлении принципа историзма ученые стремятся интерпретировать тот или иной термин или понятие, с одной стороны, в связи с конкретными социально-историческими условиями, а с другой стороны, в связи с определенным идейным контекстом. Указанные две линии интерпретации осуществляются в основном разными специалистами. Первая проводится историками вообще, вторая представляет особый интерес для историков философии.

Огромная важность исторических исследований для философии очевидна. Однако философия всегда представляет собой теоретическое знание. Поэтому для истории философии чрезвычайно важно вскрыть теоретический аспект сохранившихся памятников. Это предполагает специальный способ анализа источников, их понятий и терминов. Историки анализируют и интерпретируют социально значимые термины, но обычно не занимаются исследованием теоретического содержания понятий идеологии в целом, отвлекаясь от него, так как их интересует прежде всего социальная функция фактов идеологии. Их, например, не волнует вопрос о том, почему термин *фа*, обозначая в исторической практике закон в юридическом смысле слова, в то же время в математических произведениях означает «делитель» или «коэффициент», иногда поясняется через союз «если... то», а некоторые толкования *фа* в источниках столь сложны, что приходится только удивляться излишнему мудрствованию древних китайцев. Историк может принять в качестве рабочей гипотезы предположение, что здесь имеют место совершенно разные слова и понятия, и рассматривать «школу *фа*» как направление законников, легистов и т. п. в ее исторической практике.

В ином положении историк философии. Если нет прямых свидетельств, подтверждающих указанную гипотезу (а их на самом деле нет), он не может отвлекаться от подобного многообразия значений и вынужден его объяснить. В противном случае он упустит возможность понять ту реальную историческую теорию, которая на самом деле объединяла теперь кажущиеся совершенно различными термины. Задачей истории философии является интерпретация каждого термина и понятия идеологии в контексте исторически существовавшей теории. Эта задача равносильна задаче воссоздания самой теории, если таковая существовала.

Любое учение можно считать теорией только тогда, когда оно характеризуется определенным способом получения и представления знаний и более или менее строго придерживается его. Воссоздать какую-либо теорию — значит не только описать ее предметное содержание, но и указать ее метод. В отношении древних теорий вопрос о методе, пожалуй, наиболее труден, так как самопознание теории вообще может отставать от самой теории и методологии или может на первых этапах либо вообще отсутствовать, либо явно никак не формулироваться. Кроме того, даже при наличии в источниках методологических формулировок понять их труднее, чем какое-либо содержательное положение теории, так как понятия методологии — это абстракции более высокого порядка, абстракции от абстракций. Понять методологические положения было бы легче, если бы можно было указать на какие-то экспериментально обнаруживаемые факты метода. Поиску таких фактов в древнекитайских идеологических произведениях и посвящена в значительной степени данная работа. Через обнаружение фактов метода и,

далее, через объяснение понятия древней методологии предлагаемое изыскание может восполнить пробел в изучении древнекитайских философских теорий.

В то время, когда философия включала в себя все знание, в том числе и то, которое позднее выделилось в самостоятельные науки, метод философии в целом принципиально не отличался от методов частных наук того времени. Можно было бы ожидать, что факты искомого метода уже обнаружены в существующих исследованиях, посвященных этим наукам.

Историей методологии какой-либо частной науки занимается историография данной науки. В историографических исследованиях используются данные источниковедения и обращается внимание на такие вопросы, как история создания и состав тех или иных произведений, строение как средство выражения определенных идей, связь отдельных отрывков в некотором контексте, наличие тех или иных литературных приемов и т. д.

Такие изыскания безусловно приводят к выяснению отдельных конкретных применений метода. Из проблем, исследуемых историографическими дисциплинами, мы выделяем в качестве специального предмета рассмотрения лишь одну — вопрос о связанном логическом контексте, обнаруживаемом в формальном строении источников. Такое изыскание, насколько нам известно, предпринимается впервые.

Среди ученых, занимающихся анализом древнекитайских произведений, в том числе философских, преобладает представление о крайней хаотичности строения этих памятников. Практически это означает, что отрицается какая-либо логичность и систематичность в форме изложения материала в этих источниках. Если признать это представление истинным, то бессмысленно говорить о теориях, методологии, научности и собственно о философии². Поскольку же, с другой стороны, для аналогичных идеологических явлений древней Греции и Рима доказано существование теоретического уровня методологии и философии как науки, то правомерно делать вывод о принципиальном отличии идеологии древнего Китая от идеологии «западного мира». Так вопрос о строении памятников вплетается в идеологически острую проблему Восток — Запад³.

В буржуазной историко-философской науке проблема Восток — Запад концентрируется в поисках определений принципиальных различий между мышлением «восточных» и «западных» народов. Корни этих различий отыскиваются в древних традициях идеологий. Центральным пунктом сравнений является вопрос о логике или логичности мышления и его формах. Обращает на себя внимание прежде всего то обстоятельство, что категоричность заявлений на этот счет находится в явном противоречии со степенью изученности логики на Востоке, и в частности в Китае.

Итак, была ли в древнем Китае логика, и притом научная? В начале нашего века Форке заявил, что разум китайцев «алогичен сам по себе» [63, 5]. «Мышление китайцев, — пишет Чжэн, — по-разному харак-

² Например, Фэн Ю-лань утверждал, что произведения древнекитайской философии представляют собой нечто внешне совершенно несвязное, а «несвязные мысли едва ли заслуживают имени философии». Во избежание такой интерпретации Фэн Ю-лань говорит о возможности неформальной философии [65, 2]. Данные структурного анализа свидетельствуют о ненужности такого шага.

³ Теория противопоставления Востока и Запада в настоящее время, по верному замечанию Н. П. Аникеева, «имеет самую тесную связь с социальной практикой, где она используется для теоретического обоснования различного рода буржуазных концепций уже идеологического и политического плана» [28, 494].

теризуется учеными: как затрагивающее главным образом восприятие конкретного и особенного (Накамура); как избыточное интуитивным проникновением в мир индивида и конкретного целого (Лян Цзя-кай); как увлечение резонированием, оперирующим несвязными комплексами идей, мыслями-образами (Бодде, Лян Цзя-кай); как мышление, которому недостает абстрактных и систематических конструкций (Накамура, Гране, Бодде), и потому как мышление, которому недостает логических принципов, научных и формальных способов рассуждений (Гране, Бодде)» [60, 335].

Посмотрим, например, как к своему выводу пришел Бодде. Анализируя способ аргументации, содержащийся в древнем произведении, он рассматривает этот способ со стороны литературной формы и приемов риторики. Переходя же к чисто логической стороне дела, он применяет к источнику требование — соответствовать цепному силлогизму (сориту). Не найдя этого соответствия, он объявляет, что здесь нет логики [53, 223—232]. Таким образом, вывод Бодде основывается на решении двух задач: отыскать логику там, где ее в явной форме наверняка нет (в литературном стиле и риторических приемах), и найти ее такой, какая, видимо, только известна исследователю, т. е. силлогистической. Характер этих задач таков, что они не дают материала для серьезных выводов в отношении логичности и научности мышления древних китайцев.

Мнения об отсутствии логики в древнем Китае основываются по крайней мере на двух факторах: на представлении о древнекитайских текстах как содержащих «несвязные комплексы идей и мысли-образы» и на трудностях сведения положений древнекитайской теоретической логики к широко распространенным логическим воззрениям. Логика древнего Китая почти до самого последнего времени изучалась главным образом с позиций распространенных в Европе логических воззрений, центром которых представлялась аристотелевская силлогистика в ее традиционной интерпретации [73; 74; 96]. При современном уровне науки ясно, что такой подход не дает возможностей для вынесения каких-либо окончательных суждений по вопросу, который нас здесь интересует. Более обнадеживающими представляются попытки понять древнекитайскую логику с точки зрения более широкого логического учения и интерпретировать ее в терминах современной символической логики. Работа в этом направлении уже ведется, и получены первые результаты, показывающие ее перспективность. Так, Нидэм отмечает, что в методологии древнего Китая наблюдается склонность к логике отношений [77, II, 199], а работы Хмелевского показали, что к древнекитайским логическим построениям применим вполне современный подход, рассматривающий логические объекты как функции [61].

Обнаружение элементов логической теории, однако, само по себе не может существенно подорвать тезис о нелогичности древнекитайского способа мышления⁴, так как этот тезис имеет в виду главным образом не логику как особую науку и не логичность отдельных фрагментов или произведений, а так называемую практическую логику, проявляющуюся если не во всех, то в преобладающих случаях построения какого-либо изложения. Вопрос о такой «практической логике» ставился китайскими учеными — и нужно сказать — не очень удачно. На-

⁴ Так, Фэн Ю-лань уделил значительное внимание изучению логических воззрений у так называемых софистов и в «Мо-цзы» и оценил эти воззрения сравнительно высоко [64, 220]. Но, говорит он, эти идеи случайны и не получили развития и распространения. Мнение Фэн Ю-ланя о случайности теоретических логических положений в Китае весьма типично и ведет свое начало от Ху Ши.

пример, взявшись выяснить такую логику в древнекитайском произведении «Хань Фэй-цзы», Чжоу Чжун-лин свел изучение предмета к подбору примеров из этого произведения по рубрикам законов и форм мысли, известным в традиционной формальной логике [97]. На определенном уровне изучения предмета такая работа может быть полезной, особенно в полемических целях, для преодоления взглядов, подобных воззрениям Бодде, но она явно страдает недостатком историчности и современного взгляда на логику и ее историю. Советский историк логики Н. И. Стяжкин пишет: «Есть два основных приема исследования в работах по истории логической мысли: „историко-филологический“ и „ретроспективно-логический“. Первый означает прежде всего тщательную обработку источников, сопоставление различных вариантов одних и тех же документов, выяснение связи логических фактов с данными науки о языке. Второй сводится к анализу старых логических концепций с точки зрения формирования в них элементов современных нам логических точек зрения; современный же логический аппарат служит как бы той нитью Ариадны, которой следует придерживаться, находясь в лабиринте логических учений прошлого» [45, 6].

В упомянутой выше работе Хмелевский применяет по преимуществу второй прием. Он показывает, что при использовании аппарата современной символической логики достигается более адекватная интерпретация отдельных положений древнекитайской доктрины, зафиксированной в некоторых произведениях. Пользуется он и данными о китайском языке. Но Хмелевский не применяет историко-филологического подхода в полном объеме, ибо не исследует закономерностей контекста.

С другой стороны, ряд китайских и европейских ученых предпринял историко-филологические исследования источников по древнекитайской логической теории [66; 67; 75; 86; 93 и др.]. Ценность результатов этих исследований снижается, однако, отсутствием ретроспективного подхода и излишней смелостью авторов (особенно китайских), которые вносят в тексты изменения во всех непонятных местах, полагаясь на свое понимание логики. В настоящее время становится все более очевидной необходимость соединения в исследованиях двух указанных приемов, так как, видимо, только таким способом можно показать органическую присущность по крайней мере некоторых основополагающих методов, развитых в современной логике, древним китайским мыслителям и составленным ими текстам. Для понимания этого необходимо расширить историко-филологический подход до изучения логического строя древнекитайских текстов, выработки приемов такого изучения. Цели выполнения этих задач и служит аппарат формального анализа, предлагаемый в первой части данной работы.

В значительной мере следствием недостаточной изученности вопросов логики в древнем Китае и смежных с ними проблем является очень распространенная манера изображать древнекитайские произведения набором банальных моральных поучений или комплексом политических наставлений, преследующих лишь конкретные практические цели. Эти наставления и поучения не представляют моментами сколько-нибудь систематичной теоретической концепции. Молчаливо или открыто признается, что таких концепций не существовало. Это означает, что классическая китайская идеология считается сугубо практической. На основании представлений специалистов еще Гегель заявлял, что восточная философия — это «нечто, не могущее воспринять в себя спекулятивные понятия», а Конфуций — это только «проповедник практической мудрости» [34, 110]. Наряду с повсеместно распространенной практикой указанного представления древнекитайской идеологии существует, так

сказать, философское обобщение этой практики. Выражается оно в формулировке положений об особенностях китайской традиционной мысли.

Посмотрим, как определяет эти особенности, например, Юй Тун. Первый особенностью он называет объединение в китайской философии «знания» и «действия». В ней, по его словам, «живая практика является основой и конечным пунктом теории», «цель исследования — в действии, метод исследования — тоже в действии». Далее, продолжает Юй Тун, китайскую философию отличает то, что она сосредоточивается на жизни людей и пренебрегает теорией познания, не отделяя «я» и «не-я». «Китайская философия, — пишет этот исследователь, — не обращает внимания на формальное тщательное теоретическое доказательство, и в ней нет формальной стройной системы». Китайские философы, заключает он, «считали, что связь в опыте и согласие с практикой и есть подтверждение истины», и в целом «китайская философия не обращала внимания на логические теоретические доказательства» [101, 5—7]⁵. Такие представления очень импонируют прагматистам. В открытии прагматизма они даже готовы признать приоритет Востока. На базе так представляемых традиций планируется союз Востока и Запада [80, 296]. Для этого союза Запад, говорят прагматисты-инструменталисты, может представить подходящую для Востока логику, а именно новую логику Дьюи, который «приблизил абстракции логики к тесному соединению с эстетическим» [52, 314].

Заявления об исконной практичности (противопоставляемой теоретическому мышлению) китайцев ввиду частого повторения стали похожими на пропагандистский шаблон, и они оказывают иногда влияние на методiku серьезных научных исследований древнекитайской идеологии. Ее факты анализируются часто не с точки зрения какой-либо теории (древней или современной), а лишь с точки зрения их практической функции. Эта установка часто влечет за собой грубое социологизирование там, где необходимо выяснить теоретическую значимость тех или иных положений древнекитайских учений.

Но вернемся к вопросу о том, почему квалифицированные специалисты не видят никакой теории в древнекитайских произведениях. В связи с этим любопытно взглянуть, как Юй Тун представляет себе творчество китайского мыслителя. Он пишет следующее: «Длится и длится частичная практика, и вот наступает вдруг понимание, многие прежние сомнения и затруднения рассеиваются, тогда наступает проникновение в повседневный опыт, это и есть постижение. Обычным для китайского мыслителя является описание этого понятого и постигнутого, но не детальное доказательство его. Поэтому произведения китайских философов часто фрагментарны. Однако китайские философы отнюдь не ощущали, что систематические длинные главы являются чем-то более ценным по сравнению с собранием фрагментов. Китайские мыслители отнюдь не ощущали потребностей детального теоретического доказательства. Напротив, считали его излишним» [101, 7]. Юй Тун здесь апеллирует к своеобразно понимаемому психологическому складу «китайского мыслителя». Но, как известно, национальный психический склад «влияет лишь на „колорит“, на специфику проблематики фило-

⁵ Небесполезно привести здесь другие отличительные черты китайской философии, перечисляемые Юй Туном: единство природы и человека, отождествление истины и добра. Юй Тун оговаривается, что книга написана им, когда он «еще не был глубоко знаком с марксизмом-ленинизмом». Но, перечисляя свои ошибки, связанные с этим, он не упоминает ошибок в определении указанных особенностей китайской философии.

софской мысли в данной стране, а не на сам характер философского мышления и философской мысли в целом того или иного народа. Что же касается способа философского мышления, то ни о какой „специфике“ в этом отношении не может быть речи, ибо характер философского и, в частности, логического мышления одинаков у всех народов» [37, 106]. В одном Юй Тун несомненно прав — особенность формы изложения обязательно отражает особенность того, что излагается, т. е. мыслей. Но Юй Тун имеет крайне скудные сведения об этой форме, явно недостаточные, чтобы делать серьезные выводы о способе мышления древних китайских философов.

Истоком утверждений о практицизме китайской идеологии является слабая изученность формы источников, из-за чего попытки обнаружить в них логику остаются малоэффективными. Без логичности, конечно, нет наукообразной теории. Потеряв надежду обнаружить логическую связь в древних произведениях, Бодде, например, поверил в полную применимость к древнекитайским формам мысли сугубо прагматического объяснения. Категории в древнекитайской идеологии он интерпретирует, лишив их какого-либо собственно логического и онтологического смысла [54; 55, 19—74].

В иных случаях «конкретность и непосредственность», «несистематичность и жизненность» традиционной китайской философии выводятся тоже довольно просто. Так, Холсман свое доказательство строит следующим образом. Наибольшее значение в истории китайской философии имел «Луньюй». А это произведение, по его мнению, представляет собой собрание коротких фраз, касающихся конкретных тем жизни. Это означает, что в нем нет диалектики в платоновском смысле, т. е. восхождения к абстракциям. Нет в нем и «какого-либо искусственного употребления форм, похожих на развитые на Западе после Платона» [68, 225]. Это доказательство основано на определенной оценке формы «Луньюя» как чего-то особенного среди других произведений. Если критически отнестись к выводам, подобным выводам Холсмана, то следует обязательно проверить, так ли уж специфична форма «Луньюя», или в ней есть нечто сближающее его с другими, по признанию самого Холсмана, более теоретичными произведениями древнекитайской философии.

Выводы о нетеоретичности древнекитайских произведений в значительной мере покоятся на предпосылке об известном соответствии между литературной формой и теоретичностью. Эта предпосылка, видимо, верна. Но нельзя предполагать, что нам уже известны все литературные формы и все формы теории. Для серьезного исследования нужно применять методику, предполагающую изучение неизвестного, а не просто подведение под известное по методу аналогии. Структурный анализ в нашем понимании представляет собой такую методику изучения неизвестного.

Представления об отсутствии логики и логичности, несистематичности и узком практицизме древнекитайской идеологии венчаются заявлениями о ее мистицизме по крайней мере по отношению к памятникам «даосской школы». Мистицизм связывается с преобладанием интуитивного способа познания, якобы свойственного «восточному» способу мышления, с принципиальной невыразимостью «восточной» мысли в языке [76, 151; 81, 349; 82, 23].

Тезис о мистицизме китайской философии не получает столь широкой поддержки, как другие рассматриваемые здесь представления о ней. Против утверждений о преобладании интуитивного познания выступал Ху Ши [72]. Гарсун Чжан, например, доказывал ее рацио-

налистический характер даже во взглядах на интуицию [58; 59]. Хьюзу принадлежит следующее категорическое заявление: «Это серьезная ошибка — предполагать, что китайская или какая-либо иная цивилизация могли бы развиваться так, как они развились, не обладая и не используя высокоразвитой рациональной силы ума» [69, XXIV].

Такого рода в принципе правильные утверждения нуждаются, однако, в подтверждении, демонстрирующем рационализм по крайней мере главных памятников. Но при подходе к последним с позиций признания их нелогичными, несистематическими, сугубо практическими последовательно осуществить такую демонстрацию весьма и весьма затруднительно, а без тщательного изучения специфического языка источников просто невозможно. Проблема мистицизма в значительной мере связана с проблемой понимания языка источников. Так, Чжан Чжун-юань в рецензии на перевод «Даодэ-цзина», выполненный Блэкини, говорит, что для понимания *дао* мы должны освободиться от обычного дискурсивного интеллектуального понимания и обратиться к непосредственной интуиции религиозного толка. Способность погрузиться в такое интуитивное восприятие якобы гораздо важнее, чем следование языку источника [57, 170—173]⁶. Здесь проглядывает принципиальный отказ от возможности научного перевода источников.

Чжан Чжун-юаню нельзя отказать в цельности его взгляда — мистическое произведение или его отрывок требует мистического отношения к переводу и интерпретации. Но представляется, что на самом деле все обстоит проще. Непонятность текста создает впечатление о мистичности его содержания. Не случайно мистическими чаще всего объявляются так называемые даосские произведения, которые в то же время признаются трудно понимаемыми. Заявления о мистичности содержания древнекитайских произведений могут рассматриваться как сигнал о некотором расхождении языка источников и языка их нынешних читателей, а это является побудительным мотивом для более пристального внимания к языку в широком смысле слова как объекту семиотики.

Работы советских ученых, прежде всего работы А. А. Петрова [38, 39, 40], Ян Хин-шуна [50, 51], Л. Д. Позднеевой [41], вскрывают в содержании идей «даосского» направления здравую рационалистическую философию, материалистические тенденции. Это несомненно важный шаг в избавлении от научно несостоятельных утверждений. Однако нужно иметь в виду, что такие утверждения основываются не только на интерпретации содержания соответствующих источников, но и на особом понимании их формы. Так, в книге «Истоки китайской традиции» авторы заявляют, что основное понятие даосской философии — *дао* постигается лишь «мистической интуицией». Далее утверждается, что форма даосских произведений соответствует их мистическому содержанию. Стилистической особенностью «Даодэ-цзина» считается то, что он состоит из утверждений, которые «предполагают не убеждение посредством рассуждений, а возбуждение и захват ума средствами поэтического видения». Воздействие на читателя другого древнего произведения, «Чжуан-цзы», якобы основывается «не на методической аргументации, а лишь на использовании парабол и аллегорий, парадоксов и причудливых образов» [79, 52, 53, 64].

⁶ Чжан Чжун-юань указывает, что к некоторым параграфам «Даодэ-цзина» религиозное толкование неприменимо.

Если правильны положения о рационалистическом философском содержании даосских произведений, то приходится констатировать определенное несоответствие и противоречие между этим содержанием и их формой. Философия здесь предстает не в своем собственном, а в чужом одеянии. Конечно, зачатки философского мышления могут развиваться в чуждой для философии форме. Зрелая философия также может использовать не собственно философскую манеру изложения своих положений. Но достичь зрелости философия не может, не выработав собственно философского языка в широком смысле этого слова, в том числе и как особой системы изложения философских взглядов. Эти соображения стимулируют попытки осмысления древнекитайских произведений как определенных семиотических систем, в которых, возможно, есть место для собственного философского языка, т. е. языка логичных аргументов, рассчитанных на рациональное и последовательное рассуждение, а не на веру и интуицию. При этом мы не можем увлекаться литературной формой.

Подводя итог изложенному, можно сказать, что ряд укоренившихся представлений относительно особенностей китайской философии в значительной степени базируется на первом впечатлении от формы источников и по существу спекулирует на отсутствии специальных систематических исследований этой формы. Это еще один аргумент в пользу выбора нашей темы.

Теперь взглянем на проблему с точки зрения практических потребностей китаеведения.

Ученые, работавшие над проблемами аутентичности современных им вариантов философских памятников Китая, накопили значительный материал по истории текстов. Комментаторы и переводчики главным образом путем сопоставления текстов во многих случаях дали документированную разбивку произведений на фразы и отрывки, а также объяснение неясных мест. Историки и философы выработали ряд концепций, объясняющих содержание источников. Некоторые памятники изучались и в плане лингвистики. Но несмотря на обилие исследований, практика работы с каждым источником показывает, что ни один из упомянутых выше вопросов пока не решен. По каждому источнику существуют довольно разнообразные и противоположные мнения, зачастую одинаково неопровержимые, но и одинаково неубедительные.

Если не касаться идеологических причин, неизбежно порождающих разнообразные интерпретации содержания, то приходится признать, что такое положение возникает главным образом ввиду отсутствия единой методики работы с памятниками. Нельзя сказать, что нет общих приемов филологической обработки текстов. Все исследователи стремятся привлечь максимум исторических свидетельств о данном источнике или отрывке, использовать все комментарии и возможные сопоставления для выработки критического текста или решения тех или иных вопросов содержания текста, учесть наблюдения лингвистов над языком памятников и т. д. Все такого рода приемы основаны на попытках понять данный текст или его отрывок в связи с другими памятниками и другими отрывками. Эта сторона в китаистике достаточно развита. Другая сторона методики — выработка приемов понимания памятников как бы «изнутри». Вопрос о таких приемах в китаистике, пожалуй, даже не поставлен.

Для древнего читателя каждое произведение первоначально существовало без какого-либо комментария или другого внешнего определителя его содержания. Несомненно, он понимал текст и лишь после этого

мог выступить наставником для других. В настоящее же время практически ни один исследователь не может обойтись без комментариев. Объяснять этот факт только языковыми трудностями не приходится. Непонятными или понимаемыми по-разному остаются самые простые с точки зрения лингвистики фразы и отрывки. Семантику слов в конце концов можно выяснить, используя древние словари, определения понятий, встречающиеся довольно часто в текстах, параллельные или аналогичные тексты и т. п. Но и после этого текст остается непонятным, так как мы не улавливаем связи фраз и отрывков. Исследователи вынуждены либо пользоваться комментарием, либо домысливать эту связь. Поскольку понять основания того или иного комментария не менее трудно, чем понять сам текст, а домысливание не основано на каких-либо объективных и формальных критериях, то прочтение получается довольно разнообразным. Подтверждение домысливания ссылками на какие-либо другие источники или отрывки малоэффективно, ибо, как правило, другой отрывок столь же непонятен, а кроме того, существует несколько вариантов таких «объясняющих» текстов, дающих разные результаты. Методики отбора нет. Короче говоря, главная трудность понимания древних текстов заключается в трудности улавливания контекста «изнутри» каждого отрывка. Мы полагаем, что уловить объективно обоснованный содержательный контекст можно прежде всего через структуру памятника или его отрывка. А для этого нужно прежде всего выяснить, есть ли в текстах структура и каковы ее черты.

Вопросы структуры связаны с рядом важных и весьма сложных проблем методики работы с древними источниками. Конечно, было бы большой наивностью полагать, что все такого рода вопросы могут быть решены сразу же. Цель предлагаемых изысканий заключается лишь в том, чтобы поставить проблему структуры текстов, показать ее важность и наметить возможный путь ее решения.

Ввиду новизны самой проблемы уже на стадии ее первоначального объяснения автор столкнулся с необходимостью выработки особого понятийного аппарата, нужного для структурного анализа. Само собой разумеется, что лишь после многократной и широкой научной проверки этот аппарат хотя бы частично может быть признан зачатком теории структурного анализа. В настоящее время он является всего лишь попыткой обобщения некоторых наблюдений над текстами. Сопоставление этих наблюдений с уже существующими точками зрения в данной работе не проведено. Можно надеяться, что в этом плане критика будет достаточно снисходительной, если учтет затруднения, стоявшие перед автором и вызванные отсутствием каких-либо сводных сведений, необходимых для систематического изучения истории вопроса о структуре классических китайских произведений.

Представляется более важным уже на первых этапах исследования избежать исторически необоснованных суждений. Поэтому автор стремился к тому, чтобы предлагаемый понятийный аппарат находился в соответствии с представлениями о структуре, бытовавшими в самом древнем Китае. Но и здесь сделаны лишь первые шаги. Предстоит еще огромная работа по сбору соответствующего материала и его интерпретации. Если автору удалось лишь намекнуть на наличие такого материала и побудить к его поискам, то на данной стадии его цель будет выполнена.

В качестве предварительного шага предлагается систематизация материала по общим разделам или аспектам семиотики: синтаксическому, семантическому и прагматическому. Этим разделам семиотики

в основном соответствуют части этой книги. Имея дело со структурой древнекитайских произведений, мы сталкиваемся с фактами некоей искусственной системы знаков, надстроенной над естественным языком. Она обладает своим синтаксисом и семантикой, а потому может рассматриваться как особый искусственный язык древнекитайской идеологии [44]. Здесь связь элементов текста в контексте дается в основном не средствами обычного разговорного языка, а совершенно иными способами. При указанном подходе возможны противоречия со взглядами, рассматривающими язык классических китайских произведений лишь как язык разговорный.

В задачи работы не входит рассмотрение всех семиотических проблем, связанных со структурой текстов. Автор ограничился попытками использовать некоторые семиотические приемы для выяснения историко-философских вопросов, а также внести в историко-философские исследования моменты системно-структурного подхода. Нас интересует не вся сфера практического использования того искусственного языка, который обнаруживается структурным анализом, а лишь та ее часть, которая применяется сознательно и связана с философией, и более узко — с логико-гносеологическими концепциями древнего Китая.

Суть предлагаемого метода историко-философского подхода к источникам заключается в следующем. Источники изучаются с точки зрения их формального строения и возможных семантических функций. Затем в логико-гносеологической концепции древности обнаруживаются термины, которые так или иначе связаны с обнаруженными фактами структуры. Сопоставление этих двух рядов сведений дает возможность более конкретного представления логико-гносеологической концепции древности и структуры текстов.

Историко-философская ориентация работы сказывается как на выборе источников, так и на существенных отклонениях от обычных проблем семиотики. Последнее проявляется в полной мере в третьей части, которую нельзя считать прагматикой в распространенном смысле этого слова⁷.

На данной стадии целью работы является выяснение общих черт структуры древнекитайских произведений. Это значит, что представляются равнозначными произведения разных «школ» и даже разных времен. Как эволюцию формы памятников, так и связь различных структур с теми или иными идеологическими течениями можно изучать начиная с выяснения общих черт структуры. На этой стадии мы не можем пытаться ответить на вопросы, уже предполагающие знание этой структуры хотя бы в общих чертах. Исходя из указанного, иллюстративный материал, наглядно демонстрирующий разные положения относительно структуры, может быть взят из самых различных источников. Для иллюстрации основных положений формального анализа примеры берутся главным образом из «Канона о Графике и Достижениях» («Даодэ-цзин»). Такой выбор можно считать случайным, так как начинать изучение структуры древнекитайских произведений можно с любого из них. Но этот выбор оправдывают некоторые, правда не первостепенные, обстоятельства.

Ян Сюн приводит мнение Сыма Цяня о том, что «[Произведение] мудреца Лао» («Лао-цзы») по своему строению лучше, чем «пять ка-

⁷ А. А. Ветров определяет прагматику как ту «часть семиотики, в которой рассматриваются особенности использования языковых единиц в обычных неформализованных рассуждениях» [33, 167—168]. У нас же, в третьей части, рассматриваются лишь некоторые случаи использования формализованных искусственных построений.

нонов» (*уцзин*), чтимых учеными его времени. Хотя сам Ян Сюн возражает против такого противопоставления, он не опровергает факта тщательной отработанности формы этого произведения [27, 19]. Таким образом, можно полагать, что с определенной точки зрения «Канон о Графике и Достижениях» является если не лучшим, то одним из лучших образцов формы строения древних произведений. Стилистическая отточенность «Канона о Графике и Достижениях» признается и современными учеными, которые даже пытаются использовать это обстоятельство для датировки памятника. Но мы не встречаем более или менее развернутых определений того, какова именно форма этого произведения.

Уже на первой стадии изучения этого источника в его строении видно одно явное преимущество — четкая разбивка материала на параграфы, проведенная еще в древнее время. Для исследования формы это довольно существенное подспорье, так как разбивка текста представляет значительные трудности. До детального изучения структуры мы не можем указать каких-либо четких формальных признаков такой разбивки, а полагаться лишь на понимание единства содержания зачастую оказывается весьма рискованным.

Удобен «Канон о Графике и Достижениях» и тем, что филологическому изучению его текста было уделено значительное внимание. Собран материал, позволяющий сравнивать различные варианты текстов, легко отыскивать места, где данный источник цитируется в других произведениях, сопоставлять разные понимания отрывков, обнаруживать рифмующиеся части и т. д. [87, 91, 98]. Мы пользуемся текстами в их исторически существовавшем виде, поскольку, на наш взгляд, всякое изменение текста, проведенное до полного исследования его структуры, является недостаточно обоснованным. В частности, текст «Канона о Графике и Достижениях» берется из книги Чжу Цянь-чжи «Сравнение [текстов произведения] мудреца Лао и объяснения к нему» («Лао-цзы цзяоши») [98], поскольку в ней воспроизведен текст, сохранившийся на стеле VIII в. Отклонения от этого текста, выражающиеся в пропусках, дополнениях и перестановках отдельных фраз или отрывков, рассматриваются нами не как случайные явления, а как факты, важные для понимания этого текста, его строя и истории.

Работа Чжу Цянь-чжи содержит богатейший материал по сравнению текстов, которого, как правило, достаточно, чтобы делать выводы в интересующем нас плане, поэтому почти в каждом случае мы должны были бы сослаться на эту книгу. В тексте в этих случаях указываем лишь номер параграфа «Канона о Графике и Достижениях». По этому ориентиру легко найти соответствующее место в книге Чжу Цянь-чжи, где содержатся те сведения о вариантах текста, комментариях и т. п., которые использованы без ссылки на источник.

Все положения о структуре автор старался иллюстрировать примерами. Вызвано это необходимостью показа всеобщности черт структуры на богатом иллюстрациями материале. Возможен, конечно, и другой путь изложения результатов исследования — анализ одного или немногих примеров в разных аспектах. Этот второй путь только кажется более кратким. Каждый шаг такого анализа требует материала для своего обоснования, но не все черты структуры видны достаточно наглядно в каждом примере. Для понимания всеобщности черт структуры читатель вынужден был бы сам отыскивать примеры, но без определенной практики это затруднительно. По-видимому, удобнее, чтобы читатель сразу же имел достаточное количество примеров, с тем чтобы на них осознать принципы структурного анализа.

Книга, особенно в первой части, предназначена прежде всего для специалистов, могущих пользоваться китайскими первоисточниками без переводов. Для читателей, не владеющих древнекитайским языком, приводятся переводы⁸.

Оговоримся, что все соображения, высказанные в данной работе, основаны на знакомстве в основном с философскими памятниками Китая VII—II вв. до н. э. Автор не ставил перед собой вопросов, выходящих за пределы этих источников и этих хронологических рамок, считая, что они остаются открытыми.

⁸ В первой части данной книги переводы фрагментов «Канона о Графике и Достижениях» взяты в основном из монографии Ян Хин-шуна [50]. В 1972 г., уже после сдачи настоящей книги в производство, был издан заново отредактированный Ян Хин-шуном перевод этого источника, вошедший в сборник «Древнекитайская философия» [35]. В случаях, когда источник, откуда взят перевод, не указан, приводится перевод, выполненный автором данной книги.

Часть I

АППАРАТ ФОРМАЛЬНОГО АНАЛИЗА

1. СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Ввиду отсутствия выработанных приемов понимания текстов «изнутри» не будет большим преувеличением сказать, что интерпретация древнекитайских произведений в настоящее время — это больше искусство, нежели наука. Здесь главную роль играют интуиция и эрудиция, а иногда и просто личный авторитет и другие случайные обстоятельства.

Выход из создавшегося положения можно искать в попытках на первой же стадии изучения источника отказаться от всяких предвзятых представлений о содержании, связанных с привычными для исследователя правилами образования контекста. Это в определенной мере осуществимо при выдвигании на первый план формальных сторон текста. Поэтому задачей структурного анализа в данной работе является в первую очередь обнаружение и описание фактов формы древнекитайских произведений. Обращение к форме как к первому и важнейшему фактору понимания содержания является одной из основных особенностей структурного анализа.

Другой его особенностью является попытка найти наиболее общие черты построения первоисточников и положить их в основу изучения всех модификаций формы так, чтобы сама форма предстала в виде некоей цельной системы. Это значит, что частные явления формального порядка, определяемые в рамках какого-либо из уже существующих специальных подходов (по линии стиля, жанра, языка и т. п.), не могут быть исходной точкой структурного анализа, тем более что все эти подходы в той или иной степени предполагают решенным вопрос о содержательном контексте исследуемого материала.

Структурный же анализ на первой стадии лишь ставит задачу отыскать в форме пути, ведущие к интерпретации содержания. Поэтому материал, представляемый данными подходами к источникам, может привлекаться в структурном анализе лишь в меру его формального характера. Весь такой материал надлежит объяснить с точки зрения общей формальной характеристики или, точнее, основной черты формы изучаемого предмета. Такой чертой древнекитайских произведений является наличие в них параллелизмов. От умения обнаруживать и интерпретировать их зависит понимание структуры произведения или его отдельного отрывка. Поэтому можно дать более узкое определение исходной задачи структурного анализа: изучение параллелизмов в древнекитайских текстах, а также следующее определение структуры: структура произведения или отрывка — это специфическая форма проявления параллелизма в объекте. В этом смысле и употребляется тер-

«структура» в данной работе. В таком случае метод структурного анализа — это применение особых приемов, позволяющих обнаруживать, единообразно описывать и интерпретировать явления структуры в том или ином источнике.

Нам неизвестны работы, в которых бы структура древнекитайских произведений специально рассматривалась в указанном выше плане, но это не значит, что структурой этих памятников не занимались вообще. При разбивке текста на фразы и отрывки, при объяснении некоторых фрагментов параллелизм часто фиксировался и использовался. Задача формального структурного исследования заключается отчасти и в использовании уже имеющихся наблюдений, в проверке и доведении их до конца при помощи средств структурного анализа.

Такие вопросы, как строение отдельных произведений, состав того или иного произведения по главам или частям, правомочность отнесения той или иной части текста к данному месту, выявление повторов и т. п., также ставились учеными довольно часто. Решались они в основном путем использования каких-либо внешних для данного текста свидетельств или на основе понимания содержания соответствующих фрагментов. Поэтому задачей структурного анализа и здесь является доведение уже имеющихся наблюдений до соединения полученных на их основании данных с данными, почерпнутыми «изнутри» самого источника.

Особенности структурного анализа, таким образом, не предполагают отрицания или подмены исследований, проводящихся при помощи других методов, а позволяют выявлять новый материал, дающий возможность более достоверно познать классическое наследие древнего Китая.

Выдвинутый выше тезис о формальном и всеобщем характере параллелизмов в древнекитайских текстах требует определенных уточнений, поскольку при обнаружении параллелизмов всегда имеется определенный элемент понимания содержания. Формализм здесь заключается в сведении этого элемента до минимума. Не претендуя на достижение уровня строгой теории, мы пользуемся предварительным рабочим определением минимально необходимых элементов плана содержания: имеются иероглифы, которые передают то или иное значение, причем одни из них обозначают некоторые реалии, а другие — лишь определенные связи этих реалий или отношения к ним автора (значимые и «пустые» знаки, из которых последние в принципе можно задать списком); далее, в общем известно, какие иероглифы или их цепочки указывают предмет описания и какие дают само описание (это знание может находиться на уровне выделения подлежащего и сказуемого благодаря их определенному порядку); известно, какие иероглифы записывают рифмующиеся слова; наконец, известен набор иероглифов, обозначающих некое внешнее оформление текста¹. Для формального установления наличия параллелизма совсем необязательно знание значений иероглифов, связанных с делением слов на части речи. Для него вообще не нужно понимание того, что в данном контексте конкретно значит тот или иной иероглиф.

Указанный минимум весьма далек от знаний, необходимых для понимания содержательного контекста любого фрагмента текста, поэтому он не представляется противоречащим утверждению о формальном характере параллелизмов.

¹ Набор, которым мы пользовались, приведен далее, на стр. 36.

В синтаксисе структурного анализа предлагается пользоваться понятием параллелизма, ограниченным указанным минимумом, достаточным лишь для определения его наличия. Такое понимание параллелизма беднее содержательными определениями, чем используемое обычно в синологических исследованиях.

2. ПОНЯТИЕ УНИВЕРСАЛЬНОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА

Формальное понимание параллелизмов частично содержит в себе и объяснение параллелизма всеобщего: чем менее содержательно представление о параллелизме, тем больше оно охватывает явлений.

Предлагаемое понятие формального всеобщего параллелизма отличается от обычных представлений о параллелизме, а поэтому требует особого термина для своего обозначения. Будем называть его универсальным параллелизмом.

Обычное представление о параллелизме в древнекитайском тексте сводится примерно к следующему. Для признания параллелизма, например в четырех отрывках текста (цепочках иероглифов) — «а», «б», «в», «г», необходимо, чтобы какие-то из этих отрывков были в чем-то тождественны. Если «а» в чем-то тождественно «в», то эти отрывки считаются параллельными и являются возможными элементами параллелизма. Если к тому же в чем-то тождественными оказываются и отрывки «б» и «г», то параллельными считаются комплексы «а—б» и «в—г». Теперь возможными элементами являются указанные комплексы отрывков, тогда как сами эти отрывки («а», «б», «в», «г») уже наверняка есть элементы параллелизма.

Предполагается, что тождественные отрывки должны стоять на тождественных местах, т. е. встречаться всегда через одно и то же количество отрывков. Это значит, что обнаружение такого параллелизма основано на выявлении определенного ритма в линейно расположенном тексте. Такой параллелизм можно считать однонаправленным, так как он учитывает лишь одно направление расположения отрывков и их групп, совпадающее с линейной последовательностью текста. Указанный однонаправленный параллелизм является лишь частным случаем универсального. Универсальный параллелизм может быть разнонаправленным: отрывки, составляющие его элементы, могут располагаться в разных направлениях. То, что можно назвать ритмом текста, универсальный параллелизм фиксирует не только в фактах повторения тождественных отрывков через одно и то же количество отрывков, но и в вариациях, которые, однако, не произвольны и не бесконечны в своем числе, а определяются его специфическими закономерностями. Таким образом, в отличие от обычного параллелизма универсальный — это параллелизм, учитывающий, что чередование тождественных отрывков может основываться не только на ритме линейной последовательности отрывков и что тождество отрывков, нарушающее этот ритм, может быть признаком параллельности определенных построений из этих отрывков.

Проиллюстрируем разнонаправленность параллелизма на тексте. При этом примем следующие обозначения, которых мы будем придерживаться всюду в данной книге: буквы русского алфавита «а», «б»... отражают порядок соответствующих отрывков в тексте оригинала; буквы со штрихом над левым верхним углом указывают на отрывок, предшествующий обозначенному просто буквой («а'» предшествует в тексте «а»); буквы со штрихом в правом верхнем углу указывают на

отрывок, следующий за обозначенным просто буквой («а'» следует за «а»); буквы, после которых следуют круглые скобки, обозначают элементы²; угловыми скобками <> выделяются отрывки, которые отсутствуют в других списках текста; квадратные скобки [], наоборот, выделяют отрывки, взятые из других списков.

«Даодэ-цзин», § 31 в схематизированном виде³ выглядит следующим образом⁴:

а) 夫佳兵者不祥之器	б) 君子居則貴左	в) 兵者不祥之器(非君子之器)
а' <物或惡之故有道不處>	同兵則貴右	不得已而用之
3. 恬憍為上		
в) 故不美若美之 是樂怨人	с) 故吉事尚左 凶事尚右	3) 怨人象多[則]以悲哀泣之
д) 夫樂怨者 不可得意於天下	ж) <是以> 偏將軍居左 上將軍居右	4) 戰勝[則]以哀禮處之 ¹

ПЕРЕВОД [50, 132] -

а) Хорошее войско — средство, [порождающее] несчастье, а'. его ненавидят все существа. Поэтому человек, следующий *дао*, его не употребляет. б) Благородный, во время мира, предпочитает уважение, а на войне применяет насилие. в) Войско — орудие несчастья, оно не является орудием благородного. Он употребляет его только тогда, когда его к этому вынуждают. г. Главное состоит в том, чтобы соблюдать спокойствие, г) а в случае победы себя не прославлять. Прославлять себя победой — это значит радоваться убийству людей. д) Тот, кто радуется убийству людей, не может завоевать сочувствия в стране. е) Благополучие создается уважением, а несчастье происходит от насилия. ж) Слева строятся военачальники флангов, справа стоит полководец. <Говорят, что их нужно встретить похоронной церемонией.> з) Если убивают многих людей, то об этом нужно горько плакать. и) Победу следует отмечать похоронной церемонией.

В приведенном тексте встречаются три двухсоставные фразы, заканчивающиеся словом «правое», и три двухсоставные фразы, заканчивающиеся местоимением 3-го лица. (В переводе это не отражено.) На основании обычных представлений о параллелизме можно лишь утверждать, что имеются две группы из тождественных между собой фраз. Но, строго говоря, эти фразы не образуют параллелизма, так

² Предварительное определение понятия «элемент» приводится ниже, на стр. 23. Подробнее см. разделы 3 и 4 Части I данной книги.

³ Принципы схематизации описаны в разделе 4 Части I данной книги.

⁴ Здесь и в дальнейшем источник указывается лишь в том случае, когда им не является работа Чжу Цянь-чжи [98]. При рассмотрении данного параграфа использована также работа Ма Сюй-луна [91, 104].

⁵ Здесь и далее к переводу Ян Хин-шуна мы добавляем только разбивку текста на элементы и не воспроизводим разбивки на абзацы. Оговариваются только случаи очень больших расхождений между списком текста, легшим в основу перевода Ян Хин-шуна, и текстом, используемым нами.

как в линейном тексте из отмеченных фраз нельзя образовать однонаправленные ряды, которые бы отражали их тождественность и одновременно порядок в линейном (однонаправленном) тексте. Тем более нельзя утверждать наличие параллелизма между двумя указанными группами фраз.

Допущение, что последовательно стоящие отрывки могут располагаться не только в ряды одного направления, позволило нам расположить текст указанным в схеме способом и тем самым вскрыть параллели не только между фразами внутри группы «б — е — ж» и «в — з — и», но и между самими группами. Параллелизм, оказывается, присущ и этому тексту.

Другое свойство универсального параллелизма удобнее объяснить также путем сравнения его с обычным представлением о параллелизме. Параллельными в обычном понимании считаются лишь отрывки одного синтаксического уровня. Универсальный параллелизм исходит из более широких представлений: в нем тождественными и потому возможно параллельными признаются и отрывки разных синтаксических уровней. Приведем пример.

«ДАОДЭ-ЦЗИН», § 28

а) 知其雄 守其雌 為天下踐	б) 〔為天下踐〕常德不離 復歸於嬰兒	ж) 〔朴散為器〕
в) 知其白 守其黑 為天下式	з) 〔為天下式〕常得不忒 復歸於无極	и) 聖人用為官長
д) 知其榮 守其辱 為天下谷	и) 為天下谷 常得乃足 復歸於朴	у) 〔是以〕

大制无割

ПЕРЕВОД [50, 130]

а) Кто, зная свою храбрость, сохраняет скромность, тот, [подобно] горному ручью, становится [главным] в стране. б) Кто стал главным в стране, тот не покидает постоянное дэ и возвращается к состоянию младенца. в) Кто, зная праздничное, сохраняет для себя будничное, тот становится примером для всех. г) Кто стал примером для всех, тот не отличается от постоянного дэ и возвращается к безначальному. д) Кто, зная свою славу, сохраняет для себя безвестность, тот становится главным в стране. е) Кто стал главным в стране, тот достигает совершенства в постоянном дэ и возвращается к естественности. ж) Когда естественность распадается, она превращается в средство. з) при помощи которого мудрый становится вождем и) и его великий порядок не разрушается.

Это — пример разнонаправленного параллелизма. Одновременно этот текст является и примером грамматически разнозначного параллелизма. В части «а...е», построенной по принципу обычного параллелизма, параллельные комплексы «а — б», «в — г», «д — е» имеют элементы одинакового грамматического уровня. В этом смысле они однозначны («а» однозначно с «в» и «д», «б» однозначно с «г» и «е»). Но такой однозначности нет между элементами параллелизма в отрывке «а...е» и элементами части текста «ж — з — и». В первом случае элементами параллелизма были целые отрывки или сложные предложения, во втором — возможно, лишь части одного сложного предложения. В универсальном параллелизме элементы обеих групп признаются тождественными, а потому комплексы, состоящие из

элементов таких разных уровней, могут быть параллельными. В нашем примере комплекс «ж — з — и» параллелен комплексам «а — в — д» и «б — г — е».

Понятие универсального параллелизма является абстракцией, идеализирующей направления расположения отрывков в тексте (предусматривается возможность не только линейного расположения) и допускающей отождествление компонентов, которые с более частных точек зрения не представляются тождественными. Это понятие является исходным в структурном анализе. При его помощи в текстах вскрывается особый объект, ему соответствующий, — структурный параллелизм.

Понятие универсального параллелизма неразрывно связано с понятием элемента параллелизма, поэтому мы попытаемся подойти к определению последнего. В параллелизме, соответствующем понятию универсального параллелизма, признаки тождества не ограничиваются грамматикой, а элементами могут быть не только цепочки иероглифов, связанных между собой примыканием друг к другу в тексте, но и наборы цепочек, не связанных между собой примыканием. Отсюда можно полагать, что элемент структурного параллелизма, соответствующий понятию универсального параллелизма, — это любой набор иероглифов (цепочек или комплексов разорванных цепочек), в чем-либо тождественный любому другому набору и совместно с другими наборами образующий тождественные (параллельные) построения.

Для выяснения того, является ли какой-либо отрывок текста (или комплекс отрывков) элементом структурного параллелизма, нужно ответить на два вопроса: 1) есть ли где-либо в данном тексте отрывок (или комплекс отрывков), тождественный данному, и 2) входит ли данный отрывок в структуру, для которой есть другая, тождественная (параллельная) ей структура.

Положительный ответ на первый вопрос есть указание на необходимый признак элемента. Положительный ответ на второй вопрос является указанием на достаточные условия или достаточный признак элемента. Он предполагает, что для данного текста структурный параллелизм уже установлен.

3. НЕОБХОДИМЫЕ ПРИЗНАКИ ЭЛЕМЕНТОВ СТРУКТУРНОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА

Можно выделить следующие необходимые признаки элементов: 1) синтаксическое тождество цепочек иероглифов; 2) количественное тождество в двух смыслах: в смысле числа знаков в группе иероглифов и в смысле количества таких групп; 3) композиционное тождество; 4) явное тождество объекта мысли (формально-содержательный признак); 5) рифмы; 6) тождество внешнего оформления отрывков текста. В соответствии с этими признаками можно выделить разные виды простого параллелизма. Система простых параллелизмов, не обязательно располагающихся в линейной последовательности, составляет структурный параллелизм⁶.

Рифмы и показатели внешнего оформления отрывков встречаются не во всех текстах, построенных по принципам структурного параллелизма.

⁶ Более конкретное описание структурного параллелизма см. в разделе 4 Части I данной книги (стр. 38 и сл.).

лизм. Формально-содержательный признак, как правило, на первой стадии знакомства с текстом применить трудно. Композиционное тождество выявляется только на основе более элементарных параллелизмов. Поэтому основополагающими признаками элементов структурного параллелизма следует признать синтаксическое и количественное тождества.

Синтаксический признак

Синтаксическое тождество включает в себя тождество грамматических форм, которое может проявляться в разной степени. Иногда отрывки текста по своей грамматической форме полностью тождественны друг другу: подлежащее и сказуемое (или группы подлежащего и сказуемого) имеют одинаковую структуру (они сами и зависящие от них слова стоят в аналогичных позициях, выражены одинаковым числом иероглифов), все служебные слова и местоимения стоят на одних и тех же местах и выражены теми же иероглифами. Это случай полного грамматического параллелизма. Но возможными элементами структурного параллелизма можно признать отрывки, грамматическое тождество которых не столь полное. Допустимо, например, не совпадение, а лишь некоторая близость служебных слов при условии, что место их остается тем же самым; допустимы и отклонения от точного совпадения структуры подлежащего или сказуемого. Самым слабым синтаксическим параллелизмом являются случаи, когда есть какой-то элемент тождества только в подлежащем или только в сказуемом. Иногда подлежащее отсутствует ввиду ненужности его повторения. Следовательно, оно тождественно подлежащему другого предложения, и оба предложения обладают необходимым признаком элементов параллелизма. Приведем пример.

«ДАОДЭ-ЦЗИН», § 4

а) 道冲而用之久不盈	б) 挫其锐	в) 解其忿
д) 深乎万物象	д) 和其光	е) 同其塵
ж) 湛常存[合]	з) 吾不知誰子	и) 象帝之先

ПЕРЕВОД [50, 117]

а) Дао пусто, но, действуя, оно кажется неисчерпаемым. б) О, глубочайшее! Оно кажется праотцом всех вещей. в) Если притупить его пронизательность, г) освободить его от хаотичности, д) умерить его блеск, е) уподобить его пылинке, ж) то оно будет казаться ясно существующим. з) Я не знаю, чье оно порождение. и) Оно предшествует предку явлений.

В данном случае цепочки иероглифов «а» и «б» тождественны между собой по группе подлежащего⁷, которая отсутствует в отрывке

⁷ Можно, конечно, рассуждая с точки зрения возможных грамматических форм, рассматривать 冲 как определение к сказуемому, следующему после 而. Такое понимание закреплено в восприятии части текста 冲而用之 как самостоятельной фразы. Но это будет известным насилием над текстом. В отрывке «а» часть, стоящая после 而, количественно соответствует отрывку «б». Кроме того, 之 может рассматриваться как «пустое» слово, соответствующее здесь 乎. Фразы «а» и «б» рифмуются. Все это не случайно, если посмотреть на текст с точки зрения его структурного параллелизма.

«б», но подразумевается там как возможная⁸. Иногда возможные элементы выделяются на основании тождественности лишь в форме выражения сказуемого.

«ДАОДЭ-ЦЗИН», § 34

а) 大道記 [今]	б) 萬物恃之	ж) 可名於大
в) 其可左右	з) 以生而不辭	з) 是以聖人 終不為大
д) 成功不名有	и) 養萬物不為主	и) 故 能成其大

ПЕРЕВОД [50, 134]

а) Великое *дао* растекается повсюду. б) Оно может быть направо и налево. в) Благодаря ему рождаются все существа, г) и они не останавливаются [в своем росте]. д) Оно совершает подвиги, но славы себе не желает. е) С любовью воспитывая все существа, оно не становится их господином. Оно никогда не имеет своего желания, поэтому его можно назвать маленьким [скромным]. Все существа возвращаются к нему, и оно не рассматривает себя как господина⁹. ж) Его можно назвать великим. и) Оно становится великим з) благодаря тому, что никогда не считает себя таковым¹⁰.

В приведенном примере отрывки «д» и «е» тождественны между собой по форме выражения сказуемого: 不名有 и 不為主. Этого достаточно, чтобы оба эти отрывка признать элементарно параллельными и обладающими необходимыми признаками элемента¹¹.

В простых параллелизмах рассматриваемого типа происходит фактическое отождествление грамматически разнозначных служебных слов, и часто уравниваются вынесенное вперед сказуемое с подлежащим, стоящим на обычном для него месте — в начале предложения¹². Отсюда следует, что параллелизмы, изначальной формой которых является полное совпадение грамматической структуры, служат для указания на какое-то тождество, лежащее за пределами грамматики¹³.

⁸ Выделение возможного элемента на основании отсутствующего подлежащего представляет собой крайний случай формального анализа, когда он по существу может совпасть с содержательным подходом. Только понимая, что группа иероглифов по смыслу является описанием некоего определенного объекта, и зная, что можно сказать об этом объекте, мы можем догадаться об отсутствии в тексте описания этого объекта (т. е. подлежащего). Как правило, возможность такого дополнения подтверждается сходством групп сказуемых.

⁹ В элементе «е» используемого нами списка есть лишь текст, соответствующий первому предложению перевода этого элемента.

¹⁰ В переводе переставлены местами элементы «з» и «и».

¹¹ В отрывках «д» и «е» можно заметить и тождество группы подлежащего. Его можно обозначить схемой: действие + объект. Однако это тождество не совсем очевидно, так как его элементы выражены разным количеством знаков. Но главное не в этом, а в том, что такая структура, видимо, совершенно несущественна для понимания текста; в других вариантах два первых знака в элементе «д» переставлены местами.

¹² Это можно видеть в уже приведенном примере из «Даодэ-цзина», § 4, где во фразах «а» и «б» происходит отождествление 之 и 乎.

¹³ Параллелизмы синтаксического тождества с грамматической точки зрения довольно полно описаны в разделе о параллельной прозе в работе под редакцией Ван Ли [84, 1161—1167]. Этим описанием можно пользоваться и в структурном анализе с учетом того, что эти параллелизмы встречаются не только в послеханьской литературе, но и в более ранней. Однако, на наш взгляд, теоретически и практически более важными являются не случаи полного грамматического совпадения, на чем настаивают авторы данной работы, а отклонения от него. Совпадение по частям речи относится, скорее, не к сфере синтаксиса, а к сфере семантики и, во всяком случае, не к области формально очевидных фактов.

Это, вероятнее всего, явление логического и семантического плана. Поэтому мы можем рассматривать элементы параллелизма как высказывания. Вопрос о значении высказываний не относится к области синтаксиса. В нашем понимании высказывания по форме отличаются от предложений тем, что в них нет инверсий — их подлежащее всегда стоит на первом месте, а сказуемое — на втором; все служебные слова и местоимения рассматриваются как тождественные между собой, составляющие класс «пустых» слов. Положение этих «пустых» слов и слов близких к ним (модальных глаголов, наречий) и определяет форму высказывания. Поэтому в конкретных случаях, как правило, легко определить форму высказываний и заметить тождество между ними.

Отсутствие грамматического или тематического подлежащего в каком-либо из высказываний может приводить к тому, что наряду с совпадающими отрывками текста в элементах встречаются и некоторые добавления, стоящие вне наглядно выраженного параллелизма. Эти отрывки, как правило, включаются в элементы.

Количественный признак

Параллелизм количественный предполагает, что равно-великие цепочки знаков могут составлять высказывания. Это допущение основано на наблюдении, что отрывки, явно составляющие высказывания, достаточно часто выражены одинаковым числом знаков. В сложных случаях можно пользоваться таким предположением, имея в виду в дальнейшем проверить его при помощи других, в том числе и семантических, способов анализа. Приведем пример количественного тождества элементов.

«ДАОДЭ-ЦЗИН», § 9

а) 持而盈之	б) 不若其以	в) 金玉满堂
б) 揣而銳之	г) 不可長保	г) 莫之能守
ж) 富貴而驕	з) 自遺其咎	д) 功成名遂身退
		и) 天之道

ПЕРЕВОД [50, 120]

а) Кто наполняет [сосуд] через край б) ¹⁴, в) и оттачивает [лезвие] слишком остро, г) тот не может их долго сохранить. д) Если зал наполнен золотом и яшмой, е) то никто не в силах его сохранять. ж) Если богатые и знатные горды, з) то этим они сами на себя навлекают несчастье. и) Если дело завершено, человек [должен] устранился. и'. В этом закон естественного *дао*.

В приведенном параграфе отрывки парных частей текста «а — б» и «в — г» могут быть элементами структурного параллелизма потому, что имеют синтаксически тождественную форму высказываний. Все другие цепочки иероглифов от «д» до «и» также обладают необходимым признаком элементов, так как состоят из четырех иероглифов ¹⁵.

¹⁴ Перевод элемента «б» отсутствует у Ян Хин-шуна.

¹⁵ В элементе «и» взят вариант без двух знаков, которых нет в других списках [91, 46].

Здесь не требуется проверять, составляют ли иероглифы высказывание, так как все они имеют форму законченных предложений. Наоборот, целесообразнее, исходя из формы элементов «д...и», утверждать, что и цепочки иероглифов «а», «б», «в», «г» являются законченными высказываниями, чего, кажется, не следует из формы предложений последних.

Обычно количественный параллелизм сопровождается синтаксическим. Его полное проявление заключается в том, что группы подлежащего и сказуемого в высказываниях количественно тождественны друг другу, однако могут быть случаи, когда группы подлежащего или сказуемого выражены разным количеством знаков. При условии, что в целом высказывания равновелики, эти отклонения не нарушают их количественного параллелизма.

При количественной характеристике высказывания обычно подсчету не подлежат слова, выполняющие функцию союзов, и слова, относящиеся к нескольким высказываниям (как служебные, так и знаменательные типа общих подлежащих для однородных предложений или таких же сказуемых)¹⁶. Это не значит, что знаки, стоящие вне количественного параллелизма, не играют какой-либо синтаксической роли. Наоборот, они-то обычно и являются главными в определении связей высказываний (не предложений). Но на стадии выделения элементов от их наличия можно абстрагироваться.

Рассмотренные выше синтаксический и количественный параллелизмы могут быть названы элементарными видами простых параллелизмов, так как здесь наблюдается тождество отдельных самых мелких возможных элементов. Но структурный параллелизм включает в себя и составные виды простых параллелизмов, в которых элементы параллельны по группам. Количественный признак и здесь играет существенную роль. Рассмотрим это на примере.

«ДАОДЭ-ЦЗИН», § 42

а) 道生一	б) 一生二	в) 故物或損之而益 或益之而損
б) 一生二	в) 三生万物	г) 人之所教 教亦教之
в) 万物負陰抱陽	д) 以之所惡唯孤寡不穀	д) 強梁者不得其死 吾將以為教父
而冲气以為和	而王公以為稱	

ПЕРЕВОД [50, 139]

а) Дао рождает одно, б) одно рождает два, в) два рожают три, г) а три — все существа. д) Все существа носят в себе *инь* и *ян*, наполнены *ци* и образуют гармонию. е) Люди презирают тех, которые сами себя возвышают и называют себя государями и знатными. ж) Все существа укрепляются после ослабления и ослабляются после укрепления. з) Люди распространяют свое учение, тем же занимаюсь и я. и) Жестокие и тираны не умирают своей смертью. Это я привожу как пример в своем поучении.

Проследим, как этот отрывок улегся в схему параллелизма. Часть текста «а...г» состоит из четырех грамматически совершенно тождест-

¹⁶ Например, союзы и общее подлежащее предложений не учтены в количественном параллелизме элементов «ж», «з», «и» в § 34 «Даодэ-цзина», см. стр. 25 данной работы.

венных и синтаксически параллельных фраз, что и вынуждает нас разбить этот отрывок на элементы «а», «б», «в», «г». Часть текста «д—е» с точки зрения синтаксического параллелизма состоит из двух элементов, так как здесь дважды повторяется форма ... 以為... И так, мы имеем текст, разделяемый согласно синтаксическому параллелизму на шесть отрывков. С точки зрения обычных представлений о параллелизме первые четыре отрывка не параллельны двум последним. Но с точки зрения разнозначного и разнонаправленного параллелизма они параллельны: ввиду абсолютного тождества первые четыре отрывка могут образовать две параллельные части, которые в силу количественного тождества (потому, что их две, а не больше и не меньше) параллельны двум последним отрывкам (элементы «д» и «е»).

Наконец, отрывок «ж—з—и» может быть разбит на шесть элементов по синтаксическому и количественному признакам. Эти шесть элементов объединяются в пары, образуя, таким образом, три части. В силу парного строения эти три части можно рассматривать как количественно тождественные, поэтому отрывок «ж—з—и» состоит из трех возможных элементов. В силу количественного тождества три части в отрывке «ж—з—и» параллельны трем частям, ранее обнаруженным в предшествующем тексте. Таким образом, выясняется, что весь рассматриваемый текст пронизан параллелизмом, что позволяет схематизировать его указанным способом¹⁷.

Приведенные рассуждения показывают, что отрывки «ж», «з», «и» тождественны между собой по количественному признаку элементарного параллелизма и потому обладают необходимым признаком элементов. Этот количественный показатель выводится не только из соотношения внутри этих отрывков (элементарного параллелизма), но и из соотношения их с предшествующими отрывками, с их количественной стороной (что дает уже составной параллелизм). При этом предшествующий текст рассматривается как нечто единое.

При таком подходе выясняется, что комплекс элементов «ж—з—и» в целом параллелен предшествующему тексту. Этим самым обнаруживаются и достаточные признаки для утверждения, что отрывки «ж», «з», «и» являются элементами структурного параллелизма.

На этом примере ясно видно различие между простым параллелизмом (в обоих его видах: элементарном и составном) и параллелизмом универсальным. Первый перерастает во второй, и всегда параллелизм количественный тесно связан с параллелизмом синтаксическим, образуя единую систему.

Композиционный параллелизм

Видом простого составного параллелизма является композиционный параллелизм, который выражается в тождественности строения отдельных отрывков, позволяющей выделять их в самостоятельные части, возможно являющиеся элементами структурного параллелизма. В основе его лежит синтаксический параллелизм высказываний и учет количества и порядка этих высказываний. Рассмотрим следующий пример.

¹⁷ Мы не останавливаемся в данном случае на таких фактах, как одинаковое положение семантически тождественных иероглифов 我 и 吾 в схеме, на факте, что все предложения третьей строки имеют форму 以為, так как полагаем, что в общем виде параллелизм доказывается и без учета этих фактов.

0) 子曰

1. 學而時習之 不亦說乎
2. 有朋自遠方來 不亦樂乎
3. 人不知而不愠 不亦君子乎

2) 曾子曰

0. 吾日三省吾身
1. 為人謀而 不忠乎
2. 與朋友交而 不信乎
3. 傳不習乎 乎

Ж) 子曰

1. 賢賢易色事父母 能竭其力
2. 事君 能致其身
0. 與朋友交言而有信
0. 雖曰未學吾必謂之學矣

0) 子曰

1. 莫為人也孝弟而 好犯上者 鮮矣
2. 不好犯上而 好作亂者 未之有也
3. 君子務本本立而 道生孝弟也者 其為仁之本與

0) 子曰

0. 道子乘之國
1. 敬事而 信
2. 節用而 愛人
3. 使民以 時

3) 子曰

1. 君子不重 則不威
2. 學 則不固
0. 主忠信 無友不如己者
0. 過則勿憚改

0) 子曰

1. 巧言
2. 令色
3. 鮮矣 仁

0) 子曰

0. 弟子入則孝
1. 出則弟謹 而信
2. 汎愛眾而 親仁
3. 行有餘力則 以學文

4) 曾子曰

1. 慎終
2. 追遠
0. 民德
0. 歸厚矣

ПЕРЕВОД¹⁸

а) Учитель говорил: «1) Учиться и временами упражняться в изученном, разве это не доставляет удовольствия? 2) [А если] приятели придут с далекой стороны, разве это не доставит тоже радости? 3) Разве тот, кто не огорчается, что люди не знают его, не является тоже добропорядочным мужем?»

б) Ю-цзы сказал: «1) Людей, которые почитают родителей и питают братскую любовь к окружающим, но в то же время любят восставать против высших, редко встретишь. 2) Таких, которые не любят восставать против верхов, между тем, любят устраивать смуты, вовсе не бывает. 3) Добропорядочный муж старается заложить корни, если корни утвердятся, тогда произрастает путь истины. Ведь почитание родителей и братская любовь — это корни для установления должных отношений к людям.»

в) Учитель говорил: «1) В искусных речах 2) и подобострастном выражении лица... 3) редко бывает должное отношение к людям».

г) Цзэн-цзы говорил: «0) Я ежедневно проверяю себя в трех отношениях: 1) был ли я предан людям, обдумывая что-либо для них?

¹⁸ Здесь приводится перевод «Луньюя», выполненный В. С. Колоколовым. Разбивка некоторых отрывков на части дана нами в дополнение к разбивке, приведенной в переводе В. С. Колоколова и выраженной в его пунктуации. Дополнения в квадратных скобках принадлежат автору перевода.

2) был ли верен слову, ведя дружбу с приятелями? 3) усвоил ли то, чему был научен?»

д) Учитель говорил: «0) Управляя страной, которая обладает тысячей военных колесниц, 1) будь почтителен к [исполнению] службы и верен [своему слову]; 2) будь умерен в расходах и люби людей; 3) используй народ, [возлагая на него повинности] в надлежащее время!»

е) Учитель говорил: «0) Когда младшие братья и сыновья входят к себе в дом, то обязаны проявлять почитание родителей, 1) а когда выходят,— братскую любовь к окружающим. Они должны быть почтительны, а также верны своему слову; 2) распространять свою любовь ко всем и по-родственному сближаться с теми, кто придерживается должных отношений к людям. 3) Если в своей деятельности они полагают избытком сил, то пусть используют их для изучения [изящной] словесности».

ж) Цзы Ся говорил: «1) Кто из уважения к достойным мудрецам меняет выражение лица, служа родителям, может доходить до полного истощения своих сил, 2) а служа государю, может пожертвовать собой; 0) кто, ведя дружбу с приятелями, что ни скажет, всему верен, 0) того обязательно назову образованным, хотя бы и говорили про него, что он невежда».

з) Учитель говорил: «1) Если добропорядочный муж не держится с достоинством, тогда он не будет внушать уважения, 2) занимаясь наукой, не будет усваивать ее прочно. 0) Главное: быть преданным и верным своему слову, не дружить с тем, кто хуже тебя; 0) если совершил проступок, не бойся исправлять его».

и) Цзэн-цзы говорил: «1) Если проявлять участие при кончине усопших 2) и поминать их, 0) то нравственные добродетели (доблести) 0) значительно окрепнут».

В приведенном китайском тексте выделены «пустые» слова, при помощи которых можно обнаружить синтаксический параллелизм почти в каждом из отрывков, обозначенных русскими буквами. Так выделяются возможные элементы в каждом из этих отрывков. Эти элементы обозначены цифрами. В отрывках «в» и «и» элементы, обозначенные цифрами, выделяются на основании количественного признака. Все цепочки иероглифов, для которых не обнаружено необходимых признаков элементов, обозначены нулем.

Для первой строки (отрывки «а», «б», «в») характерно строение 1,2,3. Для второй строки (отрывки «г», «д», «е») характерно строение 0,1,2,3. Для третьей строки характерно строение 1,2,0,0. По этому строению каждый отрывок, обозначенный буквой, тождествен другому, стоящему в этой же строке, и таким образом обладает необходимым признаком элемента структурного параллелизма.

В композиционном параллелизме происходит еще большее удаление от грамматических признаков. Здесь важно только то, что в какой-то композиции есть столько же элементов, сколько в другой, несмотря на то что конкретные основания для выделения элементов для разных отрывков различны. Кроме количества элементов здесь также важно их место среди других отрывков и степень их близости между собой. Последнее всегда требует особого анализа.

В нашем примере разная степень близости элементов в композициях наглядно видна во второй строке. Здесь нумерованные элементы отличаются тем свойством, что за двумя синтаксически почти совпадающими элементами следует один элемент, близкий им, но не обладающий всеми их свойствами. Так что структуру отрывков «г», «д», «е» при

«более точном описании можно было бы изобразить в виде 0(1,2)3. В элементах структурного параллелизма, выделяемых по композиции, как правило, есть два первичных элемента, которые и составляют основу композиции. Композиции, собственно, и различаются в зависимости от того, есть ли третий элемент и где он стоит, а иногда и в зависимости от того, есть ли, а если есть, то где находится цепочка иероглифов, не составляющая элементов. Благодаря этому свойству «особого трехчленного строения простой композиционный параллелизм является прообразом структурного параллелизма, основная черта которого — аналогичное свойство, но не столь тесно связанное с линейной последовательностью текста.

Другой чертой, сближающей композиционный параллелизм со структурным, служит то обстоятельство, что его элементы зачастую как бы двухмерны, т. е. одновременно тождественны разным группам элементов. Так, в приведенном примере отрывок «в» тождествен и отрывкам «а» и «б», как состоящий из трех элементов, и отрывкам «е», «и», поскольку третий элемент в нем все же отличается от первых двух и отрывок «в» может рассматриваться как имеющий структуру (1,2)3.

Эти качества свидетельствуют о том, что в случае композиционного параллелизма мы имеем сложную систему сопоставлений, что и сближает его со структурным параллелизмом. Композиционный параллелизм, хотя и представляет собой вид простого параллелизма, видимо, не сводится к сумме синтаксического и количественного параллелизмов, так как количественная сторона здесь приобретает качественное значение.

Формально-содержательный признак

Определение тождественности предмета мысли в отрывках относится к области собственно семантики. Решение этого вопроса связано с большими трудностями определения исторически достоверной синонимичности или близости значений слов и иероглифов. Существующие словари в этом отношении довольно бесполезны, так как дают не все значения древнекитайских слов. Исследователя здесь на каждом шагу ожидает опасность сближения или отождествления значений слов, семантическое родство которых не очевидно для древних источников.

Поэтому мы включаем признак тождества предмета мысли в группу формальных и очевидных явлений лишь с большими ограничениями, признавая несомненно тождественными по значению лишь одинаковые иероглифы. Иными словами, если какой-либо знаменательный иероглиф в данном тексте всегда обозначает один и тот же, или, по крайней мере, по существующим представлениям, близкий объект, его повторение в тексте, вероятно, означает тождественность предмета мысли, зафиксированную в высказываниях или отрывках. Лишь как допущение, требующее проверки по другим формальным признакам, возможен учет двух разных иероглифов, тождественность значений которых представляется вероятной на основе сведений, полученных из словарей или надежных комментариев.

С указанными оговорками и ограничениями признак тождества объекта мысли можно считать формальным и рассматривать в сфере синтаксиса. В некоторых случаях явное тождество предмета мысли выступает настолько наглядно и так тесно связано с чисто формальными

признаками параллелизма, что сомнений в его формальной функции не остается.

«ЧЖУНЬЮН» [14, 2122—2123]

а. 凡為天下國家有九經曰

- а) 1) 脩身也
- 2) 尊賢也
- 3) 親親也

- б) 1) 敬大臣也
- 2) 體羣臣也
- 3) 子庶民也

- в) 1) 來百工也
- 2) 柔遠人也
- 3) 懷諸侯也

- а) 1) 脩身則道立
- 2) 尊賢則不惑
- 3) 親親則諸文昆弟不怨

- б) 1) 敬大臣則不眩
- 2) 體羣臣則士之報禮重
- 3) 子庶民則百姓勸

- в) 1) 來百工則財用足
- 2) 柔遠人則四方歸之
- 3) 懷諸侯則天下畏之

- ж) 1) 齊明威服非禮不動
- 所以 脩身也

- з) 1) 官威任使
- 所以 勸大臣也

- и) 1) 日省月試 既廩稱事
- 所以 勸百工也

- 2) 去讒遠色賤貨而貴德
- 所以 勸賢也

- 2) 忠信重祿
- 所以 勸士也

- 2) 送往迎來 嘉善而矜不能
- 所以 柔遠人也

- 3) 尊其位重其祿同其好惡
- 所以 勸親親也

- 3) 時使薄斂
- 所以 勸百姓也

- 3) 繼絕世舉廢國治亂
- 持危朝聘以時

厚往而薄來

- 所以 懷諸侯也

ПЕРЕВОД

а. Для Поднебесной, каждого царства и каждой семьи есть девятигеричный канон, который гласит:

а) 1) Совершенствовать — себя (свое тело). 2) Почитать — истинно достойных (по способностям). 3) По-родственному относиться — к родственникам.

б) 1) Уважать — больших слуг-подданных (сановников). 2) Как к [необходимым] частям тела относиться — к многочисленным слугам-подданным (мелким служилым). 3) Как к детям относиться — к простому народу.

в) 1) Привлекать — всех мастеров. 2) Мягко относиться — к далеким людям. 3) Заботиться — о всех властителях (чжухоу).

г) 1) Если совершенствуешься сам лично, то [естественный] График (дао) устанавливается. 2) Если почитаются истинно достойные [подданные], то сомнений, [вызванных разными советами], не будет. 3) Если по-родственному относятся к родственникам, то старшее и младшее поколения не ропщут.

д) 1) Если уважаются большие слуги-подданные, то в заблуждение введен не будешь. 2) Если, как к [необходимым] частям тела, относиться к многочисленным слугам-подданным, то служилые в ответ

проявят серьезное отношение к правилам поведения. 3) Если, как к детям, относиться к простому народу, то все роды будут стимулированы.

е) 1) Если привлекаются все мастера, то богатства и средств будет достаточно. 2) Если мягко относиться к далеким людям, то живущие во всех сторонах света стекутся к такому. 3) Если заботиться о всех властителях, то вся Поднебесная будет бояться такого.

ж) 1) Выработка ясного взгляда [на суть], достижение полноты во внешних выражениях, не совершение ничего, что противоречило бы правилам поведения, — вот чем совершенствуют себя лично. 2) Устранение от [всякой] неправды, удаление от соблазнов внешнего, высокая оценка [естественных] Достижений (дэ) при пренебрежении к богатству — вот чем стимулируются [истинно] достойные. 3) Сделать почетным их положение, большим их жалование, одинаково подходить к их достоинствам и недостаткам — вот чем стимулируется родственное отношение к родственникам.

з) 1) Полнота [штата] чиновников и возложение ответственности [на нижестоящих] — вот чем стимулируются большие слуги-подданные. 2) Вера, преданность и большое жалование — вот чем стимулируются служилые. 3) Соответствующими сезонам повинностями, легкими поборами (налогами) — вот чем стимулируются все роды.

и) 1) Ежедневный контроль и ежемесячные проверки, выдача удовольствия из кладовых по оценке работы — вот чем стимулируются все мастера. 2) Провожать уезжающих, встречать прибывающих, радоваться умелым и сочувствовать неспособным — вот чем осуществляется мягкое отношение к далеким людям. 3) Продолжать прерванную линию родства, возрождать гибнущие царства, призывать к порядку смуту, поддерживать находящихся в опасности, своевременно устраивать приемы, быть щедрым в дарах и скромным в принятии даров — вот чем осуществляется забота о всех властителях (*чжухоу*).

Если обратить внимание на выделенные на схеме «пустые» слова, то нетрудно заметить, что приведенный отрывок по горизонтали построен с учетом композиционного параллелизма. Все отрывки его первой строки (отрывки «а», «б», «в») построены по схеме (1,2,3); все отрывки второй строки (отрывки «г», «д», «е») — по схеме 1(2,3); все отрывки третьей строки (остальные отрывки) — по схеме (1,2,3). Этого практически достаточно для выделения возможных элементов. Но эти элементы составляют и другой простой параллелизм — параллелизм по вертикали. Здесь главным признаком выступает явное тождество объекта мысли.

Отрывки, составляющие первый столбец (отрывки «а», «г», «ж»), несомненно тождественны по содержанию, так как говорят об одних и тех же трех явлениях в той же последовательности. Точно так же несомненно тождественными являются первые элементы в отрывках «б», «д», «з», а также первые элементы в отрывках «в», «е», «и», так как в соответствующих фразах упоминаются одни и те же предметы, обозначенные одними и теми же иероглифами. Тождественны и другие элементы второго столбца, если принять семантическое равенство терминов: 群臣 — 士, 庶民 — 百姓.

Таким образом, мы видим, что вся система параллелизмов этого текста может быть обнаружена на основании лишь содержательного признака. Но таких случаев немного. Гораздо чаще этот признак, как и другие, наблюдается лишь в ограниченной части текста.

Остановимся еще на примере, в котором явное тождество содержания отрывков на первый взгляд противоречит параллелизму.

а) 寵辱若驚

б) 貴大患若身

б) 何謂寵辱

а) 何謂貴大患若身

辱為下

吾所以有大患

得之若驚

為我有身

失之若驚

及我無身 吾有何患

是謂寵辱若驚

а) 故貴身於天下

б) 變以身為天下

若可託天下

若可寄天下

ПЕРЕВОД

а) Проявлению благосклонности к посрамленным соответствует (как аргумент функции высказывания)¹⁹: осторожность.

б) Высокой оценке великого страдания соответствует (как аргумент функции высказывания): себя²⁰.

в) О чем сказывается в [выражении] «проявлять благосклонность к посрамленным»? [Слово] «посрамленные» представляет низших [людей]. [Выражению] «привлекает их» соответствует (как аргумент функции высказывания): осторожность. [Выражению] «упускает их» соответствует (как аргумент функции высказывания): осторожность. Об этом и сказывается во [фразе]: «проявлению благосклонности к посрамляемым соответствует (как аргумент функции высказывания): осторожность». г) О чем сказывается в [выражении] «высокой оценке великого страдания соответствует (как аргумент функции высказывания): себя»? Я лично потому испытываю великое страдание, что нам присуще [это] «сам» (себя, свое и т. д.). А не будь у нас этого «сам», какое бы я испытывал страдание?

д) Поэтому более высокой оценке себя, чем Поднебесной, соответствует (как аргумент функции высказывания): может быть опорой для Поднебесной. е) [Выражению] «тот, кто в любви считает себя Поднебесной» соответствует (как аргумент функции высказывания): «может быть ответственным за Поднебесную».

В приведенном тексте отрывок, состоящий из «а» и «б», параллелен отрывку, состоящему из «в» и «г», так как несомненно тождество

¹⁹ 若 мы интерпретируем как показатель аргумента функции высказывания. Основанием для такой интерпретации могут служить примеры, рассмотренные в Части III (см. стр. 183). В применении к отрывку «а» это значит следующее. Употребление выражения «проявлять благосклонность к посрамленным» становится правильным тогда, когда оно относится к осторожным действиям или осторожному человеку и значит: осторожность есть «проявление благосклонности к посрамленным».

²⁰ В отрывке «б» употребление выражения «высоко ценить великое страдание» становится правильным тогда, когда оно относится к тому, что обозначено словом 身 'сам', 'себя', 'свое тело'.

содержания отрывков «а» и «в», «б» и «г». Но параллелизм содержания здесь охватывает и отрывки «д» и «е», в которых сопоставляются два понятия: «высоко ценить что-либо» (貴) и «любить» (愛).

Одно из этих понятий — «ценить» встречается раньше в отрывках «б» и «г». Таким образом, по этому признаку отрывки «б», «г» и «д» тождественны. Наряду с этим тождественными оказываются и отрывки «а» и «е», поскольку понятие «любить» близко понятию «питать благосклонность» (寵).

В результате приведенный отрывок должен был бы иметь последовательность элементов: «а», «б», «в», «г», «е», «д». Действительно, некоторые варианты данного параграфа имеют именно такую последовательность отрывков. Эти варианты в качестве внешних исторических свидетельств подтверждают действительность признака явного тождества содержания.

В нашем списке текста отрывки «е» и «д» переставлены местами, а часть текста, состоящая из них, как бы перевернута по сравнению с теми списками, где параллелизм явного тождества содержания выражен более непосредственно. Такое «оборачивание» встречается довольно часто. Вторая часть трактата «Дэн Си-цзы» названа по признаку наличия таких явлений: 轉辭 'оборачивание высказываний'. Возможно, что намек на аналогичные «оборачивания» имеется и в названии весьма важного приложения к основному тексту «Ицзина» — «Сицы чжуани».

В «Мо-цзы» в главе «Цзин шан» имеется краткое, но весьма ценное замечание относительно «оборачивания»: «Если искусно обернешь, то получишь его связь следования» (巧轉則求其故 [19, 194]). Примечательно, что и в рассматриваемом примере отрывки «д» и «е» связаны с предшествующим текстом союзом следования 故. Действительно, при соответствующем осмыслении содержания можно понять, что из «а» и «в» следует «е», а из «б» и «г» следует «д». Но осмысление этого факта предполагает «оборачивание» отрывков «д» и «е», такую их расстановку, которая делает их параллельными комплексам «а — в» и «б — г».

Сам факт осознанности «оборачиваний» важен, поскольку он подразумевает, что в сознании совершающих эту операцию существует некий образец, относительно которого и происходит это «оборачивание».

Рассмотренные выше необходимые признаки элементов (синтаксические, количественные, композиционные, содержательные) составляют группу основных необходимых признаков. Другие признаки являются вторичными, или вспомогательными, поскольку отдельные тексты могут вообще обходиться без них²¹ и тем не менее быть параллельными, образуя систему структурного параллелизма.

Рифма

Рифмующиеся отрывки отождествляются друг с другом по крайней мере своими окончаниями и в этом смысле образуют, возможно, элементарно параллельные части текста. В некоторых случаях рифмы пронизывают весь текст и практически разбивают его на все возможные элементы.

²¹ Это не значит, что там, где эти признаки есть, ими можно пренебрегать. Там, где они существуют, они являются необходимыми признаками элементов.

а) 執大象 □	б) 天下往 □	ж) 道出言淡无味 *
б) 往而不害 ○	з) 安平太 ○	з') 視不足見 *
в) 樂與餌 △	и) 過客止 △	и) 用不足既 *

ПЕРЕВОД

а) Держи [сознанием] — что [График] представляет, б) под небом все — лишь временно бывает.

в) А преходящее — все ж пусть не повредится, г) в покое мир — громадой взгромоздится.

д) Искусство и еда [предстанут] в единенье, е) прохожий остановит [шаг свой в изумленьи].

ж) Графика (*дао*) [функция] высказанная — безвкусна и пресна, з) на взгляд [она] — мала и не видна, з' на слух [она] — тонка и не услышишь, и) а пользы [от нее] — и не достигнешь дна.

В данном параграфе каждая фраза (за исключением «з'») является возможным элементом, так как имеет другую, рифмующуюся с ней. Здесь и без учета других признаков можно утверждать, что текст образует определенный набор формально тождественных отрывков. С учетом количественного признака этот набор превращается в определенную систему, похожую на композиционный параллелизм, так как каждая из получившихся строк имеет одну и ту же структуру: (I,II) III²³.

Внешнее оформление

Внешнее оформление выражается в добавлении к тексту, представляющему основные мысли источника, «вторичного» текста в виде вводных слов или фраз. Это не значит, что данный признак может быть действенным только после усвоения всего содержания текста, позволяющего отделить «первичный» и «вторичный» тексты. Для решения некоторых специальных вопросов, связанных с анализом структуры, такое определение действительно нужно проводить с точным учетом содержательной стороны. На стадии же предварительной формальной разбивки текста на возможные элементы параллелизма можно учитывать лишь ясно выраженные явления «вторичного» текста. К такому относятся:

слова, начинающие фразы или абзацы (夫, 凡);

союзы следования (是故, 故, 是以);

фразы, явно поясняющие текст и потому соответственно оформленные оборотами (是謂, 故曰, 故);

вопросительные предложения;

слова, оформляющие введение прямой речи (曰, 云).

²² Рифмующиеся части отмечены одинаковыми значками.

²³ Здесь и в дальнейшем арабскими цифрами обозначаются строки, римскими — столбцы. Структура строк (столбцов) обозначается через соотношение элементов строк (столбцов), разделенных по столбцам (строкам); таким образом, для обозначения структуры строк (столбца) используются римские (арабские) цифры.

Повторение в тексте этих показателей является признаком соответствующего тождества отрывков и потому может служить основанием для выделения возможных элементов структурного параллелизма. Рассмотрим некоторые примеры действия этих признаков.

»ДАОДЭ- ЦЗИН», § 78²⁴

а) 天下柔弱莫過於水而攻堅強	б) 莫之能先	в) 其死以易之
с) <故> 弱勝強	д) 天下莫之能知	е) 故聖人云受國之始
		是謂社稷主
ж) 柔勝剛	з) 莫[之]能行	и) 受國不祥
		是謂天下王
		и' 正言若反

ПЕРЕВОД [50, 157—158]

а) Вода — это самое мягкое и самое слабое существо в мире, но в преодолении твердого и крепкого б) она непобедима, в) и на свете нет ей равного. г) Слабые побеждают сильных, д) мягкое преодолевает твердое. е) Это знают²⁵ все, ж) но люди не могут это осуществлять. з) Поэтому мудрый человек говорит: «Кто принял на себя унижение страны, — становится государем, и) и кто принял на себя несчастье страны, — становится властителем». и'. Правдивые слова похожи на свою противоположность.

В этом параграфе отрывки «з» и «и» являются возможными элементами, так как в них повторяется выражение 是謂. (В переводе ему соответствует тире.)

Рассмотрение простых параллелизмов в текстах показывает, что они являются средством абстрагирования от конкретных особенностей языка, от его грамматики и фонетики (в части использования рифм). На их основе возникают более абстрактные фигуры плана выражения, которые составляют синтаксис в более широком смысле этого слова, отличающийся от грамматического синтаксиса, имеющего объектом строение предложений языка. Пока в качестве гипотезы примем утверждение, что этот синтаксис является в основном логическим, т. е. выражающим логическую связь элементов. Отсюда следует, что часть знаков, рассматриваемых в этом разделе, может быть коннективами логического синтаксиса. Поэтому относительно них можно сказать, что они и без повторения являются показателями элементов. Это в особенности справедливо по отношению к союзам следования, но может быть отнесено и к другим признакам данной группы. Некоторые логические связи элементов формализованных древних текстов будут нами рассмотрены в третьей части книги.

Отметим, что как исключение в качестве необходимого признака элемента можно рассматривать также расположение отрывка между двумя возможными элементами, точные границы которых уже установлены при помощи указанных необходимых признаков. Но такое обнаружение элемента будет самым приблизительным, а потому больше всего нуждается в каком-либо другом обосновании.

²⁴ О вариантах текста см. [91, 195].

²⁵ В китайском тексте говорится наоборот, что «никто не знает».

4. ПРИНЦИПЫ СХЕМАТИЗАЦИИ ТЕКСТА

Как можно видеть в приведенных выше примерах, тексты обычно представляют собой целые комплексы простых параллелизмов. Тожественные отрывки этих параллелизмов могут быть элементами структурного параллелизма. Являются ли данные отрывки таковыми, зависит от того, входят ли они в некоторые тождественные построения, которые и составляют структурный параллелизм. Для выявления структурного параллелизма недостаточно лишь обнаружения его возможных элементов. Нужны особые технические приемы его обнаружения, демонстрации и описания.

Основой указанных приемов может быть схематизация текста. Выше все тексты приводились в схематизированном виде. Объясним принципы, по которым составлялись эти схемы.

Первым принципом схематизации является принцип полноты. Схема должна по возможности продемонстрировать все параллелизмы текста. Принцип полноты осуществляется посредством выделения элементов и особого их размещения в схеме.

В операции разделения текста на возможные элементы необходимо учитывать все моменты тождества отрывков, их простые параллелизмы. Поэтому до схематизации текста иногда целесообразно особо отметить эти моменты в тексте, расположенном линейно. Для примера произвольно возьмем § 16 «Даодэ-цзина». Если учесть все простые параллелизмы, то текст можно разделить на части следующим образом:

致虛極 守靜焉	} Количественно тождественные фразы	1 2	1 2	} пары фраз, связанные	1 2	} «а»
萬物並作 吾以觀其復	1 2	} композиционно параллельные	3 4	} рифмой 2—4	1 2	} «б»
夫物云云 復歸其根	1 2	} пары (1—2) фраз		} Рифмующие- ся фразы	1 2	} «в»
歸根曰靜 靜曰復命 復命曰常 知常曰明	} количественно и синтаксически тождественные фразы	} Единство содержания (靜) Единство содержания (常)	} Рифмующие- ся фразы	1 2 1 2	} «г» «г'» «д» «д'»	} «в'»
不知常 忘作凶 知常容 容能公 公能天 王能道 天能道 道能久 沒身不殆	} Количественно тождественные высказывания	} Высказывания, связанные последовательным развитием содержания	} Единство содержания Единство содержания Единство содержания	1 2 1 2	} «е» «ж» «з» «и»	

В данном случае попытки разделения текста на отрывки по признаку наличия простых параллелизмов показывают, что возможны разные разбивки, накладывающиеся друг на друга. В результате совмещения разных принципов деления выявляется девять элементов «а...и», каждый из которых распадается на два компонента, тождественных между собой по ряду признаков. Полнота здесь означает, что

для всех отрывков (возможных элементов) учтены все факты их сходства.

Необходимы некоторые дополнительные объяснения. По признаку тождества объекта мысли параллельны, например, предложения «г2» и «д1», «ж2» и «з1» и ряд других, что дает другую разбивку на возможные элементы. Но эти признаки принципиально отличаются от других тем, что они устанавливают границы, не совпадающие с границами, определяемыми по другим признакам. Это признаки несколько иного плана, нежели большинство других, по которым границы возможных элементов совпадают. Кроме того, разные признаки, по которым выделяются отрывки «а...и», объединяют группы отрывков, находящиеся в отношении подчинения. Здесь можно определить, какая группа является правильной частью другой. Поэтому назовем соответствующие признаки правильными. Признаки же, по которым выделяются отрывки «в'», «г'» «д'» и т. п., объединяют группы, находящиеся с группами, образованными по другим признакам, в отношении перекрещивания, и не образуют правильных частей. Поэтому будем называть эти признаки неправильными.

При выделении возможных элементов по наличию простых параллелизмов учитываются все правильные признаки. Неправильные же признаки или не учитываются совсем, или учитываются лишь как дополнительные, возможно образующие другой текст. После выделения в тексте указанных элементов, определяемых по правильным признакам, необходимо эти элементы расположить таким образом, чтобы само это расположение как можно более полно иллюстрировало все случаи тождеств отрывков (простых параллелизмов). Рассмотрим некоторые варианты схематизации приведенного примера:

Вариант 1

а) 致虛極 守靜萬	б) 萬物並作 吾以觀其復	в) 夫物云云 各歸其根
г) 歸根曰靜 靜曰復命	д) 復命曰常 知常曰明	е) 不知常 忘作凶
ж) 知常容 容能公	з) 公能王 王能天	и) 天能道 道能久 沒身不殆

Вариант 2

а) 致虛極 守靜萬	б) 萬物並作 吾以觀其復	в) 夫物云云 各歸其根
г) 歸根曰靜 靜曰復命	д) 不知常 忘作凶	е) 公能王 王能天
ж) 復命曰常 知常曰明	з) 知常容 容能公	и) 天能道 道能久 沒身不殆

Вариант 1, в основу которого положена линейная последовательность, отражает некоторые параллелизмы текста. Так, в нем наглядно иллюстрируется параллелизм элементов «а» и «г» по содержанию, а также композиционный параллелизм элементов «б» и «в». Другие же параллелизмы не отражены, так как отрывки, параллельные по каким-либо иным признакам, попадают в совершенно разные ряды.

Вариант 2, сохраняя наглядность параллелизмов, проявившуюся в варианте 1, демонстрирует и другие параллелизмы. Так, в нем параллельные между собой отрывки «г» и «д» выделяются в особую группу, противостоящую отрывкам «е», «ж», «з», «и», также параллельным между собой. При этом вырисовывается нечто подобное композиционному параллелизму между всеми образовавшимися строками: один элемент плюс два элемента, параллельные между собой.

Вариант 3

а) 致虛極 守靜焉	б) 萬物並作 吾以觀其復	в) 夫物云云 各歸其根
г) 歸根曰靜 靜曰復命	д) 不[知常]△ 忘作凶△	ж) [知常]容△ 容能公△
з) 復命曰常△ [知常]曰明△	и) 公能王 王能天	к) 天能道 道能久 沒身不殆

Наконец, вариант 3, сохраняя наглядность параллелизмов, выявленную в вариантах 1 и 2, при одной лишь смене местами элементов «г» и «д» позволяет наглядно представить параллелизм элементов «д», «е», «ж», связанных единой рифмой и единым объектом мысли. Параллелизм строк здесь более ярко выражен, чем в варианте 2.

Таким образом, мы видим, что есть возможность выбрать один-единственный либо самые близкие к идеалу варианты, которые полнее всего выражают простые параллелизмы каждого данного текста. Такой вариант (или варианты) мы называем наиболее полным или полным. В приведенном примере наиболее полным будет вариант 3.

Важнейшей чертой полных схем является то, что они демонстрируют параллелизмы не только простые, но и параллелизм, возникающий на базе последних. Образующиеся в полной схеме ряды (будем называть их столбцами и строками) сами параллельны между собой по своей структуре, по крайней мере в одном направлении.

Этот параллелизм рядов в полных схемах нельзя рассматривать просто как вид композиционного параллелизма, хотя он и похож на него, и иногда совпадает с ним. Поэтому будем называть его структурным параллелизмом. От композиционного он отличается тем, что может надстраиваться над последним, включая его в свой состав. Кроме того, отрывки, входящие в композиционно тождественные элементы, связаны примыканием друг к другу в строгой линейной последовательности. Элементы структурного параллелизма свободны от такой непосредственной зависимости от линейного порядка. Этим структурный параллелизм отличается от любого простого.

Рассмотрим еще один пример последовательного выявления схемы. Основы разделения текста § 21 из «Даодэ-цзина» представлены на следующей схеме:

孔得之客	1	Синтаксически тождественные	Рифмующиеся	Количество	1	} «а»					
唯道是從	2		фразы		равные фразы		2				
道之爲物	1	пары (1—2)	Рифмующиеся	Количество	3		} «а'»				
唯恍唯忽	2		фразы		фразы			4			
忽恍中有象	1	Синтаксически тождественные	Фразы с внутренней рифмой	Количество равные фразы	1	} «в»					
恍忽中有物	2							фразы	Количество равные фразы	2	} «б'»
窈冥中有精	3						фразы				
其精甚眞	1	Синтаксически тождественные	Рифмующиеся	Количество	1			} «д'»			
其中有信	2		фразы		фразы	2	} «в'»				
自古及今	1	пары (1—2)	Рифмующиеся	Количество	3	} «ж'»					
其名不去	2		фразы		фразы				4		
以閱衆甫								} «г'»			
吾何以知											
衆甫之然											
以此											

ПЕРЕВОД [50, 126]

а) 1) Образы великого *дэ* 2) подчиняются только *дао*. б) 1) *Дао* — вещь 2) неясная и туманная. в) О, туманное! О, неясное! В нем заключены образы. г) О, неясное! О, туманное! В нем заключены вещи. д) О, бездонное! О, туманное! В нем заключены семена. е) — *в'*. 1) Его семена совершенно достоверны, 2) и в нем заключена истина. ж) 1) С древних времен до наших дней 2) его имя не исчезает. з) — *г'*. Оно существует для обозначения начала всех вещей. Почему я знаю и) начало всех вещей? Только благодаря ему.

Если учесть композиционный параллелизм двух частей текста, одинаково состоящих из двух синтаксически параллельных пар фраз (отрывки «а'» и «в'»), то можно составить следующую схему текста:

а) 1. 孔得之容
2. 唯道是從

б) 1. 其精甚眞
2. 其中有信

1. 道之爲物
2. 唯恍唯忽

1. 自古及今
2. 其名不去

в) 1. 忽恍中有象
2. 恍忽中有物
3. 窈冥中有精

г) 1. 以閱衆甫
2. 吾何以知
3. 衆甫之然
以此

Хотя эта схема и не лишена некоторых формальных оснований, ее нельзя признать полной, поскольку в ней параллелизм отрывков «б'» и «г'» сомнителен, так как отрывок «б'» явно делится на три цепочки иероглифов, тогда как отрывок «г'» на три части разделить непросто, а может быть, и невозможно. Кроме того, данная схема не отражает того обстоятельства, что отрывок «а'» состоит из пар, элементы которых рифмуются между собой, а в отрывке «б'» тоже есть такие же пары, рифмующиеся между собой, но дающие иную, чем в схеме, раз-

бивку. Таким образом, каждому комплексу 1—2 в отрывке «а'» соответствует разделенная на рифмующиеся комплексы одна фраза в отрывке «б'». Указанные параллелизмы можно выразить в следующем виде:

а) 孔得之容
唯道是從	б) 道之為物
唯恍唯忽	
б) 忽恍中有象	в) 恍忽中有物	г) 窈冥中有精

Это более полный, чем в приведенной ранее схеме, параллелизм. В нем помимо параллелизма рифмующихся элементов выражен и формально-содержательный признак — во второй паре возможных элементов упоминается 物. Строки 1 и 2 полностью или частично связаны повтором одинаковых иероглифов (道 и 忽恍). Если мы теперь попытаемся, сохранив этот параллелизм и параллелизм отрывков «а'» и «в'», выразить тождество и некоторых других отрывков, то получим следующую схему:

а) 孔得之容
唯道是從	б) 道之為物
唯恍唯忽	
б) 忽恍中有象	в) 恍忽中有物	г) 窈冥中有精
в) 其精甚真
其中有信	ж) 自古及今
其名不去	з) 以聞象甫
吾何以知
		и) 象甫之然
以此

Эта схема еще более полная, чем предыдущая, но в ней не учтено формально-содержательное тождество отрывков «д» и «е». Если же отразить и этот параллелизм, то получится схема:

1. а) 孔得之容
唯道是從	б) 道之為物
唯恍唯忽	
2. б) 忽恍中有象	в) 恍忽中有物	г) 窈冥中有精
3.		д) 其精甚真
其中有信
4.		ж) 自古及今
其名不去
5. з) 以聞象甫
吾何以知	и) 象甫之然
以此	

В этой схеме на место параллелизма отрывков «а'» и «в'» поставлен параллелизм пар элементов «а — б» и «з — и». Данная схема является наиболее полной и потому, что образовавшиеся строки имеют одинаковую структуру. Вторая строка имеет структуру (I, II) III. Если

учесть, что в других строках получается определенное сочетание пустых и заполненных мест, то их структура будет аналогичной.

Описанная выше процедура постепенного подхода к наиболее полной схеме позволяет давать довольно точную оценку того, какое количество простых параллелизмов отражает тот или иной вариант схемы и отражает ли он структурный параллелизм. Следовательно, полнота схем подлежит количественной оценке.

Структурный параллелизм — это необходимая черта полных схем. В нем, собственно, в полной мере и проявляются все существенные параллелизмы текста. Поэтому сам он может быть использован как мерило для определения полноты схемы²⁶.

Вторым принципом схематизации является общее соблюдение порядка последовательности отрывков, данного в несхематизированном тексте оригинала. Если отрывки располагать в любой последовательности, произвольно меняя их местами, то тем самым создается новый текст, связанный с оригиналом только своим материалом. Задача же схемы не в конструировании нового текста, а в выявлении особенностей именно данного текста, расположенного именно в данной последовательности. Для того чтобы схемы выполняли эту задачу, необходимо, чтобы расположение отрывков всегда проходило в определенной последовательности, отражающей порядок частей текста в оригинале. В качестве такой последовательности примем распределение отрывков текста слева направо и сверху вниз. Это значит, что первый отрывок должен быть всегда в левом верхнем углу, а последний — в правом нижнем углу схемы. Любой следующий отрывок не может располагаться выше или левее предыдущего.

Поясним на примере § 17 «Даодэ-цзина», как особенности текста диктуют определенный порядок расположения отрывков.

Разделение на элементы

а) 大上下知有之	} Количественно тождественные элементы	} Синтаксически тождественные элементы	} 1 2	} Двухсоставные композиции 1—2
б) 其次親之豫之				
в) 其次畏之侮之				
г) 信不足	} Количественно тождественные элементы	} Единство по содержанию	} 1 2	
д) 有不信				
е) 由其貴言	} Количественно тождественные элементы		} 1 2	
ж) 成功事遂				
з) 百姓謂	} Количественно тождественные элементы		} 1 2	
и) 我自然				

Наиболее полно этот отрывок схематизируется следующим образом:

а) 大上下知有之	б) 其次親之豫之	в) 其次畏之侮之
г) 信不足	д) 由其貴言	ж) 成功事遂
д) 有不信	з) 百姓謂	и) 我自然

²⁶ Некоторые тексты таковы, что стремление создать из них полные схемы приводит к необходимости допускать пропуски в заполнении рядов (как это было в по-

а) Простые люди знали, что они имели великих людей. б) Они их любили и возвышали. в) Затем они их боялись и презирали. г) Поэтому, кто не заслуживает доверия, д) тот не пользуется доверием [у людей]. е) Кто вдумчив и сдержан в словах, ж) тот приобретает заслуги и совершает дела, з) и народ говорит, и) что он следует естественности.

Начало параграфа состоит из трех тождественных друг другу высказываний. Это свойство текста может быть выражено в каком-либо одном ряду схемы — строке или столбце. Предположим, что рассматриваемое свойство выражено в строке. Указанное расположение необходимо диктует и другие шаги. Весь последующий текст состоит из шести или трех элементов, которые согласно количественному параллелизму должны быть параллельны комплексу «а — б — в». Отрывок «г» в соответствии со своим местом в линейной последовательности может стоять либо правее элемента «в», образуя в строке четвертый элемент, либо под элементом «а», начиная новую строку. В первом случае образуется строка из четырех элементов, которая количественно никак не может быть параллельной оставшимся пяти элементам. Поэтому остается только вариант расположения элемента «г» под элементом «а».

Далее, для расположения элемента «д» также есть две возможности: либо под элементом «г», либо правее его. Предположим, мы расположили его правее элемента «г». В таком случае образовавшееся построение не может демонстрировать всех параллелизмов текста. В частности, оно никак не выразит структурного параллелизма. Структура первой строки имеет форму: «а (б,в)». Вторая же строка при данном предположении может иметь структуры: «(г,д) е» или «(г,д) з», обе не тождественные структуре первой строки.

Случается, что из текста нельзя образовывать параллельные строки или столбцы. Такой текст по своим свойствам не образует структурного параллелизма. Но это не может относиться к нашему примеру, так как при расположении элементов так, как указано в схеме, все строки структурно параллельны; параллельны и столбцы. Никакой другой полной схемы из данного текста создать нельзя. Любые другие варианты расположения элементов в этом отрывке не соответствуют либо принципу полноты, либо принципу определенной последовательности отрывков. Исключение представляет лишь вариант, в котором вместо строк (столбцов) будут столбцы (строки). Но этот вариант по своим внутренним связям ничем не отличается от рассматриваемого варианта. Таким образом, соблюдение принципов полноты и порядка последовательности дает возможность в схеме воспроизвести структуру именно данного текста, а не какого-либо иного.

Из изложенного можно сделать следующие выводы. Схематизация, проводимая по указанным принципам (полнота и учет порядка линейного текста), позволяет выявить в тексте систему параллелизмов, выражающуюся в определенном структурном построении (параллелизме). Если теперь вернуться к определению элемента структурного параллелизма, то его можно сформулировать следующим образом: элемент структурного параллелизма — это отрывок текста, парный (тождественный) любому другому последующему отрывку и в комплексе с другими отрывками следнем примере). Для многих текстов такой необходимости нет. За правило составления схем мы берем составление схем без пропусков в строках и столбцах. Случаи же с указанными пропусками мы считаем не созданием полной схемы текста, а воссозданием его возможной полной схемы.

составляющий ряд, структурно параллельный другому ряду.

Таким образом, анализ плана выражения текстов вскрывает в них некоторую систему, которая может быть уподоблена системе некоего искусственного формализованного языка. Отдельные иероглифы выполняют функцию «букв» этого языка. Процедура выявления элементов обнаруживает «слова» этого языка. Принципы схематизации представляют правила образования «предложений» из таких «слов».

5. ОСНОВА СХЕМАТИЗИРУЕМОГО ТЕКСТА — КАНОН (цзин)

Рассматривая многочисленные примеры полных схем текста, можно прийти к выводу, что они, как правило, состоят из девяти элементов. Предстоит решить вопрос: является ли девятичленное строение полных схем фактором случайным или же это какая-то исторически реальная закономерность в структуре текстов? Для решения этого вопроса полезно рассмотреть случаи отклонения от девятичленного строения и факты осмысленного применения девятичленных структур. Начнем с рассмотрения примеров отклонения от девятичленной структуры в полных схемах.

«ДАОДЭ-ЦЗИН», § 23

а) 希言自然	б) 孰為此天地	в) 故從事而道者道德之
д) 飄風不終朝	е) 天地上不能久	ж) 同於德者德德之
з) 驟雨[不]終日	и) 而況於人	к) 同於失者道失之
- л. 信不足有不信

ПЕРЕВОД

а) «Редкое (случающееся)» — высказывается о самопроисходящих [явлениях]. б) Смерч не [продолжается] все время суток, в) ливень не [продолжается] весь день. г) Кто создает их? — небо и земля. д) Небо и земля отнюдь не в состоянии [неизменно] длить [явления], е) а [им это] более [подходит], чем человеку. ж) Поэтому тому, кто в делах следует Графику (дао), График (дао) и дает Достижения (дэ). з) Тем, кто тождественны по Достижениям (дэ), Достижения и дают достижения. и) Тех, кто тождественны по ошибкам, График (дао) приводит к ошибкам, к. Доверия недостаточно, есть недоверие.

В данном параграфе отрывки «а...и» образуют композиционный или структурный (что в данном случае совпадает) параллелизм трех столбцов, построенных одинаково: 1 (2,3). Таким образом, отрывки образуют некий формально единый девятичленный комплекс. Можно заметить и определенное единство этих отрывков по содержанию. Вне этого единства оказывается лишь фраза «к». Она нарушает девятичленное строение. Но может ли это нарушение отразиться на структуре отрывка? Безусловно, нет. Данная фраза явно стоит вне его строя. Она может быть представлена как два возможных элемента и быть поставлена в один ряд с парами «б — в», «д — е», «з — и». Но от этого она не станет содержать действительные элементы, так как представляемый ею ряд не будет параллельным какому-либо другому, если иметь в виду конструирование схемы, а не воссоздание возможной под-

ной схемы. Таким образом, данная фраза по своим синтаксическим признакам резко отличается от других. Синтаксические свойства самого текста явно выделяют эту фразу в какой-то чуждый комплекс.

К этому присоединяются два других обстоятельства. По содержанию эту фразу в данном контексте можно рассматривать лишь как пояснение или развитие основной мысли. Кроме того, именно эта фраза встречается в § 17 того же источника, где она органически вписывается в структуру. В строго отредактированном тексте едва ли возможно буквальное повторение фраз, включение их в разные контексты, и мы можем предположить, что повторение фразы в § 23 либо случайно, либо является пояснением текста при помощи цитаты.

Рассмотрим еще один случай нарушения девятичленного строения, сопровождающийся нарушением порядка в схематизированном тексте.

«ДАОДЭ-ЦЗИН», § 56

а) 知者不言	б) 塞其兌 閉其門	в) 故不可得而親 不可得而疎
д) 言者不知	е) 挫其銳 解其忿	ж) 不可得而利 (亦) 不可得而害
	з) 和其光 同其塵	и) 不可得而貴 (亦) 不可得而賤
	к) 是為玄同	л) 故為天下貴

Параллелизмы здесь не могут составлять полной схемы, так как не все столбцы параллельны друг другу, и девятичленное строение нарушает отрывок «и'». Отрывок «е», количественно равный элементам «а» и «б», мы не можем поставить в один ряд с этими элементами, так как он следует после элементов «в», «г», «д», и это нарушило бы принятые принципы схематизации. Отсюда как будто следует, что либо ложен параллелизм отрывков «а — б — е», либо неверен наш принцип схематизации, запрещающий при демонстрации параллелизмов переносить элементы влево или вверх по отношению к предшествующим им. Дело упрощает факт существования текста, в котором отрывок «а — б» непосредственно примыкал к «е». Это значит, что разделение отрывков «а — б» и «е» является не свойством, органически присущим данному тексту, а фактом его исторической сохранности. В этом нас убеждает и то обстоятельство, что отрывки «г» и «д» повторяются в § 4, не нарушая его полной схемы, а отрывок «в» повторяется в § 52.

Таким образом, вполне обоснованно полагать, что данный текст начинается с комплекса «а — б — е», который имеет композицию (1,2) 3. Такую же композицию, очевидно, имеет и комплекс «ж — з — и» (если здесь устранить все, что не встречается в некоторых списках), который может быть разбит на шесть элементов и составить вместе с элементами «а — б — е» девятичленное построение.

Итак, при исключении элементов «в», «г», «д» мы получаем девятичленное построение, укладывающееся в обычную схему структурного параллелизма. Отрывок «и'» явно нарушает этот параллелизм и повторяется в § 62. Как будто мы имеем случай, аналогичный уже рассмотренному, но здесь дело обстоит сложнее. Отрывок «и'» нарушает обычный строй и в § 62. Поэтому его едва ли можно в обоих случаях рассматривать как органически не присущий тексту. Поскольку в некоторых списках отсутствует начало элемента «и», то именно эту часть, а не отрывок «и'», следует рассматривать как отрывок в известной мере случайный.

Учитывая изложенное, полную схему § 56 можно воспроизвести в следующем виде:

а) 知者不言	б) 故不可得而親	в) 不可得而疎
г) 言者不知	д) 不可得而利	е) 不可得而害
ж) <.....>	з) <不可得而貴>	
и) 是謂玄同	к) 不可得而賤	л) 故為天下貴

ПЕРЕВОД

а) Мудрость — она [и] не высказывается. б) Высказанное — оно [и] не мудрость. в. ... в) Это сказывается о тождестве в уходе вглубь. г) Поэтому нельзя сродниться [с мудростью, лишь] получив [слова]; д) нельзя отдалиться [от мудрости, лишь] получив [слова]; е) Нельзя получить пользу, получив [лишь мудрость]; ж) [а также] нельзя подвергнуться вреду, получив [лишь мудрость]. з. Нельзя ценить [лишь] полученное. и) Нельзя пренебрегать [лишь] полученным, и) поэтому [оно] ценно для [всех в] Поднебесной.

Отметим, что в данной схеме отрывки, так или иначе нарушающие обычный девятичленный строй элементов, оказались на аналогичном месте, что является внешним подтверждением правильности разделения текста на элементы.

Рассмотренные нами примеры типичны. Поэтому мы можем сделать вывод о том, что некоторые отрывки, так или иначе нарушающие девятичленное строение, резко отличаются по синтаксическим свойствам от других частей текста. Они ведут к необходимости воссоздания полной схемы текста (допущение пропуска в рядах), тогда как другие отрывки, которые можно назвать регулярными, дают возможность создания полных схем текста. Кроме того, они, как правило, имеют с текстом связь менее прочную, чем его другие части (что выражается в отсутствии их в некоторых списках, в сходстве с пояснениями, а также в повторении в других фрагментах). Следовательно, случаи таких нарушений подтверждают реальность тенденции к девятичленному строению текстов.

Рассмотрим еще один пример с числом элементов меньшим девяти. В тексте § 6 «Даодэ-цзина» на основании простых параллелизмов можно обнаружить лишь шесть элементов. Но не будем доверять поспешным выводам и рассмотрим некоторые исторические факты, касающиеся этого параграфа.

В произведении «Мудрец Ле» («Ле-цзы») приводится текст, который почти полностью совпадает с этим параграфом, но он не приписывается «Мудрецу Лао» («Лао-цзы»), а назван «Книгой Хуан-ди» [24,1—2]. Значит, возможно, мы имеем дело с цитатой из другого источника. Но главное не в этом. В «Ле-цзы» текст § 6 имеет продолжение, обозначенное на приведенной ниже схеме буквами «ж'», «з'», «и'», «к», которое делится на две части: «ж' — з' — и'» и «к». Относительно второй части можно более или менее уверенно утверждать, что она принадлежит «Мудрецу Ле» или его учителю, но первая часть, возможно, относится к цитируемому тексту «Книги Хуан-ди». Это делает вероятным существование варианта, в котором текст нынешнего § 6 имел трехсоставное продолжение и был девятичленным.

Существует и другой исторически возможный вариант дополнения § 6. В некоторых списках этот параграф объединяется с § 5, образуя

с ним единое целое, что может говорить о понимании составителем формальной неполноты этого параграфа. Кроме того, Ма Сюй-лунь усматривает в комментариях Ван Би свидетельство наличия лакуны на месте стыка §§ 5 и 6 [91, 41]. Возможность представить пропущенный отрывок дает текст «Мудреца Вэня» («Вэнь-цзы»). В этом источнике [11, 6] после текста, совпадающего с концом § 5, следуют фразы, обозначенные нами в приведенной ниже схеме буквами *x*, *y*, *z*. Может быть, именно эти фразы в одном из вариантов текста и начинали § 6, причем их число опять оказывается равным трем и мы вновь получаем девятичленный текст.

Включение § 6 в более широкие контексты можно представить следующей схемой:

<i>x</i>) 純學無憂	<i>y</i>) 絕聖棄智	<i>z</i>) 民利百倍	} «Вэнь-цзы»
<i>a</i>) 谷神不死	<i>b</i>) 是謂玄牝	<i>d</i>) 綿綿若存	
<i>б</i>) 玄牝門	<i>в</i>) [是謂]天地根	<i>с</i>) 用之不勤	} «Ле-цзы»

<i>ж</i>) 故生物者不生	<i>з</i>) 自生自化	<i>и</i>) 自智自力	} «Ле-цзы»
化物者不化	自形自色	自消自息	
<i>к</i> . 謂之生化形色			智力消息者非也

ПЕРЕВОД

Текст из «Вэнь-цзы»:

x) Прекратите учение, не беспокойтесь; *y*) прекратите премудрствовать, устраните умудренность; *z*) пользы для народа [тогда будет] во сто раз больше.

Текст из «Ле-цзы», включающий в себя § 6 «Даодэ-цзина» (элементы «а», «б», «в», «г», «д», «е»):

a) Духи долин и низин не умирают, *б*) — это сказывается о плодовитом [и] уходящем вглубь. *в*) Ворота плодовитого и уходящего вглубь *г*) — это сказывается о корне неба и земли. *д*) [Они] тянутся — как существующее; *е*) функционирование их — не ослабевает. *ж*) Поэтому порождение вещей — это не порождение, видоизменение вещей — это не видоизменение, *з*) [а] самопорождение, самовидоизменение, самооформление, самовыражение; *и*) самоумудрение, самоусиление, самоуничтожение, самовозрождение. *к*. Сказать об этом — (чье-либо) порождение, видоизменение, оформление, выражение, умудрение, усиление, уничтожение, возрождение — неверно.

Из схемы видно, что текст § 6 «Даодэ-цзина» с формальной стороны может быть в равной степени включен и в «Вэнь-цзы», и в «Ле-цзы». Нам представляется, что такому включению не препятствует и содержание отрывков. Таким образом, исторический материал показывает, что ныне имеющийся текст § 6 «Даодэ-цзина» представлялся неполным и его могли включать в более широкие девятичленные построения. Тенденция к девятичленному построению проявляется также в том, что как дополнительные, так и отсутствующие компоненты почти всегда соответствуют определенным частям канона, совпадающим с частями текста.

Если указанная тенденция исторически реальна и если она играла

существенную роль в построении текстов, то мы должны ожидать, что в источниках есть и факты ее явного осознания. Можно ожидать, что мы обнаружим и специальную терминологию, связанную с девятичленной структурой. Обнаружение таких фактов может явиться окончательным подтверждением исторической реальности указанной тенденции. Вместе с этим такие факты косвенно могут подтвердить и историческую достоверность принятого здесь метода структурного анализа.

Рассмотрим § 19 «Даодэ-цзина», его форму и содержание некоторых его фраз. Полная схема данного параграфа следующая²⁷:

а) 絕聖棄智	б) 絕民棄義	в) 絕巧棄利
г) 民利百倍	д) 民復孝慈	е) 盜賊無有
е'. <此三者> 爲文不足 <故令有所屬>		
ж) 見素抱朴	з) 小私寡欲	и) 絕學無憂

ПЕРЕВОД

а) Прекратите премудрствовать, устранили умудренность; б) пользы для народа [будет] во сто раз больше. в) Прекратите [заигрывание с] народом, устранили [нормы] долга; г) народ вернется к сыновней почтительности и (родственной) любви. д) Прекратите искусничать, устранили [стремление к] выгоде; е) разбойников и грабителей не будет. е'. Эти три [положения] недостаточны, чтобы составить [грамотный] текст, поэтому пусть [здесь] будут и примыкающие [к этому положения]. ж) Проявляйте чистую [природу], храните простоту; з) уменьшайте своекорыстие, сокращайте желания; и) прекратите учение, не беспокойтесь.

При рассмотрении этого отрывка Чжу Цянь-чжи, следуя мнению более ранних комментаторов, справедливо отмечает, что фраза «е'», начинающаяся со слов «эти три», является вставкой в текст. Он не объясняет мотивов своего замечания, но они раскрываются при анализе структуры, так как фраза «е'» не укладывается в обычные рамки схематизированного текста.

Попытаемся разобраться в смысле фразы «е'». Упоминаемые в ней «эти три» могут быть лишь тремя предшествующими параллельными между собой отрывками. Они представляют, несомненно, строго упорядоченный текст. И между тем говорится, что он «недостаточен для *вэнь*» — грамотного и изящного текста. Следовательно, трехчленное (или шестичленное) строение текста обладает каким-то недостатком, и лишь добавление к нему фраз «ж», «з», «и», по-видимому, делает его «грамотно-изящным»²⁸.

²⁷ В используемом нами списке отрывок «и» отнесен к § 20. Сведения о других списках текста взяты из работы Ма Сюй-луна [91, 61].

²⁸ Согласно пояснению Юй Син-у, *вэнь* 文 нужно рассматривать как «украшательство», под которым подразумевается премудрость, мудрость и им подобное, т. е. явления, упоминаемые в отрывках «а», «в», «д». Такого же мнения придерживается Гао Хэн [87, 44]. Данное толкование нам представляется неприемлемым. Фраза 爲文不足 говорит о «недостаточности» *вэнь*, которую можно исправить, сделав ее достаточной. Между тем последующий текст говорит о явлениях, явно противоположных *вэнь* как «украшательству». Этот дальнейший текст нельзя понять как исправление недостаточности «украшательства». *Вэнь* как «украшательство» может пониматься здесь лишь в том случае, если выражение 不足 является не указанием на недостаточность, а абсолютно отрицательной характеристикой, но этого не следует из текста и значения 足.

По-видимому, автор замечания «е'» и тот, кто добавил отрывки «ж», «з», «и» (возможно, это одно лицо), стремились прежде всего к тому, чтобы фразы-элементы были равновелики, и не обратили внимания на девятичленное строение текста «а — е» (элементы «а», «в», «д» делятся на два элемента). Но, несомненно, сами они представляли полный «грамматный» (*вэнь*) текст девятичленным, поэтому и добавили к тексту «а — е» еще три фразы. В приведенном тексте, таким образом, проявляется понимание законченного, правильно изложенного текста как девятичленного.

Еще более определенно это можно проследить на древнем понимании канона (*цзин*). Как бы ни варьировали конкретные значения слова *цзин*, они всегда остаются в рамках указания на некий нерушимый стандарт, которому нужно следовать. И вот оказывается, что, когда понятие *цзин* применяется непосредственно к какому-либо тексту, а не только к его содержанию, этот текст имеет девятичленное строение. Выше уже приводился отрывок из «Чжунъюна», содержащий фразу: «девятеричный канон гласит»²⁹, но здесь возникает сомнение, нельзя ли понимать эту фразу так: «...девять канонов гласят». Обе трактовки, кажется, не противоречат контексту, так как далее в тексте следует девять частей. Из подобных сомнений могут вывести другие свидетельства. Приведем пример из «Хань Фэй-цзы» [2, 18—19]:

а. 明君之道使

а) 智者盡其慮
而君因以斷事

б) 賢者救其材
君因而任之

в) 有功則君有其賢
有過則臣任其罪

г) 故君不窮於智

д) 故君不窮於能

е) 故君不窮於名

ж) 是故不賢而為賢者師

з) 不智而為智者正

и) 臣有其勞君有其成功

к. 此之謂賢主之經也

ПЕРЕВОД

а. Ясное понимание Графика (*дао*) государя приводит к тому, что: а) умудренные исчерпывают до конца свои соображения, а государь на основании этого выносит решения по делам; б) поэтому государь не испытывает нужды в умудренности; в) совершеннспособные на деле применяют данное им от природы, [а] государь на основании этого дает им поручения, за которые они отвечают; г) поэтому государь не испытывает нужды в способностях. д) В случае успеха государь получает [славу] совершеннспособного в этом, в случае ошибки подданный несет ответственность за свой проступок; е) поэтому государь не испытывает нужды в славе. ж) По этой причине [государь], не обладая совершенными способностями, является наставником совершеннспособных; з) не обладая умудренностью, является мерилom для умудренных; и) подданные трудятся, государь пользуется их достижениями. к. Об этом сказывается: «канон о том, как сделать совершеннспособным главного».

Данный отрывок является прямым свидетельством того, что канон называлось девятичленное построение.

Остановимся еще на одном свидетельстве. Приведем отрывок из «Чжуан-цзы» [3, 148—149]:

²⁹ См. выше, стр. 32.

а. 老子曰衛生之經

а) 能抱一半	б) 能勿失乎	в) 能无卜筮而知吉凶乎
г) 能止乎	д) 能已乎	е) 能舍諸人而求諸己乎
ж) 能儻然乎	з) 能侗然乎	и) 能兒子乎

к. 兒子終日嗥而嗷不嗷知之至也……是衛生之經已

л. 南榮越曰……

是謂衛生之經已

ПЕРЕВОД

а. Лао-цзы сказал: «Канон охраны жизни [следующий]: а) [Будь] способен сохранять единое, б) [будь] способен не терять, в) [будь] способен не пользоваться гаданиями, но знать, [в чем] счастье и [в чем] несчастье. г) [Будь] способен остановиться, д) [будь] способен прекратить, е) [будь] способен отказаться от [требований к] другим, но требовать от себя. ж) [Будь] способен на последовательность, з) [будь] способен на вольность, и) [будь] способен уподобиться ребенку». к. Ребенок целый день кричит, но не сипнет. [Это] предел гармонии... Это концы [обрамление] канона охраны жизни. л) Нань Жун сказал: «...Это то, что сказывается о концах канона охраны жизни».

Из вводных фраз, выделенных разрядкой в переводе, ясно видно, что в данном отрывке, по замыслу автора, содержатся три части: «канон» (經), «концы (или обрамление) канона» (經已) и то, что «сказывается о концах канона» (謂... 經已). Последние две части разделяются совершенно определенно самими вводными фразами. Текст «а — и» явно выделяется формально, так как все его, и только его, фразы оформлены 能... 乎. Он отличается и по содержанию, так как после отрывка «и» следует текст, который является пояснением или развитием мыслей, ранее высказанных. Все это говорит о том, что, вероятнее всего, именно текст «а — и» и является частью, здесь называемой «каноном». Эта часть опять имеет девятичленное строение.

Таким образом, мы можем считать, что девятичленное построение применялось вполне сознательно и считалось в древности «каноном». Выявляемые структурным методом полные схемы почти всегда девятичленны. Это обстоятельство не только подтверждает применявшиеся нами принципы схематизации, но и позволяет ввести новые понятия, важные для структурного анализа.

Общей чертой элементов канона является тот факт, что полная их схема часто выражается в трехрядном построении, образующем квадрат. Такой квадрат, состоящий из столбцов и строк, может быть представлен следующим образом:

	I	II	III
1			
2			
3			

Данную модель мы будем называть основой канонизируемого текста или, сокращенно, основой канона. Текст, который при схематизации укладывается в данную модель, является канонизированным текстом, или каноном³⁰. Слово «канон» указывает прежде всего на данную модель текста и тем самым на некоторую правильность формы представления любого его содержания. Введение понятия основы канонизируемого текста нужно для того, чтобы иметь возможность для каждого случая определять, является ли данный текст каноном, или какая часть в нем является каноном, или, наконец, как та или иная часть текста относится к канону. Ответ на эти вопросы всегда важен и с формальной, и с фактической стороны при попытках понять содержание того или иного отрывка, его связи с другими отрывками.

При применении метода структурного анализа основа канона нужна для того, чтобы при ее помощи (как единой мерки) различать и однозначно описывать варианты канонизированных текстов. Она является той стабильной основой, которая и позволяет выяснять определенность структуры.

Для экономичного и точного описания формального различия текстов достаточно указать, как их элементы размещаются в основе канона, какие группы они там составляют. В этом смысле формально-разные тексты представляют собой разные виды и формы канона. Эти виды представляют собой разные структуры и таким образом выражают разнообразие форм структурного параллелизма.

6. ПРОСТЫЕ И СЛОЖНЫЕ ФОРМЫ СООТНОШЕНИЯ ЧАСТЕЙ ТЕКСТА, ИХ ГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ

Различные структуры текстов представляют собой различные виды соотношения линейной последовательности отрывков текста с порядком размещения их в основе канона. Простейшим способом описания структур является описание при помощи схем. Оно заключается в следующем: элементы, линейный порядок которых так или иначе обозначен (мы обозначаем его буквами русского алфавита), размещаются в основе канона согласно структурному параллелизму. Различие размещения одинаковых по линейному порядку элементов в схеме и показывает различие структур. Указанный способ вполне достаточен для формального анализа и описания, так как он выявляет все существенные стороны структур тех или иных конкретных текстов. Но он слишком громоздок для описания сразу многих структур. Он недостаточно нагляден для выявления тенденций в комплексах структур, для систематизации разных структур по видам. Поэтому целесообразно ввести иное, чисто графическое обозначение структур.

Графическое обозначение структур основывается на том, что ряды канона имеют постоянное место, и на свойстве элементов в полных схемах всегда образовывать части текста. Под частью текста здесь понимается группа элементов, связанных вместе какими-либо признаками параллелизма, а также линейной последовательностью непосредственно друг за другом. Приведем пример.

³⁰ В данной работе слово «канон» употребляется как перевод древнекитайского слова *цзин* с установленным здесь его узким значением. Канонизация здесь не значит чего-либо большего, чем определенную упорядоченность текста.

а. 小國寡人

- а) 使有什伯之器而不用 б) 雖有舟輿无所乘之 в) 隣國相望
 д) (使人重死而不遠徙) е) 雖有甲兵无所陳之 ж) 雞狗之聲相聞
 з) 使民復結繩而用之 и) 甘其食美其服安其居樂其俗 л) 民至老死不相往來
 д' [至治之極民各]

ПЕРЕВОД [50, 158]

а. Нужно сделать государство маленьким, а народ редким. а) Даже если имеется много орудий, не надо их употреблять. б) Надо сделать так, чтобы народ не странствовал далеко до конца своей жизни. в) Даже если имеются лодки и колесницы, не надо их употреблять. г) Даже если имеются вооруженные войска, не надо их выставлять. д) Надо сделать так, чтобы народ снова начал плести узелки и употреблять их вместо письма. е) Надо сделать вкусным его питание, прекрасным его одеяние, устроить ему спокойное жилище, сделать веселой его жизнь. ж) Соседние государства смотрели бы друг на друга издали, з) слушали бы друг у друга пение петухов и лай собак, и) а люди до старости и смерти не должны были бы кочевать с места на место.

В приведенном отрывке частью текста является комплекс «ж — з — и», так как все фразы, входящие в этот комплекс, связаны синтаксическим тождеством (оформление сказуемого на 相) и непосредственно следуют друг за другом. В отличие от этого комплекс «а — б — д» не является частью текста, так как отрывок «д» отделен от «а» и «б» другими отрывками, хотя входящие в него компоненты связаны синтаксическим тождеством фраз (оформление на 使). Частями текста здесь также будут комплексы «а — б», «в — г», «д — е».

Части текста могут состоять из двух или трех элементов. Часть текста, состоящую из трех элементов, будем называть полной строкой (столбцом) канонизированного текста (сокращенно: полной строкой текста), а часть текста, состоящую из двух элементов, — неполной строкой (столбцом). Полную строку (столбец) графически будем изображать в виде прямой, соединяющей три точки:

— или } . Неполную строку (столбец) будем изображать прямой,

соединяющей две точки: — или } . Так, структура § 80 «Канона о Графике и Достижениях» получает следующее графическое

изображение: } . Такое изображение обладает большой наглядностью и позволяет кратко воспроизводить структурные различия отрывков, зависящие от расположения частей текста.

Введение понятий полной и неполной строк (столбцов) позволяет систематизировать виды структур, являющиеся разными формами соотношения частей текста. В зависимости от того, состоит ли полная схема из одних полных строк (столбцов) или в ней есть и неполные

строки (столбцы), различаются простые и сложные формы соотношения частей текста, или простые и сложные структуры.

Простой формой соотношения частей текста является форма, состоящая из одних полных строк или столбцов:

или .

Примерами текстов в простой форме могут служить § 23 «Канона о Графике и Достижениях» и приведенные выше отрывки из текстов «Луньюй», «Чжуньюн», «Чжуан-цзы».

Канонизируемый текст в простой форме представляет собой три трехчленных комплекса, состоящих из трех последовательно стоящих друг за другом элементов. Эта форма структуры целиком совпадает с простым композиционным параллелизмом.

Сложной формой называется структура канонизируемого текста, имеющая в своем составе неполные строки или столбцы. Из девятичленного строения канона и принципа последовательности его элементов следует, что в каждом канонизируемом тексте сложной формы есть только одна полная строка (столбец) и три неполные части текста. В зависимости от того, где располагается полная строка (столбец), можно различать разделяющие и объединяющие виды сложных форм.

Разделяющим видом сложной формы (сокращенно: разделяющей формой) является сложная форма, начинающаяся с полной части текста. В этой форме единая полная строка (столбец) как бы разделяется в следующих за ней неполных частях текста³¹.

Текстам, имеющим разделяющую форму, соответствуют, например, схемы и . Это модель соотношения частей текста §§ 31,

56, 78 «Даодэ-цзина».

Объединяющим видом сложной формы (сокращенно: объединяющей формой) является сложная форма, заканчивающаяся полной частью текста. В этой форме три неполные части текста объединяются одной полной частью текста. Схематически объединяющей формы будут, например, следующие:

  . Данная мо-

дель выполняется, например, в §§ 19, 28, 35 «Даодэ-цзина».

Как объединяющую, так и разделяющую форму можно дифференцировать еще на виды в зависимости от того, как взаимно располагаются неполные части текста: 1) три строки (столбца) следуют друг за другом; 2) после столбца (строки) следуют две строки (столбца); 3) после двух строк (столбцов) следует один столбец (строка).

Рассмотрим эти виды отдельно. Первый вид расположения неполных частей текста был рассмотрен выше. В этом случае неполные части текста располагаются так же, как полные части текста в простых формах, поэтому та часть канонизируемого отрывка, которая состоит из неполных частей текста, здесь является «простой». Если присоединить характеристику этой части отрывка к характеристике всего от-

³¹ Это — сугубо формальное «разъединение», оно может и не совпадать с семантическим.

рывка, полученной на основании положения полной части текста, то получатся двойные характеристики или названия, точно определяющие форму соотношения частей текста:

для форм — «разделяющая простая»,

для форм — «объединяющая простая».

В том случае, когда после неполного столбца (строки) следуют две неполные строки (столбцы), мы имеем строй, похожий на разъединяющий. Если к характеристике формы отрывка в целом присоединить характеристику такого соотношения неполных частей, то получатся следующие названия:

для форм — «разделяющая разъединяющая»,

для форм — «объединяющая разъединяющая».

Примером первой формы являются приведенные выше §§ 16, 17 текста «Даодэ-цзина». Примером второй — § 4 того же произведения.

В том случае, когда после двух неполных строк (столбцов) следует один столбец (строка), мы имеем строй, похожий на объединяющий, и его можно назвать соединяющим. Получаются следующие названия для соответствующих форм:

для форм — «разделяющая соединяющая»,

для форм — «объединяющая соединяющая».

По объединяющей соединяющей форме построены, например, §§ 9, 34, 42 «Даодэ-цзина».

В разделяющей соединяющей форме выполнен, например, § 3 «Даодэ-цзина», полная схема которого следующая:

а) 不上賢 使民不爭	б) 聖人治 虛其心	в) 弱其志
г) 不貴 <難得之>貨 使民不盜	д) 實其腹	ж) 強其骨
з) 不見可欲 使心不亂	и) <常>使民無知無欲	л) 使知者不敢[不]為
		м) 則無不治

ПЕРЕВОД [50, 116—117]

а) Если не уважать мудрецов, то в народе не будет ссор. б) Если не ценить драгоценных предметов, то не будет воров среди народа. в) Если не видеть желаемого предмета, то не будут волноваться сердца народа. г) Поэтому управление мудрого человека делает их сердца пустыми, д) а желудки — полными. е) Оно ослабляет их волю ж) и укрепляет их кости. з) Оно постоянно стремится к тому, чтобы у народа

не было знаний и страстей, и) а имеющие знания не смели бы действовать. и'. Осуществление недеяния [мудрецом] всегда приносит спокойствие.

Таблица всех возможных видов соотношения частей текста может быть представлена в следующем виде:

Простые формы	Сложные формы		
	разделяющие простые	разделяющие соединяющие	разделяющие разъединяющие
Вертикальная 			
Горизонтальная 			
	объединяющие простые	объединяющие соединяющие	объединяющие разъединяющие
			
			

Все эти формы встречаются в текстах. Части текста располагаются в той же последовательности, что и элементы в схемах: слева направо и сверху вниз. Группировка элементов по частям текста создает довольно жесткие условия для расположения элементов в основе канонизируемого текста.

7. ЧАСТИ КАНОНА, ЕГО ВИДЫ И ФОРМЫ

Выявление формы соотношения частей текста показывает, в какой последовательности части того или иного фрагмента образуют структурный параллелизм канонизированного текста, но сам структурный параллелизм в схемах форм соотношения частей текста не фиксируется. Структурный параллелизм, как уже отмечалось, заключается в том, что ряды схематизируемого текста параллельны между собой, а параллелизм рядов выражается в тождественности их структуры. Структура рядов может быть только двух видов: два наиболее близких элемента плюс один элемент менее близкий, но все же параллельный паре — (А,Б)В, или, наоборот, один элемент плюс два наиболее близких между собой — А(Б, В). Таким образом, возможны лишь четыре варианта структурного параллелизма: 1) 1(2,3) и I(II,III); 2) 1(2,3) и (I,II)III; 3) (1,2)3 и I(II,III); 4) (1,2)3 и (I,II)III.

Указанные варианты структурного параллелизма различаются тем, в какой части основы канона находятся четыре наиболее близких между собой элемента. Эти элементы могут занимать: два первых столб-

ца и две первые строки основы канона (четвертый вариант из указанных выше); две первые строки и два последних столбца (третий вариант); две последние строки и два первых столбца (второй вариант); две последние строки и два последних столбца (первый вариант).

Указанные виды структурного параллелизма, поскольку они относятся к канонизируемым текстам и выражают формальную суть их параллелизма, будем называть видами канона. Определение вида канона зависит от возможности выделения в полной схеме текста четырех наиболее близких элементов, параллельных друг другу. Эти четыре элемента необязательно связаны линейной последовательностью. Поэтому разделение текста на части здесь иное, нежели при выделении частей текста. Будем называть это разделение разделением на части канона.

Части канона — это группа синтаксически наиболее близких между собой элементов, разные соотношения между которыми дают разные виды канона. Части канона бывают следующие: основание канона, неполная часть (строка или столбец) канона и полная часть (строка или столбец) канона.

Основание канона — это группа ^{из} из четырех элементов, синтаксически наиболее близких между собой и попарно занимающих места, примыкающие друг к другу и строго параллельные в основе канонизируемого текста.

Неполная часть канона — это группа из двух элементов, наиболее близких между собой и в основе канонизируемого текста занимающих места, параллельные каким-то парам основания канона.

Полная часть канона — это группа из трех элементов, синтаксически близких друг к другу. Два элемента полной части канона, стоящие рядом друг с другом в основе канонизируемого текста, параллельны паре основания канона, но не той, которой параллельна неполная часть канона.

Поскольку канон состоит из девяти элементов, в нем могут быть только одно основание, одна полная и одна неполная части.

Разделение текста на части канона прямо вытекает из структурного параллелизма, из тенденции полных схем составлять такой параллелизм. Поэтому реальность этого разделения находится в прямой зависимости от достоверности полных схем. Можно ли доказать историческую достоверность деления текста на части канона? Прямым доказательством могла бы быть ссылка на исторически существовавшее древнее утверждение, что канон (*цзин*) состоит из четырех, трех и двух частей (элементов, в нашей терминологии). Таких прямых доказательств у нас нет. Возможно, что их не существует вообще, так как упомянутое утверждение возможно лишь при сугубо формальном подходе к канону, но канон — это не столько формальное построение, сколько нечто содержательное. Последнее, естественно, больше всего и интересовало современников. По-видимому, форма канона для них была вещь настолько очевидной, что говорить о ней специально не было смысла. Поэтому собственно исторические доказательства достоверности членения на части канона мы обнаруживаем лишь при анализе семантики текстов³². Но и при формальном подходе мы встречаемся с фактами настолько очевидными, что их сумма приводит к мысли по крайней мере о возможности такого деления.

³² См. стр. 116 и сл. настоящей работы.

Во многих приведенных выше примерах можно легко найти четыре, два и три элемента, которые составляют части канона. Но поскольку ранее специально на это не обращалось внимания, приведем новые примеры.

«ДАОДЭ-ЦЗИН», § 47

а) 不出戶	б) 知天下	в) 是以聖人
		不行而知
б) 不窺牖	г) 見天道	д) 不見而名
в) 其出彌遠	е) 其知彌近	и) 不為而成

ПЕРЕВОД [50, 140—1 1]

а) Не выходя со двора, б) мудрец познает мир. в) Не выглядывая из окна, г) он видит естественное *дао*. д) Чем дальше он идет, е) тем меньше познает. ж) Поэтому мудрый человек не ходит, но познает. з) Не видя [вещей], [он] называет их. и) Он, не действуя, творит.

Совершенно ясно, что в приведенном тексте по своим синтаксическим свойствам элементы разбиваются на три группы: комплекс «а — б — в — г», комплекс «д — е» и комплекс «ж — з — и». Эти комплексы и составляют части канона³³.

Кроме явной разделенности по синтаксическим свойствам части канона могут выделяться еще и их особым внешним оформлением. Рассмотрим пример.

«ДАОДЭ-ЦЗИН», § 69

а. 用兵有言	б. 是謂	
а) 吾不敢為主而為客	б) 行無行	в) 攘無臂
б) 不敢進寸而退尺	г) 仍無敵	д) 執無兵
ж) 禍莫大於輕敵	з) 輕敵[則]幾斃吾寶	и) 故抗兵相加
		則哀者勝

ПЕРЕВОД [50, 153]

а. Военное искусство гласит: «а) Я не смею первым начинать, я должен ожидать. б) Я не смею наступать хотя бы на вершок вперед, а отступаю на аршин назад. в. Это называется в) действием посредством недеяния, г) ударом без усилия. д) В этом случае не будет врага, е) и я могу обходиться без солдат. ж) Нет беды тяжелее, чем недооценивать противника. з) Недооценка противника повредит моему сокро-

³³ В «Хуайнань-цзы» встречается отрывок, охватывающий комплекс «а—б—в—г» [7, 134]. В другом месте этого же источника и в других произведениях встречается отрывок, в общем совпадающий с комплексом «а—б—в—г—д—е» [7, 206; 17, 206; 11, [12]. Наконец, в произведении «Гуйгу-цзы» встречается отрывок, совпадающий с комплексом «а—б—в—г—з—ж» [9, 33]. Все это свидетельствует о том, что части канона этого отрывка имели самостоятельное историческое существование.

венному средству [dao]. и) В результате сражений те, кто скорбят, одерживают победу».

В данном параграфе четыре синтаксически наиболее близких между собой элемента («в», «г», «д», «е») выделяются не только своим грамматическим строением, но и внешним оформлением (фраза «в»: 是謂 'это называется'). Особое внешнее оформление имеет здесь и неполная часть канона — фраза «а» представляет собой оформление цитаты, изложенной в неполной части канона (элементы «а» и «б»). Таким образом, в данном примере мы имеем факт осознанного и явно выраженного расчленения текста на части канона. Рассмотрим еще пример.

«ДАОДЭ-ЦЗИН», § 76

а) 人生之柔弱	б) 其死堅強	в) 是以兵強則不勝
г) 万物草木生之柔脆	д) 其死枯槁	е) 木強則共折
ж) 故堅強者死之徒	з) 柔弱者生之徒	и) 故堅強處下柔弱處上

ПЕРЕВОД [50, 156]

а) Человек при рождении нежен и слаб, б) а после смерти тверд и крепок. в) Все существа и растения при рождении нежны и слабы, г) а при гибели тверды и крепки. д) Твердое и крепкое — это то, что погибает, е) а нежное и слабое есть то, что начинает жить. ж) Поэтому могущественное войско не побеждает, з) и оно, подобно крепкому дереву, [гибнет]. и) Сильное и могущественное не имеют того преимущества, какое имеют нежное и слабое.

Здесь четыре элемента «а — б — в — г» и формально и по содержанию отличаются от всего остального текста. В этих отрывках излагается то содержание, на основании которого делаются выводы, сформулированные в других элементах. Это различие групп элементов, соответствующих частям канона, проявляется также в том, что эти группы имели самостоятельное историческое существование. Так, комплекс элементов «а — б — в — г — д — е», соответствующий основанию канона и неполной его части, самостоятельно встречается в цитате, приводимой в «Шюань» [16, 66]. В «Ле-цзы» цитируется отрывок, содержащий только элементы «ж», «з», «е», «д» [24, 26], что соответствует неполной и полной частям канона. Аналогичные последней цитате отрывки встречаются в «Хуайнань-цзы» [7, 9] и «Вэнь-цзы» [11, 7].

Следовательно, по крайней мере в указанных источниках текст § 76 рассматривался как состоящий из частей, соответствующих частям канона. И в этом смысле здесь формальное расчленение на части канона имеет историческое обоснование. Расчленение на части канона не является свойством только «Даодэ-цзина» или каких-либо ранее уже привлекавшихся источников.

Многочисленные факты явного синтаксического выделения частей канона, некоторые случаи, указывающие на сознательное и особое оформление, и, наконец, примеры прочтения или цитирования отрывков по частям канона — все это свидетельство реальности разделения канонизируемых отрывков на части канона.

Перейдем теперь к рассмотрению соотношения частей текста и частей канона. В общем виде форма структурного параллелизма устанавливается на базе уже обнаруженных форм соотношения частей текста. Так, из наблюдений над сложными соединяющими и разъеди-

няющими формами соотношений частей текста можно прийти к следующим выводам: при формах $\begin{matrix} | & | & | \\ \hline & & \end{matrix}$ и $\begin{matrix} & & & & \\ \hline & & & & \\ & & & & \end{matrix}$ полные части текста

часто имеют композицию соответственно (1, 2)3 и I, II)III. При формах

же $\begin{matrix} | & | & | \\ \hline & & \end{matrix}$ и $\begin{matrix} & & & & \\ \hline & & & & \\ & & & & \end{matrix}$ они чаще всего имеют строение 1(2,3) и I(II,III).

Приведем пример.

«ДАОДЭ-ЦЗИН», § 73
(Полная схема параграфа)³⁴

а) 勇於敵則殺	б) 勇於不敢則活	в) <知>此兩者或利或害
		в'. 天之所惡孰知其故
		в". [是以聖人猶難之]
д) 天之道不爭而善勝	д) 不言而善應	з) 天網恢恢
е) 不召而自來	ж) 坦然而善謀	и) 疎而不漏

ПЕРЕВОД [50, 155]

а) Кто храбр и воинствен — погибает, б) кто храбр и не воинствен — будет жить. в) Эти две вещи означают: одна — пользу, а другая — вред. в'. Кто знает причины ненависти к воинственным? в". Объяснить это затрудняется и мудрец. г) Естественное *дао* не борется, но умеет побеждать. д) Оно не говорит, но умеет отвечать. е) Оно само приходит. ж) Оно спокойно и умеет управлять [вещами]. з) Сеть природы редка, и) но ничего не пропускает.

Таким образом, о форме структурного параллелизма иногда можно судить по форме соотношения частей текста — их определенному соотношению соответствует определенная структура всех рядов канона, по крайней мере в одном направлении. В некоторых текстах по сложным соединяющим и разъединяющим формам можно определить структуру в обоих направлениях (по столбцам и строкам).

Случаи, когда по форме соотношения частей текста можно судить о структурном параллелизме, являют собой примеры совпадения частей текста и частей канона. Как правило, части канона совпадают с частями текста, построенного по самым сложным формам соотношения частей текста. Здесь с основанием канона совпадают две неполные части текста, параллельные между собой; с неполной частью канона совпадает неполная часть текста, отличающаяся своим направлением

³⁴ Комплекс «а—б—в» является полной частью текста, так как помимо синтаксического тождества элементов «а» и «б» все три фразы непосредственно связаны единым содержанием, что отражено в словосочетании 此兩者, и единой рифмой. Фраза «в'» может рассматриваться как параллельная комплексу «з—и» и, возможно, является остатком какого-то иного построения текста, видимо, по схеме «трудного» канона, на что есть намек во фразе «в''». В данном же тексте фраза «в''» звучит как внешнее замечание по содержанию основного текста, почему и выпадает из девятичленного строения. В «Ле-цзы» [24, 72] эта фраза приписывается Лао Даню (老聃), автором же данного параграфа могло быть другое лицо.

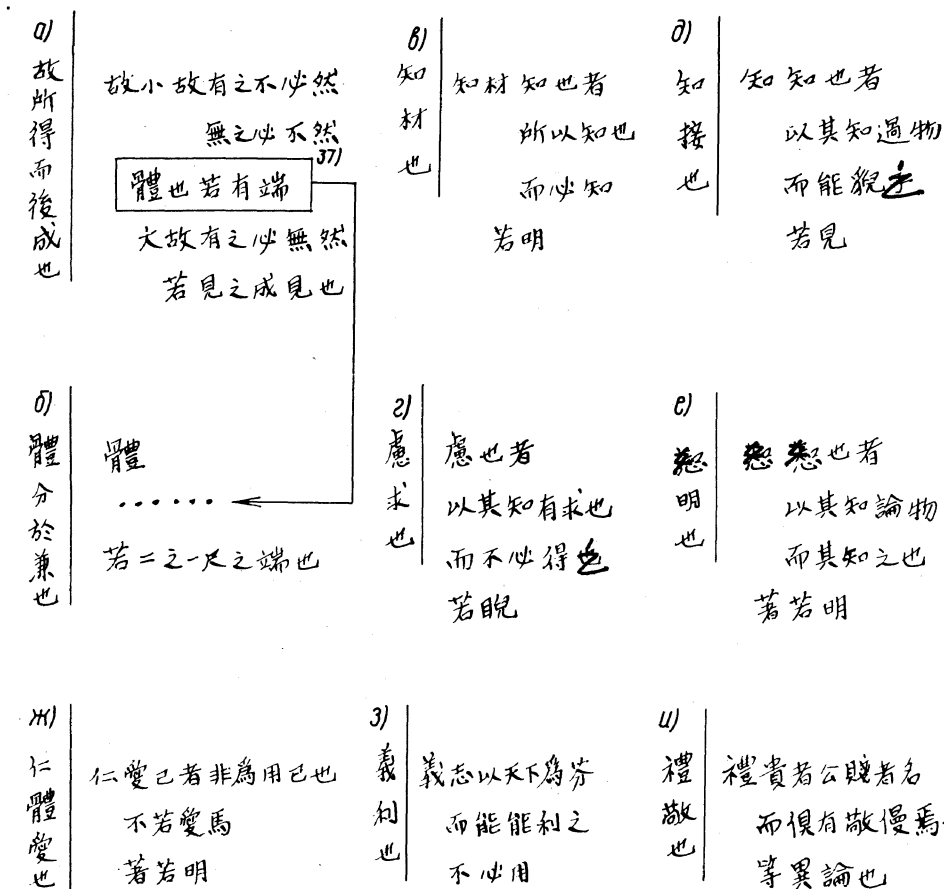
от двух других неполных частей текста; полная часть текста совпадает с полной частью канона.

Со сложными-простыми формами соотношения частей текста дель обстоит несколько сложнее. Эти формы могут отражать и иногда отражают структурный параллелизм лишь в одном направлении. Так, по

форме $\begin{matrix} | \\ \text{---} \\ | \end{matrix}$ ($\begin{matrix} | \\ \text{---} \\ | \\ \text{---} \\ | \end{matrix}$) иногда можно определить, что строки (столб-

цы) здесь имеют структуру I(II,III) и 1(2,3). Но какова структура столбцов (строк), по данной форме определить невозможно.

Приведем пример из «Мо-цзы». Начало главы «Цзиншан»³⁵ схематизируется следующим образом³⁶:

³⁵ Главы «Цзиншан» и «Цзинся» («Первый канон» и «Второй канон») представляют собой «трудные» каноны (см. стр. 66). Но поскольку исследователи заметили, что в «Выводах (шо)» проведено выделение «легких» канонов, они стали разделять каждый канон на две части, соответствующие «легким» канонам. Мы приводим текст лишь части «трудного» канона. Такое использование текста не дает возможности отметить всей сложности проблематики оригинала. Но для иллюстрации отдельных сторон текста оно приемлемо и целесообразно, так как в противном случае понимание формы было бы весьма осложнено. В комментариях «трудную» форму обычно вообще игнорируют.

³⁶ В схеме дан как текст канона (цзин), так и его «выводов (шо)». В оригинале эти тексты разведены на «Канон» [19, 190—191] и «Выводы» [19, 202—203]. Первый текст в нашей схеме написан сверху вниз, второй — слева направо.

³⁷ Вероятно, эта фраза по ошибке перенесена из отрывка «б» в отрывок «а».

Форма соотношения части ^и текста здесь $\begin{array}{|c|} \hline \text{!!!} \\ \hline \end{array}$. По ней мы можем

предположить, что столбцы имеют структуру (1, 2)3. Это подтверждается по крайней мере двумя последними столбцами. В них за двумя элементами, горизонтальный текст в которых завершается выражением 若□, следуют элементы, не имеющие такого выражения³⁸. Отсюда мы можем заключить, что основание канона находится где-то в первых двух строках. Но по форме соотношения частей текста в данном случае мы не можем судить о горизонтальном строе — все его элементы совершенно одинаковы по форме соотношения частей текста.

Лишь обратившись к самому тексту, мы можем обнаружить, что строки здесь имеют структуру I(II, III) и основание канона заключено в двух последних столбцах, а именно в элементах «в», «г», «д», «е». При выделении основания канона схема этого текста приобретает

вид: $\begin{array}{|c|} \hline \text{!!!} \\ \hline \end{array}$.

Случай совпадения частей текста и частей канона свидетельствуют о том, что эти явления не оторваны друг от друга. Но отсюда нельзя сделать вывод об их тождественности. Если бы части текста всегда совпадали с частями канона, простая форма соотношения частей текста была бы невозможна, или, наоборот, она бы не заключала в себе никакой формы канона. Рассмотрим пример из «Луныюя» [15, 134—140]³⁹:

<p>и) 子曰</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. 述而不作 2. 信而好古 3. 竊比於我老彭 	<p>и) 子曰</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. 默而識之 2. 學而不厭 3. 誨人不倦何有於我哉 	<p>и) 子曰</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. 德之不修學之不講 2. 聞義不能從不善不能改 3. 是吾憂也
<p>е) 子之燕居</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. 申申如也 2. 訥訥如也 	<p>и) 子曰</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. 甚矣吾衰也 2. 久矣吾不復夢見周公 	<p>и) 子曰</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. 志於道 據於德 2. 依於仁 遊於藝
<p>ж) 子曰</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. 自行束脩以上 2. 吾未嘗無誨焉 	<p>з) 子曰</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. 不憤不啓 2. 不悱不發 	<p>и)</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. 舉一隅不以三隅反則不復也 2. 子食於有喪者之側未嘗飽也

³⁸ В столбце I такое выражение есть в третьей строке, но здесь фраза с этим выражением точно повторяет конец элемента «е». Весьма возможно, что она лишняя в тексте, но в любом случае ее присутствие лишь в одном элементе столбца дает основание для определения его структуры как (1, 2)3.

³⁹ Отметим, что в «старом» тексте (времени Лючао) после отрывка «и2» был зафиксирован конец абзаца, что соответствует форме канонизированного текста.

а) Учитель сказал: «1) Перелагать, но не творить, 2) доверять и любить древность, 3) — [в этом] я поставлю рядом с собой [лишь] Лао Пэна». б) Учитель сказал: «1) Не болтать, а познавать, 2) в научении быть ненасытным, 3) [а] неустанность в наставлении других от меня ли [одного] зависит?». в) Учитель сказал: «1) Достижения (дэ) не прослеживаются последовательно, научение не излагается систематически; 2) узнав о нормах долга, не способны следовать [им], нехорошее не способны исправить, 3) — вот это меня беспокоит». г) Учитель, когда отошел от дел службы, 1) на природу в предзимнее время похож был, 2) на растения, набравшие сок, похож был. д) Учитель сказал: «1) Уж чрезмерно [полагать, что] я дряхл, 2) уж долго длится [то, что] я вновь не вижу во сне Чжоу Гуна»⁴⁰. е) Учитель сказал: «1) Стремлюсь к Графику (дао), держусь Достижений (дэ), 2) полагаюсь на человечность, [чувствую себя] свободным в искусствах». ж) Учитель сказал: «1) Сам располагая по [параллельным] рядам связку [текста?] за связкой, таким образом поднимаюсь ввысь [понимания]. 2) Я абсолютно всегда нахожу в этом наставление». з) Учитель сказал: «1) Не выносивший в сердце протест [против незнания] не просветится. 2) Не выстрадавший в душе [мысль] не откроет [ее]». и) 1) Если представить один [прямой] угол и не учесть трех [прямых] углов, противопоставляемых [ему], то не вернешься [к исходной точке]. 2) Учитель никогда не пресыщался, когда ел рядом с находящимся в трауре.

В данном фрагменте элементы выделяются по признаку внешнего оформления текста (цитата, оформленная показателем Е) и по признаку композиционного параллелизма. Первая строка схемы (элементы «а», «б», «в») состоит из элементов, имеющих композицию (1,2)3; вторая и третья строки (остальные элементы) — из элементов, имеющих композицию (1,2). Таким образом, столбцы в схеме состоят из элементов, образующих тождественные структуры 1(2,3)⁴¹. Это значит, что наиболее близкие элементы находятся во второй и третьей строках и основание канона составляют какие-то элементы этих строк.

Если же мы рассмотрим строки, то и там обнаружим, что степень тождественности элементов, их составляющих, разная. Элементы, входящие в первые два столбца, с точки зрения простых параллелизмов состоят лишь из двух параллельных элементов и явно отличны от фраз «в» и «е», которые с точки зрения простых параллелизмов делятся на четыре возможных элемента. Хотя элемент «и», по-видимому, не обладает последним свойством, но он также отличен от других элементов в своей строке, так как в его состав не входит сочетание 子曰 'учитель сказал'. Таким образом, строки в схематизированном тексте построены по форме (I,II)III.

Совместив результаты рассмотрения строк и столбцов, мы приходим к выводу, что в данном тексте, безусловно, есть основание канона, которое заключено в последних двух строках и в первых двух столбцах схематизированного текста. Части текста и части канона здесь не совпадают.

Это несовпадение выражается не только в том, что они количественно не равны друг другу, но и в том, что для элементов частей ка-

⁴⁰ Насколько можно судить по интерпретации этого сюжета, данной в «Ляуши чунью» [17, 314], речь идет о зрелости сознания, дающей возможность человеку самостоятельно, без подсказок духов, решать вопросы и успешно вести дела.

⁴¹ Цифры здесь обозначают строки всего канона.

нона не обязательно примыкание друг к другу в линейной последовательности элементов.

Анализ простой формы соотношения частей текста показывает, что совпадение частей текста с частями канона в принципе необязательно. Это подтверждается и примерами, в которых части канона не совпадают с частями текста, имеющими сложную форму соотношения.

«ДАОЛЭ-ЦЗИН», § 49 (ПОЛНАЯ СХЕМА)

а) 聖人無心	б) 善者吾善之	в) 不善者吾亦善之得善
г) 以百姓心為心	д) 信者吾信之	е) 不信者吾亦信之得信
ж) 聖人在天下怵怵	з) 為天下禪其心	и) 百姓皆注其耳目 聖人皆孩之

ПЕРЕВОД [50, 141—142]

а) Мудрый человек не имеет собственного сердца. б) Его сердце состоит из сердец народа. в) Добрым я делаю добро г) и недобрым также желаю добра. Это и есть добродетель, порождаемая дэ. д) Искренним я верю, е) и неискренним также верю. Это и есть искренность, вытекающая из дэ. ж) Мудрый человек живет в мире спокойно з) и в своем сердце собирает мнения народа. и) Он смотрит на народ, как на своих детей.

В этом отрывке форма соотношения частей текста дает ос-

нование рассматривать форму канона как . Возможно, что та-

кая форма канона и наблюдалась в каком-то из существовавших вариантов текста, но там элементы «г», «е», «и» должны были бы быть другими. В нашем тексте структурный параллелизм строк выражается в их строении (I, II)III, столбцы же построены как (1, 2)3. Поэтому основание канона здесь может быть только в двух первых столбцах и в

двух первых строках, а это дает форму канона по схеме , при

которой элементы, составляющие основание канона, не связаны линейной последовательностью.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что виды канона — это явление, в известной мере независимое от форм соотношения частей текста, нечто самостоятельное в структуре текста. Если это так, то для изучения текста необходимы особые приемы определения видов канона и их описания, отличные от приемов описания соотношения частей текста.

Определение видов канона начинается с выявления формы соотношения частей текста, изучения параллелизмов текста. Существенным моментом здесь является фиксирование различий в степени синтаксической близости элементов⁴². Определение вида канона представляет

⁴² Степень синтаксической близости всегда определяется довольно строго по количеству признаков тождественности элементов: чем больше таких признаков, тем ближе элементы друг к другу.

собой интерпретацию какой-то уже выявленной формы соотношения частей текста с точки зрения структурного параллелизма, выражающегося в особом расположении частей канона.

Поэтому обозначение видов канона целесообразно производить посредством знаков, накладывающихся на знаки, обозначающие формы соотношения частей текста. В приведенных выше примерах виды канона обозначались путем выделения тех элементов, которые составляют основание канона. Указанное обозначение дает возможность наглядно представить и обозреть все структуры текстов, обусловленные разными видами канона.

Каждая форма соотношения частей текста может содержать в себе

все четыре вида канона. Так, форма соотношения частей текста

может соответствовать следующим четырем видам канона:

Поскольку части канона в принципе могут не совпадать с частями текста, канон может иметь не только основание, не совпадающее с неполными частями текста, но и такие же несовпадающие полную

строку (столбец) и неполную строку (столбец) канона. Схема

например, еще не показывает, где расположена полная часть канона и где неполная. Следовательно, для обозначения канона в данной форме соотношения частей текста необходимо наряду с выделением основания канона как-то обозначать либо полную, либо неполную его часть. Представляется целесообразным обозначать неполную часть канона путем подчеркивания в квадрате, охватывающем основание канона, той стороны, которая соответствует неполной части канона. На-

пример, схема

основанием канона являются элементы «б — г — д — е», неполной частью — элементы «з — и», полной частью — элементы «а — в — ж».

Такое дополнительное обозначение не нужно в том случае, когда неполная или полная часть канона (хотя бы одна из них) совпадает

с соответствующими частями текста. Так, схема

будет означать такое построение текста, в котором основанием канона являются элементы «б — г — д — е», полной частью канона — элементы «ж — з — и», неполной его частью — элементы «а — в».

Схема, показывающая, какой именно канон (каково положение его полной и неполной частей) содержится в данной форме соотношения частей текста, обозначает форму канона данного текста.

Форма канона отличается от вида канона тем, что здесь конкретизировано направление и положение полной и неполной частей канона.

Каждый вид канона (а их четыре для каждой формы соотношения частей текста) может иметь две формы. Например, канон вида

может иметь формы и . Отсюда следует, что каждой форме соотношения частей текста соответствует восемь форм канона.

Выделение основания канона и определение вида канона в большинстве случаев можно провести на основании формальных признаков, рассматриваемых в пределах данного отрывка. Но точное и доказательное определение формы канона при помощи только формального анализа и в пределах одного отрывка, как правило, затруднительно.

Это свидетельствует о недостаточности чисто формального подхода к структуре текста, но не позволяет отрицать формальный анализ как необходимую ступень к обоснованному пониманию текста.

8. «ЛЕГКИЕ» И «ТРУДНЫЕ» КАНОНЫ

Во всех предыдущих случаях рассмотрение канонизированных текстов проводилось в плане соотношения элементов по горизонтали и вертикали. Это — аспект структуры текста в одной плоскости. Но возможно представить и другой план рассмотрения текста — к рассмотрению соотношений по горизонтали и вертикали иногда можно добавить анализ соотношения элементов, как бы уходящий вглубь. Появляется третье измерение параллелизмов. Текст представляется трехмерным. В объемном тексте содержится несколько слоев, и он, таким образом, представляется «утяжеленным», или затрудненным, текстом по сравнению с плоскостным, являющимся «легким».

Различие между «легкими» и «трудными» (или «тяжелыми») канонизируемыми текстами выражается прежде всего в строении элементов. В «легких» канонах элементы не разлагаются на составные части (хотя и могут быть разложимыми). В «трудных» канонах элементы обязательно имеют сложную структуру, и по тем же принципам, по которым выделяются элементы вообще, они разлагаются на составные части.

Наглядным примером «трудного» канона из уже приведенных является текст из «Чжунъюна»⁴³, в котором каждый элемент «легкого» канона разлагается на три составных элемента «трудного» канона. При этом девятки последовательно стоящих элементов «трудного» канона составляют «легкие» каноны. А три последних вместе составляют один «трудный», или «тяжелый», канон.

Во всех случаях, когда есть композиционный параллелизм элементов⁴⁴, мы по существу имеем дело с «тяжелыми» элементами канона, или «тяжелыми» канонами в целом. «Утяжеление» текста не обязательно бывает троекратным. Может быть удвоение элементов канона, как это наблюдается в § 2 «Даодэ-цзина», схема которого представляется следующей:

⁴³ См. выше, стр. 32 данной работы.

⁴⁴ Но не рядов канона.

А) { а) 天下皆知美之為美 б) 斯惡己	Б) { в) 皆知善之為善 г) 斯不善己	В) { и) 音聲[之]相和 к) 前後[之]相隨
Б) { д) <故>有無[之]相生 е) 難易[之]相成	Г) { л) 長短[之]相形 м) 高下[之]相傾	Е) { н) 是以聖人處無為之事 о) 行不言之教
Ж) { п) 萬物作而不辭 р) 生而不有	З) { т) 為而不恃 д) 成功不居	У) { с) 夫唯不居 ф) 是以不去

ПЕРЕВОД [50, 116]

а) Когда все люди узнают, что красивое является красивым, б) является и безобразное. в) Когда [все] узнают, что добро является добром, г) возникает и зло. д) Поэтому бытие и небытие порождают друг друга, е) трудное и легкое⁴⁶ создают друг друга, ж) длинное и короткое взаимно оформляются, з) высокое и низкое друг к другу склоняются, и) звуки, сливаясь, приходят в гармонию, к) предыдущее и последующее следуют друг за другом. л) Поэтому мудрый человек предпочитает недеяние м) и осуществляет учение безмолвно. н) Тогда все вещи приходят в движение, и они не приостанавливают [своего движения]. о) Он создает и не обладает [тем, что создано], п) делает и не пользуется [тем, что сделано], р) завершает дела и не гордится. с) Поскольку не гордится, т) [все существа его] не покидают.

Приведенный отрывок можно рассматривать как «легкий» (плоскостной) канон, построенный по объединяющей соединяющей форме, в которой основание канона содержится в первых четырех элементах, а элементы «Д» и «Е» переставлены местами⁴⁷.

Каждый элемент «легкого» канона, обозначенный прописными буквами, делится на два элемента «трудного» канона, обозначенные строчными буквами. Эти элементы могут образовывать построения структурного параллелизма, при этом линейная последовательность

⁴⁵ Знак $\frac{Д}{Е}$ указывает, что возможны перестановки местами частей текста «Д»

и «Е». Это является «оборачиванием», о котором см. выше, стр. 35.

⁴⁶ Под «трудным» и «легким», возможно, имеются в виду также «трудные» и «легкие» каноны, о которых из этого параграфа можно почерпнуть следующие сведения. Их возникновение связано с противопоставлением типа «бытие — небытие» (無, 有), что может означать наличие или отсутствие определенных элементов текста; их свойства связаны с определенным соответствием верхних и нижних слоев («высокого» и «низкого»); они имеют отношение «предыдущего» и «последующего», связанных между собой; выражают поучения, систематизированные по рядам (行). Последнее выясняется в варианте текста $\frac{Д}{Е}$ имеющем «оборачивание» $\frac{Д}{Е}$. Все указанные сведения о «легких» и «трудных» канонах подтверждаются их дальнейшим рассмотрением.

⁴⁷ Перестановки элементов, составляющих неполную часть, встречаются довольно часто.

элементов «легкого» канона и его частей не полностью определяет такое построение.

Рассмотрим для примера первую строку «легкого» канона. Она состоит из элементов «А», «Б», «Е». Структурный параллелизм этого отрезка текста (схема которого приведена ниже) нарушает цельность указанных элементов.

а) 天下皆知美之為美	б) 斯惡已	в) 是以聖人處無為之事
б) 皆知善之為善	в) 斯不善已	г) 行不言之教

Данное построение образует структурный параллелизм, так как столбцы здесь образованы из тождественных элементов.

Историческая возможность указанного построения подтверждается тем, что в источниках можно обнаружить прочтение образовавшейся второй строки как чего-то единого. В «Хуайнань-цзы» после цитирования элементов «в» и «г» делается вывод: «поэтому мудрость не высказывается, высказанное — не мудрость» [7, 189]. В «Чжуан-цзы» легендарному Хуан-ди приписываются слова, в которых он из только что приведенной фразы делает вывод, сформулированный в выражении, совпадающем с элементом «м» [3, 137]. Таким образом, между элементами «в» — «г» — «м» исторически существовала связь⁴⁸. А это, в свою очередь, является свидетельством того, что разбивка на элементы «трудного» канона представляет собой реальный факт синтаксиса данного отрывка.

Для демонстрации самостоятельности деления на элементы «трудного» канона рассмотрим еще пример «легкого» канона с удвоенными элементами.

«ДАОДЭ-ЦЗИН», § 51

Вариант 1

А) { а) 道生之 б) 德畜之	Б) { а) 物形之 б) 勢成之	В) { а) <是以> 万物莫不尊道 б) 而貴德
Г) { ж) 道之尊 з) 德之貴	Д) { л) 故道生之德畜之 м) 長之育之	Ж) { н) 成之熟之 о) 養之覆之
Д) { и) 夫莫之命 к) 而常自然	З) { п) 生而不有 р) 為而不恃	Ц) { с) 長而不宰 т) 是謂去德

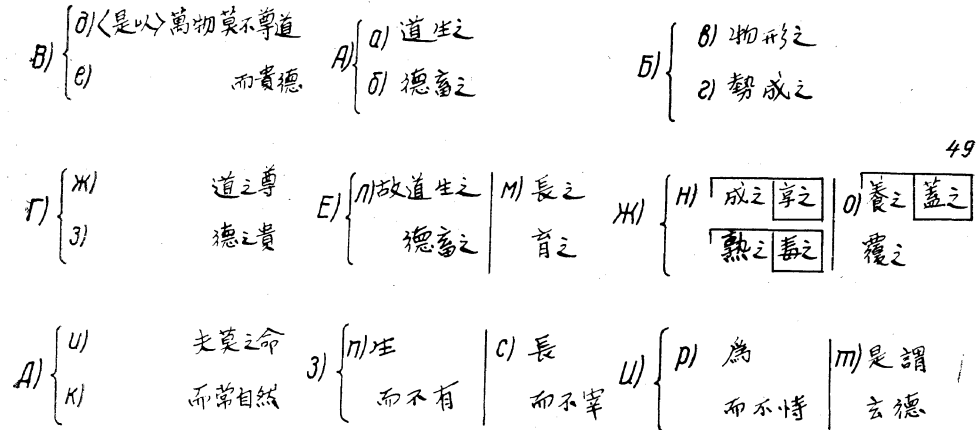
Как «легкий» канон, данное построение основывается на форме соотношения частей текста . Но это построение не выражает

⁴⁸ Это и явилось для нас основанием перестановки элементов «Е» и «Д».

собой полной схемы. Вторая и третья строки построены по форме I(II,III), тогда как первая строка — по форме (I,II)III. Поэтому для восстановления канона мы изменим порядок первых трех элементов, «обернув» первую строку.

Но и получившуюся схему нельзя признать полной, так как она не отражает некоторых моментов явного тождества содержания. Поэтому произведем дальнейшее преобразование.

Вариант 2

В последнем варианте мы добились того, что стал наглядным параллелизм некоторых элементов, составляющих части «легкого» канона.

ПЕРЕВОД [50, 142—143]

а) Дао рождает [вещи], б) дэ вскармливает [их]. в) Вещи оформляются, г) формы завершаются. д) Поэтому нет вещи, которая не возвышала бы дао е) и не ценила бы дэ. ж) Дао возвышенно, з) дэ почтено, и) потому что они не отдают приказаний, к) а следуют естественности. л) Дао рождает [вещи], дэ вскармливает их, м) возвращает их, воспитывает их, н) совершенствует их, делает их зрелыми, о) ухаживает за ними, поддерживает их. п) Создавать и не присваивать, р) творить и не хвалиться, с) являясь старшим, не повелевать. т) Вот что называется глубочайшим дэ.

Приведенный анализ показывает, что, хотя элементы «трудного» канона состоят из частей элементов «легкого» канона, в «трудном» каноне эти части сочетаются между собой не как части элементов «легкого» канона, а по собственным закономерным связям. Таким образом, при рассмотрении соотношения «легких» и «трудных» канонов нужно различать два вида «легких» канонов: исходный «легкий» канон, который можно разложить на элементы «трудного» канона, и «легкий» канон, который является результатом синтеза элементов «трудного» канона (всех их или их части). В первом виде последовательность элементов «трудного» канона остается линейной, с коррективами, вно-

⁴⁹ Знак а | в указывает, что взят список, в котором вместо «а» стоит «в».

симыми формой исходного «легкого» канона. Во втором виде линейная последовательность элементов «легкого» (итогового) канона может претерпевать серьезные изменения. Общий принцип распределения может оставаться тем же (справа налево и сверху вниз), но в каждом ряду такого «легкого» канона он может осуществляться по-разному, а не только в простой форме соотношения частей текста.

Примером первого вида может служить вариант 1 схематизированного текста § 51 «Даодэ-цзина».

Примером второго вида может служить вариант 2 того же параграфа, если мы элементы «трудного» канона объединим в элементы «легкого» (итогового) канона.

Свойства элементов «трудного» канона наиболее полно проявляются в возможности образования из них «легких» канонов второго вида.

Поэтому целесообразно «трудные» каноны схематизировать путем сведения их к формам, допускающим такую возможность. Например, § 52 «Даодэ-цзина» при таком подходе схематизируется следующим образом:

$\left. \begin{array}{l} б) 既知其母 \\ в) 又知其子 \end{array} \right\} б)$	$\left. \begin{array}{l} д) 既知其子 \\ е) 復守其母 \end{array} \right\} в)$	$\left. \begin{array}{l} а) 天下有始 \\ б) 以爲天下母 \\ ж) 沒身不死 \end{array} \right\} а)$
$\left. \begin{array}{l} з) 塞其兌 \\ л) 閉其兌 \end{array} \right\} г)$	$\left. \begin{array}{l} и) 閉其門 \\ м) 濟其事 \end{array} \right\} а)$	$\left. \begin{array}{l} к) 終身不勤 \\ н) 終身不救 \end{array} \right\} е)$
$\left. \begin{array}{l} о) 見小曰明 \\ п) 用其光 \end{array} \right\} ж)$	$\left. \begin{array}{l} р) 守柔曰強 \\ с) 復歸其明 \end{array} \right\} з)$	$\left. \begin{array}{l} т) 無遺身殃 \\ у) 是謂習常 \end{array} \right\} и)$

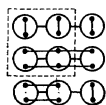
ПЕРЕВОД [50, 143]

а) В Поднебесной имеется начало, б) и оно является матерью Поднебесной. в) Когда будет постигнута мать, г) то можно узнать и ее детей. д) Когда уже известны ее дети, е) то снова нужно помнить о их матери. ж) В таком случае до конца жизни [у человека] не будет опасности. з) Если [человек] оставляет свои желания и) и освобождается от страстей, к) то до конца жизни не будет у него усталости. л) Если же он распускает свои страсти м) и поглощен своими делами, н) то не будет спасения [от бед]. о) Видеть мельчайшее называется ясностью. п) Сохранение слабости называется могуществом. р) Употребляя его блеск, с) снова сделать его [дао] ясным. т) Тогда до конца жизни [у человека] не будет несчастья. у) Это называется соблюдением постоянства.

Схема приведенного текста не отражает линейной последовательности элементов «трудного» канона.

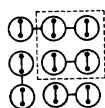
Поэтому схема для «трудных» канонов должна воспроизводить соотношение как частей текста, так и элементов «трудного» канона с добавлением знаков, показываю-

щих, какие части текста объединяются, образуя элементы «легкого» канона. Поэтому здесь пригодна лишь следующая графическая схема:

В этой схеме кружками обведены группы элементов «трудного» канона, составляющие элементы получающегося «легкого» канона; черточки между кружками показывают, как эти элементы образуют части текста «легкого» канона, в какой форме соотношения находятся эти части текста.

Для рассмотренного выше § 51 «Даодэ-цзина» приблизительная схема (для варианта 2) будет следующая:

Эти схемы представляют формы «трудного» канона, сведенного к одному «легкому» (однослойному), из которого можно получить несколько более мелких «легких» канонов второго вида. Следовательно, форма «трудного» канона может быть представлена микроструктурой «легкого» канона.

В тех случаях, когда каждый элемент «трудного» (составного) канона состоит из трех более мелких элементов, тройка таких элементов «трудного» канона образует целый «легкий» канон второго вида. В рассмотренных выше §§ 51 и 52 «трудный» канон разделялся на группы,

составляющие незавершенные «легкие» каноны: $\boxed{\text{III}}$, $\boxed{\text{III}}$.

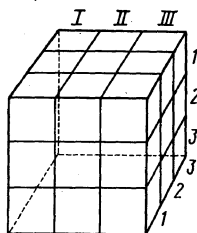
Конкретные виды соотношения «легких» и «трудных» форм канона многообразны. Но здесь важно подчеркнуть, что они всегда связаны друг с другом, порождают друг друга, и в каждом случае порождения порожденное несет на себе определенные черты порождающего.

Для методики работы с источниками это существенно, так как оно обязывает не отбрасывать, а учитывать результаты, достигнутые при исследовании форм «легких» («трудных») канонов, а также видов «трудных» («легких») канонов. Другая сторона этого же явления заключается в возможности использования исторических фактов осмысления «легких» («трудных») форм для изучения «трудных» («легких») форм.

Отмеченное соотношение «легких» и «трудных» канонов дает определенный материал для новой оценки возможностей формообразования текстов. Эти возможности не ограничиваются пределами формообразования различных «легких» форм. Каждая «легкая» форма может иметь модификации, соответствующие ее микроструктуре, состоящей из элементов «трудного» канона. Кроме того, каждая «трудная» форма может сводиться к разным «легким» формам, в зависимости от того, какие сочетания элементов возможны в данном тексте. Для оценки последнего необходимо определить существенные черты и возможные виды собственно «трудных» форм.

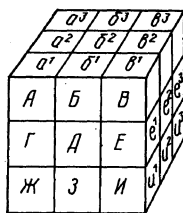
Преобразование «легких» канонов в «трудные» и обратно проходит в рамках свойств, выраженных в понятиях универсального параллелизма. Результаты такого превращения показывают, что и те и другие каноны строятся в пределах девятичленных построений. Но при сведении «трудных» канонов к «легким» не фиксируются и не изучаются те свойства «трудных» канонов, которые связаны с их объемным строением, поэтому для изучения собственных свойств «трудных» канонов необходима не плоскостная, а объемная модель.

Представим основу модели «трудных» канонов в виде куба, у которого есть три измерения:

«Легкие» каноны имеют только ширину и высоту, «трудные» — еще и глубину.

Простейший случай «трудного» канона будет следующий. Каждый элемент «легкого» канона, образовавшегося из элементов «трудного» канона, распадается на три элемента «трудного» канона. Обозначим это через A (a^1, a^2, a^3), B (b^1, b^2, b^3) и т. д., что указывает на то, что «легкий» элемент A состоит из «трудных» элементов a^1, a^2, a^3 и т. д. При этом ясно виден параллелизм как между группами $A—B$ и $\Gamma—\Delta$ и т. п., так и между группами $a^1—b^1$ и $a^2—b^2$ и т. д. В таком случае модель такого «трудного» канона можно представить в следующем виде:

$A \dots И$ здесь просто знаки для соответствующих групп элементов «трудного» канона $a^1, a^2, a^3 \dots u^1, u^2, u^3$. «Трудные» каноны, построенные по указанной схеме, можно считать законченными и последовательными.

Законченность и последовательность здесь означают, что в данной модели все места заполнены текстом (элементами «трудного» канона) и заполнение происходит всегда в одной последовательности⁵⁰.

Законченный «трудный» канон состоит, таким образом, из 27 элементов. Но реальные тексты не всегда бывают законченными. Так, по-

⁵⁰ Последовательным «трудным» канонам также будет, например, канон, в котором заполнение модели проходит последовательно по слоям вглубь: от a^1 до u^1 и далее от a^2 до u^2 и, наконец, от a^3 до u^3 .

следовательным, но не завершенным является § 2 «Даодэ-цзина», схему которого в объемной модели можно представить следующим образом:

	б	г	к	
а	в	и	е	
А	Б	Д	Ж	И
В(Вв)	Г(Гг)	Е	Ж	И
Ж	З	И	К	Л

Элементы здесь заполняют модель последовательно, но лишь на два слоя глубины; однако оба эти слоя заполнены полностью. К такому же виду «трудного» канона можно отнести и §§ 51 и 52, ранее схематизированные в моделях «легкого» канона.

Но в текстах встречается и иная незавершенность «трудных» канонов, например, §§ 10 и 77 «Даодэ-цзина»:

«ДАОДЭ-ЦЗИН», § 10⁵¹

А) { а) 載營魄抱一
б) 能无離

В) { в) 涤除玄覽
г) 能无疵

Г) { ж) 愛人治國
з) 能无為

Б) { б) 專氣致柔
г) 能嬰兒

А) { и) 天門開闢
к) 能為雌

Е) { л) 明白四達
м) 能无知

'н. <生之畜之>

Ж) н) 生而不有

З) о) 為而不恃

И) п) 長而不宰

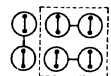
п) 是謂玄德

ПЕРЕВОД [50, 120]

а) Для сохранения спокойствия души [человек] должен соблюдать единство. б) Тогда [в нем] не будут пробуждаться желания. в) Если сделать дух мягким, г) человек станет подобен новорожденному. д) Если его созерцание становится чистым, е) тогда не будет заблуждений. ж) Любовь к народу и управление страной з) осуществляются без умствования. и) Врата мира открываются и закрываются к) при соблюдении спокойствия. л) Знание этой истины м) делает возможным надеяние. 'н. Рождать [существа] и воспитывать [их], н) создавать и не обладать [тем, что создано], о) творить и не воспользоваться [тем, что сделано], п) будучи старшим среди других, не считать себя властелином п'. — все это называется глубочайшим дэ.

⁵¹ О списках без отрывка «н» см. работу Ма Сюй-луня [91, 49].

В данном случае канон, выступающий в целом как «легкий», построен по форме . Но его основание и неполная часть состоит

из сдвоенных элементов, а потому являются «трудными». Как «трудный», данный канон имеет структуру:

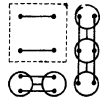
«ДАОДЭ-ЦЗИН», § 77

- ‘а. 天之道其猶張弓
A) а) 高者抑之	Б) б) 下者舉之	M) 是以聖人	
		U) 熟能有餘	為而不恃
			Ж)
Б) в) 有餘者損之	Г) г) 不足者興之	К) 以奉天下	Н) 功成不處
			З)
A) { <table border="0" style="margin-left: 20px;"> <tr> <td>д) 天之道</td> </tr> <tr> <td> 損有餘</td> </tr> <tr> <td>ж) 人之道則不然</td> </tr> <tr> <td> 損不足</td> </tr> </table>	д) 天之道	損有餘	ж) 人之道則不然	損不足	E) {	<table border="0" style="margin-left: 20px;"> <tr> <td>е) 而補不足</td> <td>М) 其唯有道者</td> <td>О) 斯不見賢</td> </tr> <tr> <td></td> <td></td> <td style="text-align: center;">L)</td> </tr> <tr> <td>з) 奉有餘</td> <td></td> <td></td> </tr> </table>	е) 而補不足	М) 其唯有道者	О) 斯不見賢			L)	з) 奉有餘		
д) 天之道															
損有餘															
ж) 人之道則不然															
損不足															
е) 而補不足	М) 其唯有道者	О) 斯不見賢													
		L)													
з) 奉有餘															

ПЕРЕВОД [50, 157]

‘а. Естественное *дао* напоминает натягивание лука. а) Когда понижается его верхняя часть, б) поднимается нижняя. в) Оно отнимает лишнее г) и отдает отнятое тому, кто в нем нуждается. д) Естественное *дао* отнимает у богатых е) и отдает бедным то, что у них отнято. ж) Человеческое же *дао* — наоборот. Оно отнимает у бедных з) и отдает богатым то, что отнято. и—к) Кто может отдать другим все лишнее? л) Это могут сделать только те, которые следуют *дао*. м) Поэтому мудрый человек делает и не пользуется тем, что сделано, н) совершает подвиги и себя не прославляет. о) Он благороден потому, что у него нет страстей.

Схематизированный § 77 построен по форме:

«Утяжеленными» у него являются полная и неполная части при «легком» основании.

Представив рассматриваемые параграфы в объемной модели, легко можно заметить, что, как в § 10, так и в § 77, вторые слои глубины заполнены не полностью, и возможное заполнение мест в модели может происходить только при нарушении принятой последовательности:

например, в § 10 сначала элементы двух разных слоев чередуются через один, а затем элементы первого слоя следуют непосредственно один за другим. Аналогичное явление неизбежно и в § 77. Это — примеры незавершенных и непоследовательных «трудных» канонов.

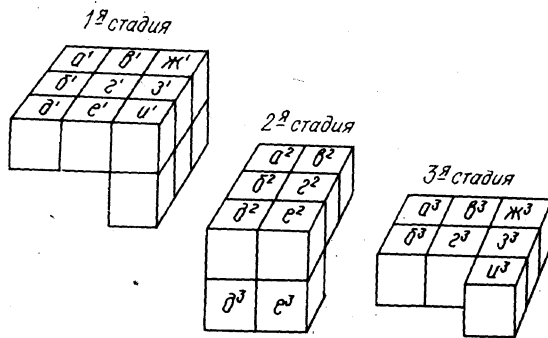
Каноны могут быть и завершенными, но непоследовательными. Рассмотрим § 64 «Даодэ-цзин». Представляемый как «легкий», канон может быть схематизирован в виде двух канонов, непосредственно следующих друг за другом:

«ДАОДЭ-ЦЗИН», § 64

а ¹) 其安易持	б ¹) 其脆易破	ж ¹) ж ¹) 合抱之木	ж ²) 生於毫末
б ¹) 其未兆易謀	в ¹) 其微易散	з ¹) з ¹) 九層之臺	з ²) 起於累土
в ¹) 為之於未有	в ¹) 治之於未亂	и ¹) и ¹) 千里之行	и ²) 始於足下
		<是以> 是以聖人	
а ²) 為者敗之	б ²) 聖人無為故無敗	ж ¹) а ¹) 欲不欲	б ²) 不貴難得之貨
б ²) 執者失之	в ²) 無執故無失	з ¹) б ¹) 學不學	в ²) 復衆人之所過
4 ¹) { а ²) 民之從事	E ¹) { а ²) 慎終如始	и ¹) { ж ²) 以輔萬物	з ²) 之自然
б ²) 常於幾成而敗之			

Первые три строки схематизированного текста составляют один канон, полная часть которого состоит из двойных элементов. Поэтому весь он представляется незавершенным «трудным» каноном. Последние три строки тоже представляют собой канон. В нем «утяжеленными» являются все части канона, за исключением основания (элементы «а²», «б²»; «в²», «г²»⁵²).

Нельзя считать случайным тот факт, что количество минимальных элементов здесь составляет 27. Два отмеченных выше «легких» канона или два неполных «трудных» канона составляют один полный объемный канон. Чтобы показать, как происходит это составление, разделим его на три стадии, соответствующие линейной последовательности текста. Заполнение модели объемного канона в этом случае происходит следующим образом:

⁵² Обозначение элементов здесь дано с некоторым отступлением от линейной последовательности: Д¹ [д², д³], E¹ [е², е³]; Ж¹ [а³, в³]; З [б³, г³]; И¹ [ж³, з³, и³]. Указанные

Итак, «трудные» (объемные) каноны в зависимости от их состава подразделяются на завершенные и незавершенные, а в зависимости от способа их образования — на последовательные и непоследовательные. Оба принципа деления накладываются друг на друга.

Принцип завершенности, вероятно, отражает лишь степень исторической сохранности «трудных» канонов, но материал, который дают непоследовательные и незавершенные объемные каноны, существен для их исследования.

Блоки, образуемые незавершенными и непоследовательными «трудными» текстами, имеют границы, которые позволяют формировать дальнейший текст по частям канона. Это свойство незавершенных непоследовательных канонов находится в соответствии с тем фактом, что завершенные непоследовательные каноны также распадаются на блоки, границы которых совпадают с частями «легких» канонов как исходного текста, так и образующихся «легких» канонов. Такие блоки состоят из отрывков, связанных линейной последовательностью текста, и по аналогии с частями текста (определение которых нами было дано в применении к плоскостному аспекту) могут быть названы частями объемного канона.

То обстоятельство, что границы частей объемного текста (блоков) совпадают с границами частей «легких» канонов, содержащихся в объемном тексте, свидетельствует о том, что строение блоков взаимосвязано со строением «легких» канонов. Отсюда можно предположить, что в целом строение объемного канона отражает строение «легких» канонов и имеет соответствующие части. К такому же выводу можно прийти, исходя из принципа сводимости «трудных» канонов к «легким» и обратно, при условии, что получающиеся в результате каноны имеют структуру, состоящую из частей канона. Факты подтверждают такую обратимость канона в случаях не только непоследовательных канонов. В последовательных канонах слои составляют «легкие» каноны, имеющие аналогичные плоскостные структуры. Таким образом, строения «легких» канонов — это своеобразные проекции «трудного» канона, лежащего в глубине всего построения.

Если предположить, что такие проекции по формам канона упорядочены во всех трех направлениях объемного построения, то мы неизбежно приходим к выводу, что один из слоев глубины, ширины или высоты должен всегда существенно отличаться от двух других слоев и в какой-то из указанных проекций соответствовать полной части канона. В то же время два других слоя должны содержать в себе основания канонов. Таким образом, объемный канон в своей полностью упорядоченной форме, или в идеальной модели, должен содержать в себе: ядро, соответствующее основаниям канонов в любой плоскости; полную плоскость, соответствующую полным частям всех возможных «легких» канонов, и неполные плоскости, соответствующие неполным частям всех возможных «легких» канонов. Все перечисленные части можно назвать частями объемного канона.

Ядром объемного канона является комплекс, состоящий из восьми элементов и примыкающий к одному из углов объемной модели; полной плоскостью объемного канона является комплекс, состоящий из девяти элементов крайнего (первого или третьего) ряда одного измерения (или ширины, или высоты, или глубины); неполными плоскостями являются комплексы из шести и четырех крайних (первого или последнего) элементов одного измерения.

Обозначения помогут нам представить в дальнейшем «легкие» каноны как результат расслоения «тяжелого» канона

В рассмотренном выше § 64 «Даодэ-цзина» ядро канона состоит из элементов «а¹», «б¹», «в¹», «г¹», «а²», «б²», «в²», «г²», полная плоскость — из элементов «а³... и³». Остальные элементы составляют две неполные плоскости.

В зависимости от того, к какому из углов примыкает ядро, можно различать восемь видов объемного канона. Каждый вид делится на два подвида в зависимости от способов распределения элементов по неполным плоскостям. Таким образом, объемных форм канона может быть шестнадцать. Возникает вопрос: какое количество разных текстов могут вмещать в себя указанные шестнадцать форм? Ответ на этот вопрос определяется прежде всего тем, были ли (и если были, то какие) ограничения на формирование блоков, составляющих объемный канон. От этого будет зависеть возможность многообразия сочетаний, отражающих связь линейной последовательности текста с последовательностью заполнения модели объемного канона.

Обследованный материал не дает оснований для выведения какого-либо определенного правила последовательности заполнения объемной модели канона (такого, как правило заполнения плоскостной модели канона). Можно только сказать, что в целом линейная последовательность ведет «в глубь» объемного канона. Предстоит решить вопрос о существовании строгих правил на более широком материале. Возможно, что и этот материал не сразу даст ответ в силу случайностей исторических судеб текстов. Но все же можно надеяться, что при анализе материала, объясняющего эти случайности, можно приблизиться к пониманию вопроса. Надежда эта основывается на том, что «трудные» каноны были в поле зрения древних филологов. Здесь можно сослаться на школу «древних текстов» (*гуйзнь*) периода Хань, в частности на одного из ее представителей — Ян Сюна.

Отметив, что каноны (*цзинь*) в ходе своей истории претерпели изменения, ибо что-то было утеряно и что-то добавлено, Ян Сюн говорит о невозможности сведения канонов к легко понимаемому материалу. При этом приводит следующий аргумент: «Если бы небо можно было измерить разом, то это бы значило, что оно покрывает вещи поверхностно. Если бы землю можно было разом исчерпать, то это бы значило, что она держит вещи слабо. Великие [они]! Небо и земля для всех вещей являются оградой, а пять канонов для всех толкований являются внешней стеной» [27, 14].

Здесь высказана идея о соответствии строения и содержания каноничного строения вселенной. Указанное соответствие мы понимаем следующим образом. «Небо» и «земля» не представляют собой два только параллельных ряда явлений, которые ввиду их абсолютной раздельности можно разом исчерпать или измерить. Они сплетены между собой сложной связью в глубь друг друга. Подобно этому и каноны не могут располагать свой материал лишь по простым параллельным линиям, они должны иметь сложную глубинную структуру, делающую их трудными для понимания.

Вновь возвращаясь к вопросу о «трудных» и «легких» текстах, Ян Сюн связывает этот вопрос с их сохранностью. В «Фаянь» есть следующий отрывок: «Некто спросил относительно легких и трудных из канонов. [Ян Сюн] ответил: „[Это] сохранившие [целость] и утратившие [что-то]“. Этот некто не смог представить себе, о чем идет речь, [поэтому в дополнение Ян Сюн] сказал: „Если те люди [или тексты]»⁵³

⁵³ 其人. Сыма Гуан полагает, что здесь иероглиф 人 стоит вместо 文. Ван Юнбао (汪榮寶) добавляет к этому свои соображения, подтверждающие, что в данном случае речь идет о текстах (文), а не о людях [85, 10]. Нам представляется, что эти

«сохранили целостность,— легкие, если утратили что-то,— трудные. У Цицзы из Яньлина их [текстов] относительно музыки было множество. Но если музыкальные произведения пропали, то даже [он] ничего бы не смог поделывать. Соответственно этому, так как правила поведения и музыка периода Чжоу были предусмотрены для [всего] множества дел, то каждый может считать [их] не трудными. И точно так же, так как правила поведения и музыка во владении Цинь не были предусмотрены для [всего] множества дел, то каждый может считать [их] трудными“» [27, 15].

В данном случае «легкие» каноны представляют собой такие тексты, в которых предусмотрены все возможные ситуации. Это множество «легких» текстов, каждый из которых рассчитан на какую-то особую ситуацию и отражает особый разрез действия. Если сохранилось все многообразие таких текстов, то пользоваться ими легко, они и в целом и в частях являются «легкими».

Но не все такие каноны, «легкие» в указанном смысле, сохранились полностью: ряд «легких» текстов был утерян или сознательно опущен. Оставшиеся тексты представляли теперь уже не полную совокупность разрезов какого-либо действия, а лишь намеки на такие разрезы. Они, таким образом, стали «трудными» канонами.

Обратим внимание на то, что данное замечание Ян Сюна находится в соответствии с тем фактом, что «трудные» каноны, как правило, являются незавершенными (в указанном выше смысле), но сохраняющими остатки каких-то аспектов рассмотрения проблемы, несводимых к содержанию одного «легкого» канона.

Изучение параллелизмов текста в объемном плане показывает, что связь между отдельными параллельными отрывками текста не только сложнее, чем это можно себе представить на основании линейной последовательности, но и сложнее, чем она проявляется в двух направлениях. Следовательно, понятие универсального параллелизма, описанное нами в основном в применении к двум направлениям, должно быть уточнено и определено теперь как включающее в себя трехмерный параллелизм. Трехнаправленный параллелизм вносит существенные поправки в понимание неравнозначности параллельных элементов. В большинстве случаев (а может быть, и всегда) их принадлежность к разным синтаксическим уровням объясняется наслоениями на плоскостные элементы, образующимися при анализе «вглубь». В принципе же элементы стремятся быть равнозначными. Это положение не устраняет момента тождества между синтаксически неравнозначными отрывками, но существенно конкретизирует это тождество, внося в него и момент синтаксического различия.

Понимание трехнаправленности параллелизма дает принципиальную возможность деления «легких» канонов на высотные, широтные и глубинные, что, в свою очередь, допускает отдельные схематизации текста, соответствующие этим видам «легкого» канона. Имел ли место в истории осмысления текста такой подход, когда и у кого — все это реальные проблемы, вытекающие из рассматриваемых особенностей текстов.

Из трехнаправленности параллелизма следует, что каждый элемент текста «трехгранен». Это положение позволяет поставить вопрос: как отражается трехнаправленность параллелизма на выборе необходимых

пояснения имеют существенное значение, но они не влекут за собой обязательного изменения текста, так как его можно понимать двояко, не разделяя судьбу текстов и судьбу лиц, связанных с этими текстами.

признаков элементов и нельзя ли эти признаки сгруппировать по трем направлениям?

Построенная нами модель объемных канонов еще недостаточно конкретна. Причина здесь та же, что и причина недостаточной конкретности плоскостных схем, — отсутствие критериев, позволяющих определять направления. Весьма вероятно, что какие-то критерии будут найдены путем более широкого исследования формальной стороны — выяснения связей разных групп формальных признаков с линейной последовательностью и с направлениями размещения текста в схемах. Более вероятным, на наш взгляд, является решение этого вопроса путем установления связей между формальными признаками и семантикой элементов, ими определяемых. Но весьма возможно, что и первый из указанных путей, дойдя до уровня определения «граней» элементов, тоже фактически подведет к семантическому аспекту или перейдет в него.

9. ВЫБОР НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНЫХ И ВОССОЗДАНИЕ ВОЗМОЖНЫХ СТРУКТУР

В формальной области есть предел, ограничивающий возможности структурного анализа. Он заключается в том, что посредством описанного выше аппарата анализа языка в плане выражения нельзя определить направление частей текста, частей плоскостного канона, частей объемного канона. Определение указанных направлений проходит за пределами формальной сферы, вероятно в области семантики. Поэтому результаты формального анализа не могут быть окончательными, но они представляют собой реальные шаги в исследовании структуры древнекитайских произведений. Поскольку выработанные в ходе формального анализа модели действительны для различных текстов, постольку их можно считать отражающими реальные закономерности структуры текстов.

Недостаточная конкретность этих моделей, вызванная невозможностью определения направлений частей текста и частей канона, не влечет за собой аморфных представлений о структуре. Наоборот, достигнутые в формальном анализе результаты позволяют свести до минимума схемы, возможные для того или иного текста.

При определении форм соотношения частей текста указанный минимум сводится к выбору между двумя схемами, представляющими собой как бы варианты одной и той же схемы, повернутой на 90°. При определении форм «легкого» канона вопрос об окончательной форме сводится к выбору между двумя вариантами. В объемных построениях окончательное решение сводится к выбору тоже из ограниченного числа вариантов. Все это свидетельствует о том, что формальный анализ хотя и дает лишь предварительные результаты, тем не менее подводит вплотную к окончательному решению вопросов структуры.

Анализ структуры в плане выражения может быть трех уровней: уровня соотношения частей текста, уровня плоскостных форм канона и уровня объемных форм канона. Каждый из этих уровней фиксирует определенные стороны параллелизмов текста. Указанные уровни являются как бы ступенями в последовательном познании структуры текста. Каждая новая ступень основывается на материале, зафиксированном на предшествующей ступени, и ведет к окончательному решению вопросов структуры. Поэтому представляется необходимым доводить анализ по возможности до конца на каждом из указанных уровней.

Но в силу конкретных особенностей отдельных текстов на некото-

рых уровнях мы не можем достигнуть определенных результатов, поскольку в тексте нет достаточных формальных оснований для определения соотношения частей текста, вида канона и выделения элементов «трудного» канона. Это чаще всего бывает тогда, когда элементы в плане выражения настолько тождественны или, наоборот, настолько различны, что возникает сразу несколько формально возможных вариантов их группировки, приводящих к разным соотношениям частей текста и видам канона. Здесь задача доведения анализа до конца заключается в выборе наиболее вероятного варианта группировки элементов.

Основания для указанного выбора могут быть двух родов: сведения, почерпнутые именно из данного текста, и сведения, содержащиеся в других источниках или иных списках данного источника.

Остановимся сначала на использовании по преимуществу сведений первого рода. В случае, когда девять элементов с формальной стороны абсолютно тождественны или почти совершенно различны, фактического материала для выбора единственной формы соотношения частей текста и формы канона нет. Но здесь можно исходить из некоторых соображений, позволяющих определить возможную формальную характеристику текста. Поскольку здесь из синтаксических свойств, кроме признаков элементов, явно имеется лишь линейная последовательность элементов, то можно предположить, что фрагмент строится по простой форме соотношения частей текста. Если данный комплекс составляет «легкий» канон, то в составе «трудного» он, вероятнее всего, представляет собой полную плоскость, так как именно она не содержит элементов, входящих в ядро объемного канона. Ряды такого «легкого» канона, вероятно, являются полными частями в других «легких» канонах данного «трудного».

Довольно часто встречаются фрагменты, в которых нельзя определить форму соотношения неполных частей. Если в таких текстах есть какие-то признаки частей канона, то можно, предполагая совпадение частей текста и частей канона, использовать данные о частях канона для определения возможной формы соотношения частей текста. Рассмотрим некоторые типичные случаи такого рода.

В текстах иногда легче обнаружить основание канона, чем точно установить форму соотношения неполных частей текста, входящих в него. Эти случаи графически можно описывать схемами, в которых элементы, соответствующие основанию канона, обозначены раздельны-

ми точками. Например, схема $\begin{matrix} | & \cdot & \cdot & \cdot \\ | & \cdot & \cdot & \cdot \\ | & \cdot & \cdot & \cdot \end{matrix}$ означает, что в данном тексте

элементы «г», «д», «е», «ж» синтаксически наиболее близки друг к другу, но неясно, какая из двух возможных форм соотношения частей

текста — $\begin{matrix} | & | & | \\ | & | & | \end{matrix}$ или $\begin{matrix} | & | & | \\ | & | & | \end{matrix}$ здесь будет правильна⁵⁴.

Бывают случаи, когда только полная часть текста образует какую-то определенную структуру. Остальные же шесть элементов либо настолько тождественны, либо настолько различны, что по их формальным признакам нельзя определить какую-либо систему. При такой ситуации предположительную форму канона можно строить на основании

⁵⁴ Данная схема отчасти применима к § 3 «Даодэ-цзина». См. стр. 55 данной работы.

предположения о наличии структурного параллелизма в тексте. Допустим, что первые три элемента чем-то отличаются от остальных и образуют композицию 1(2,3). Имея в виду свойство канонизируемых текстов образовывать структурный параллелизм, мы можем полагать, что и остальные элементы образуют ряды такой же композиции. Это дает следующие две предположительные схемы соотношения частей

текста и вида канона: и .

Таким образом, метод структурного анализа на основании данных, взятых из какого-либо конкретного текста, и знания общих свойств структур текстов дает возможность систематического определения формы канонизируемых текстов путем последовательного выбора возможных вариантов.

Если в некоторых случаях мы не обнаруживаем материала, достаточного для окончательного решения вопроса о форме того или иного отрывка, то это не может служить опровержением всего метода. В арсенале этого метода могут быть и семантические, и иные приемы, которые компенсируют недостаток сведений, полученных из анализа лишь плана выражения. Так, в частности, выявление семантических параллелизмов зачастую сводит на нет неопределенность формальных характеристик текста и делает его структурно совершенно определенным.

Для выбора между возможными формами соотношения частей текста и формами канона можно использовать внешние данные о тексте. Такие данные содержатся в цитатах, достоверных интерпретациях, вариантах списков текста и т. п.

В приведенных выше примерах мы иногда привлекали внешние данные для определения или подтверждения структуры текстов. Но внимания на саму эту процедуру не обращали. Поэтому приведем новые примеры с целью пояснения методики использования внешних свидетельств о тексте.

«ДАОДЭ-ЦЗИН», § 72

		ж) 是以聖人 自知不自見
а) 民不畏威	б) [則] 大威至 [矣]	
в) 无狹其所居	г) 无厭其所生	з) 自愛不自貴
д) 夫唯不厭	е) 是以不厭	и) 故去彼取此

ПЕРЕВОД [50, 154—155]

а) Когда народ не боится могущественных, б) тогда приходит могущество. в) Не тесните его жилища, г) не презирайте его жизни. д) Кто не презирает [народ], е) тот не будет презрен [народом]. ж) Поэтому мудрый человек, зная себя, себя не выставляет. з) Он любит себя и себя не возвышает. и) Он отказывается от самолюбия и предпочитает возвышение.

Если взять этот текст до схематизации и внесения дополнений, то его явные формальные характеристики сведутся к следующим: комплексы «а — б», «в — г», «д — е» образуют связанные между собой пары; комплекс «ж — з — и» построен по форме (1,2)3. Между указанными парами каких-либо определенных отношений формального порядка не

наблюдается, поэтому они могут образовывать разные построения $\begin{matrix} \text{---} \\ \text{---} \\ \text{---} \end{matrix}$.

$\begin{matrix} \text{---} \\ \text{---} \\ \text{---} \end{matrix}$ $\begin{matrix} \text{---} \\ \text{---} \\ \text{---} \end{matrix}$. Структура последнего комплекса («ж — з — и») предъяв-

ляет к построению первых трех пар определенное требование — оно должно создать столбцы со структурой (1,2)3. Но в нашем тексте элементы «а ... е» таковы, что без нарушения принципов схематизации они такого построения образовать не могут. Это значит, что характеристики самого текста недостаточны для определения его формы и необходимо обратиться к другим спискам.

В разных списках в тексты вносятся изменения. Иногда они связаны с заменой одних иероглифов на другие. Такие различия, как правило, касаются семантики отрывков и для первоначального анализа непригодны. Но изменения часто заключаются в добавлении или изъятии каких-либо знаков, фраз или частей текста. В рассматриваемом отрывке такие изменения кажутся незначительными. Они затрагивают лишь элемент «б», в который вносятся два знака 則 и 矣. Но для определения формы отрывка эти изменения весьма существенны. Добавление 則 делает комплекс «а — б» параллельным комплексу «д — е». А добавление 矣 и 矣 вместе делает элемент «б» количественно тождественным элементам «в» и «г». Исходя из первого, возможной ока-

зывается только форма соотношений частей текста $\begin{matrix} \text{---} \\ \text{---} \\ \text{---} \end{matrix}$. Исходя из

второго, вероятнее всего вид канона здесь $\begin{matrix} \text{---} \\ \text{---} \\ \text{---} \end{matrix}$ ⁵⁵.

Рассмотренный пример представляет собой воссоздание возможной формы канона по одному из списков текста. Суть этого приема заключается в следующем: если в каком-либо из списков можно обнаружить признаки определенной разбивки частей текста или выделения частей канона, не существующие в нашем списке или уточняющие их, то допускается, что и наш список делится на части текста и части канона таким же образом, как и список, который используется для сравнения. Такое допущение предполагает, что данный список возник в результате многократных переписок, в ходе которых исчезли его существенные черты, причем остатки этих черт сохранились в другом списке.

В практике сравнения текстов и установления критического текста (цзяо) в настоящее время нет формального критерия, по которому можно отличить вариант одного текста (иной список того же текста) от другого. Поэтому для сравнения обычно привлекаются любые отрывки, относительно которых можно сказать, что по содержанию и, возможно, по форме они весьма близки к рассматриваемому тексту.

⁵⁵ Мы отвлекаемся от возможности трактовки данного отрывка как «трудного» канона, первый слой которого составляют элементы «а—б—в—г», второй слой — элемент «д», третий слой — элементы «е», «ж», «з», «и». Элементы «д—е» располагаются под элементом «г».

Принципально
другого
текста

С точки зрения структурного анализа такой прием несостоятелен, так как отрывок, который кажется весьма похожим на другой отрывок и может быть принят за вариант одного и того же текста; с точки зрения структуры может оказаться другим текстом. Кроме того, нужно учесть и следующее. В настоящее время различия между похожими текстами не систематизированы. Наряду с этим указанные различия иногда столь многообразны, что возникает возможность конструирования по разным похожим текстам если не любой формы, то в некоторых случаях многих возможных форм. Поэтому необходим какой-то критерий в отборе похожих текстов. В качестве такого критерия представляется возможным отличать варианты текста от разных текстов на основании выделения основания канона в «легких» текстах и «ядра» в «трудных».

Рассмотрим сначала случай кажущегося совпадения отрывков, взятых из разных источников,—из «Даодэ-цзина» и «Чжуан-цзы».

«ДАОДЭ-ЦЗИН», § 48

а) 為學日益	б) 以至於無為	в) 常以無事
д) 為道日損	г) 無為無不為	ж) 及其有事
и) 損之又損之	з) 取天下	и) 不足以取天下

ПЕРЕВОД [50, 141]

а) Кто учится, с каждым днем увеличивает [свои знания]. б) Кто служит *дао*, изо дня в день уменьшает [свои желания]. в) В непрерывном уменьшении г) [человек] доходит до недеяния. д) Нет ничего такого, что бы не делало недеяние. е) Поэтому завоевание страны ж) всегда осуществляется посредством недеяния. з). Кто действует, и) не в состоянии овладеть страной.

Столбцы здесь композиционно параллельны друг другу, так как имеют форму (1,2)3. Отсюда нужно полагать, что основание канона находится где-то в первых двух строках. Третья строка имеет форму I(II,III), так как элементы «е» «и» оба заканчиваются словосочетанием 取天下.

Рассмотрев сказуемые элементов «г», «д», «ж», «з», можно легко заметить их тождество: 無為 (нет проявления в деяниях), 無事 (нет действий); 無不為 (нет непроявления в деяниях) и 有事 (есть действия). А если это так, то и строки (первая и вторая) имеют структуру I(II,III).

Значит, приведенная схема полная, и она выражает вид канона .

в котором основанием являются элементы «г», «д», «ж», «з»: Это не предположительный, а формально до конца обоснованный вид канона.

В противоречии с выведенной формой канона находится фрагмент «Чжуан-цзы», частично совпадающий с § 48 «Даодэ-цзина».

В «Чжуан-цзы» приводится отрывок, в общем совпадающий с элементами «б», «в», «г», «д» [3, 137]. Сам факт наличия в тексте «Чжуан-цзы» четырех элементов свидетельствует о том, что это — основание

канонизируемого текста. Следовательно, текст, соответствующий списку «Чжуан-цзы», должен иметь предположительно следующую схему:

а) 禮者道之華	б) 而亂之首也
в) 故曰 為道者日損	г) 以至於無為
д) 損之又損之	е) 無為而無不為也

Текст, обведенный чертой, здесь составляет основание канона, отличное от основания канона § 48 «Даодэ-цзина». Следовательно, мы имеем дело не с разными вариантами одного канона, а с разными канонами и соответственно с разными текстами.

Из изложенного следует, что для установления структуры какого-либо отрывка, проводимого с использованием внешних данных, необходимо, чтобы привлекаемый материал не противоречил принципиально каким-либо характеристикам самого данного текста, а мог бы быть лишь их конкретизацией. Этот материал должен браться только из списков одного и того же текста.

Процедуру определения формы текста на основании каких-то списков можно считать восстановлением возможной формы канона. При восстановлении возможной формы канона встречаются некоторые типичные ситуации, на рассмотрении которых мы и остановимся.

Иногда восстановление формы канона происходит при учете вариантов, содержащих перестановки местами элементов. Рассмотрим пример.

«ДАОДЭ-ЦЗИН», § 12

а) 五色令人目盲	в) 馳騁田獵
令人心發狂	г) 難得之貨
令人行妨
б) 五音令人耳聾	д) 是以聖人為腹	ж) 不為目
в) 五味令人口爽	з) 故去彼	и) 取此

ПЕРЕВОД [50, 121]

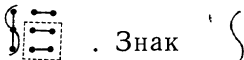
а) Пять цветов притупляют зрение. б) Пять звуков притупляют слух. в) Пять вкусовых ощущений притупляют вкус. г) Быстрая езда и охота волнуют сердце. д) Драгоценные вещи заставляют человека совершать преступления. е) Поэтому усилия мудрого человека направлены к тому, чтобы сделать жизнь сытой, ж) а не к тому, чтобы иметь красивые вещи. з) Он отказывается от последних и) и ограничивается первым.

По ряду признаков вид канона здесь определяется как

Но после определения этого вида остаются сомнения в отношении полноты представленной им схемы, поскольку рифма никак не укладывается в нее. Кроме того, в текстах бывает обычным сопоставление глаз и ушей. Поэтому с точки зрения семантики столбец I имеет форму (1,2)3. Но в таком случае его строение находится в противоречии с композицией столбцов II и III, имеющих форму 1(2,3). Наряду с этим в нашей схеме упоминание глаз встречается в разных рядах канона.

Часть указанных противоречий исчезает, если мы учтем, что существовал вариант, в котором элементы «а — б — в» имели последовательность «б — в — а». С учетом указанной перестановки схема канона

в данном тексте может быть изображена как . Знак

охватывает элементы, переставленные местами на основании имеющегося варианта текста.

Бывают случаи, когда воссоздание возможных форм канона происходит при учете списков, содержащих перестановку местами частей текста, совпадающих с частями канона.

«ДАОДЭ-ЦЗИН», § 36

- а) 將欲翁之必故張之 б) 將欲弱之必故強之 в) 魚不可脫於淵
 б) 將欲廢之必固興之 в) 將欲奪之必固與之 г) 國有利器不可示人
 д) 是謂微明 е) 柔[-之]勝剛 ж) 弱[-之]勝強

ПЕРЕВОД [50, 135]

а) То, что сжимают, — расширяется. б) То, что ослабляют, — укрепляется. в) То, что уничтожают, — расцветает. г) Кто хочет отнять что-нибудь у другого, непременно потеряет свое. д) Все это называется трудно постижимым. е) Мягкое преодолевает твердое, ж) слабые побеждают сильных. з) Рыба не может покинуть глубину. и) Острое оружие в государстве нельзя показывать людям.

Судя по данной схеме, в тексте есть отступление от обычных норм формирования канонизированного текста. Полная часть текста и канона (комплекс «д — е — ж») здесь стоит перед неполной частью текста и канона (комплекс «з — и»). Основанием канона здесь явно является комплекс «а — б — в — г», поэтому для восстановления обычной формы канона нужно перенести либо элемент «д» в третий столбец, и тогда

получится канон вида , либо комплекс «з — и» — в первый

столбец, и тогда получится вид канона . Исторически обоснован-

ным является второй из указанных видов. В «Хань Фэй-цзы» в главе «Юй Лао» объяснению элементов «а — б» предшествует объяснение элементов «з», «и» [2, 116—117]. Отсюда можно предположить, что в

тексте, использованном в «Юй Лао», элементы «з — и» предшествовали основанию канона, состоящему из элементов «а», «б», «в» и «г»⁵⁶. Произведя соответствующую перестановку, мы получим текст, построенный по обычным нормам структуры⁵⁷.

Обследование многочисленных случаев изменения в разных списках порядка последовательности элементов показывает, что эти изменения не хаотичны. Все они проходят в рамках моделей разного уровня канонизируемого текста и тем самым подтверждают схематизацию текстов по этим моделям.

Характерными бывают следующие перемены мест:

1. Местами меняются два элемента, составляющие неполную часть текста. Такие элементы обычно входят в состав либо основания канона, либо неполной части канона.

2. Меняются местами два элемента, входящие в состав полной части текста. Такие элементы обычно являются параллельными основанию канона.

3. Меняются местами пары элементов, составляющие части текста. Обе меняющиеся местами пары, как правило, входят в основание канона.

4. Один элемент меняет свою позицию относительно двух стоящих рядом с ним элементов. Такие изменения проходят в полной части текста, которая часто совпадает с полной частью канона. Элемент, меняющий место, обычно параллелен неполной части канона.

5. Меняются местами комплексы, состоящие из двух, трех и четырех элементов и составляющие части текста и части канона (иногда).

Регулярность указанных случаев перемены мест дает новые данные для выбора наиболее вероятных и воссоздания возможных структур. Так, например, если мы имеем сведения о перестановке двух стоящих рядом элементов и можем обнаружить какие-то сведения, показывающие, что, вероятнее всего, здесь имеет место первый из указанных выше случаев, то для формально неопределенных текстов отсюда следует, что эти два элемента составляют неполную часть текста. А это всегда является важным шагом при определении структуры таких текстов. Для отдельных текстов данные сведения являются внешним подтверждением некоторых черт структуры.

Если соответствующие перестановки восстанавливают структурный параллелизм текста, их можно осуществлять и строить текст, воссоздающий его возможную структуру.

Вопрос о выборе наиболее вероятных и воссоздании возможных структур весьма тесно связан с разбивкой текста. Существует достаточно много исторических сведений о разбивке, в целом подтверждающих реальность предлагаемых в данной работе моделей структур. Разбивка текста на параграфы в «Даодэ-цзине» всегда совпадает с разделением отдельных канонов. Цитаты и совпадающие отрывки, как правило, по своим границам совпадают с частями текста, частями канона и отдельными элементами текста. Совпадение с отдельными элементами чаще всего бывает в том случае, когда данный элемент вхо-

⁵⁶ Комплекс «з—и» в отрыве от других элементов цитируется в ряде источников: в «Чжуан-цзы» [3, 60], в «Хуайнань-цзы» [7, 196], в «Шюань» [16, 9]. Таким образом, этот комплекс имел самостоятельное существование, что подтверждает возможность перестановки его с места на место.

⁵⁷ Поскольку в приведенной схеме имеются незаполненные ряды, в данном случае мы имеем пример восстановления структуры по воссозданной схеме.

дит либо в основание канона, либо в полную часть текста или канона и при этом занимает позицию отдельного элемента [например, в структуре (а,б)в он занимает позицию в, не параллельного основанию канона]. Совпадение с двумя элементами чаще всего бывает в том случае, когда эти два элемента либо составляют неполную часть текста и неполную часть канона, либо входят в полную часть текста и часть канона и составляют там пару, параллельную основанию канона.

Нетрудно заметить, что отмеченные здесь случаи совпадения отрывков находятся в соответствии с типичными случаями перестановки отрывков, о которых говорилось выше. Оба эти явления отражают одно и то же: известную самостоятельность частей текста и частей канона, а также отдельных элементов, противопоставленных паре других элементов. Поскольку отмеченные факты совпадения закономерны, их можно использовать для установления возможных структур в неопределенных текстах.

Остановимся на случаях использования данных о разбивке, почерпнутых из внешних источников. В качестве примера используем § 10 «Даодэ-цзина», который, если отвлечься от рифмы (сведения о которых трудно считать окончательными), представляется формально неопределенным текстом, допускающим следующие варианты:

Вариант 1 (форма)

а) 載營魄抱
能无離	б) 專氣致柔
能嬰兒	в) 涤除去覽
能无疵
г) 愛人治國
能无為	д) 天門開闔
能為雌	е) 明白四達
能无知
ж. 生之畜之	з) 為而不恃	и) 長而不宰
и) 生而不有		и' 是謂玄德

Вариант 2 (форма)

а) 載營魄抱一
能无離	б) 涤除去覽
能无疵	в) 天門開闔
能為雌
г) 專氣致柔
能嬰兒	д) 愛人治國
能无為	е) 明白四達
能无知
ж. 生之畜之	з) 為而不恃	и) 長而不宰
и) 生而不有		и' 是謂玄德

Вариант 3 (форма)⁵⁸

а) 戰營魄抱
能无離	б) 專氣致柔
能嬰兒	в) 天門開闔
能爲雌
б) 滌除玄覽
能无疵	в) 愛人治國
能无爲	г) 明白四達
能无知
ж. 生之畜之	з)
爲而不恃	и) 長而不宰
ж) 生而不有		и' 是謂玄德

Вариант 4 (форма)⁵⁸

Проследим основания, приводящие к выбору из этих вариантов наиболее вероятного.

В некоторых списках элементы «д» и «е» меняются местами [99, 18; 91, 18]. Отсюда следует, что комплекс «д — е» является, вероятнее всего, частью текста. Возможно, что и соответствующие ему комплексы «а — б», «в — г» также являются частями текста, а это делает вариант 1 маловероятным, тем более что мы имеем «трудный» текст.

Предположение о том, что комплексы «а — б» и «в — г» тоже являются частями текста, подтверждается. В «Хуайнань-цзы» цитируется как нечто самостоятельное комплекс «а — б» [7, 203]. Кроме того, в «Хуайнань-цзы» цитируется элемент «е» [7, 191]. Совпадение с элементом «е» есть и в «Вэнь-цзы» [11, 6]. Это свидетельствует об определенной самостоятельности этого элемента. А раз так, то, скорее всего, данный элемент входит в основание канона. Но отсюда следует (при предположении совпадения частей текста с частями канона), что в основание канона наряду с элементом «е» входят элементы «в», «г», «д».

Это дает нам форму , которая делает невозможной форму

 59.

Указанная форма находит следующее подтверждение. В «Чжуан-цзы» есть отрывок, цитирующий чьи-то слова и совпадающий с комплексом «з — и» (без «и'») [3, 120]. Это значит, что в полной части текста «ж — з — и» комплекс «з — и» выделяется и, вероятнее всего, является той частью, которая параллельна основанию канона (аналогия

⁵⁸ Схематизированный текст варианта 4 приведен на стр. 73 данной работы.

⁵⁹ Вариант может иметь форму канона . Подтверждение последней

можно найти в «Бао Пу-цзы» [8, 22]. Поскольку основание канона здесь другое, мы имеем в этом источнике другой текст, отличный от того, который можно установить на основании привлекаемых нами источников.

с комплексом в полной части текста, в которой происходит перемена местами двух элементов).

Таким образом, у нас остаются только варианты 2 и 4. Рифма принуждает нас предпочесть вариант 2.

В тех случаях, когда в тексте нет разбивки на параграфы, установление возможной структуры при помощи совпадающих текстов сопровождается также введением разбивки на части, соответствующие отдельным канонам. Приведем в качестве примера отрывок из «Сяо-цзина» [18, 17]:

Q) 任上不驕	8) 制節謹度	Ж) 富貴不離其身
8) 高而不危	2) 澗而不溢	3) 然後能保其社稷
8) 高而不危	С) 澗而不溢	У) 而知其民人
所以長守貴也	所以長守富也	У' 蓋諸侯之孝也

Судя по формальным признакам, данный текст построен по форме канона $\begin{matrix} \uparrow \\ \uparrow \\ \uparrow \\ \downarrow \\ \downarrow \\ \downarrow \end{matrix}$ ⁶⁰. Выделенная часть текста цитируется в «Люйши чуньцю» [17, 192]. Эта цитата, с одной стороны, подтверждает указанную форму канона, а с другой — приводит к необходимости выделения данного отрывка в особый параграф.

Если мы исследуем цитируемую часть, то обнаружим, что она состоит из двух синтаксически неравнозначных частей: комплекса «д — е» и комплекса «ж — з — и». Если мы имеем дело с канонизированным текстом (а об этом говорит название), то эти комплексы могут быть только неполной и полной частями текста и канона. Согласно обычной модели за неполной частью непосредственно следует полная часть только в том случае, когда полная часть канона завершает канон. Таким образом, мы обязательно должны отметить после элемента «и» конец какого-то самостоятельного канонизируемого отрывка ⁶¹. Поэтому здесь по существу имеется выделение канона из первоначального текста. Такое выделение может проводиться и на основании структуры одного текста. Совпадающий текст здесь важен потому, что он указывает на определенную самостоятельность данного фрагмента текста и тем самым подтверждает возможность соответствующей границы.

Выбор наиболее вероятных и воссоздание возможных структур могут сопровождаться использованием внешних данных об определенном осмыслении или прочтении текста: если есть какой-то формально неопределенный текст и есть сведения о его прочтении или осмыслении, то из возможных вариантов формальной интерпретации как наиболее вероятный выбирается тот, который соответствует указанному прочтению или пониманию. Осмысление должно соответствовать какому-то варианту схемы в плане строения или рядов канона, или его частей и элементов.

Использование внешних данных о тексте приводит к следующим выводам общего характера: поскольку мы встречаемся с текстами формально неопределенными, а другие списки и вообще внешние данные

⁶⁰ В полной части текста и канона, вероятно, произошла перестановка элементов.

⁶¹ При учете, что нет элементов, делающих канон «трудным» и незавершенным.

вносят существенные моменты в их понимание, полагаться на один какой-либо список — значит допускать возможность оказаться в плену у исторической случайности, приведшей к возникновению именно данного списка. Всякая серьезная работа с текстом должна учитывать разные списки, сопоставления с похожими текстами, поиск путей их систематизации.

В настоящее время работа в этом направлении еще не достигла нужного уровня, а потому мы по существу не имеем достаточно достоверных соответствующих источников для изучения языка, идеологии и культуры древнего Китая. Структурный анализ может явиться необходимой ступенью для получения таких источников.

Часть II

ЗНАЧЕНИЕ ОБНАРУЖИВАЕМЫХ СТРУКТУР

1. ОБЩИЙ ПОДХОД К СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ СТОРОНЕ РЯДОВ СХЕМАТИЗИРУЕМЫХ ТЕКСТОВ

Формальный анализ определенных структур текстов, естественно, связан с вопросом о том, несут ли выявленные формы какую-либо смысловую нагрузку и если несут, то какую. Иначе говоря, возникает проблема связи форм текстов с их содержанием.

Для решения этой проблемы целесообразно выделить некоторые общие моменты указанной связи, так как для методики работы с источниками именно они, пожалуй, наиболее важны.

Чтобы рассмотрение вопроса о связи фактов плана выражения с фактами плана содержания носило обобщенный характер, необходимо абстрагироваться от частных особенностей формальной структуры текста и учитывать лишь ее общие компоненты. Наиболее же общими компонентами структуры являются ряды схематизированного текста и части канона.

Подходить к вопросу о связи рядов текста с содержанием можно исходя из простых случаев построения текста. Наиболее простой структурой является элементарная форма. В элементарных формах одна группа рядов (строки или столбцы) всегда является комплексом непрерывно следующих друг за другом элементов текста, а в целом тексте непрерывная последовательность отрывков текста друг за другом является формой проявления определенного единства содержания этих отрывков. Таким образом, по крайней мере в частных случаях (элементарные формы) некоторые ряды схематизируемого текста выражают единство содержания входящих в него элементов.

Этот вывод можно считать банальным, но им вряд ли стоит пренебрегать, так как он содержит в себе указание на общее свойство схематизируемых текстов. Он может явиться отправным пунктом для дальнейшего изучения, направленного на решение по крайней мере следующих вопросов:

— только ли ряды непрерывно связанных линейной последовательностью элементов выражают единство содержания, или ту же функцию выполняют и ряды, образованные при других условиях;

— если любые ряды выражают единство содержания входящих в них элементов, то каково различие вертикальных, горизонтальных и глубинных рядов в плане выражения содержания;

— всегда ли положение элементов в одном ряду подразумевает единство содержания и все ли элементы ряда им обладают.

Окончательные ответы на указанные вопросы можно дать лишь после соответствующего изучения всех источников. Но некоторые пред-

варительные выводы можно сделать и на основании рассмотрения отдельных примеров и их комплексов.

При схематизации текста часто возникает следующая ситуация. Форма структуры того или иного отрывка определяется по сугубо формальным признакам, при отвлечении от вопросов содержания. Когда же эта форма обнаружена, то в некоторых рядах единство содержания для нас настолько очевидно, что не вызывает никаких сомнений.

Один из отрывков «Мэн-цзы» [22, 350—351] при предположении, что мы имеем дело с канонизируемым фрагментом, составляет следующую схему:

§ 1

а. 孟子曰君子所以異於人者以其存心也

- а) 君子以仁存心以禮存心 б) 仁者愛人 в) 有禮者敬人 г) 愛人者人恒愛之敬人者人恒敬之
д) 有人於此其待我以橫逆 е) 我必不仁也 ж) 必無禮也 з) 此物奚宜至哉
и) 則君子必自反也 к) 其有反而仁矣自反而有禮矣 л) 其橫逆由是也

§ 2

- а) 君子必自反也 б) 其橫逆由是也 в) 君子曰此亦妄人也已矣
г) 我必不忠 д) 如此則與禽獸奚擇哉 е) 是故君子有終身之憂
ж) 自反而忠矣 з) 於禽獸又何難焉 и) 無一朝之患

ПЕРЕВОД

§ 1

а. Мэн-цзы сказал: «Благородный отличается от [других] людей тем, что он сохраняет живым разум. а) Благородный человечностью (*жэнь*) сохраняет живым разум, правильным поведением (*ли*) сохраняет живым разум. б) Человечный любит людей; поступающий по правилам поведения уважает людей. в) Человека, который любит людей, люди всегда любят; человека, который уважает людей, люди всегда уважают. г) Некий человек вот здесь относится ко мне грубо и непорядочно. д) В таком случае благородный, следовательно, сам к себе предъявит [требования]. е) Я, следовательно, нечеловечен, следовательно, поступаю не по правилам поведения. ж) Это явление к какому неизбежному [концу] придет? з) Он, предъявив к себе [требования], становится человечным (*жэнь*), предъявив к себе [требования], обретает правила поведения. и) В своей грубости и непорядочности исходят из этого.

§ 2

а) Благородный, следовательно, сам к себе предъявит [требования]. б) Я, следовательно, не преданный. в) Предъявив к себе [требования], становлюсь преданным. г) В своей грубости и непорядочности исходят из этого. д) Благородный говорит: „С этим и пренебрежение к людям кончается“. е) Если такой, то чем предпочтительней дикого зверя? ж) Чем еще противостоять дикому зверю? з) По этой причине у благородного есть забота всей жизни. и) [У него] нет кратковременных (или внезапных) печалей».

Из перевода следует, что в первом и втором параграфах средние строки (и только они) описывают отрицательные явления. Таким образом, элементы, входящие в эти строки, безусловно связаны единством содержания.

Можно привести достаточно много подобных примеров. Свидетельствуют же они о следующем: не только ряды, состоящие из последовательно расположенных друг за другом элементов, но и ряды, составленные по правилам схематизации из не стоящих в непосредственной близости друг от друга элементов, могут выражать единство содержания входящих в них элементов. Большое число текстов, содержащих подобного рода примеры, делает такой вывод весьма и весьма правдоподобным.

Выше уже говорилось, что одним из признаков параллелизма текстов является явное тождество объекта мысли элементов. В предыдущей части этот признак рассматривался как сугубо формальный — элементы считались параллельными только потому, что в них встречаются одни и те же иероглифы. Можно было совершенно отвлекаться от значения этих иероглифов. Но такой параллелизм безусловно несет в себе возможность не формального, а действительного параллелизма содержания элементов. Если тождественными оказываются иероглифы, значение которых существенно для содержания каждого данного элемента, то указанный формальный параллелизм является проявлением тождества содержания. В таком случае структура в целом (если она вся пронизана параллелизмами явного тождества содержания) или ее часть своим значением безусловно имеет тождество содержания элементов.

Если бы решение вопроса о существенности тождественных иероглифов было простым и если бы параллелизмы явного тождества содержания были повсеместными или по крайней мере преобладающими, то без всяких дополнительных исследований можно было бы полагать, что ряды схематизированных текстов объединяют тождественные по содержанию элементы. Однако мы не располагаем точным критерием определения существенности того или иного иероглифа для данного отрывка и не встречали текстов, в которых параллелизм явного тождества содержания пронизывал бы всю структуру. Сам такой параллелизм встречается не очень часто. Отсюда, собственно, и кажется обоснованным представление о том, что структуры лишь в некоторых случаях выражают параллелизм содержания. Фактически такое представление и бытует в синологии, о чем свидетельствуют лишь отдельные случаи использования параллелизма содержания в трактовках и переводах письменных памятников.

Более внимательное отношение к структуре древних источников и к некоторым древним толкованиям их показывает ограниченность такого представления. Оказывается, что возможны следующие случаи. На основании сугубо формальных признаков мы устанавливаем структуру текста и тем самым выявляем его ряды. Никакой тождественности содержания мы первоначально не замечаем. Но, обратившись к древним пояснениям к тексту, вдруг видим, что эти пояснения обнаруживают определенное единство содержания рядов текста (например, столбцов или строк).

Проиллюстрируем это на примере некоторых пояснений к «Даодэцизину», содержащихся в самом древнем из дошедших до нас комментарии в двадцатой главе («Цзе Лао») известного трактата «Хань Фэйцзы».

01 天下有道 01 却走馬以董 01 < 罪莫大於可欲 >

01 天下無道 01 戎馬生於郊 01 禍莫大於不知足

01 咎莫大於欲得

01 < 故知足之足 01 常足 >

ПЕРЕВОД

а) В Поднебесной действует [естественный] График (*дао*). б) Беговых коней гоняют на обработку полей. в) В Поднебесной не действует [естественный] График (*дао*). г) Боевые кони производят потомство в предместьях, [где стоят войска]. д) Нет большего преступления, чем отдаться желанию, страсти. е) Нет большего бедствия, чем незнание удовлетворенности. ж) Нет большего несчастья, чем желание (страсть) обрести. з) Поэтому знают, что удовлетворительное удовлетворительно. и) Постоянно удовлетворены.

В приведенной схеме признаки явного тождества содержания обнаруживаются частично в столбце I (*дао*), частично в столбце II (кони) и частично в столбце III (желания, страсти). В строках такого признака нет¹, они составляются лишь на основе других, чисто формальных признаков. И тем не менее в строках элементы обладают определенным тождеством содержания. Выявляется это в толковании данного параграфа в «Хань Фэй-цзы».

Оставим в стороне строки первую и третью, поскольку их объяснение в «Хань Фэй-цзы» связано в первом случае с довольно сложными понятиями, а во втором — с другим вариантом формулировки элементов «з» и «и». Элементы же, составляющие вторую строку, объясняются в «Хань Фэй-цзы» как пронизанные одной мыслью — неоконченности или чрезмерной затянутости определенных явлений. Элементы «в — г» объясняются вместе как обозначение затянувшегося состояния войны. Элемент «е» иллюстрируется примером, когда нападения на одно из владений «не заканчивались» (不已), и это-то, собственно, и явилось причиной бедствия для нападающего [2, 115].

Рассмотрим другой пример. § 53 «Даодэ-цзина» схематизируется следующим образом:

'а. 使我介然有知

01 行於大道 01 唯施是畏 01 朝甚除 田甚蕪 倉甚虛

01 大道甚夷 01 而人好徑 01 服文綵 帶利劍 厭飲食

01 財貨有餘 01 是謂盜夸 01 非道也哉

ПЕРЕВОД

'а. Сделайте для меня понятным по связи (или путем опосредования) [следующее]: а) Проводят скрещивающиеся ряды, отправляясь

¹ Тождественные знаки есть в элементах «з», «и», «е». Отсюда можно предположить, что в каком-то варианте эти элементы составляли строку. Этот вариант действительно сохранился в других списках «Лао-цзы».

от великого Графика (道). б) Искривление — вот что опасно. в) Великий График (道) чрезвычайно равномерен. г) А человек любит короткие дороги. д) Двор отличается чрезмерной запущенностью, поле отличается чрезмерной засоренностью, амбары отличаются чрезмерной пустотой. е) Одеваются в расшитые узорами и цветные одежды, носят острые мечи, пресыщаются едой и яствами. ж) Богатств и ценностей имеется в излишке. з) Об этом сказывается: «разбойничья флейта». и) [Это] не График (道)!

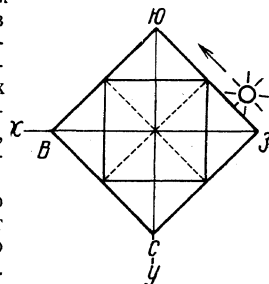
В данном отрывке фраза «а», не имея себе параллелей, не является элементом. Это ее формальное отличие находится в соответствии с содержанием: будучи внешним замечанием, эта фраза не входит непосредственно в дальнейший текст. Признаком явного тождества содержания обладают только элементы «а» и «в», остальные параллелизмы в схеме формальные.

Прочтя же разъяснения части этого параграфа в «Хань Фэй-цзы», мы можем ясно видеть и достоверно утверждать, что тождеством содержания обладают и другие элементы, стоящие в одних рядах. Соотношение элементов «а» и «б» «Хань Фэй-цзы» интерпретирует как соотношение «точного Графика» (端道) и «искривленного Графика» (邪道). Далее элемент «г» объясняется как описывающий «часть искривленного Графика» (邪道之分). Этим указывается тождественность содержаний элементов «б» и «г»².

Объяснение элемента «г» в «Хань Фэй-цзы», кроме того, содержит в себе посредствующее звено. «Короткая дорога» (徑) (в тексте «Хань Фэй-цзы» — 徑) определяется как «(внешняя) броская красота» (佳麗) [2, 112; 100, 380]. Этим самым выявляется тождественность содержаний элементов «г» и «е», ибо ясно, что «цветные одежды», «острые мечи» — это явления такой «красоты».

² Более подробно содержание элементов «а—б—в—г» можно представить при помощи чертежа, на котором квадрат «земли» вписан в квадрат «неба», заменяющий на данной схеме круг. Квадрат «неба» обозначает путь солнца по эклиптике, который является «Великим Графиком», определяющим основные явления в природе и хозяйственной деятельности человека. Направления север—юг, восток—запад представляют собой «скрещивающиеся ряды» (行). Эти направления получают свою определенность от определенности некоторых точек на «Великом Графике», а именно точек равноденствий и солнцестояний, в которых происходит перемена направлений «Великого Графика». «Великий График» выражает естественное отношение некоторых множеств M и N , индивидуальные переменные которых (x и y — соответственно) находятся в пропорциональной зависимости. Эта пропорциональная зависимость «равномерна», например, каждому увеличению (уменьшению) x соответствует уменьшение (увеличение) y (отсчет ведется от центра).

Таков нормальный ход событий. Отклонение от этого нормального хода возникает либо тогда, когда явление идет не по «Великому Графику», либо тогда, когда неправильно определены направления осей x и y (скрещивающиеся ряды). Вследствие этих «отклонений» и возникает «опасность». В «Хань Фэй-цзы» имеется в виду случай, когда событие (деятельность человека) идет не согласно «Великому Графику», а с каким-то его «искривлением». «Искривления» могут быть самыми многообразными. Их частным случаем является случай, когда график идет по диагонали вписанного прямоугольника (на чертеже отмечено пунктиром). Такое направление графика называется 徑, что подтверждается текстами задач 4 и 9, приведенных далее (см. вкладку), где 徑 обозначает c и $2c$. Направление графика по диагонали вписанного прямоугольника меняет график принципиально, так как он превращается, например, из графика обратной пропорциональной зависимости в график прямо пропорциональной зависимости. Этот последний тип графиков свойствен не «небу», а «человеку», что можно подтвердить текстом § 77 «Даодэ-цзинна».

Рассмотрим третий пример. § 54 «Даодэ-цзина» имеет следующую структуру:

1.	а) 善建者不拔.	б) 善抱者不脱	в) 子孫祭祀不輟
2.1'	г) 脩之身其德乃真	д) 脩之家其德有餘	е) 脩之鄉其德乃長
2'	脩之於國其德乃豐		
3'	脩之於天下其德乃普		
3.1' ж)	з) 以身觀身	и) 以家觀家	л) 以鄉觀鄉
2'	以國觀國		
3'	以天下觀天下		
- J
- и' 吾何以知天下之然以此

ПЕРЕВОД

а) Добро водруженное — не вырывается. б) Добро захваченное — не отрывается. в) Жертвоприношения детей и внуков не прекращаются. г) При совершенствовании индивида его Достижение (дэ) — в правдивости. д) При совершенствовании семьи ее Достижение (дэ) — в излишке. е) При совершенствовании района его Достижение (дэ) — в росте; при совершенствовании им царства его Достижение (дэ) — в процветании; при совершенствовании им Поднебесной ее Достижение (дэ) — в повсеместном распространении⁴. ж) Поэтому, учитывая [Достижения каждого] индивида, сравнительно оценивают индивидов. з) Учитывая [Достижения каждой] семьи, сравнительно оценивают семьи. и) Учитывая [Достижения каждого] района, сравнительно оценивают районы; учитывая [Достижения каждого] царства, сравнительно оценивают царства; учитывая [Достижения в разное время] Поднебесной, сравнительно оценивают Поднебесные. и'. Посредством чего я знаю, что Поднебесная такова вот? — посредством этого.

Отметим некоторые формальные основания данной схемы. В первой строке, состоящей из трех тождественных фраз (по признаку завершения предложений словосочетанием с отрицанием), две первые фразы все же отличны от третьей по своей форме (подлежащее оформлено служебным словом 者). Следовательно, первая строка имеет композицию (I,II)III. Такую же композицию имеют и две последующие строки: в них третий элемент и тождествен и отличен от двух предшествующих. Он тождествен в подстроке 1' и отличен дополнительными подстроками 2', 3'.

Таким образом, объединение ряда фраз в единые элементы «е» и «и» имеет свои формальные основания, как бы ни выглядело это произвольным на первый взгляд. Такое объединение диктуется закономер-

³ Фразе «и'» Гао Хэн считает поздним комментарием, так как она не рифмуется [87, 115]. Из схемы видно, что эта фраза не является элементом канонизируемого текста. По содержанию она выступает внешним пояснением к канону.

⁴ Поскольку для дао принимается общее значение графика функции, постольку для дэ значением является указание на точку (точки) такого графика — пункт (пункты), который достигнут на графике. Отсюда перевод для дэ — «достижение». Функции определяются на разных множествах, отсюда и разное значение для «Достижений». Дэ — это значение определенной функции в данной точке (точках) ее графика (дао).

ностями формирования «легких» канонов, причем объединение нескольких возможных элементов в один элемент означает, что в нем содержатся элементы «трудного» канона, которые составляют глубинный ряд. У нас такие глубинные ряды (элементы «е» и «и») сформированы по формальному признаку. Следует проверить, есть ли в них содержательное единство.

Разъяснения, содержащиеся в главе «Цзе Лао» из трактата «Хань Фэй-цзы», показывают обоснованность объединения соответствующих отрывков в единые элементы «е» и «и» с точки зрения их содержания. В «Хань Фэй-цзы» пояснения значений «Достижений» (дэ) даются отдельно для элементов «г», «д», «е». При этом в толковании элемента «е» объяснение относится ко всем трем подстрокам, вместе взятым: «Для индивида Достижением (дэ) является накопленное тончайшее ци (積精)⁵. Для семьи Достижением (дэ) являются ценности и средства. Для района, владения, Поднебесной — для всех них Достижением (дэ) является народ» [2, 114]. Таким образом, компоненты, объединенные и тем самым отождествленные нами по сугубо формальным основаниям, оказываются тождественными по содержанию. Формальное тождество здесь просто является внешним выражением первоначально скрытого тождества содержания. Этот вывод подтверждается и путем рассмотрения столбцов в § 54 из «Даодэ-цзина».

Объяснение элемента «а», приводимое в «Хань Фэй-цзы», ограничивается описанием отдельного индивида, его определенной устойчивой психологической установки и здравого смысла. Их не могут нарушить («вырвать») внешние вещи и связанные с ними временные склонности человека. Такой концентрацией внимания на психологическую сторону личности объяснение «Хань Фэй-цзы» делает явным тождественность содержания элементов «а», «г», «ж».

Переходя к объяснению элемента «б», автор используемого раздела «Хань Фэй-цзы» как будто не вносит в это объяснение различия между индивидом и семьей. Однако, сопоставив объяснения элементов «б» и «д», мы обнаружим, что они частично сформулированы почти в одних и тех же выражениях и понимаются как развитие одной и той же мысли, отличной от мыслей, высказанных по поводу элементов других столбцов. Этим самым выявляется тождественность содержания элементов «б», «д», «з», составляющих второй столбец.

Элемент «в» в «Хань Фэй-цзы» объясняется следующим образом: «Дети и внуки воплощают в конкретное этот График (дао) и таким образом в родовом храме предков сохраняют его от исчезновения». Следует обратить внимание на то, что здесь говорится о «родовом храме предков» (цзунмяо), а не о семейных алтарях или храмах. Такой родовой храм предков был символом превосходства какой-то одной семьи над целой группой семей, входивших в один клан. Вероятно, такой храм в определенной мере был и символом административной и политической власти, поскольку считалось, что такие храмы могли иметь не всякие семьи, а семьи от «служилых» (ши) и выше, вплоть до «Сына неба». Отсюда ясно, что элемент «в» можно понимать не как описание чисто внутрисемейного культа, а как обозначение некой власти над определенными районами. А раз это так, то единство содержания элементов «в», «е», «и» выявлено.

Рассмотренные примеры показывают, что для автора используемой

⁵ Это, видимо, значит жизненные силы, здоровье, в том числе и, возможно, преимущественно, здоровье духа.

части «Хань Фэй-цзы» ряды схематизированного текста были реальностью⁶ и он обнаруживал единство содержания элементов, входящих в эти ряды.

2. РЯДЫ В МАТЕМАТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Возьмем математический текст, который удобен хотя бы тем, что дает не очень много места для фантазии.

Название известного древнекитайского математического трактата «Цзючжан суаньцзин» (или «Цзючжан суаньшу») в первом варианте можно перевести следующим образом: «Канон о вычислениях, [изложенный] по девяти параграфам». В таком случае можно полагать, что в его системе предусматривалось изложение материала по каким-то девяти «параграфам» (章 *чжан*). Действительно, дошедший до нас источник состоит из девяти частей, однако каждая такая часть не может быть названа «параграфом» (*чжан*), она, скорее, является объединением нескольких «параграфов», «главой» (*цзюань*) источника.

Как уже отмечалось выше, само название «канон» (*цзин*) может означать девятичленное строение произведения. Поэтому разбивка его на девять частей, соответствующих «главам», зафиксирована в слове «канон». Это указывает на то, что выражение *цзючжан* «девять параграфов» не может относиться к девяти упомянутым частям, а означает нечто другое⁷. Но никакого другого девятичленного строения мы при предварительном изучении не обнаруживаем.

Более дробное деление «глав», очевидно, должно совпадать с разбивкой на отдельные задачи или их группы. Но и здесь девятичленное строение как будто не наблюдается. Число задач в отдельных главах лишь изредка составляет число, кратное девяти. И все-таки девятичленное строение внутри «глав» существует, и элементами такого строения могут быть как части задач, так и отдельные задачи и их группы. Выясняется это при помощи структурного анализа.

Возьмем случай, когда элементами являются отдельные задачи. В девятой главе памятника имеются 24 задачи, последовательность которых представляется случайной и не содержащей никакого намека на девятичленность. Однако обратимся к некоторым особенностям текста. Три первые задачи формально резко отличаются от всех остальных. Здесь «правила» (術) следуют не после каждой задачи, как это бывает в других случаях в данной главе, а после всех трех задач, вместе взятых. Учитывая это, можно сказать, что первые три задачи — это какой-то «другой» текст, отличный от остального. Три последние задачи в традиции математиков Китая тоже отделялись от остального текста главы, рассматривались как нечто самостоятельное⁸. На этом основании мы можем полагать, что и эти задачи по сравнению с остальными представляют собой какой-то «другой» текст.

Итак, в главе, состоящей из 24 задач, шесть задач — это какой-то «другой» текст. Остается 18 задач, составляющих текст, который условно мы назовем «основным». Можно предположить, что текст главы

⁶ Возможно, текст был схематизирован «натурально», путем соответствующего расположения табличек с текстом.

⁷ Отметим также, что, несмотря на указание разного числа «глав» этого произведения в разных библиографических описях, в его названии постоянно сохраняется упоминание «девяти параграфов». См. работу Чжан Синь-чэна [95, 1078—1079].

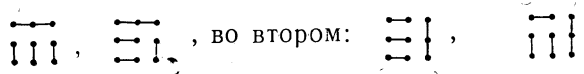
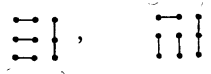
⁸ Э. И. Березкина пишет: «Задачи 22—24 являются задачами практической геометрии. Комментарий „Математики в девяти книгах“ Лю Хуэй написал к этим задачам приложение, которое впоследствии стало самостоятельным произведением...» [30, 584].

«состоит либо из двух девятичленных канонов, элементами которых являются отдельные задачи, либо из одного «трудного» канона, каждый элемент которого состоит из двух задач. Последнее представляется маловероятным по следующим соображениям. Сравнение двух вариантов текста показывает, что задача, которая в варианте А⁹ является двенадцатой, в варианте В является двадцать четвертой, последней.

Такое перемещение задачи возможно, видимо, в том случае, когда, будучи записанной на дощечке, эта задача потеряла связь (порвались нити, связывающие дощечки) с предшествующим или последующим текстом. Разрыв этот, вероятнее всего, произошел в начале или в конце цельного текста. Поэтому факт разрыва можно рассматривать как свидетельство наличия в тексте какого-то возможного первоначального его разделения¹⁰. Это место совпадает с концом первой девятки задач «основного» текста¹¹.

Итак, основной текст главы разбивался на две части, каждая из которых состояла из девяти задач. Таким образом, он состоял из двух канонов, а не из одного «трудного»¹².

Попытаемся выяснить структуру первой части основного текста (т. е. комплекса задач 4—12). По признаку явного тождества содержания здесь можно выделить комплекс задач 11—12 [обе задачи об измерении «дверей» (*ху*)]. При предположении совпадения частей текста с частями канона это значит, что в этом комплексе мы имеем либо неполный столбец, либо полный столбец со структурой 1(2,3)¹³. В первом случае возможны следующие формы соотношения частей текста:

 , во втором: . Первый случай предпола-

гает, что первые три задачи составляют полную строку. Но в задачах 4—6 мы не обнаруживаем каких-либо признаков комплектования из них комплексов (I,II)III или I(II,III). Поэтому более вероятными яв-

⁹ Под вариантом А имеется в виду текст из «Суаньцзин шишу» («Десять книг канонов о вычислениях»), Шанхай, 1930, т. I, II, которым пользовалась Э. И. Березкина. Под текстом В имеется в виду текст, которым пользовались мы; он приведен в книге «Цзючжан суаньшу» [20].

Рассматриваемые ниже задачи 4—12 находятся на стр. 146—150, 166 этого издания (нумерации задач в оригинале нет).

¹⁰ Это частный случай того, что отсутствие или, наоборот, вставка какого-либо отрывка есть свидетельство определенной первоначальной разделенности текста в данном месте.

¹¹ Другим примером установления первоначального девятичленного разделения рассматриваемого произведения может служить сравнение текстов А и В в шестой главе. Если взять за основу нумерацию задач в тексте А, то сравнение дает следующие результаты:

Текст А: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20.

Текст В: 1, 2, 3, 4, 5, 6... 8, 9, 10, 11... 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 12.

Судя по содержанию и форме, комплекс задач 1—9 представляет собой единый канон. Выпадение задачи 7 в тексте В соответствует месту, отделяющему полную строку (или столбец) канона, поэтому это не простая случайность. Перемещение же задачи 12 соответствует первоначальной отделенности девяти последних задач от предшествующего текста. В данном случае «другим» текстом, видимо, являются задачи 10, 11. Издатели текста В, работавшие в XVII в., иногда вносили исправления в текст, меняя местами отдельные фразы, но такие случаи они оговаривали в примечаниях (案). Перестановки местами задач не оговорены в примечаниях, а поэтому это явление более раннее.

¹² Если бы канон был «трудным», место разрыва было бы наиболее вероятным после четного номера задачи. В противном случае текст вообще был бы чрезвычайно запутанным. Здесь же, как это будет видно из дальнейшего, никакой путаницы нет.

¹³ От различия вертикального и горизонтального строя мы здесь будем отвлекаться.

ляются формы $\begin{array}{|c|} \hline \text{---} \\ \hline \end{array}$ и $\begin{array}{|c|} \hline \text{---} \\ \hline \end{array}$. При этом, поскольку мы обнаруживаем возможность формирования столбца 1(2,3), можно предположить, что форма канона здесь $\begin{array}{|c|} \hline \text{---} \\ \hline \end{array}$ или $\begin{array}{|c|} \hline \text{---} \\ \hline \end{array}$. Это предположение под-

тверждается не очевидным, но легко обнаруживаемым тождеством в условиях задач 6—9 — во всех них речь идет о прямоугольных треугольниках и при этом задается разность между катетом и гипотенузой. Поэтому задачи 6—9 мы можем считать составляющими основание канона.

Таким образом, на основании формальных и минимальных формально-содержательных данных о тексте мы выясняем, что он построен по

форме $\begin{array}{|c|} \hline \text{---} \\ \hline \end{array}$ или $\begin{array}{|c|} \hline \text{---} \\ \hline \end{array}$. Расположив задачи по форме $\begin{array}{|c|} \hline \text{---} \\ \hline \end{array}$, рас-

смотрим подробнее содержание задач и попытаемся выяснить смысл рядов данной структуры.

В целях экономии места и для большей наглядности мы не будем приводить текст и перевод условий задач¹⁴. Вместо них приведем соответствующие чертежи и указания на то, что дано в условиях задач, что требуется определить и каковы ответы. Горизонтальные катеты обозначим через a , вертикальные — через b , гипотенузу — через c ¹⁵. Отрезок, продолжающий катет a , обозначим через a' , продолжающий катет b — через b' .

Решение задач 4—12 предусматривает знание некоторых математических положений, изложенных в предшествующем тексте. Сюда относится прежде всего знание свойств прямоугольного треугольника, указанных в задачах 1—3 и заключающихся в формулах: $c^2 = a^2 + b^2$; $a^2 = c^2 - b^2$; $b^2 = c^2 - a^2$. Кроме того, к предварительным условиям решения задач относится знание некоторых операций над уравнениями: сложение, вычитание и умножение уравнений, перемена знаков при переносе члена уравнения из одной части в другую. Об этом говорится в предшествующей главе источника. Учет указанных предварительных знаний позволяет в каждом «правиле» видеть не хаотичный набор необходимых вычитаний, а последовательное решение.

На основании «правил», сопровождающих каждую задачу, воспроизведем ход решения. Для контроля приведем и китайский текст «правил». Мы не будем давать перевода «правил», а приведем лишь их интерпретацию в современной символике и указание на те арифметические действия, которые предусмотрены в каждом шаге решения. Воссоздавая возможную последовательность рассуждений и связывая ее с указанными в «правилах» шагами решения, обозначим соответствующие этапы цифрами: 1, 2 и т. д.

¹⁴ Соответствующие переводы приведены у Э. И. Березкиной [30, 507—509].

¹⁵ Характер треугольников и других фигур, а также определение катетов как горизонтального и вертикального устанавливается по виду соответствующих предметов, указанных в условиях задач. Например, если дано или требуется определить длину камыша, растущего в воде, или дерева, то ясно, что речь идет о вертикальном катете. Если дано расстояние от основания стены (тоже вертикального катета) до какой-то точки, то ясно, что речь идет о горизонтальном катете, и т. п. Поэтому чертеж здесь не может быть произвольным в отношении основных направлений.

Интерпретация «правил» в современной символике позволяет более отчетливо представить возможный алгоритм решения задач, а кроме того, она более наглядно представляет самые существенные черты содержания задач и способов их решения¹⁶.

При этом получим схему (см. вкладку).

Рассмотрение приведенной схемы задач подтверждает их расположение по форме .

Задачи, составляющие вторую и третью строки (задачи 6—9, 11, 12), для своего решения требуют одинаковых приемов. Это выражается, на наш взгляд, прежде всего в том, что помимо основного чертежа, выделенного нами, они требуют дополнительного чертежа. Этот дополнительный чертеж во всех этих задачах одинаков — он представляет собой квадрат, построенный на одном из катетов (a или b) и его продолжении (a' или b'). В отличие от этого задачи, составляющие первую строку (задачи 4, 5, 10), такого дополнительного чертежа не требуют.

Кроме того, в задачах второй и третьей строк явно вырисовывается единый ход рассуждения, приводящий к шагам решения, указанным в «правилах». Он выражается в следующем: вначале берется одна из формул задач 1—3 (можно сказать «теорема Пифагора»), затем берется уравнение, которое можно извлечь из дополнительного чертежа, из того, как соотносятся площади в этом дополнительном чертеже; далее происходит сопоставление двух уравнений: полученного из «теоремы Пифагора» и из сравнения площадей в дополнительном чертеже¹⁷; в результате получается третье уравнение. Указанный переход от двух уравнений к третьему обозначен в схеме горизонтальной чертой. Третье уравнение представляет собой выражение, которое либо явно, либо имплицитно содержит в себе члены, необходимость подсчета которых указана в «правилах». Следовательно, шаги решения, предусмотренные в «правилах», — это последовательное раскрытие третьего выражения. Такой последовательности не требуют задачи 4, 5, 10, которые решаются либо прямо при помощи «теоремы Пифагора», либо с некоторыми дополнительными действиями, не выходящими за рамки подстановок.

Таким образом, мы видим, что первая строка, с одной стороны, и вторая и третья строки — с другой, выражают определенное тождество и различие входящих в них элементов (задач)¹⁸.

¹⁶ Введение современной символики и особенно использование правил оперирования с символами порождает опасность модернизации техники математического мышления древних китайцев. Но в данной работе нас непосредственно интересует не эта техника, не ее особенности (что чрезвычайно важно для историко-математического исследования), а лишь сами математические идеи, для экономного описания которых мы и вынуждены пользоваться современным аппаратом.

¹⁷ Сопоставление уравнений может быть разнообразным: в задачах 6—9 — это выведение третьего равенства на основании тождественности левых частей исходных равенств, в задаче 11 — это сложение уравнений, в задаче 12 — это вычитание уравнений.

¹⁸ Мы обосновывали тождественность соответствующих задач ссылками на способ их решения, который не дан в самих задачах или их «правилах», а лишь воссоздан нами. Это может породить определенные сомнения. Сомнения еще более усилятся, поскольку, очевидно, возможно и другое воссоздание способа решения. Но никакое другое воссоздание способа решения не сможет отменить того факта, что задачи 6—9, 11, 12 по своему содержанию требуют решения полных квадратных уравнений, в то время как задачи 4, 5, 10 не ведут к ним. Тот факт, что дополнительный чертеж позволяет избежать решения полных квадратных уравнений, не меняет характера самих задач.

Перейдем теперь к рассмотрению вертикального строя.

Столбец I содержит задачи, в условиях которых можно обнаружить тождество, заключающееся в том, что речь идет об определении той величины, которая характеризует катет: в задаче 4 речь идет об определении катета a по данному гипотенузе и другому катету; в задаче 6 определяется катет b по данному другому катету и разности между искомым катетом и гипотенузой; в задаче 7 отыскивается величина, которая равна гипотенузе, но по первоначальному, или, если так можно выразиться, по натуральному значению, представляется как один полный катет и его продолжение (веревка, длину которой нужно определить, висит вдоль шеста — катет b ; и изгибается на земле — продолжение катета).

Столбец II содержит тождественные задачи, так как в них требуется определить величины, которые являются гипотенузой или для которых гипотенуза является половиной: в задаче 5 длина вьющегося растения определяется как длина гипотенузы треугольника, у которого даны два катета; в задаче 8 определяется величина гипотенузы по одному катету и разности между гипотенузой и другим катетом; в задаче 9 определяется величина, равная двум гипотенузам треугольника, у которого даны катет и разность между другим катетом и гипотенузой.

Каких-либо принципиальных различий в способах решения задач столбцов I и II мы не обнаруживаем.

Столбец III включает в себя задачи о похожих объектах — воротах и дверях; по математическому содержанию он отличается от столбцов I и II тем, что здесь необходимым элементом решения задач является использование формулы квадрата суммы или разности двух членов. Сама эта формула не является чем-то внешним по отношению к задачам 4—12. Использование и рассмотрение дополнительных чертежей к задачам 6—9 делают эту формулу очевидной¹⁹. Но лишь в задачах столбца III (задачи 10—12) эта формула применяется не как производная от чертежа, не как обозначение равенства, вытекающего из соотношения соответствующих площадей на чертеже, а как готовая формула в чисто алгебраическом смысле. Ввиду этого задачи 10—12 по способу их решения являются более алгебраическими, чем геометрическими, и этим отличаются от всех предшествующих.

В задаче 10 используется возведение в квадрат двучлена $c - a'$. В задаче 11 проводится более сложная операция — обнаружение в выражении $a^2 + aa' + \frac{a'^2}{4}$ выражения $\left(a + \frac{a'}{2}\right)^2$. Аналогично последнему в задаче 12 в выражении $a^2 - 2ab' + b'^2$ обнаруживается выражение $(a - b')^2$. В целях применения формулы квадрата бинома происходит преобразование некоторых членов уравнений. Так, в задаче 11 $\frac{a'^2}{2}$ выражается как $2\left(\frac{a'}{2}\right)^2$ или как $\left(\frac{a'}{2}\right)^2 + \left(\frac{a'}{2}\right)^2$.

Таким образом, в рассмотренном примере мы опять имеем случай, когда ряды схематизированного текста выражают единство содержания входящих в них элементов²⁰.

¹⁹ Это соответствует разделению текста на части канона: задачи 6—9 составляют основание канона и в них фактически дается основание для формулы квадрата бинома.

²⁰ В задаче 11 применяется формула квадрата суммы двух членов. Можно проследить связь этой формулы с задачами 6 и 8. В задаче 12 применяется формула квадрата разности двух членов. Но мы не можем обнаружить каких-либо особенностей (отличий от задач 6, 8) задач 7, 9, которые бы вели именно к этой формуле. Поэтому

Пример из «Цзючжан суаньцин» полезен еще и тем, что демонстрирует тесную связь рядов, в которых имеет место явное единство содержания (столбцы), с рядами, в которых это единство обнаруживается лишь после определенного, довольно сложного, анализа (строки). Обе эти группы рядов представляют собой с точки зрения содержания нечто цельное, и поэтому нет серьезных оснований принципиально отличать одни ряды от других. Едва ли могут быть выдвинуты серьезные соображения в пользу разделения единой закономерности на принципиально разные области лишь потому, что в одних случаях она улавливается легко, а в других — с известными трудностями. Здесь трудности могут объясняться недостатком знаний у нас. Для древних китайцев таких трудностей, вероятно, не существовало.

3. РЯДЫ В ФИЛОСОФСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Поскольку каждый ряд схематизированного текста имеет свое единое содержание, можно, видимо, считать, что он имеет свою тему. В таком случае связь рядов одного направления — это связь некоторых тем в тексте, а разделение ряда на элементы означает разделение соответствующей темы на подтемы. Отсюда связь других рядов — это связь соответствующих подтем. Определение единства содержания какого-либо набора отрывков текста во многом зависит от субъективных установок читателя или интерпретатора. Если стремиться к вскрытию объективного единства содержания в текстах, то нужно выработать процедуру доказательства объективности этого единства. В нее должно входить указание на факторы, от интерпретатора не зависящие и ведущие именно к данной, а не к какой-либо иной интерпретации текста.

Можно указать на следующие важнейшие факторы такого рода. Разделение сплошного текста на темы и подтемы при использовании аппарата формального анализа в основе своей не может быть субъективным построением, ибо целиком зависит от строго устанавливаемых особенностей текста. Практически здесь может идти речь лишь о формулировке исследователем тем для объективно установленных наборов отрывков текста (элементов). Другим объективным фактором интерпретации текста являются установленные значения иероглифов и некоторых грамматических форм. Целью структурного анализа в семантическом плане является поиск такой интерпретации текста, которая бы основывалась на двух указанных факторах и согласовывала бы их между собой. Для подтверждения получившихся результатов большое значение имеет привлечение внешних свидетельств, указывающих на историческую возможность тех связей отрывков текста, которые устанавливаются путем структурного анализа.

Разделение текста по темам и подтемам означает определенную классификацию описываемых в нем явлений. Объективность разделения текста обуславливает выявление содержащейся в тексте, а не навязываемой ему классификации, присущей лишь сознанию исследователя. Рассмотрим пример.

с точки зрения горизонтального строя содержание элементов не дает возможности вы-

брать единственную из двух возможных форм: $\begin{matrix} \equiv \\ \equiv \\ \equiv \end{matrix} \} \text{ или } \begin{matrix} \bar{\equiv} \\ \bar{\equiv} \\ \bar{\equiv} \end{matrix} \} \cdot$ Выбор осуществ-

ляется нами на основании лишь содержания столбцов. Возможно, что вследствие указанной неопределенности задача 12 и была изъята из текста.

	I	II		III	
		I''	II''	I'''	II'''
0	а. 後王之成名	б) 散名之加於萬物者 則從諸夏之成俗曲期	в) 遠方異俗之鄉 則因之而為通	г) 散名之在人者 生之所以然者謂之性	д) 性之和所生精合感應 不事而自然謂之性
1	а) 刑名從商	б) 性之好惡喜怒 哀樂謂之情	в) 情然而心為之 擇謂之慮	г) 所以知之在人者 謂之知	д) 知有所合 謂之智
2	а) 爵名從周	б) 心慮而能為之動 謂之偽	в) 慮積焉能習 焉而後成謂 之偽	г) 智所以能之在人者 謂之能	д) 能有所合 謂之能
3	а) 文名從禮	б) 正利而為 謂之事	в) 正義而為 謂之行	г) 性傷謂之病	д) 節過謂之命

и) 是散名之在人者也
是後王之成名也

ПЕРЕВОД

а. Последующие правители (ваны) составили имена. а) [При этом], давая имена-наказания, следовали [эпохе] Шан. б) Давая имена-титуты, следовали [эпохе] Чжоу. в) Давая имена внешнего украшения, следовали правилам поведения.

г. Что касается дробных имен²¹ прилагаемого ко всем вещам, то [они] (I)²² следовали сложившемуся у потомков Ся обычаю окружать четырехсоставные построения, (II) а жители отдаленных районов и других обычаев, основываясь на этом, приобщались к единству.

²¹ См. прим. 42 на стр. 113.

²² Римские цифры здесь означают деление отрывков и элементов на части, соответствующие подстолбцам.

г. Что касается дробных имен вложенного в человека, [то они следующие:] (I) о том, благодаря чему (чем) живое таково, каково оно есть, сказали: «природные задатки (характер)»; (II) природные задатки приводят к гармонии порожденное, (так, что) в чистейшем происходит согласие возбуждения и реакции; [при этом] о происходящем самопроизвольно, без усилий, сказали: «[явление] естественного характера».

г) (I) Об обусловленных природными задатками одобрении или неодобрении, удовлетворенности или возмущении, печали или радости сказали: «умонастроения» (или: «эмоциональные состояния»); (II) и при таких умонастроениях разум (сердце) производит выбор — об этом сказали: «(разумное) предпочтение».

д) (I) Разум (сердце), предпочитая [что-то], способно проявлять действия для этого — об этом сказали: «(искусственное) творение» (действие); (II) о том, что составляет после того как разумное предпочтение накопилось, а способности натренированы, сказали: «искусственное творение» (результат).

е) (I) О проявлении деяний, направленных на единственно правильно полезное, сказали: «дело»; (II) о проявлении деяний, направленных на единственно правильно должное, сказали: «свершение».

ж) (I) О том вложенном в человека, благодаря чему (чем) [он] познает, сказали: «мудрость» (способность); (II) о мудрости, согласующей что-то, сказали: «умудренность» (знание).

з) (I) Об умудренности, вложенной в человека, благодаря которой [он] способен [определенно] действовать, сказали: «способность»; (II) о способности, согласующей что-то, сказали: «способность» (навык к чему-то).

и) (I) (Естественный) характер поврежден — об этом сказали: «болезнь»; (II) части (разломанной бирки) совпадают — об этом сказали: «повеление судьбы».

и'. Это — дробные имена помещенного в человека. Это имена, составленные последующими правителями.

Данная схема текста наиболее полно отражает его параллелизмы. Отметим формальные параллелизмы, являющиеся для нее основанием.

Элементы «г», «д», «е», «ж», «з», «и» тождественны между собой, так как все они состоят из фраз, заканчивающихся выражением «об этом сказали», причем каждый из указанных элементов составлен из двух таких фраз. Некоторые пары объединяются в один элемент благодаря явной тождественности содержания, что выражается в повторении иероглифов 偽 (элемент «д»), 能 (элемент «з»), а также в явной близости значения иероглифов 事 и 行 (элемент «е»), 知 и 智 (элемент «ж»).

Комплекс элементов «г...и» разбивается на две группы, каждая из которых состоит из трех элементов: группа «г — д — е» и группа «ж — з — и». Эти группы параллельны между собой, так как имеют одинаковую композицию (1, 2)3.

Обратившись к отрывку «а — б — в», легко обнаружить, что он имеет композицию «(а, б)в», так как в двух первых элементах упоминаются династии Шан и Чжоу, а в третьем упоминания династии нет. Таким образом, комплексы «г — д — е», «ж — з — и» и «а — б — в» параллельны.

В группе элементов «а», «б», «в», «г», «д», «е», «ж», «з», «и» по формальным признакам мы обнаруживаем канонизируемый текст в элементарной форме соотношения частей текста.

Отрывки «'г» и «''г» параллельны между собой, так как состоят

из одинаковых предложений, имеющих структуру *П* 者 *С*. Сходство между этими отрывками заключается еще и в том, что сказуемые, следующие после служебного слова, в обоих случаях можно разбить по крайней мере на два предложения, первое из которых будет состоять из девяти иероглифов. Сказуемые в этих предложениях можно рассматривать как двухсоставные элементы, параллельные двухсоставным элементам из комплекса «г...и».

Таким образом, приведенная схема текста имеет формальные основания, подтверждающиеся рядом формально-содержательных признаков: в одной строке (2) оказались все фразы, имеющие иероглиф 能; в одном столбце (III) оказалось одинаковое словосочетание 在人; в один подстолбец (подстолбец II''' столбца III) вошли фразы, содержащие иероглиф 合.

Совпадение фраз «а» и «и'» говорит о том, что мы имеем отрывок, представляющий собой некоторый законченный фрагмент произведения.

Обосновав схему формально, перейдем к анализу содержания текста. Рассмотрим сначала текст без строки, обозначенной цифрой 0. Здесь столбцы должны быть связаны единством содержания, так как они составлены из стоящих последовательно друг за другом элементов. Такое заключение основывается на предположении, что стоящие рядом отрывки описывают какой-то один предмет или посвящены одной теме. Но структурный анализ показывает, что в текстах довольно часто происходит кажущийся неожиданным разрыв в последовательности отрывков. Поэтому простой последовательности частей текста недостаточно для каких-либо утверждений относительно их связи по содержанию.

В рассматриваемом случае положение более простое. Единство столбцов помимо последовательности элементов, их составляющих, проявляется и в том, что столбцы в значительной части состоят из определений, в которых каждое последующее основывается на предыдущем. Столбец II в первой и второй строках связан тем, что в нем рассматриваются явления, переходящие друг в друга (от 情 к 僞). То же самое можно сказать о столбце III.

Проанализируем теперь содержание строк, отвлекаясь пока от строки 0.

Первая строка. Связь по содержанию элементов «г» и «ж» представляется более или менее очевидной: понятия 情 'умонастроения' или 'эмоциональные состояния', 慮 'разумное предпочтение', 知 'способность познавать', 智 'умудренность' относятся, видимо, к одной и той же области, которую можно назвать познавательным отношением субъекта к объекту.

Но мы должны учесть и следующее. Выделение указанной области, представляющееся естественным для нас, может оказаться несвойственным древнекитайской идеологии. Поэтому наше представление о единстве содержания элементов «г—ж» нуждается в историческом оправдании, которое может дать содержание отдельных текстов или отрывков.

В подтверждающем тексте связь содержания интересующих нас элементов должна быть выражена более определенно, чем в подтверждаемом тексте. Такая большая определенность может быть достигнута разнообразными способами, из которых простейшим является линейная последовательность, точнее, простое примыкание в линейно расположенном тексте.

Для элементов «г» и «ж» такие тексты существуют в большом количестве. Приведем некоторые из них:

«Хуайнань-цзы»: 知慮者禍福之門戶也. 動靜者利害之樞機也. [7, 306].
•Мудрость и (разумное) предпочитание — они являются дверями счастья и несчастья. Движение и покой — они являются осью пользы и вреда;

«Чжуан-цзы»: 不師知慮 [3, 220] 'Не руководствовались мудростью и (разумным) предпочитанием';

«Сюнь-цзы»: 凡用血氣志意知慮由禮則治通 [4, 19] 'Вообще если при действии крови и духа, воли и сознания, мудрости и (разумного) предпочитания исходят из правил поведения, то порядок пронизывает (все это)'; 知慮取舍稽之以成 [4, 159] 'Мудрость и предпочитание, принятие или отрицание [чего-либо] основываются на [процессе] созидания'²³.

«Ши-цзы»: 慮得分曰智 [25, 5] '(Разумное) предпочитание, получающее [свою] долю, называется умудренностью'.

Количество аналогичных примеров можно было бы намного увеличить.

Использованные выше примеры имеют один недостаток, в принципе несущественный, но все же могущий ослабить их доказательность. Во всех них подтверждается связь элементов «г» и «ж» лишь по их частям (понятия 慮 и 知 или 慮 и 智). Но можно привлечь текст, лишенный этого недостатка. Таковым является начало главы «Цзиншан» из «Мо-цзы», в схематизированном виде приведенное нами на стр. 61.

В этом отрывке из «Мо-цзы» элементы «в», «г», «д», «е» едины, так как составляют основание канона. Но в этих элементах речь идет о тех же предметах, что и в элементах «г» и «ж» из рассматриваемого параграфа «Сюнь-цзы». Понятия 慮 и 知²⁴ несомненно тождественны в обоих текстах. Другое понятие — 知, определяемое в элементе «д» текста «Мо-цзы», совпадает с понятием 智 из текста «Сюнь-цзы». Действительно, понятие 知 в «Мо-цзы» определяется через 接 'соединение', а в «Сюнь-цзы» — через 合 'согласие'. Но 接 и 合 очень сходны по значению. В обоих случаях говорится о том, что «мудрость» как некий особый предмет, или, по-нашему, способность, задаток субъекта, дает возможность уловить связь или согласие объектов.

На первый взгляд совершенно различными кажутся понятия 情 и 怒. Но это не совсем так. В тексте «Сюнь-цзы» 情 'умонастроения', 'эмоциональные состояния' можно, а в связи с вертикальным строем нужно понимать как определенные субъективные критерии (мерки) для характеристик явлений такими именами, как «хороший», «плохой», «удовлетворяющий», «возмущающий» и т. п. (好惡喜怒)²⁵.

Понятие же 怒 'разумно-равное отношение' предполагает применение такого критерия. В «Ши-цзы» дается следующее определение: 怒者以身爲度者也. 己所不欲母加諸人. 惡諸人則去之諸己. 欲諸人則求諸己. 此怒也 [25, 7] 'Разумно-равное отношение — это представление себя как меры. То, чего не желаешь сам [себе], не прилагай к другим²⁶. Если что-то ненавидишь в других, то устраняй [его] в себе, если чего-то желаешь от других, то требуй [это] и от себя. Это разумно-равное отношение'.

Приведенные материалы подтверждают историческую достоверность

²³ В тексте «Сюнь-цзы» сочетания 知慮 и 智慮 встречаются неоднократно [4, 36, 82, 208, 217, 222].

²⁴ Мы имеем в виду 知, указанное в элементе «в» текста «Мо-цзы».

²⁵ В «Инь Вэнь-цзы» определение 好 'хорошее' рассматривается как общая, «пронизывающая мерка» (通稱), которая «присоединяется» (連于) к объектам [13, 2].

²⁶ Фраза 母加諸人 'не прилагай к другим' согласуется с фразой из элемента «г»: 加於萬物. Это — косвенное частное свидетельство единства столбца II.

единства содержания элементов «г» и «ж». Остается открытым только вопрос о связи этих элементов с элементом «а». Для понимания этой связи необходимо иметь в виду, что иероглиф 刑 часто смешивали с иероглифом 形. Оба они передавали значение формы, ограничивающей некоторое содержание, и в общем означали ограничение. Таким образом, сочетание 刑名 'имена-наказания' ('имена наказаний') можно понимать как тождественное сочетанию 形名 'имя формы'²⁷. Под последним понимаются «имена» предметов, представляемых отдельными явлениями. Поэтому 形 (или 刑) всегда предполагает действие по разделению или отделению одних явлений от других. Но 'разумное предпочитание' как действие предполагает именно разделение предметов. Это мы видим уже в его определении в элементе «г», где оно связывается с «выбором» (擇). Более отчетливо эта сторона «разумного предпочитания» выступает в следующем отрывке из «Мо-цзы»: 慮獲之利非慮臧之利. 而愛臧之愛人也. 乃愛獲之愛人也. [19, 248] 'Предпочесть выгоду Ху — значит не предпочесть выгоду Цзана. Но любить Цзана — значит любить человека, и любить Ху (тоже) значит любить человека'²⁸. Здесь в семантике слова 慮 подчеркивается его, так сказать, избирательность объекта: «предпочитать» что-то — значит выбрать одно, а не другое, в то время как любовь к кому-то совместима с любовью к другому.

Приведенные соображения позволяют предполагать единство содержания во всей первой строке. Некоторые тексты подтверждают такое предположение.

Рассмотрим следующий отрывок из «Гуань-цзы» [10, 220]: «Познаваемое — то́, чем познают (其所以知) — э́то. Не приведя в порядок э́то, можно ли познавать то́? [Но] из приводящих в порядок э́то никто не способен сделать его пустым (вместимым) (虛). Пустота (вместимость) — это отсутствие затаенного. Поэтому говорят: „Если устранить мудрость, то какое может быть определенное стремление? Если нет ничего затаенного, то какое может быть предположение?“. Если же нет никакого стремления и предположения, то нет и предпочитания (虛). А если нет предпочитания, то вновь возвращаемся к пустоте (вместимости). График (dao) — пуст (вместителен). Он не обладает формой (其無形). Раз пуст (вместителен), то неисчерпаем. Раз не обладает формой, то нигде ему нет преграды. Нет нигде преграды, поэтому в целом, разливаясь на все вещи, не изменяется»²⁹.

Данный отрывок можно считать интерпретацией первой строки отрывка «Сюнь-цзы» в обратном порядке. Для нас этот отрывок важен тем, что он демонстрирует связь представления о «форме» (形) или о чем-то, ограничивающем каждую вещь, с понятием «мудрости» (知) и «предпочитания» (慮). Эту связь в интерпретирующем пересказе можно описать следующим образом.

В познании участвуют субъект и объект («это» и «то»). Предпосылкой познания объекта является очищение субъекта от предпочитания чего-либо конкретного, противопоставляемого другому, что дает возможность понимать всякое объективное, вне зависимости от его конкретной формы.

²⁷ В контексте столбца I 刑, противопоставляемое 爵, видимо, безусловно значит «наказание». Но «наказание» есть ограничение поступков или действий людей. Поэтому и в этом узком смысле 刑 тождественно 形.

²⁸ Отметим, что здесь сочетание знаков 利 и 慮 является косвенным свидетельством единства столбца II.

²⁹ В нашем переводе учтены поправки к тексту, предложенные Ван Нян-суном и Чжан Вэнь-ху [88, 641—642].

Последний шаг нашего рассуждения предполагает связь понятий *情* и *慮* с *形* или *刑*. Для ее подтверждения возьмем следующий отрывок из «Хуайнань-цзы» [7, 3—4]:

<p>'а. 夫鏡水之與形接也</p> <p>"а. 不設智故而方員 曲直弗能逃也</p> <p>'''а. 是故響不肆應 而景不一設 呼叫仿佛 默然自得</p>	<p>а) 人止而靜天之性也</p> <p>б) 感而後動性之害也</p> <p>в) 物至而神應知之動也</p> <p>г) 不能反己</p> <p>д) 故達於道者不以人易天</p>	<p>2) 知與物接</p> <p>с) 好憎成形</p> <p>3) 不能反己</p> <p>и) 外與物化</p>	<p>д) 而好憎生焉</p> <p>ж) 而知誘於外</p> <p>и) 而天理滅矣</p> <p>и''' 而內不失其情</p>
---	---	---	--

ПЕРЕВОД

'а. Зеркало и вода с формами связаны. "а. Однако [они] не создают умудренности и связи следования, а от них не ускользает, круглый или квадратный, прямой или кривой [предмет]. '''а. По этой причине эхо отвечает на что угодно, а тень ничего не создает — [первое] как аукнется, так и откликнется, [второе] молча себя воспроизводит. а) Спокойствие, присущее человеку от рождения, — это данный небом природный характер. б) Движение, возникающее после возбуждения, — нанесение вреда природному характеру. в) Вещь приходит, а душа отвечает (реагирует) — движение мудрости. г) Мудрость с вещами связана. д) А одобрение или ненависть рождаются в этом. е) Одобрение и ненависть создают формы. ж) А мудрость соблазняется внешним. з) [Она] не способна вернуться к себе. и) И природные нормы (*ли*) исчезают. и'. Поэтому достигший Графика (*дао*) не подменяет природного человеческого. и''. Вовне вместе с вещами видоизменяется. и'''. А внутри не теряет эмоциональных состояний.

Этот отрывок в значительной мере можно считать интерпретацией первой строки рассматриваемого текста. Воздействие объекта вызывает реакцию субъекта, его «мудрости». Эта реакция далее превращается в связь с объектом (что соответствует «умудренности», о которой идет речь в элементе «ж» текста «Сюнь-цзы»). Эта связь с объектом (объектами) порождает «одобрение или ненависть». Под последними следует понимать «чувственные состояния» (*情*). Фраза «е» из «Хуайнань-цзы», которую мы перевели как «одобрение или ненависть создают формы», может рассматриваться как свидетельство связи элементов «г» и «а», поскольку она указывает на связь явлений *情* и *形*³⁰. Так используя ряд материалов, мы приходим к выводу, что вся первая строка нашего текста выражает единство содержания его элементов.

Вторая строка. Элементы «д» и «з» связаны формально-содержательным признаком. В них неизменно упоминаются «способности». Этот признак, поскольку он согласуется с другими признаками параллелиз-

³⁰ Фраза «е» передает два значения: во-первых, что «одобрение или ненависть» проявляются в определенной устойчивой форме поступков человека; во-вторых, что чувства указанного типа приводят к определенному резкому разграничению групп объективных явлений, к представлению их как особых «форм». Для правильного понимания данного отрывка необходимо учитывать оба значения данной фразы, обусловленные ее двойной связью (вертикальной и горизонтальной) с другими отрывками используемого текста.

ма, является синтаксически существенным. Более того, его, видимо, можно считать проявлением единства содержания всей второй строки. Основанием для этого могут служить существовавшие в то время воззрения, что «титулы» (爵) (элемент «б») являются оформлением, обозначением или следствием определенных «способностей» (能) людей (элементы «д», «з»). В «Сюнь-цзы», например, говорится, что государь должен, «взвесив способности, дать должности управляющих» (量能而授官 [4, 78, 156]). Причем должности управляющих связаны с определенными «титулами», такими, как 公, 諸侯, 士, 大夫. Высказывания в подобном духе встречаются в источниках довольно часто.

Привлечем также материал более частного порядка. В элементе «б» говорится о титулах периода Чжоу. В трактате «Сюнь-цзы» находим отрывок, посвященный первым правителям этого периода. В этом же отрывке дается краткое определение титула «Сын неба», оно гласит: «„Сын неба“ — это следующее: им не может стать малолетний, его нельзя специально создать [за период регентства]. Если [человек] способен [быть им], то Поднебесная придет к нему, если [он] не способен, то она уйдет от него» [4, 73—74]. Таким образом, титул «Сын неба» связывается с наличием у человека определенных «способностей», что еще раз показывает единство содержания элементов «б» и «з».

Приведенное определение «Сына неба» в интересующем нас плане содержит, однако, и другие сведения. Попытаемся ответить на вопрос: почему «Сыном неба» нельзя стать малолетнему? Если ответ строить в соответствии с воззрениями, изложенными в «Сюнь-цзы», то он, очевидно, сведется к следующему: от рождения по своему («естественному») характеру все люди одинаковы [4, 31—32]³¹, различия возникают в результате накопленного опыта³² и воспитания, которое дает направление этому опыту. Следовательно, действительным «Сыном неба» можно стать, только пройдя определенное воспитание. Совсем не случайно в тексте, предшествующем приведенному определению «Сына неба», говорится о том, как регент при малолетнем Чэн-ване Чжоу-гун учил и наставлял своего подопечного. Этим подчеркивается, что лишь после такого воспитания Чэн-ван стал человеком, могущим быть «Сыном неба».

Согласно представленным в трактате «Сюнь-цзы» воззрениям накопленный опыт видоизменяет «(естественный) характер» (性)³³. Это видоизменение может или должно проходить под руководством учителя или наставника. В таком случае сам процесс и его результат являются не стихийными явлениями, а «(искусственным) творением» (偽). «(Искусственное) творение» прилагается к «(естественному) характеру» и делает человека тем, кем он является³⁴, благодаря ему (люди и различаются [4, 291]). Воспитание или научение поэтому является средством «(искусственного) творения», а может быть, и его

³¹ Это положение не является особенностью воззрений, представленных в «Сюнь-цзы». Аналогичные утверждения есть и в других источниках, например в «Люйши чунь-цю» [17, 16].

³² Накопление опыта в «Сюнь-цзы» обозначается словосочетанием 注錯 'вливание и установление'. Накопленный опыт вместе с привычками или обычаями (習俗) и создает основу для дифференциации людей [4, 38—40].

³³ 注錯習俗所以化性也 [4, 91].

³⁴ В «Сюнь-цзы» отмечается, что человек становится тем, кем он является (земледельцем, плотником, торговцем и «благородным»), в результате «накопления» (積) соответствующего опыта или навыка [4, 91—92]. Отметим, что, очевидно, в элементе «д» имеется в виду именно такое «накопление».

сутью. Поэтому, когда в определении «Сына неба» говорится о невозможности стать им в малолетнем возрасте, то этим самым отмечается, что для этого титула необходимо определенное «(искусственное) творение», что означает связь содержания понятий, указанных в элементах «б — д — з» нашего текста.

Обнаружив в первой и второй строках единство содержания каждой строки, мы можем понять и сформулировать различие между этими строками. В первой строке говорится о естественных процессах, проходящих без внешних воздействий. Здесь описываются лишь явления «(естественного) характера» человека. В противоположность этому вторая строка содержит описание явлений, проходящих под внешними воздействиями. В рамках учения «Сюнь-цзы» о человеке различие первой и второй строк — это различие между «природным характером» и «(искусственным) творением». Эти две стороны сущности человека в «Сюнь-цзы» определяются следующим образом: «То, заключенное в человеке, чему нельзя научиться, что нельзя создать усилием, называется „(естественным) характером“; то, на что можно стать способным по научению, что можно, приложив усилия, создать в человеке, называется (искусственным) творением»³⁵. Из этого определения можно сделать вывод, что в данном источнике под «способностями» (能) понимается не всякий природный задаток, а лишь тот, который позволяет человеку воспринимать внешние влияния и тем самым изменяться. Задатки же, данные человеку от природы, к таким «способностям» не относятся (в том числе и «мудрость») ³⁶.

В связи со сказанным становится понятным, почему в первой строке упоминаются «имена-наказания», а во второй — «имена-титулы». Природные задатки человека являются источником его дурных поступков.³⁷ Поэтому для обуздания естественной природы человека нужны «наказания», предотвращающие дурные поступки³⁸. Все хорошее в человеке есть результат «(искусственного) творения». Титулы являются таким «(искусственным) творением», которое призвано поощрять развитие способностей человека в нужном направлении.

Третья строка. Едва ли нужны какие-либо особые доказательства для утверждения, что, по существовавшим тогда понятиям, «правила поведения» (禮) — это нечто такое, что регулирует «дела» и «свершения». Это означает несомненную связь по содержанию элементов «в» и «е» третьей строки. Но если рассмотреть некоторые тексты, то станет ясно, что «правила поведения» имеют прямое отношение и к вопросу, затронутому в элементе «и», т. е. к вопросу о сохранности или «повреждении (естественного) характера» человека. В главе «Сюнь-цзы», посвященной специально «правилам поведения», читаем: «Они (правила поведения) предписывают оплакивать (покойного) и скорбеть (по нему). Но так, чтобы (это) не доходило до чрезвычайной подавленности, которая бы повреждала живое»³⁹. «Повреждать живое» — это

³⁵ 不可學不可事而在人謂之性. 可學而能可事而成之在人者謂之僞 [4, 290]. Отметим, что здесь упоминание 能 'способность' лишь в связи с 僞, но не в связи с 性 не случайно.

³⁶ Образом такой естественной «мудрости» являются зеркало и вода. Он использован в приведенной выше цитате из «Хуайнань-цзы». Этим же образом пользуются и в «Сюнь-цзы» [4, 267].

³⁷ В «Сюнь-цзы» говорится: 人之性惡. 其善僞也 [4, 289] 'Природные задатки человека дурные; хорошее в нем является (искусственным) творением'.

³⁸ О том, что наказания нужны для обуздания «(естественного) характера», см. «Сюнь-цзы» [4, 292].

³⁹ 不至於隘懼傷生 [4, 242].

почти то же самое, что «повреждать (естественный) характер»⁴⁰. Отсюда понятно, что в элементе «в» есть содержание, ставящее этот элемент в определенную связь с элементом «и». Здесь тождественность содержания указанных элементов обнаруживается при одном из элементов в отрицательной форме.

Перейдем теперь к рассмотрению столбцов, оставив пока в стороне столбец I.

Столбец II. Может возникнуть впечатление, что объединение в один элемент «е» двух разных определений в данном случае произвольно. Эти определения основаны на противопоставлении 利 'польза' и 義 'долг', а в некоторых случаях тексты свидетельствуют как будто о полной противоположности этих явлений. Если же разделить элемент «е» на два элемента, то вся схема нарушается, и говорить о ее содержании бессмысленно. Создается впечатление противоречия между формой текста и его содержанием. Но это только кажущееся противоречие. Все дело в том, что нельзя преувеличивать противопоставления «пользы» и «долга».

В «Сюнь-цзы» встречаются отрывки, показывающие, что их противоположность не исключает их единства. Оба они являются неотъемлемыми свойствами существования человека и общества. Это можно видеть в следующем фрагменте: «Долг и польза — для человека они оба существуют. Даже Яо и Шунь не были способны устранить у народа стремление к пользе. Но [они] были способны сделать так, что его стремление к пользе не преобладало над любовью к долгу. Даже Цзе и Чжоу, в свою очередь, не были способны устранить у народа любовь к долгу. Но [они] были способны сделать так, что любовь к долгу не одерживала верх над их стремлением к пользе» [4, 330]. Эта цитата не только показывает относительность разделения «пользы» и «долга», но по существу содержит в себе указание на единство содержания элементов «г», «д», «е». В отрывке говорится, что стремление к пользе и любовь к долгу — это изначальные качества человека (связь элементов «е» и «г»), и утверждается, что природные качества людей — стремление к пользе и любовь к долгу — могут быть подвержены определенному внешнему воздействию, что создает («творит») их определенные модификации. В этом положении обнаруживается утверждение связи по содержанию элементов «д» и «е».

Здесь мы учитываем лишь один момент определений, данных в элементах столбца II. Для более полного анализа нужно, видимо, взять определения в целом или понятия, являющиеся результатом этих определений, т. е. понятия 情, 事 и т. п. Если подойти с этой стороны, то в элементах «г», «д», «е» можно обнаружить новые моменты единства содержания: во всех них описываются действия, направленные вовне от субъекта. Это более или менее очевидно для таких понятий, как «дело», «свершение», «творение», «предпочитание». Трудность вызывает лишь понимание «эмоциональных состояний» (情). Но если учесть отмеченную выше тождественность 情 и 恕 и связанное с этим понимание «эмоций» как мерок, обращенных на объекты вне данного субъекта, то и эта трудность исчезает.

Столбец III. Если «мудрость» (知) и «умудренность» (智) относиться к явлениям естественного (можно, видимо, сказать стихийного)

⁴⁰ Обе составные части иероглифа 性 (性 'разум' и 生 'жизнь') несут смысловую нагрузку. Природный характер, или «(естественная) природа», человека имеет две стороны — разумную и «жизненную», в значительной степени совпадающую с чувственной.

плана, то это — явления, в которых субъект испытывает какое-то воздействие извне его, явления, в которых движение идет от объектов к субъекту, извне внутрь⁴¹.

Аналогичную характеристику можно дать «болезни» (病) и «предопределению судьбы» (命). В таком же плане можно интерпретировать «способности», если понимать под ними то, что каждому субъекту дается извне, а не вырабатывается им самим, подобно «искусственным творениям». Это представляется не противоречащим данному тексту и многим другим.

Поняв отмеченные особенности явлений, описываемых в столбцах II и III, можно понять и значение элементов «'г» и «"г», возглавляющих эти столбцы. Обратим внимание на явное противопоставление, содержащееся во фразах: 散名之加於萬物 'дробные имена прилагаемого ко всем вещам' и 散名之在人 'дробные имена помещенного в человека'. Первая фраза предполагает какой-то процесс, идущий от субъекта, который что-то «прилагает» к объектам; вторая, напротив, предполагает процесс, идущий к человеку, к субъекту. Это различие совпадает с различием общего содержания элементов столбцов II и III. Сами фразы, начинающие элементы «'г» и «"г», суть не что иное, как формулировки различий между столбцами II и III и одновременно указания на то общее содержание, которое есть в элементах, разделенных столбцами⁴².

Так, начинающая элемент «'г» фраза говорит о «приложении» (加), поэтому в одном столбце с этой фразой находится понятие «(искусственное) творение», которое во взаимодействии с естественными качествами (о чем говорится в элементе «г») обязательно предполагает «приложение»⁴³.

Продолжение элементов «'г» и «"г» (часть, следующая после 者) частично содержит в себе тоже вариант указанного противопоставления явлений, направленных вовне и внутрь. В элементе «'г» говорится о том, что соответствующие «имена» были выработаны согласно определенному обычаю у потомков Ся и уже потом или отсюда они распространились и «приложились» вовне, на другие этнические группы «отдаленных районов»⁴⁴. В элементе «"г» текст этой части представ-

⁴¹ Вспомним зеркало и гладь воды.

⁴² Мы здесь подчеркиваем различие между столбцами, но между ними есть и общее. Если исходить из начала фраз «'г» и «"г», то это общее заключается в том, что в обоих столбцах имена «дробные». Что такое «дробные имена», можно установить на примерах, приводимых в «Чуньцю фаньлу». Там говорится, что, например, для жертвоприношений и охоты есть общие знаки, а есть и «дробные имена». В качестве последних перечисляются разные названия для этих действий в разные времена года [12, 59]. Таким образом, «дробные имена» — это названия видов какого-то явления, причем таких видов возможно всего четыре. Этому соответствует тот факт, что в элементах «г» и «д» столбца II и в элементах «ж» и «з» столбца III даются имена четырех явлений. Третья строка здесь, видимо, не учитывается потому, что не входит в основание канона. Отметим, что «дробные имена» имеют прямое отношение к «четырёхчастным построениям» (期) (см. стр. 188). Дайвендак переводит 散名 как «разные имена» [62, 224]. Такой перевод скрывает особенность данного понятия.

⁴³ В «Сюнь-цзы» говорится: «Если нет природных задатков, то (искусственное) творение не к чему прилагать, если нет (искусственного) творения, то природные задатки не способны сделаться прекрасными» (無性則僞之無所加. 無僞則性不能自美) [4, 243].

⁴⁴ Словосочетание 曲期 'окружать четырехчастные построения' мы понимаем, исходя из следующего. В тексте есть сопоставление 成俗曲期 — 遠方異俗, которое распадается на сопоставления 異俗 — 成俗; 遠方 — 曲期. Из последнего следует сопоставление 方 — 期. Мы предлагаем здесь такую интерпретацию.

Дан какой-то комплекс из четырех явлений, например из «а», «б», «в», «г» (на схе-

ляется запутанным, возможно оттого, что в него включены пояснения.

Наиболее сложным во всем рассматриваемом тексте является вопрос о содержании подстолбцов, о смысле разделения элементов на две части. Это деление с формальной стороны представляет собой момент усложнения текста, превращения его в «трудный», имеющий еще одно измерение. Но это разделение не доведено до конца (столбец I остался однослойным), и, возможно, поэтому в тексте нет достаточного материала для полного понимания смысла этого разделения. Если судить по элементу «е», то столбец II разделяется на подстолбцы по тому же принципу, по которому различаются «полезность» и «долг». Действительно, этот принцип позволяет выяснить некоторые черты единства содержания элементов, входящих в подстолбцы I'' и II''.

«Долг» понимается в «Сюнь-цзы» как категория, дающая возможность людям в отличие от животных объединяться в единый коллектив [4, 104]. Более конкретно категория долга, будучи положена в основу, позволяет объединить всю Поднебесную под властью одного настоящего государя-вана (義立而王 [4, 13]). Если мы учтем эту сторону содержания категории «долга», то вторая часть элемента «е» будет выглядеть согласующейся с содержанием последней части элемента «г» и по крайней мере в этих частях столбец II'' предстанет признанным единым содержанием.

В качестве подтверждающего единство содержания подстолбца I'' можно привести следующий текст из «Вэнь-цзы», в котором после перечисления разных видов «дел» (事) говорится по поводу этих видов:

1) 所謂可行而不可言者取舍也. 2) 可言而不可行者詐僞也. 3) 易爲而難成者事也. 4) 難成而易敗者名也 [11, 44].

В этом отрывке фразы 1—3, по-видимому, могут быть отнесены к элементам первой, второй и третьей строк подстолбца I''.

Для подтверждения наличия единого содержания в подстолбце II'' можно использовать следующий отрывок из «Сюнь-цзы», в котором объединены все части элементов, входящие в этот подстолбец: 聖人積思慮習僞故以生禮義而起法度. 然則禮義法度者是生於聖人之僞非故生於人之性也 [4, 291] 'Совершенно мудрый человек, накопив опыт мысленного (разумного) предпочтения, натренировавшись в

(искусственном) творении причинных связей, при помощи этого вызвал к жизни (нормы) долга и правильного поведения, возродил образцы и мерки. А если так, то долг и правильное поведение, а также образцы и мерки являются рожденными (искусственным)

ме а, б, в, г). Он образует замкнутый цикл, подобный циклу времен года: $\begin{matrix} a & b \\ & g \\ c & v \end{matrix}$. Это —

«четырёхчастное построение» (期). Оно «окружается» прямыми $\begin{matrix} a & b \\ z & v \end{matrix}$ В. Каждая

из этих «окружающих» прямых строго определена (они обозначены буквами С, В, Ю, З), по ним определяется каждый из элементов «а», «б», «в», «г»: «а» — это СЗ, «б» — это СВ и т. д. Так для каждого явления определяется «дробное имя». Возможно, что «дробное имя» дается для каждой одной части из окружающей ломаной прямой: аб—С, бв—В и т. д.

Если комплекс «а», «б», «в», «г» — это комплекс «потомков Ся» (諸夏), то то, что вне его, — это «отдаленные районы» (遠方, дословно «далекие квадраты»). Все, что находится в этих «отдаленных районах», сориентировано с этим изначальным квадратом и обозначается по его сторонам. Обозначение «варваров», например, сопровождалось их отнесением к четырем странам света, так они «пронизывались единством» (通) в «именах», к ним «прилагаемых»

творением совершенного мудрого человека, а не причинным порождением природных задатков человека'.

Можно наметить и некоторое единство содержания в подстолбце I'''. «Мудрость» (*чжи*) как средство познания предполагает отнюдь не только разумное познание, она включает в себя и действие органов чувств. Последнее есть признак жизни или «живого» (*шэнь*) в противоположность смерти (*сы*)⁴⁵. Это показывает связь содержания первой части элемента «ж» (понятие «мудрость») с первой частью элемента «г» (понятие «жизнь»). «Болезнь» (элемент «и»), видимо, относится к той же группе явлений, что и «жизнь». Поэтому связанными являются и первые части элементов «г» и «и».

Проведенный анализ отрывка из главы «Чжэнмин» помимо подтверждения уже высказанного положения о тождестве рядов схематизированного текста свидетельствует о следующем.

В строке 0 и столбце I по существу указаны те единые темы и подтемы, которые пронизывают соответственно столбцы и строки. В связи с этим можно полагать, что единство содержания рядов является следствием сознательной компоновки текста, выражающей определенный замысел автора. Вскрыть этот замысел каким-либо иным способом, кроме структурного анализа, невозможно. Как выполнение замысла автора единство содержания рядов не может не быть полным: оно должно пронизывать все ряды и все элементы рядов без исключения. Мы не всегда улавливаем это единство, вероятнее всего, вследствие недостатка понимания источника или какой-то его порчи⁴⁶.

Ряды в тексте представляют собой цельную систему, в которой одни принципы деления явлений накладываются на другие, образуя тем самым в каждом конкретном случае совершенно определенную схему тождественности и различия содержания элементов, входящих в данный текст.

Систему рассмотренного отрывка можно охарактеризовать следующими за этим отрывком словами: 名定而實辨道行而志通 [4, 275] 'Имена определены, а реальности разделены рассуждением; Графики (*дао*) [распределены] по рядам, а смысл пронизывает [их]'. Это положение показывает, что система «имен» понимается не только как система названий, а как аналог системы вещей и функциональных связей между ними. Она, следовательно, имеет онтологическое значение. Нерушимость или устойчивость этой системы покоится на ее согласовании с порядком вещей, который и находит свое выражение в «упорядоченных (в систему) именах» (正名).

Приведенная характеристика «Сюнь-цзы» может быть отнесена к любому схематизируемому текстам. Поэтому схематизированный текст по своему содержанию является выражением определенного категориального деления явлений, в нем описываемых. Система рядов текста — это формальное выражение системы содержательных категорий, заключенных в тексте. Представление материала для усвоения этих категорий, очевидно, и составляет задачу текста.

Категории эти, видимо, могут быть разными. Так, в рассмотренном тексте главы «Чжэнмин» можно выявить следующие категории: естественное — искусственное (первая и вторая строки) и активность — пассивность субъекта (столбцы II и III). Это, пожалуй, самые конкретные категории в данном тексте. Но в нем должны

⁴⁵ В «Люйши чуньцю» говорится: «Не имеющий того, чем познают, мертвым называется» (無有所以知者死之謂也 [17, 16]).

⁴⁶ Мы, конечно, имеем в виду не любой текст, а текст, который схематизируется.

быть категории и понятия более абстрактные. Можно, например, представить, что данный текст есть лишь частное проявление двух рядов категорий: действие вовне и действие внутрь (столбцы II и III) и данное — приобретенное (первая и вторая строки). Наконец, можно полагать, что в тексте учитываются и такие категории, как пространство и время: строки являют разные моменты времени, столбцы — разные части пространства⁴⁷.

Приведенные соображения свидетельствуют о том, что в схематизированных текстах имеются понятия как разного плана, так и разных уровней абстракции. Но изучать эти явления, учитывая только ряды схематизированного текста, было бы неправильно, необходимо рассмотрение содержания частей канона.

4. ЧАСТИ КАНОНА В МАТЕМАТИЧЕСКОМ ТРАКТАТЕ

Круг проблем, возникающих в связи с частями канона, весьма обширен, ввиду этого заранее ограничим себя определенными рамками. Попытаемся поставить лишь одну проблему — значение частей канона в связи с различным объединяющих и разъединяющих строений. Возможно, что основные функции частей канона обнаружатся именно в этой области. Сначала возьмем текст, в котором разделение на части канона легко определяется по формальным признакам.

Первая часть главы шестой трактата «Цзючжан суаньшу» имеет следующее строение: сначала идут четыре задачи и даются «правила», относящиеся ко всем задачам⁴⁸; далее следуют две задачи и «правила» к ним; затем приводятся еще две задачи и «правило» к ним; наконец, приводится одна задача, которая сопровождается отдельным «правилом». Таким образом, в этом тексте части канона отделяются «правилами».

Из приведенных сведений и предположения о совпадении частей канона с частями текста следует, что форма канона здесь может быть

либо , либо . Из указанных форм выберем вторую.

Для удобства дальнейшего рассмотрения сопроводим задачи интерпретацией при помощи обычной символики⁴⁹. Нужные нам «правила» переведем на русский язык⁵⁰.

⁴⁷ Элемент «а» представляет прошедшее или давнопрошедшее время (династия Шан); элемент «б» представляет недавнее прошлое и настоящее (династия Чжоу). Элемент «в» представляет вечное, а следовательно, и будущее. В «Сюнь-цзы» неоднократно подчеркивается, что 禮 (ли 'правильное поведение' или 'правила поведения') — это нечто вечное, неизменное [4, 243]: в этом источнике говорится, что ли — это образцы «для всех поколений» (萬世). Понимание элементов «г» и «гг» как описания разных пространственных явлений представляется довольно очевидным.

⁴⁸ В нашем варианте текста сначала идут четыре задачи, а затем идут «правила» 'А и А. Но в комментарии издателей говорится, что «правило» А стояло в тексте после первой задачи. Хотя в других случаях, воспроизводя текст, мы не принимали перестановок, проводимых издателями, здесь перестановка принимается. Впрочем, неприятие этой перестановки не будет противоречить нашему утверждению, что в этом тексте мы имеем явное выделение частей канона, так как остается факт отделения первых четырех задач «правилом» 'А.

⁴⁹ При воспроизведении китайского текста задач мы опустили формулировку вопроса и ответов.

⁵⁰ После задач 1—4 следуют «правила» 'А и А, после задач 5, 6 — «правила» 'Б и Б. Мы переводим лишь «правила» А и Б, так как их совершенно достаточно для необходимого уровня понимания хода решения задач.

Задача 1

今有共買物
人出八盈三
人出七不足四

1) $8x = y + 3$

2) $7x = y - 4$

Задача 2

今有共買鷄
人出九盈一十一
人出六不足十六

1) $9x = y + 11$

2) $6x = y - 16$

Задача 3

今有共買璣

1) $\frac{1}{2}x = y + 4$

人出半盈四

人出少半不足三

2) $\frac{1}{3}x = y - 3$

Задача 4

今有共買牛

1) $\frac{190}{7}x = y - 330$

七家共出一百九十不足三百三十

九家共出二百七十盈三十

2) $\frac{270}{9}x = y + 30$

*A 術曰置所出率盈不足各居其下...

A 其一術曰 1) 并盈不足爲實 2) 以所出率以少減多餘爲法

3) 實如法得一 4) 以所出率乘之減盈增不足印物價

Перевод правила A. Их единое правило гласит: «1) Соединив избыток и недостаток, прими [это] за реальное число *ши*; 2) в нормах внесения платы меньшее вычти из большего, а разность прими за коэффициент *фа* (при искомом); 3) реальное число *ши* приведи в соответствие с коэффициентом *фа* и получишь [значение] единицы (искомого *x*); 4) норму внесения платы помножь на него [полученное число] и вычти избыток или прибавь недостаток — будет стоимость вещи (*y*)».

Задача 5

今有共買金

人出四百盈三千四百

人出二百盈一百

1) $400x = y + 3400$

2) $200x = y + 100$

Задача 6

今有共買羊

人出五不足四十五

人出七不足三

1) $5x = y - 45$

2) $7x = y - 3$

*B. 置所出率盈不足各居其下...

B. 其一術曰 1) 置所出率以少減多餘爲法 2) 兩盈兩 不足以少減多餘爲實

3) 實如法而一得人數 4) 以所出率乘之減盈增 不足印物價

Перевод правила B. Их единое правило гласит: «1) Установи отдельно в рядах нормы внесения платы, меньшую вычти из большей, разность прими за коэффициент *фа*; 2) в обоих избытках и обоих недостатках меньшее вычти из большего и разность прими за реальное число *ши*; 3) реальное число приведи в соответствие с коэффициентом *фа* так, чтобы получить [значение] единицы, — получишь число людей (*x*); 4) нормы внесения платы помножь на него и вычти избыток или прибавь недостаток — будет стоимость вещи (*y*)».

Задача 7

Текст отсутствует (См. прим. 1). 1) $100x = y + 100$
2) $90x = y$

Задача 8

今有共買犬 1) $5x = y - 90$
人出五不足九十 2) $50x = y$
人出五十適足

В. 術曰 1) 以盈不足之數爲實 2) 置所出率以少減多餘爲法 3) 實如法得一
4) 其求物價者以適足乘人數得物價

Перевод правила В. Правило гласит: «1) Величину избытка или недостатка прими за реальное число *ши*; 2) установи отдельно в рядах нормы внесения платы и меньшую вычти из большей, а разность прими за коэффициент *фа*; 3) приведи реальное число *ши* в соответствие с коэффициентом *фа* — получишь [значение] единицы (искомого *x*); 4) а чтобы получить стоимость вещи (*y*), (в уравнении), где как раз хватает, [полученное число] помножь на число [взноса каждого] человека — получишь стоимость вещи».

Задача 9 (см. прим. 2).

今有米 1) $10 - x = y$ 1) $x + y = 10$
在一斗桶不知其數 2) $x + \frac{3}{5}y = 7$ или 2) $x + \frac{3}{5}y = 7$
滿中添粟而舂之得米七斗

Г. 術曰以盈不足術求之假今故米二斗不足二升今之三斗有餘二升

Перевод правила Г. Правило гласит: «Получи его (ответ), применяя правило избытка и недостатка. Предположим, первоначально пшена было два доу, тогда недостаток равен двум шенам; если же допустим, что его было три доу, то излишек равен двум шенам».

Примечания к задачам.

1. В нашем тексте (текст В) задача 7 отсутствует. Но это явное следствие порчи текста. В «правиле» В говорится о случаях как с «избытком», так и с «недостатком». В задаче же 8 рассматривается лишь случай с «недостатком». В тексте А сохранилась задача 7. По нему она и восстанавливается.

2. В задаче 9 отношение $\frac{3}{5}$ — это отношение пшена к просу.

Для понимания наших рассуждений весь текст нужно расположить по следующей схеме:

Задача 1	Задача 2	Задача 5
Задача 3	Задача 4	Задача 6
Правило А		Правило Б
Задача 7	Задача 8	Задача 9
Правило В		Правило Г

Отметим прежде всего, что «правила» А, Б, В указывают на совершенно одинаковый метод решения задач 1—8. Суть его заключается в вычитании одного уравнения из другого⁵¹. Этот метод здесь

⁵¹ Во всех указанных «правилах» применяется следующая терминология: коэффициент при *x* в исходных уравнениях называется «нормой внесения», значение *y* — «числом людей», свободный член — «избытком» и «недостатком»; *фа* — это коэффициент при *x* в уравнении, получившемся в результате вычитания друг из друга исходных уравнений; «реальное число» — это свободный член во вновь полученном уравнении.

вполне оправдан, так как он дает весьма простое решение систем из двух уравнений, в каждом из которых коэффициент при y равен единице. y определяется, как об этом говорит пункт 4 «правил» A , B , V , путем подстановки полученного значения x в одно из исходных уравнений.

Таким образом, если исходить из общих представлений о методе решения, мы не сможем обнаружить какой-либо системы в распределении задач 1—8. Однако обратим внимание на то, как указанный единый метод проявляется в конкретном решении задач. Здесь обнаруживается, что задачи 1—8 систематизируются по рядам.

Рассмотрим сначала столбцы схемы.

В задачах столбцов I и II проводится сложение абсолютных величин свободных членов, на что ясно указывает «правило» A . Хотя это указание не относится к задачам 7, 8, их все же можно рассматривать как тождественные задачам 1—4, ибо здесь можно подразумевать суммирование с нулем. В отличие от этого в задачах столбца III находится разность абсолютных величин свободных членов. Далее, столбец III отличается от столбцов I и II тем, что в его задачах свободные члены приведены с одинаковыми знаками.

Можно отметить различия между столбцами I и II, правда менее существенные. Во всех задачах столбца I сложение абсолютных величин свободных членов является результатом вычитания из первого уравнения второго. В задачах же столбца II сложение абсолютных величин может являться результатом и вычитания первого уравнения из второго. Зато во всех задачах столбца II происходит вычитание из свободного члена, меньшего по своей абсолютной величине, чем вычитаемое. Это условие не соблюдается в задачах столбца I.

Таким образом, мы можем утверждать, что и в данном случае столбцы означают определенную упорядоченность и единство содержания элементов текста.

Строки канона можно различать по коэффициентам при первом неизвестном x , вернее, по соотношению этих коэффициентов в первом и втором уравнениях каждой задачи.

Первая строка характеризуется тем, что во всех входящих в нее задачах коэффициент при x в первом уравнении больше, чем во втором. Этим, правда, первая строка не отличается от столбца I.

Во второй строке преобладают задачи, в которых коэффициент при x в первом уравнении меньше, чем во втором.

Третья строка вообще не может быть охарактеризована преобладанием большего (меньшего) коэффициента в первом (втором) уравнении, так как в задаче 9 коэффициенты при x в обоих уравнениях равны, а в задачах 7 и 8 даны противоположные случаи. Эта строка характеризуется абстрагированием от указанного различия коэффициентов при x . Таким образом, определенное единство наблюдается и в строках схемы.

Определив значение рядов текста, мы можем перейти к рассмотрению значения частей канона.

Задачи, составляющие основание канона (задачи 1—4), довольно однообразны. Во всех них предусматривается вычитание отрицательного свободного члена из положительного, приводящее к сложению их абсолютных величин. Их решение, очевидно, не предусматривает знания каких-либо других свойств чисел и операций над ними, кроме знания, что вычитание отрицательного числа влечет за собой прибавление его абсолютной величины.

Неполный столбец, в который входят задачи 5, 6, очевидно, преду-

смачивает знание того, как вычитать положительные числа в самом обычном вычитании — из большего числа меньшее, что выходит за пределы знаний, предусмотренных в основании канона. В этом же неполном столбце проводится вычитание отрицательного числа из отрицательного же, приводящее к положительной разности. Наличие задачи, в которой предусматривается такого рода действие (задача 6), не оставляет сомнения в том, что данный полустолбец по содержанию существенно отличается от основания канона. Он предусматривает более широкие и глубокие знания действия вычитания.

Неполная строка канона, в которую входят задачи 7—8, отличается от основания канона и от задач 5—6 тем, что здесь, и только здесь, предусматриваются операции с нулем — вычитание нуля и вычитание из нуля отрицательного числа. Ясно, что эти операции либо предполагают, либо вводят более широкие знания свойств чисел и операций над ними, чем это предусмотрено в основании канона (задачи 1—4).

Таким образом, мы можем констатировать следующее расширение представлений о вычитании, проходящее по частям канона: вычитание из положительного числа отрицательного числа — основание канона; вычитание как из положительного, так и из отрицательного числа — неполный столбец канона; вычитание нуля и из нуля — неполная строка канона.

Задачи неполного столбца (задачи 5, 6) здесь представляются как иллюстрация двух крайних случаев оперирования со знаками при вычитании: самого простого — вычитания из положительного числа положительного же числа и самого сложного — из отрицательного числа отрицательного же числа. Случаи, указанные в основании канона, по степени сложности представлений о вычитании можно считать стоящими где-то между этими крайностями.

Неполная строка (задачи 7, 8) тоже представляет два крайних случая, но уже с точки зрения абсолютной величины: самый простой — вычитание нуля (задача 7) и самый сложный — вычитание из нуля (задача 8). Случаи, указанные в основании канона, — вычитание реальных чисел из реальных же, стоят также где-то между этими крайностями.

Указанные в неполных столбце и строке канона крайности обозначают область содержания более широкую, чем та, которая обозначается в основании канона. Поэтому если возникает вопрос об обозначении этих сфер понятиями, то понятия неполных строк и столбцов должны быть неизбежно более абстрактными, чем понятие (или понятия), присущее основанию канона. Это — понятия типа категорий. Указанные понятия являются абстрактными не только потому, что предусматривают более широкую сферу, но и потому, что каждое из них представляет (обозначает) лишь одну сторону явлений, указанных в основании канона, абстрагируясь от других качеств явлений.

Отсюда можно сделать вывод общего характера: основание канона описывает конкретные явления и предусматривает соответствующие понятия; обрамление основания канона (т. е. неполные и полные строки и столбцы канона) описывает абстрактные явления и предусматривает абстрактные понятия⁵². Это основная функция частей канона.

⁵² Указанные свойства частей канона можно сравнительно легко обнаружить в некоторых ранее рассмотренных примерах. Так, они обнаруживаются при рассмотрении роли алгебраических (абстрактных) формул и геометрических (конкретных) построений в приведенном выше примере из «Цзючжан суаньшу» (см. стр. 100—103 данной работы). В примере из главы «Чжэнмин» (см. стр. 104—115 данной работы) части канона выполняют такую же функцию, так как понятия категориального уровня там имеются в обрамлении основания канона, т. е. элементов «г», «д», «ж», «з».

Проведенный анализ примера, однако, не полон, так как он не учитывает задачи 9.

Связь задачи 9, входящей в полную строку канона, с предшествующим текстом устанавливается довольно сложно. На первый взгляд она вообще не входит в комплекс, так как резко отличается от всех предшествующих задач: все они решались методом вычитания уравнений, приводящим к устранению одного неизвестного, эта же решается методом двух ложных положений.

Но присмотримся внимательнее к этой задаче. Насколько можно судить по «правилу», ее решение включает в себя следующие операции.

Для искомого x берется какое-то предполагаемое значение x_1 , которое дает для y значение y_1 . Путем подстановки значений x_1 и y_1 получается значение свободного члена c_1 . Находится разность между c_1 и данным свободным членом. Получается «избыток» или «недостаток»: $(+c'_1$ или $-c'_1)$. Затем подбирается такое значение x_2 , при котором другой «избыток» или «недостаток» c'_2 равен c'_1 по абсолютной величине и противоположен по знаку.

Отыскивание соответствующего x_2 может осуществляться путем подбора нужных цифр на основании представлений о функциональной зависимости переменных x и y . Такое знание подготовлено предшествующим текстом, в частности, функциональная зависимость x и y наиболее отчетливо выступает во вторых уравнениях задач 7—8. Кроме того, указанный подбор цифр должен основываться на представлениях о некоей симметрии чисел относительно какого-либо числа, в том числе нуля. Такое знание также подготовлено предшествующими задачами.

Поэтому можно утверждать, что задача 9 связана с остальными, поскольку ее решение подготовлено теми знаниями, которые можно почерпнуть из предшествующих задач⁵³.

Но нахождение соответствующего x_2 еще не означает решения задачи. Видимо, описанные выше действия вообще не считались существенными для решения задач типа задачи 9, так как в «правилах» к этим задачам соответствующие x_1 и x_2 , а также «избыток» и «недостаток» всегда даются уже готовыми. Здесь более важны следующие шаги, о которых в «правиле» к задаче 9, к сожалению, ничего не говорится.

Довольно вероятным представляется следующий ход рассуждения, приводящий к решению задачи: x_1 и x_2 дают определенные y_1 и y_2 , а это влечет за собой равные по абсолютной величине «избыток» и «недостаток», т. е. величины, равно отстоящие от какой-то заданной величины. Следовательно, искомое x_0 также должно равно отстоять от x_1 и x_2 .

Отсюда искомое определяется, видимо, по формуле:

$$x_0 = x_2 + \frac{x_1 - x_2}{2}, \text{ если } x_1 < x_2$$

$$\text{или } x_0 = x_1 - \frac{x_1 - x_2}{2}, \text{ если } x_1 > x_2$$

Каким бы простым ни представлялось приведенное рассуждение, оно также предполагает знание по крайней мере двух математических явлений: зависимости изменения значения y от изменения значе-

⁵³ Можно провести аналогию с выведением формулы квадрата бинома в примере, рассмотренном на стр. 102.

ний x ; соизмеримость «избытка» и «недостатка» по их абсолютной величине. Первое означает определенный шаг в понимании функциональной зависимости, основанный на знании прямо пропорциональной зависимости. В этом плане решение задачи 9 подготовлено предшествующими задачами, в частности задачами 7 и 8, вторые уравнения которых выражаются в формулах $ax=y$.

Понимание соизмеримости «избытка» и «недостатка» также является следствием усвоения существа предшествующих задач. В частности, задачи 5 и 6 могут являться примерами того, что вне зависимости от того, является ли данная величина «избытком» (мы бы назвали положительным числом) или «недостатком» (отрицательным числом), над ними производятся одинаковые операции.

Таким образом, даже если мы оставим в стороне вычисления соответствующих «избытка» и «недостатка», и тогда решение задачи 9 является итогом предшествующих задач. Оно предполагает осмысление материала предшествующих задач и формирование некоего нового понятия, необходимого для ее решения. Использованием этого понятия задача 9 отличается от всех предшествующих задач⁵⁴ как задача более широкого и глубокого содержания.

Приведенные здесь соображения основываются на реконструкции возможного метода решения. Для того чтобы по возможности показать историческую обоснованность данной реконструкции, рассмотрим задачу 18, к которой дано более развернутое «правило».

Формула, приводимая в «правиле» задачи 18, дает возможность более определенно судить о методе двух предположений.

Приведем перевод задачи 18 и «правила», ее сопровождающего:

«Имеется 9 слитков золота и 11 слитков серебра, их взвесили, вес как раз совпал. Поменяли друг на друга по одному слитку, золото стало легче на 13 лян. Спрашивается, сколько весит один слиток золота и один слиток серебра?»

Ответ: вес золота $2\frac{15}{64}$ цзиня, вес серебра $1\frac{53}{64}$ цзиня⁵⁵.

Правило гласит:

1. Предположим, [слиток] золота [весит] 3 цзиня, [слиток] серебра будет весить $2\frac{5}{11}$ цзиня, недостаток будет равен 49. Расположим это в правом ряду.

Предположим, [слиток] золота [весит] 2 цзиня, [вес слитка] серебра будет $1\frac{7}{11}$, лишнего будет 15. Расположим это в левом ряду.

2. Каждый знаменатель умножь на число, содержащееся внутри его ряда, [...].

3. Избыток и недостаток, переплетя, перемножь с нормами внесения и вместе прими за реальное число *ши*.

4. Избыток и недостаток вместе прими за коэффициент *фа* [при исском].

5. Приведи в соответствие реальное число *ши* и коэффициент *фа*, получишь вес слитка золота.

⁵⁴ Этим же она отличается от последующих задач. Из всех задач 9—20, решаемых методом двух ложных положений, только в задаче 9 «избыток» равен «недостатку». Это является очевидным основанием отделения задачи 9 от последующих задач.

⁵⁵ В тексте задачи ответ дан с указанием количества цзиней, лян и чжу. Для удобства подсчетов мы даем ответ в единых единицах — цзинях. При этом учитывается, что 1 цзинь = 16 лян, 1 лян = 24 чжу.

6. Знаменатель [получившейся] дроби умножь на коэффициент *фа* [при искомом] и раздели на него [числитель реального числа], получишь вес [слитка] серебра.

7. Сокращай их (дроби), получай доли [20, 130]»⁵⁶.

Условия задачи могут быть выражены в двух уравнениях:

$$(1) 9x = 11y$$

$$(2) 9x - 1x + 1y + \frac{13}{16} = 11y - 1y + 1x$$

$$\text{или } 8x + 1y + \frac{13}{16} = 10y + 1x$$

Решается задача методом двух ложных положений.

Предусматриваемое «правилом» действие 1 означает, что берутся произвольно значения $x_1 = 3$ и $x_2 = 2$ и по соотношению x и y , данному в уравнении (1), определяются y_1 и y_2 , которые соответствуют предполагаемым значениям x . Затем по уравнению (2) определяется «избыток» и «недостаток» над данным там свободным членом c ($\frac{13}{16}$), т. е. определяются c'_1 и c'_2 .

И здесь проявляется весьма существенное обстоятельство. В «правиле» дается значение c_1 и c_2 , не отражающее их реального числового значения, а выражающее лишь их пропорциональное отношение:

$$\frac{c'_1}{c'_2} = \frac{49}{15}$$

Пункт 2 «правила» существенного значения не имеет⁵⁷.

Пункты 3—5 дают формулу определения искомого x_0 , указывая сначала числитель (пункт 3), а затем знаменатель (пункт 4) этой формулы.

При указанных выше обозначениях формула для нахождения x_0 будет следующая:

$$x_0 = \frac{x_1 c'_2 + x_2 c'_1}{c'_1 + c'_2}$$

Можно представить следующий путь выведения этой формулы (см. чертеж на стр. 124).

Чертеж показывает, что значениям x_1 и x_2 соответствуют значения y_1 и y_2 . Из соотношения y_1 и y_2 с y_0 определяются «избыток» — c'_2 и «недостаток» — c'_1 .

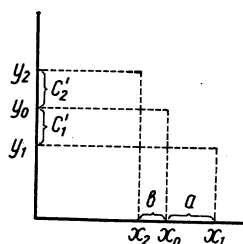
Основой всего решения в таком случае является понимание того, что x_0 можно определить, зная соотношение a и b . Кроме того, необходимо знание того, что отношение a и b равно отношению c'_1 и c'_2 .

⁵⁶ Ср. перевод Э. И. Березкиной [30, 497].

⁵⁷ Он, вероятно, является отрывком, в котором подробнее указывалось, как производить подсчет «избытка» и «недостатка». Поскольку y_1 и y_2 выражаются в дробях, то такой подсчет связан с выражением целых чисел в дробях, а это влечет за собой умножение на знаменатели. Но основное содержание данного «правила», как и всех других «правил» при задачах 9—20, не в этих подсчетах. Они опускаются и даются уже готовые «избыток» и «недостаток».

Для этих «правил» характерно стремление дать словесно сформулированную алгебраическую формулу нахождения ответа. Поэтому в «правиле» к задаче 19 дается повторение основных пунктов «правила» задачи 18 (пункты 1, 3, 4, 5). Но там вообще не указывается значений y_1 и y_2 , а потому отсутствует и пункт 2. Правило к задаче 19 имеет более алгебраический вид. Но мы используем задачу 18, так как она, имея то же алгебраическое содержание, сохраняет и указания на арифметические подсчеты. Это дает возможность более наглядно представить переход от задач 1—8 к задачам 9—20.

Для решения совершенно несущественно абсолютное значение c'_1 и c'_2 , и оно может проходить без учета значений y_1 и y_2 .

Ход выведения формулы представляется следующим:

$$\frac{a+b}{b} = \frac{c'_1+c'_2}{c'_2};$$

$$b = \frac{(b+a) c'_2}{c'_1+c'_2};$$

к обеим частям равенства прибавим x_2 :

$$b+x_2 = \frac{(b+a) c'_2}{c'_1+c'_2} + x_2, \text{ но } b+x_2 = x_0 \text{ и } b+a = x_1 - x_2;$$

$$x_0 = \frac{(x_1 - x_2) c'_2 + x_2 (c'_1 + c'_2)}{c'_1 + c'_2} = \frac{x_1 c'_2 + x_2 c'_1}{c'_1 + c'_2}$$

Мы не можем утверждать, что формула нахождения x_0 выводилась именно таким способом. Но несомненным является то, что основывается она на понимании функциональной зависимости между x_1 , x_2 и c'_1 , c'_2 . Поэтому вполне разумно видеть в ней формулу линейной интерполяции, примененную к линейным уравнениям [30, 559].

Если понимание функциональной связи между x и c свойственно задаче 18, то мы можем полагать, что оно свойственно и задаче 9, с той лишь разницей, что в последней рассматривается частный случай, при котором имеет место отношение $c'_1 : c'_2 = 1 : 1$. Таким образом, материал задачи 18 подтверждает те заключения, которые были сделаны в отношении задачи 9.

Возвращаясь к задаче 9, отметим, что вообще метод, примененный при ее решении, в известном смысле противоположен методу, применявшемуся в задачах 1—8, в которых решение начинается с числовых подсчетов, связанных с решением системы двух уравнений, и заканчивается постановкой в одно из уравнений найденного x . В этом методе нельзя обнаружить явно выраженного указания на то, что x и y — это переменные величины. Напротив, решение задачи 9 начинается с представления о неизвестных как неких переменных величинах, значение которых может меняться. Заканчивается решение подсчетами величин, входящих в определенную формулу соотношения этих переменных.

В этом плане задача 9 представляет несомненно более широкое и глубокое понимание процесса нахождения неизвестных, но такое понимание основывается на осмыслении материала предшествующих задач. Иначе говоря, задача 9 выражает новый, более высокий, можно сказать, теоретический уровень понимания проблем, возникающих при решении задач 1—8.

Из рассмотренного примера можно сделать следующий вывод. Основание канона (задачи 1—4) представляют наиболее простые истины.

В данном случае эти истины сводятся к знанию правил вычитания уравнений друг из друга, а также к знанию того, что вычитание отрицательного числа ведет к прибавлению его абсолютной величины.

Неполный столбец канона (задачи 5—6) несет в себе или подразумевает расширение сведений, заключенных в основании канона. В данном случае это расширение заключается в том, что учитывается не только вычитание отрицательного числа из положительного, но и два как бы крайних случая вычитания — вычитание меньшего положительного числа из положительного же и вычитание большего по абсолютной величине отрицательного числа из отрицательного же. Если два указанных случая действительно понимаются как крайние, то они представляют, скорее всего, вообще вычитание рациональных чисел (без нуля) и предполагают знание правил вычитания любых таких чисел.

Полная строка канона (задачи 7—9) подразделяется на неполную строку (задачи 7—8) и отдельный элемент⁵⁸.

Неполная строка предполагает знания более широкие и глубокие, чем это можно наблюдать в предшествующих частях. Здесь, в частности, содержится знание вычитания нуля и из нуля. Здесь же яснее, чем в предшествующем тексте, дается понимание функциональной (или пока лишь пропорциональной) зависимости между неизвестными.

Наконец, последний элемент канона (задача 9) предполагает знание содержания приемов, представленных в предшествующих частях, синтезирование их и доведение до понимания функциональной зависимости между участвующими в вычитании величинами, выделение среди этих величин тех, которые существенны для решения задачи, т. е. абстрагирование от несущественных операций.

Таким образом, части канона представляют разные уровни понимания математической сущности задач. При переходе от основания канона к его неполным и полным частям наблюдается усложнение понятийного аппарата, необходимого для понимания соответствующих элементов.

5. ОСНОВНАЯ ЛОГИКО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЧАСТЕЙ КАНОНА В ФИЛОСОФСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

В нашу задачу не входит специальное исследование видов развития математических или каких-либо других идей, проходящих в канонизированных текстах. Нам нужно выяснить общее свойство самих канонов как функцию их частей. Поэтому обратимся к совершенно другой области знаний и возьмем пример с разделяющей формой канона.

Рассмотрим § 38 из «Даодэ-цзина». Этот текст, как мы увидим, усложнен рядом наслоений, не дающих возможности представить форму канона сразу же в готовом виде, и потому требует дополнительного анализа, к рассматриваемому вопросу прямого отношения не имеющего. Тем не менее он удобен, ибо к нему есть своеобразный комментарий, позволяющий выявить некоторые детали его строения в интересующем нас отношении. Текст схематизируется в следующем виде:

⁵⁸ Такое строение полной строки соответствует обычному формальному построению канона.

	A) 上德不德 是以有德	B) 上德無為 而無以為
	A') 下德不失德 是以無德	B') 下德 □ □ 而有以為
а) 上仁為之 而無以為	2) 故失道 而後德	д) 失德 而後仁
б) 上義為之 而有以為	с) 失仁 而後義	ж) 失義 而後禮
в) 上禮為之 而莫之應	3) 失禮者忠信之薄 而亂之首	и) 前識者道之華 而愚之始
в' 則攘臂 而加之	к) 是以大丈夫處其厚 不處其薄	л) 居其實不居其華 故去彼取此

Девять элементов этого построения — «а...и» составляют обычную форму легкого канона ⁵⁹. Вне этого канона стоят элементы,

начинающие текст: «А» «А'», «Б», «Б'» ⁶⁰, а также фраза «в'» и отрывки «к», «л». Элементы, стоящие вне канона, не мешают его цельности. Отрывки «в'», «к», «л», вероятно, являются вторым слоем третьей строки канона, так что по существу мы здесь имеем «трудный» незавершенный канон.

Существует и историческое свидетельство выделения набора элементов «а...и» в самостоятельный легкий «канон». В «Чжуан-цзы» есть отрывок [3, 137], который частично совпадает с § 38 «Даодэ-цзина». Если этот отрывок отделить от его окружения, то он схематизируется в следующем виде:

	A) 道不可致	B) 德不可至
а) 仁可為也	2) 故曰失道而後德	д) 失德而後仁
б) 義可虧也	с) 失仁而後義	ж) 失義而後禮
в) 禮可偽也	3) 禮者道之華	и) 亂之首也

⁵⁹ Форма канона устанавливается по следующим формальным признакам: четыре элемента («г», «д», «е», «ж») синтаксически явно выделяются из других; комплекс

«а—б—в» имеет структуру (I, II) III. Эти признаки дают два варианта и

, из которых по содержательным признакам выбирается первый.

⁶⁰ Здесь утрачен отрывок текста.

Сравнение этого текста с текстом «Даодэ-цзина»⁶¹ показывает, что полностью неизменными сохранились элементы «г», «д», «е», «ж». Следовательно, данный комплекс рассматривался как нечто самостоятельное, что является историческим подтверждением выделения элементов «г», «д», «е», «ж» в часть канона. В «Чжуан-цзы» по сравнению с «Даодэ-цзином» наибольшему изменению подверглась первая строка, что свидетельствует о ее определенной самостоятельности. Наконец, в «Чжуан-цзы» канон, состоящий из элементов «а...и», не содержит чего-либо тождественного фразам «А'», «Б'», «в'», «к», «л». Текст «Чжуан-цзы» представляется более строгим и формально выдержанным. Именно аналогичный текст, видимо, и лежал в основе § 38 «Даодэ-цзина», но затем к нему были добавлены отрывки, сделавшие его «трудным».

О первичности более строгой «легкой» формы свидетельствует тот факт, что, насколько можно судить по самому старому толкованию этого параграфа, сохранившемуся в «Хань Фэн-цзы», тогда еще не было элементов «А'» и «Б'», хотя уже были фраза «в'» и элементы «к», «л». В «Хань Фэй-цзы» поэтому представлена промежуточная форма текста, частично сохранившая строгость древнего прообраза этого отрывка.

Содержание § 38 «Даодэ-цзина» толкуется с большим трудом. Здесь возможны различные интерпретации его кратко сформулированных положений. Поэтому для достижения определенной исторической достоверности попытаемся взглянуть на этот отрывок глазами автора «Хань Фэй-цзы».

Такой прием позволит нам выявить исторически существовавшее понимание частей канона⁶².

Чтобы факт понимания в «Хань Фэй-цзы» структуры «Даодэ-цзина» предстал наглядно, сам текст «Хань Фэй-цзы» воспроизведем в схематизированном виде. Схема здесь будет построена согласно структуре «Даодэ-цзина». При этом нет необходимости отдельно воспроизводить текст «Даодэ-цзина», так как он весь цитируется в «Хань Фэй-цзы»⁶³.

Попытка совместить схему «Даодэ-цзина» с текстом «Хань Фэй-цзы» встречает по существу лишь одно серьезное препятствие. Элементы «г», «д», «е», «ж» в тексте «Даодэ-цзина» представлены раздельно, а в «Хань Фэй-цзы» объединены в одной цитате. В этом случае мы текст «Хань Фэй-цзы» разобьем на элементы, соответствующие элементам «г...ж» «Даодэ-цзина», и после каждого из них поместим элемент из «Даодэ-цзина» (этим мы разделим единую цитату на ее части, а части перенесем в соответствующие места).

В результате у нас получится следующий схематизированный текст «Хань Фэй-цзы» [2, 95—99], в который включены цитируемые отрывки «Даодэ-цзина»:

⁶¹ Для удобства сравнения обозначения в схеме приспособлены к схеме «Даодэ-цзина». Этим объясняется их необычность.

⁶² Сравнение комментариев показывает, что не во всех них есть понимание структуры источника. В комментариях Ван Би и Хэ Шан-гуна мы не обнаружили понимания частей канона. Это, видимо, объясняется тем, что ко времени написания этих комментариев уже не было текстов, в которых структура представлялась наглядно (в форме особого расположения табличек с текстом), уже была забыта соответствующая манера их интерпретации и господствовало лишь линейное прочтение текста. В дальнейшем традиция все дальше отходила от проблем построения отдельных фрагментов.

⁶³ Цитируемый текст несколько отличен от воспроизведенного выше, но отличия не затрагивают формальной структуры.

I

a)

- 1) 仁者謂其中心欣然愛人也
- 2) 其善人之有福而惡人之有禍也
- 3) 生心之所不能已也
- 4) 非求其報也

故曰上仁為之而無以為也

b)

- 1) 義者君臣上下之事
- 2) 父子貴賤之差也
- 3) 知交朋友之接也
- 4) 親疏內外之分也
- 5) 臣事君宜下懷上宜
- 6) 子事父宜賤敬貴宜
- 7) 知交朋友之相助也宜
- 8) 親者內而疏者外宜

9) 義者謂其宜也宜而為之
故曰上義為之而有以為

c)

- 1) 禮者所以貌情也
- 2) 羣義之文章也
- 3) 君臣父子之交也
- 4) 貴賤賢不肖之所以別也
- 5) 中心懷而不諭故疾趨辭以明之
- 6) 實心愛而不知故好言繁辭以信之
- 7) 禮者外節之所以諭內也

故曰禮以貌情也

- 8) 凡人之為外物勤也
- 9) 不知其為身之禮也
- 10) 眾人之為禮也
- 11) 以尊他人也
- 12) 故時勤時衰
- 13) 君子之為禮
- 14) 以為其身
- 15) 以為其身故神之為上禮
- 16) 上禮神而眾人貳
- 17) 故不能相應不能相應

故曰上禮為之而莫之應

d)

眾人雖貳 聖人之復恭蓋乎此之禮也不衰

故曰攘而後之

II

A)

1) 德者內也

2) 得者外也

3) 上德不德言其神不淫於外也

神不淫於外則身全

身全之謂德德者得身也

4) 凡德者以無為集

5) 以無欲成

8) 為之欲之則德無舍德無舍則不全

6) 以不思安

7) 以不用固

9) 用之思之則不固不固則無功無功則性有德

10. 德則無德 不德則有德
故曰上德不德是以有德

2)

道有績

而德有功

德者道之功

故曰失道而後失德

C)

光有澤

而澤有事

義者仁之事也

[故曰]失仁而後失義

3)

1) 禮為情貌者也

2) 文為質飾者也

10) 夫物之持飾而後行者其質不美也

3) 夫君子取情而去貌

4) 好質而惡飾

11. 是以父子之間其禮樸而不明

5) 持貌而論情者其情惡也

6) 須飾而論質者其質衰也

故曰禮薄也

6) 何以論之

7) 和氏之璧不飾以五采

8) 隋侯之珠不飾以銀黃

9) 其質至美物不足以飾之

12) 凡物不並成陰陽是也

13) 理相奪予成德是也

14) 質厚者貌薄父子之禮是也

15) 是由觀之禮繁者質心衰也

16) 然則為禮者事通人之樸心者也

17) 衆人之為禮也

18) 人應則輕歡不應則責怨

19) 今為禮者事通人之樸心而責之以相責之分

能毋爭乎有爭則亂

故曰夫禮者忠信之薄也而亂之首也

K)

1) 所謂丈夫丈夫者謂其智大

2) 所謂處其厚不處其薄者

行情實而去禮貌也

III

5)

1) 所以貴無為無思為虛者謂其意無所制也 2) 夫無術者故以無為無思為虛也 3) 夫故以無為無思為虛者其意常不忘虛是制於為虛也

4) 虛者謂其意無所制也 5) 今制於為虛是不虛也
 6) 虛者之無為也 7) 不以無為為有常 8) 不以無為為有常則虛
 9) 虛則德滅 德滅之謂上德 故曰上德無為而無不為也

0)

功有寶 而寶有光 仁者德之光
 [故曰] 失德而後失仁

III)

事有禮 而禮有文 禮者義之文
 [故曰] 失義而後失禮

II)

1) 先物行 2) 先理動之謂前識 8) 以詹子之術嬰衆人之心
 3) 前識者無緣 4) 而忘意度也 9) 華焉殆矣
 5) 何以論之 詹何坐弟子侍 有牛鳴於門外 故曰道之華也
 6) 弟子曰是黑牛也 而白在其題
 7) 詹何曰然是黑牛也 而白在其角
 而以布裹其角

10) 嘗試釋詹子之察 11) 而使五尺之愚童子視之 12) 亦知其黑牛而以布裹其角也
 13) 故以詹子之察苦心傷神 14) 而後與五尺之愚童子同功
 15) 是以口愚之首也
 故曰前識者道之華也而愚之首也

II)

1) 所謂處其實不處其華者 2) 所謂去彼取此者
 必緣理不徑絕也 去貌徑絕而取緣理情實 故曰去彼取此

А

1) Достижение (дэ) — это внутреннее; 2) полученное — это внешнее⁶⁴; 3) [фраза]: «Высшее Достижение (дэ) не достигается» изречена о том, что его душа не соблазняется внешним. Если душа не соблазняет(ся) внешним, то тело цело; о цельности тела сказывается: «Достижение». [Таким образом], Достижение (дэ) — это получение тела⁶⁵.

4) Любое Достижение (дэ) сосредоточивается посредством отсутствия проявлений в деяниях; 5) составляется посредством отсутствия желаний, [вызванных вещами]; 6) делается устроенным посредством того, что не мыслится; 7) делается твердым посредством того, что не используется.

8) Если проявляется в деяниях чего-то, желается что-то, то для Достижения (дэ) нет пристанища, а раз для Достижения (дэ) нет пристанища, то не сохраняется цельность⁶⁶.

9) Если используется что-то, мыслится что-то, то не бывает твердости, а раз не бывает твердости, то нет результата [усилий], а раз нет результата [усилий], то жизнь имеет [естественное] Достижение (дэ)⁶⁷.

10) [Таким образом], при достижении нет Достижений (дэ), при недостижении имеется Достижение (дэ).

Поэтому [у Лао-цзы] говорится: «Высшее Достижение (дэ) не достигается, на этом основании имеется Достижение (дэ)».

Б

1) Отсутствие проявления в деяниях и отсутствие мыслей ценятся как пустота — вместимость потому, что здесь имеется в виду,

⁶⁴ «Достижение (дэ)» (德) — это точка (или точки) на «Графике (дао)». «График» представляет абстрактную функцию, которая может быть интерпретирована на разных конкретных множествах. В соответствии с этим «Достижение» может быть интерпретировано разнообразными способами через множество конкретных значений функции. Конкретное значение точки на графике функции — это «получившееся» или «полученное». Например, если в ходе решения уравнений приходят к выражению $x=c$, то в древнекитайских текстах говорится, что для x «получилось» (得) значение c . Следовательно, «получение» — это придание какой-то переменной (переменным) постоянного значения. В отличие от этого «Достижение» допускает разные постоянные и является тем «внутренним», которое в «полученном» проявляется по-разному.

⁶⁵ Мы не принимаем предлагаемую Ван Сян-шэном замену «Достижения» на «получение», так как первоначальный текст поддается разумному пониманию, учитывающему связь этих понятий. Индивид как некое тело имеет свой «График (дао)» со своими «Достижениями (дэ)». Последние включают самые разнообразные конкретные достижения на жизненном пути. Совокупность конкретных достижений и представляет собой «Достижение (дэ)». Предметом, соответствующим «Достижению», является «цельность тела» индивида. В этом смысле «Достижение» сводится к постоянному значению, к «полученному».

⁶⁶ «График (дао)» представляет абстрактную функцию с разными возможными аргументами. Последняя не может быть сведена к функции с конкретным аргументом, как-то: «[чье-либо] проявление в деяниях (функция: некто делает что-то)»; «[чье-либо] желание, [вызванное чем-то]». Если на место «Графика» ставится какая-либо из этих функций, то для него самого не остается места, значит, не остается места и для «Достижения», представляющего целостность данного предмета со всеми присущими ему конкретными функциями.

⁶⁷ «Мыслить что-то», «использовать что-то» — это конкретные функции. Они — явления преходящие, непостоянные. Следовательно, они не дают какого-то устойчивого результата усилий человека. Если же усилия не дают должного результата, то остается лишь подчиниться естественному ходу событий, проходящему по «Графику». В этом случае в каждый момент есть «Достижение».

что ее [возможные] значения ничем не ограничены; 2) не обладающие искусством [только] на основании связи причин [само] отсутствие проявления в деяниях и отсутствие мыслей принимают за пустоту — вместимость; 3) для тех, кто [только] на основании связи причин [само] отсутствие проявления в деяниях и отсутствие мыслей принимает за пустоту — вместимость, имеет значение [намерение] постоянно не забывать о пустоте — вместимости; это ограничение пустоты — вместимости проявлением в деяниях.

4) Под пустотой — вместимостью имеется в виду, что в ее значении нет ограничений; 5) здесь же ограничиваются проявлением в деяниях пустоты — вместимости — это не осуществление пустоты — вместимости; 6) пустота — вместимость — это отсутствие проявления в деяниях; 7) но [при этом] отсутствие проявления в деяниях не принимается за нечто постоянное.

8) Если отсутствие проявления в деяниях не принимается за нечто постоянное, то осуществляется пустота — вместимость; 9) раз осуществляется пустота — вместимость, то (естественное) Достижение (дэ) становится все более полным; о пополнении (естественного) Достижения (дэ) сказывается: «высшее Достижение (дэ)».

Поэтому [у Лао-цзы] говорится: «При высшем Достижении (дэ) нет проявления в деяниях, но нет и не проявления в деяниях».

а

1) Под человечностью (*жэнь*) имеется в виду, что внутренний разум (сердце) так уж устроен, что любит [других] людей; 2) он радуется счастью [других] людей, питает отвращение к их несчастью; 3) разум жизни на это не способен⁶⁸; 4) [она] не является стремлением к вознаграждению.

Поэтому [у Лао-цзы] говорится: «Высшая человечность проявляется в деяниях, но [в ней] нет [того], почему (или для чего) проявляется».

б

1) Долг — это дела господина и подданного, высшего и низшего; 2) различие отца и ребенка, знатного и подлого; 3) [это] отношение знакомых и друзей; 4) разделение близких и дальних (родственников), своих и чужих.

5) Подданный служить государю должен соответственно, низший покоряться высшим [должен соответственно]⁶⁹; 6) сын служить отцу должен соответственно; подлый уважать знатного [должен соответственно]; 7) знакомые, друзья помогать друг другу тоже должны соответственно; 8) близкие — своими, дальние — чужими [должны быть соответственно].

9) Под долгом имеется в виду, что они должны соответственно.

Будучи должны соответственно осуществляют в деяниях.

⁶⁸ В данном отрывке есть противопоставление «внутреннего разума» (*чжунсин*) и «разума жизни» (*шэнсин*). Это противопоставление соответствует имеющемуся в «Гуань-цзы» утверждению, что «внутри разума (сердца) есть еще разум (сердце)» [10, 224]. «Разум жизни» — это, видимо, своего рода житейское практическое сознание, для которого неподвластна собственно „человечность“, являющаяся внутренним природным качеством.

⁶⁹ Здесь и далее выражение «должен соответственно», взятое в квадратные скобки, добавлено к тексту комментаторами.

Поэтому [у Лао-цзы] говорится: «Высший долг проявляется в деяниях и есть почему (или для чего) [он] проявляется».

в

1) Правильное поведение — это то, чем создают [внешнюю] видимость для [внутреннего] умонастроения; 2) [это как бы] роспись в деталях (параграфах) многообразных видов долга; 3) [это конкретная] связь государя с подданными, отца с детьми; 4) [это] то, чем отличается знатный от подлого, достойный от никчемного.

5) Во внутреннем разуме (сердце) питают покорность, но [она] не выражается [вовне], поэтому стремительной походкой, почтительным сложением рук делают [ее] ясной; 6) реальный разум наполнен любовью, но [о ней другому] неизвестно, поэтому ласковыми словами, связанными суждениями уверяют в ней [других]; 7) правильное поведение — это внешние регуляторы⁷⁰, которыми выражают внутреннее.

Поэтому и говорится: «Правильное поведение служит для создания [внешней] видимости [внутреннего] умонастроения».

8) Любое проявление деяний человека есть движение внешними вещами; 9) [и человек] не знает, что оно является [также] проявлением в деяниях правил поведения своего тела; 10) люди толпы проявляют в деяниях правильное поведение; 11) [при этом они] учтывают как основание [лишь] почтение к другому; 12) поэтому [такое проявление] то сильно, то слабо; 13) благородный проявляет в деяниях правильное поведение; 14) [при этом он] таким образом проявляет в деяниях себя; 15) проявляет в деяниях себя, поэтому [здесь] душа проявляет в деяниях высшее правильное поведение; 16) высшее правильное поведение имеет истоком душу, а люди толпы [лишь] копируют [внешние факторы]; 17) поэтому [они] не могут соответствовать друг другу.

Поскольку не могут соответствовать друг другу, [у Лао-цзы] говорится: «Высшее правильное поведение проявляется в деяниях, но не находит ответа».

в'

Хотя люди толпы способны лишь на копирование [внешних факторов], совершенномудрый человек вновь и вновь выражает почтение и уважение, [и, таким образом, получается, что] правильное поведение, проявляющееся в каждом действии членов (букв. рук и ног) у всех [людей], — не ослабевает.

Поэтому [у Лао-цзы] говорится: «Засучив рукава (т. е. с готовностью и инициативно) побуждает».

г

График (*дао*) множится, а Достижение (*дэ*) имеет результат; Достижение (*дэ*) — это результат Графика (*дао*).

д

В результате есть реальности, а реальности излучаются; человечность (*жэнь*) — это лучи Достижения (*дэ*).

⁷⁰ Чэнь Ци-ю справедливо отмечает неправомерность исправления текста в этом месте [100, 332].

Лучи распространяются, а распространение выполняет дело; долг (и) — это дело человечности.

В делах есть правила поведения, а правила поведения имеют роспись; правильное поведение — это роспись долга.

Поэтому [у Лао-цзы] говорится: «Потеряв График (*дао*), затем потеряешь Достижение (*дэ*); потеряв Достижение (*дэ*), затем потеряешь человечность; потеряв человечность, затем потеряешь [нормы] долга; потеряв [нормы] долга, затем потеряешь правильное поведение».

1) Правильное поведение делает (являет) [внутреннее] умонастроение [лишь] показываемым; 2) роспись делает (являет) природный материал [лишь] украшенным; 3) ведь благородный, предпочитая [внутреннее] умонастроение, отстраняет показное; 4) ценя материал, отвергает украшения.

5) Ведь у того, об умонастроении которого приходится заключать по показному, [само] умонастроение нехорошее; 6) в том, о материале чего приходится заключать по украшениям, сам материал порченный.

6'. Что приводит к такому суммирующему заключению? 7) [Знаменитая] яшма Хэ Ши не была украшена узорами всех цветов; 8) [знаменитая] жемчужина Суй Хоу не была украшена драгоценными металлами. 9) Их материал был в высшей степени прекрасным. Другие вещи недостаточно качественны, чтобы украшать их.

10) У вещи, которая принимается в расчет лишь после украшения, собственный материал не является прекрасным. 11) На этом основании [в отношениях] между отцом и детьми правила поведения просты и не требуют выяснения.

Поэтому говорится: «Правила поведения бедные».

12) Любая вещь, которая не может процветать сразу (в разных частях), — это «Инь» или «Ян» (светлая или темная сторона освещаемого предмета); 13) [любая] норма [отношения], по которой происходит взаимное отнятие [у одного] и прибавление [к другому], — это [моральное] Достижение (*дэ*) или авторитет (насилия)⁷¹; 14) явление, в котором содержание отличается полнотой, а показная сторона бедностью, — это правила поведения в отношениях между отцом и детьми.

15) Если, исходя из этого, провести сопоставление, то [ясно, что] усложнение правил поведения — оно есть порча реального разума; 16) а если так, то проявляющий в деяниях правила поведения озабочен тем, чтобы проникнуть(ся) простым разумом людей. 17) Люди толпы проявляют в деяниях правила поведения; 18) [при этом] если

⁷¹ Здесь «Достижение (*дэ*)» имеет конкретный морально-политический смысл и может быть интерпретировано следующим образом. Отдать имущество и т. п. другим, значит для себя получить моральный авторитет — «(моральное) Достижение». Такое «Достижение» противоположно «авторитету (насилия)», которое заключается в отнятии у других имущества, и т. п. Таким образом, «(моральное) Достижение» и «авторитет (насилия)» различаются как разновидности «норм (*ли*)». Эти «нормы (*ли*)» различаются в зависимости от того, над какими множествами задается данное отношение: отнять — дать. Отнять у себя и дать другим — это «(моральное) Достижение». Отнять у других и дать себе — это «авторитет (насилия)».

другие отвечают, то [они] немного удовлетворены, [но] если не отвечают, то [они] предъявляют претензии.

19) Ныне проявляющие в деяниях правила поведения озабочены тем, чтобы проникнуть (ся) простым разумом людей, но сопровождается это недовольством⁷², вызванным взаимными претензиями. [При такой ситуации] возможно ли не враждовать! Раз есть вражда, есть и смута.

Поэтому [у Лао-цзы] говорится: «Правильное поведение — это бедность преданности с верой и главенство смуты».

и

1) Распределение по скрещивающимся рядам, происходящее раньше вещи, 2) действие, происходящее раньше нормы (*ли*), — называют опережающим знанием⁷³. 3) Опережающее знание — это измерение [объектов] при отсутствии обуславливающей связи (данных органов познания)⁷⁴ 4) и при произвольном придании значений.

5. Что приводит к такому суммирующему выводу? [Однажды] Дань Хэ, сидя дома, вел беседу. Ученики были рядом. За воротами промывчала какая-то корова. 5) Ученик сказал: «Это черная корова с белым [пятном] на лбу». 6) Дань Хэ сказал: «Верно, это черная корова, но белое у нее на рогах». 7) Послали человека посмотреть. Действительно, оказалась черная корова, а рога ее были обмотаны [белой] холстиной.

8) Искусством, практиковавшимся Дань Хэ, опутывают разум (сердце) людей толпы. 9) [Этот, как цветок, который] расцветает и тут же гибнет.

Поэтому говорится: «Цветок Графика (*дао*)».

10) [Если] попробовать провести проверку, отбросив созерцание Дань Хэ, 11) и послать малого несмышленного ребенка посмотреть, 12) [то] тоже будет известно, что это черная корова, а рога обмотаны холстом. 13) Поэтому созерцанием по Дань Хэ причиняют страдания разуму (сердцу), вредят духу, 14) а впоследствии результат оказывается такой же, как у малого несмышленного ребенка. 15) На этом основании говорят: «Главенство глупости».

Поэтому [у Лао-цзы] говорится: «Опережающее знание — это цветок Графика (*дао*) и главенство глупости».

к

1) [У Лао-цзы] выражение «большой муж» применяется к тому, у кого умудренность велика.

2) Выражение «останавливается на полном и не останавливается на бедном» значит, [что некто] выражает в поступках реальное содержание [внутренних] умонастроений и устраняет [внешнюю] видимость в правилах поведения.

⁷² 分 мы читаем как 忿 [100, 338].

⁷³ Предполагается, что объективно существуют «вещи», относящиеся к определенным множествам («скрещивающимся рядам»), и отношения между объектами, предписывающие для каждой «вещи» — члена стношения определенные действия или функции. Последнее является «нормой (*ли*)», действующей в данной совокупности объектов. Реальное познание наступает после знакомства с «вещью» и «нормой». «Опережающее знание» является нарушением такого процесса.

⁷⁴ В приведенном ниже примере Дань Хэ и его ученик высказывались о цвете коровы, не имея возможности видеть ее глазами. Это и имеется в виду в выражении «отсутствие обуславливающей связи (данных органов познания)».

1) [У Лао-цзы] выражение «останавливается на реальном содержании и не останавливается на цветке» значит, [что некто] следует обуславливающей связи по норме (ли) и не сокращает [путь] кратчайшей дорогой⁷⁵.

2) Выражение «устраняет то и выбирает это» означает, [что некто] устраняет создающее внешнюю видимость сокращения [пути] кратчайшей дорогой и, выбирая обуславливающую связь по норме (ли), ценит реальное содержание умонастроения.

Поэтому [у Лао-цзы] говорится: «Устраняет то, выбирает это».

Пояснения «Хань Фэй-цзы» в значительной мере построены на параллелизмах, и в них заметно стремление к построениям типа канонов⁷⁶. Строение пояснений, как нам представляется, подтверждает схематизацию «Даодэ-цзина». Наиболее ясно это выступает в третьей строке, содержащей элементы «в», «з», «и». Пояснения этих, и только этих, элементов состоят из двух отрывков, разделенных цитатой, не совпадающей с текстом «Даодэ-цзина».

В «Хань Фэй-цзы» более отчетливо вырисовывается единство содержания рядов § 38 «Даодэ-цзина». Этот вопрос нуждается в специальном исследовании. Пока ограничимся предварительными замечаниями по данной проблеме.

В столбце III элементы «Б» и «и» связаны общей темой — наполнение разума новыми знаниями. «Пустота — вместимость», о которой идет речь в элементе «Б», — это своеобразная психологическая установка, назначение которой заключается в обеспечении того, чтобы уже имеющиеся знания не препятствовали получению новых знаний⁷⁷. В элементе «и» с позиций признания такой «пустоты (вместимости)» ведется критика доопытного знания конкретных явлений.

О связи элементов «Б» и «и» можно судить по следующему отрывку из «Гуань-цзы» [10, 220 и 222]⁷⁸:

Основной текст

а) 夫者愉無爲	б) 去智與故	в) 是故有道之君
б) 其應也非所設也	г) 其動也非所取也	г) 其處也若無知
д) 過在自用	д) 罪在變化	д) 其應也若偶之

⁷⁵ В основе данного противопоставления, видимо, лежит представление о том, что «График (dao)» и его участок — «норма (ли)» являются некой кривой или ломаной линией. Сокращение пути по графику через замену последних какой-то прямой означает нарушение естественной закономерности, ведущее к чему-то нереальному, недолговечному, как «цветок».

⁷⁶ Элементы такого рода канонов в тексте «Хань Фэй-цзы» у нас обозначены арабскими цифрами.

⁷⁷ В «Сюнь-цзы» говорится: «Живя (родившись?), человек получает мудрость. Познавая [мудростью], получает осмысленное. Осмысленное — это нечто затаенное [в душе]. Однако есть и так называемая „пустота“. О том, что уже затаенное не вредит тому, что еще будет получено, сказывается: „пустота (вместимость)“» [4, 264]. Тема «пустоты (вместимости)» часто обсуждается в произведениях разных древнекитайских школ.

⁷⁸ Глава, из которой взят цитируемый отрывок, делится на две части: основной текст и пояснения к нему. Мы схематизировали основной текст, а пояснительный текст выписали отдельно, указав в каждом случае, к какому элементу (или элементам) относится то или иное пояснение.

Пояснения

а) — б) 言虛素

в) — г) 此言因也 因也者含己而以物為法者也 感而後應 非所設也
緣理而動 非所取也

д) 自用則不虛 不虛則忤於物矣

е) 變化則為生 為生則亂矣

ж) 故道貴因 因者因其能者 言所用也

з) 言至虛也

и) 言時適也

ПЕРЕВОД

Основной текст

а) У беспристрастного и удовлетворенного тем, что происходит, нет проявления деяний; б) [он] устраняет мудрствование и связи причин.

в) Он отвечает (реагирует), [но это] не есть созданное [им самим]. г) Он действует, [но это] не есть выбранное [им самим].

д) Ошибки происходят там, где функционируют сами по себе.

е) Преступления происходят там, где переменяют(ся) и видоизменяют(ся).

ж) По этой причине бывают государи, овладевшие Графиком (дао).

з) Их позиции соответствует отсутствие знания. и) Их ответу (реакции) [на вещи] соответствует копирование.

Пояснения

а) — б) Изречено о пустоте (вместимости) и чистом.

в) — г) Это изречено о поводе (аргументе). Действие по поводу — это [такое действие, при котором], отстраняя себя, вещь (объект) используют как образец (прообраз). [Это] ответ (реакция), следующая после возбуждения, — «не есть созданное»; это действие по обуславливающей связи норме (ли) — «не есть выбранное».

д) Если используют сами свое, то не пустые (вместимые); а раз не пустые (вместимые), то противоречат вещам.

е) Если переменяют(ся) и видоизменяют(ся), то проявляют деяние порождения, а раз проявляют деяние порождения, то впадают в смуту.

ж) Поэтому для Графика (дао) ценен повод (аргумент); повод (аргумент) [предполагает] основывание как на поводе на его (объектах) способностях — изречено об используемом.

з) Изречено о достижении пустоты (вместимости).

и) Изречено о соответствии с временем.

Признание «пустоты (вместимости)» неизбежно ведет к отрицанию «опережающего знания», так как «пустота (вместимость)» предполагает пассивность субъекта, вторичность его действий по отношению к объектам. Предполагается, что такая пассивность субъекта содержится и в понятии «непроявления деяний» (увэй). Причем в сле-

дующем отрывке из «Вэнь-цзы» прямо указывается на связь «непроявления деяний» (*увэй*) с отрицанием действий «раньше вещи» (объекта): 所謂無爲者不先物爲也 [11, 3] 'Так называемое отсутствие проявления деяний — это не проявление деяний раньше вещи (объекта)'. Это определение также связывает по содержанию элементы «Б» и «и».

Можно заметить и связь по содержанию элементов «д», «ж» с элементом «и». Отличительной особенностью элементов «д» и «ж» является упоминание 實 и 禮. Этим двум явлениям соответствует упоминание 物 и 理 в элементе «и»⁷⁹.

Итак, связь элементов столбца III по содержанию может быть подтверждена древними текстами. Темой этого столбца является «пустота — вместимость».

Судя по элементу «А», столбец II можно считать посвященным «спокойствию», заключающемуся в такой психологической установке, которая не позволяет внешним помехам препятствовать естественному ходу мысли⁸⁰. «Непроявление деяний» (*увэй*) и «отсутствие желаний», очевидно, относятся к такому «спокойствию». Даже выражение «иметь Достижение», согласно «Хань Фэй-цзы», нужно понимать тоже как проявление «спокойствия». Так, в дальнейшем тексте этого произведения буквально говорится: «О тончайшей душе, не приведенной в смятение, сказывается: „имеет (ся) Достижение“» [2, 105].

Хотя конец элемента «з», видимо, не имеет только узкого психологического значения, тем не менее имеющееся там положение о «смуте» или «смятении» противопоставляется «спокойствию».

Можно отметить, что в элементах «А» и «з» довольно отчетливо проявляется противопоставление «внутреннего» и «внешнего» как естественного и искусственного.

Весьма интересно, что в столбце II подстолбцы I и II отличаются как говорящие о предметах («вещах») (подстолбец I) и отношениях (подстолбец II). Такое отношение подстолбцов, видимо, характеризует и другие столбцы, что представляет параллелизм соответствующих элементов по содержанию.

Однако предметом рассмотрения в данном разделе являются части канона, поэтому перейдем прямо к ним.

В объяснениях «Хань Фэй-цзы» есть существенная разница между пояснениями к основанию канона и объяснением элементов, составляющих первую строку (элементы «А» и «Б»), столбец I и неполную третью строку (элементы «з», «и») (обрамление основания канона)⁸¹: элементы, составляющие основание канона («г», «д», «е», «ж»), объясняются сразу все вместе, в то время как другие элементы объясняются отдельно по элементам или даже их частям. В этом мы видим проявление понимания в «Хань Фэй-цзы» частей канона «Даодэ-цзина».

⁷⁹ Сходство значений 實 и 物 очевидно. О связи 理 и 禮 в «Гуань-цзы» говорится: 禮者謂有理也 [10, 221] 'Правильное поведение — это сказывается о том, в чем есть норма (*ли*)'.

⁸⁰ В «Сюнь-цзы» говорится, что разум (сердце) всегда в движении, а «спокойствие» заключается в том, что «сновидения и суета не приводят в смятение мудрость» [4, 264].

⁸¹ Здесь и в дальнейшем «обрамлением основания канона» или просто «обрамлением» будем называть неполную и полную части канона, взятые вместе. В строго канонизированном «легком» каноне обрамление всегда состоит из пяти элементов — двух элементов неполной части и трех элементов полной части. В полной части почти всегда формально довольно определенно выделяется один элемент, отличный от двух других. Этот элемент будем называть «пятым» независимо от его порядкового номера в линейном тексте.

Кратко содержание объяснения основания канона сводится к выявлению того, как явления, описанные в элементах, порождают друг друга, какое явление представляет собой непосредственную причину другого, что в чем содержится и что из чего выходит. Это, можно сказать, экстенсивная картина взаимосвязи явлений. Содержания элементов сводится к представлению о фактах или событиях. Совершенно иной характер имеют объяснения элементов, составляющих полный столбец и полустроку. Здесь наблюдается интенсивный подход, главным является рассмотрение глубинных принципов, делящих явления по каким-либо существенным признакам.

Указанное различие выражается в способе построения объяснений. Объяснения к обрамлению основания канона начинаются с определений понятий, после которых идет раскрытие их содержания, приводящее к объяснению текста. Объяснение элементов основания канона строится противоположным образом: сначала дается объяснение, а потом формулировка с определением понятий. С этим связан и характер понятий, употребляемых в разных частях канона.

Внешне может показаться, что везде речь идет об одном и том же, о «Графике (дао)», «Достижении (дэ)», «человечности» и т. д. Но на самом деле с точки зрения семантики здесь имеются различные типы имен.

В основании канона эти имена определяются путем указания их денотата в виде какого-то конкретного, или чувственно воспринимаемого и мыслимого как объективное, явления («результат», «луч», «дело», «роспись», «рисунок»).

Иная картина наблюдается в определениях, содержащихся в элементах, обрамляющих основание канона. Здесь определения состоят из указаний на некоторые абстрактные принципы и связанные с ними характеристики психологических состояний субъекта и свойства объектов. Объяснения здесь покоятся по существу на целой системе понятий. Если и упоминаются конкретные факты, то не с ними непосредственно связывается содержание объясняемого имени. Весьма наглядно это выражается в элементе «б», где перечисляется ряд конкретных фактов, относящихся к области применения того, что имеется в виду под именем «долг», но они не представляются достаточными для определения содержания данного имени. В этих конкретных фактах вскрывается их общее свойство И 'должны соответственно', и оно, собственно, и указывается в качестве содержания имени «долг».

В элементах «з», «и», для того чтобы приведенное там определение было ясно, потребовался «суммирующий вывод (лунь)», так что и там указание на конкретные факты считается совершенно недостаточным для вскрытия содержания соответствующих понятий и является лишь средством подхода к этому содержанию. В элементах «А» и «Б» для объяснения соответствующих имен потребовалось воспроизведение целых систем понятий.

Все это свидетельствует о том, что в «Хань Фэй-цзы» объяснения элементов обрамления основаны на комплексах теоретических понятий, тогда как для объяснения элементов основания достаточно апелляции к конкретным представлениям. По «Хань Фэй-цзы», видимо, для имен обрамления главным является их теоретический смысл, а для имен основания главным или достаточным является их конкретное чувственное значение. Указанное семантическое различие описаний по частям канона нельзя объяснять какой-то случайностью или прихотью автора «Хань Фэй-цзы», ибо они отражают различие частей канона в тексте «Лао-цзы».

Невозможно, видимо, отрицать, что в тексте «Лао-цзы» в элементах «А» и «Б» выражены мысли весьма абстрактного плана, так как только путем абстрактного мышления можно дойти до понимания и утверждать тождество явных противоположностей. Столь же очевидно, что такой степени абстракции не требуется для понимания мыслей, содержащихся в некоторых других элементах этого текста.

В комплексе элементов «а...и» в тексте «Даодэ-цзина» по содержанию также различаются определенные группы. Элементы «з» и «и» представляют собой явные определения понятий «правильное поведение» и «опережающее (или предшествующее) знание». Не столь явные, но все же хорошо уловимые определения понятий можно видеть и в элементах «а — б — в». Элементы же «г — д — е — ж» никаких определений понятий не содержат. Так что и в «Даодэ-цзине» обрамление отличается от основания канона тем, что в нем даются понятия, а не представления. Текст «Хань Фэй-цзы» лишь более определенно выявляет это различие. В указанном отношении объяснения «Хань Фэй-цзы» не представляют собой в принципе исключительного явления. Нечто подобное обнаруживается, например, и в «Вэнь-цзы», некоторые отрывки из которого также демонстрируют примеры исторически существовавшего понимания частей канона в § 38 «Даодэ-цзина».

Проанализируем некоторые отрывки «Вэнь-цзы», по существу рассматривающие вопрос о значении частей канона, составленных из элементов «А — Б», «а — б», «з — и»: «В древности те, кто были государями, о проведении глубинных рядов говорили, что это — График (*дао*) и Достижения (*дэ*), о проведении поверхностных рядов говорили, что это — человечность и долг, о проведении неглубоких рядов говорили, что это — правильное поведение и умудренность. Эти шесть [явлений] представляют собой [как бы] основные и связующие нити [ткани] владения и семьи»⁸².

Здесь прежде всего обращает на себя внимание точное выделение частей канона, совпадающее с формальным разделением § 38 «Даодэ-цзина»⁸³. Кроме того, сравнение с тканью, состоящей из продольных и поперечных нитей, тоже дает довольно точное представление о форме текста. Наиболее же интересным является тот факт, что выделенные части канона различаются по глубине.

Возможно, что замечания, касающиеся разной глубины комплексов элементов, обрамляющих основание канона, имеют отношение к формальной стороне — к строению соответствующего «трудного» текста. В таком случае данный отрывок указывает на то, что элементы «А — Б» — это глубинные элементы, которые нужно рассматривать не на уровне одного лишь данного «легкого» канона, а с учетом его связи с другим или другими канонами. Комплексы же «а — б» и «з — и» — это текст приблизительно одного уровня, но накладывающийся друг на друга.

Однако форма строения текста неразрывно связана с его содержанием. О содержании же соответствующих комплексов элементов говорится в продолжении цитируемого отрывка: «Если проводятся глубинные ряды, то счастье берется полной мерой, если проводятся поверхностные ряды, то счастье берется с верхних слоев. [Когда] проводятся все ряды полностью, Поднебесная подчиняется. В древности,

⁸² 古之爲君者深行之謂之道德。淺行之謂之仁義。薄行之謂之禮智。此六者國家之綱維也 [11, 71].

⁸³ Столбы канона имеют строение (1,2)3, поэтому выделение элементов «а—б» вполне естественно.

когда следовали Графику (*дао*) и Достижениям (*дэ*), тогда приводили к единому устойчивому порядку всю Поднебесную; когда следовали человечности и долгу, тогда приводили к единому устойчивому порядку одно владение; когда следовали правилам поведения и умудренности, тогда приводили к единому устойчивому порядку один район»⁸⁴.

Данный отрывок можно интерпретировать как разъяснение разного объема понятий «График (*дао*)», «человечность», «правильное поведение» и им подобных. Здесь констатируется, что объем понятий «График» и «Достижения» шире, чем объем понятий «человечность» и «долг», так как явления, предусмотренные в первых, распространяются на всю «Поднебесную», а явления, предусматриваемые вторыми, распространяются лишь на «одно владение», которое составляет часть «Поднебесной».

Такой же, можно сказать, объемный подход к понятиям виден и в другом отрывке из «Вэнь-цзы». Отвечая на вопрос, почему понятия «человечность» и «долг» более «неглубокие» (*薄*), чем понятия «График» и «Достижения», Лао-цзы поясняет: «Проявляющий человечность суммирует вывод относительно ее, всегда учитывая, [что] радостно и [что] печально; проявляющий долг поясняет его всегда при помощи того, что [нужно] дать и что [нужно] взять. [Но] того, что имеется между четырьмя морями, радостное и печальное не может охватить полностью; богатств, хранящихся в кладовых, недостаточно для того, чтобы поддержать все народы. Поэтому понятно, что лучше следовать (естественному) Графику (*дао*) и ставить в ряды Достижения (*дэ*)» [11, 71]⁸⁵. Сопоставление понятий вновь проводится в плане того, на какое количество явлений или на какую сферу явлений распространяется их содержание.

Эти факты согласуются с рассмотренным выше материалом. Вспомним, что в математических текстах обрамление основания канона включало в себя формулы и положения, распространяющиеся на больший ряд явлений, чем в других элементах. Следовательно, и там понятия, содержащиеся в обрамлении основания канона, являлись более широкими по объему. Разница заключается в том, что в математических текстах мы можем сравнить объемы понятий обрамления с объемами понятий основания канона, текст же «Вэнь-цзы» дает нам лишь возможность убедиться, что по крайней мере некоторые части канона (обрамление) сознательно рассматривались в связи с вопросом об объеме понятий. Текст «Хань Фэй-цзы» подтверждает это своей формой и содержанием.

Итак, мы приходим к общему выводу, что различие частей канона понималось в древности как проявление различия объемов понятий по степени их общности, абстрактности. Части канона — это различающиеся по степени абстрактности отрывки текста.

Нет уверенности, что отрывок «Вэнь-цзы» свидетельствует о разной степени абстрактности комплексов элементов «а — б» и «з — и» текста «Лао-цзы». Нельзя с определенностью утверждать, что *薄* обозначает нечто более глубокое, чем *淺*, или что *國* — это нечто более крупное, чем *鄉*. Точно так же нельзя, видимо, быть уверенным, что варианты

⁸⁴ 深行之則厚得福。淺行之則薄得福。盡行之天下服。古者修道德即正天下。修仁義即正一國。修禮智即正一鄉 [11, 71].

⁸⁵ Этот текст может служить основанием для отождествления столбцов I и II рассматриваемого текста «Даодэ-цзина» со столбцами I" и II", приведенного в предыдущем разделе текста из «Сюнь-цзы».

формул «теоремы Пифагора» и квадрата двучлена, о которых шла речь в одном из приведенных выше примеров, отличаются друг от друга по степени абстрактности. Также трудно представить, что имеющиеся в другом математическом примере представления о функциональной зависимости и симметричности чисел отличаются по степени абстрактности. В этих парах понятия отличаются, вероятнее всего, аспектом рассмотрения. В таком случае в неполных частях канона мы имеем абстракции, которые фиксируют разные планы или аспекты конкретных явлений, о которых идет речь в основании канона. В пятом же элементе обрамления основания канона имеется в виду какой-то синтез абстракций этих двух планов.

Это можно проследить на примере из «Хань Фэй-цзы», где элемент «в» соотносится с понятиями, указанными в элементах «а» и «б». Определение понятия «правила поведения» в части 1—2 элемента «в» явно делится на две фразы, первая из которых по содержанию соответствует элементу «а», а вторая — элементу «б». Эти же две фразы одновременно координируются с соответствующими частями элементов «з» и «и». Такая же картина наблюдается в задаче 9 рассмотренного выше математического примера. Так что свойство пятого элемента обрамления основания канона быть синтезом других элементов в обрамлении является, очевидно, общим.

В связи с рассмотренными сторонами канон представляется в следующем виде: основание канона содержит описание конкретных явлений; неполные части канона представляют абстрактные свойства и соответствующие им понятия или принципы⁸⁶. Пятый элемент обрамления основания канона (элемент, в котором соединяются неполная строка и столбец) содержит итог или синтез используемых в данном каноне абстракций и новую более широкую и глубокую абстракцию.

Указанный понятийный состав канона находит свое отражение в следующем положении «Мо-цзы»: 以故生. 以理長. 以類行 [19, 249]⁸⁷. 'Из [указания] событий-оснований рождается, посредством [указания] норм разрастается, посредством [указания] на виды-категории распределяется по рядам'. Это положение, видимо, непосредственно относится к связующей форме канона, но из него можно почерпнуть сведения и о каноне вообще.

Существо неполных частей канона выражается здесь термином 理 'нормы'. Действительно, в этих частях канона мы всегда можем более или менее явственно обнаружить абстрактные принципы (типа алгебраических формул), которые позволяют выявить единство содержания рядов и разделить их как отличные друг от друга предметы или темы рассмотрения⁸⁸.

Но в канонизируемом тексте всегда существуют и другие абстрактные принципы, делящие темы на подтемы. Это и фиксируется термином эй 'виды-категории'. По ним систематизируются другие ряды

⁸⁶ Учитывая наслонения одних канонов на другие, точнее было бы употребить здесь термины «более конкретные», «более абстрактные каноны», каждый раз указывая, что с чем сравнивается. Поэтому приведенные здесь формулировки рассчитаны лишь на рассмотрение отдельно взятого и притом «легкого» канона.

⁸⁷ Считается, что эта фраза относится к «суждениям» (цы). Это, видимо, так, но она имеет в виду не одно суждение, а их систему в каноне.

⁸⁸ Мы полагаем, что математическим аналогом «нормы (ли)» является какая-либо формулировка, обобщающая уравнение. Таким образом, эта формулировка содержит указание на какую-то функцию с ее графиком. Но «норма (ли)» указывает не на всю функцию, а лишь на какую-то ее часть, соответствующую участку графика. Каждый ряд текста содержит часть функции. В целом же канон описывает всю функцию.

канонизируемого текста. Указание на них находится в другом полном или неполном ряду канона.

Самым же существенным в приведенном положении из «Мо-цзы» является то, что здесь для элементов, составляющих основание канона, применяется термин *故* *гу* 'событие', 'основание'. Такое приложение термина *гу* к основанию канона находит свое подтверждение в том факте, что в канонизируемых текстах союз *гу* 'поэтому', как правило, связывает элементы основания канона с элементами его обрамления⁸⁹, но не связывает элементы внутри основания⁹⁰ канона или внутри неполных строк и столбцов⁹¹.

Когда канон начинается с основания, то его элементы по содержанию являются теми конкретными основаниями, из которых выводятся абстрактные понятия и принципы данного канона. Если же текст начинается с неполных и полных частей, то конкретные явления, описываемые в основании, представляются проявлениями абстрактных принципов.

Союз *гу* не всегда имеется в тексте, но многочисленные примеры, когда он связывает основание канона с его обрамлением, указывают на то, что между частями канона подразумевалась довольно определенная связь, существо которой заключается в развитии мысли, идущей либо от конкретного к абстрактному, либо, наоборот, от абстрактного к конкретному. Каждому из этих типов развития мысли соответствует свой тип канона — объединяющий или разъединяющий.

Здесь проведен лишь самый общий анализ частей канона. В этом направлении необходимо сделать еще очень многое. Требуется, в частности, детальное исследование целых комплексов понятий, подробное изучение союза *гу* и родственных ему союзов *шигу*, *шии*. Но, вероятно, первоочередным является разработка аппарата семантического анализа древнекитайских текстов. Этот аппарат должен быть максимально приспособлен к особенностям именно древнекитайских канонизируемых текстов. Среди же этих особенностей необходимо отметить одну, которая пока как будто оставалась совершенно незамеченной.

Отмеченные черты строения канона выявляют его явное сходство со строением системы уравнений. Основанию канона соответствует таблица коэффициентов при неизвестных. Неполной части канона соответствуют свободные члены каждого уравнения, которые как бы обобщенно фиксируют разные темы, представленные в этих разных уравнениях (выступают как «нормы» — 理). Полная часть канона соответствует уравнению, полученному в результате сложения или вычитания исходных уравнений. Если в этом итоговом уравнении все неизвестные, кроме одного, сведены к нулю⁹², то оно дает значение этого неизвестного соответствующего «вида»⁹³. При таком подходе к системе уравнений она в принципе должна иметь вид квадрата любой величины, но всегда построенного путем соответствующих добавлений к таблице

⁸⁹ Это объясняет многие кажущиеся странности и нелогичности этого союза, возникающие при подходе к тексту как к однонаправленному и линейному.

⁹⁰ Данный союз встречается иногда и внутри элементов, но это случаи особые, связанные либо с интерполяцией пояснений в основной текст, либо с глубинным строением элементов.

⁹¹ Союз *гу* встречается внутри полных строк и столбцов, но, как правило, его место соответствует разделению остальных частей на основание и неполную часть, что не противоречит изложенному выше.

⁹² Именно таким способом решались системы уравнений в древнем Китае.

⁹³ Среди древнекитайских задач на системы уравнений значительное место занимают задачи, в которых неизвестные — это «сорта» или «виды» (*лэй*) каких-либо предметов. Таким образом, «виды» представляют аналог столбцов в системе уравнений.

коэффициентов. «Квадратный» вид имеет и канон⁹⁴. Девятичленный канон соответствует лишь самой малой системе (с двумя неизвестными), которая содержит все необходимое для решения любой системы.

Сейчас невозможно ответить на вопрос: как произошло слияние определенных математических представлений с представлением о строго изложенном тексте — каноне? Возможно, произошло это путем попытки внедрения достижений математики в другие области науки того времени, а возможно, и наоборот, путем внесения в математику методики других областей науки. Но так или иначе, для определенного времени характерен синтез этих видов знания. Если это так, то нельзя серьезно рассчитывать на какие-либо достижения в изучении любых вопросов древнекитайской культуры, связанных с пониманием канонизированных текстов, без понимания по крайней мере коренных математических представлений древнего Китая и их связи со структурой источников. Кроме того, нельзя глубоко исследовать и древнекитайскую математику, не будучи знакомым с основами строения текстов.

Представление о «математическом» характере канонизируемого текста позволяет, в частности, понять, что неполные и полные части канона в ряде случаев представляют собой формулировку логических выводов, полученных путем, аналогичным получению в итоге определенных операций значений неизвестных свободных членов или новых уравнений в целом. И в свою очередь, знание структур канона показывает, что логически систематизированный текст, в том числе и математический, может начинаться не только с основания канона, но и с его неполных и полных частей (разделяющий строй канона).

Понимание основной функции частей канона и ее связи с математическими представлениями позволит приступить к обоснованному изучению реально существовавших форм выводов, сохранившихся в текстах. А это, вероятно, даст подлинный материал для решения некоторых неясных вопросов истории логики и семантики в древнем Китае. Поскольку же канонизируемые тексты строились, вероятно, с учетом существовавшей логики и семантики, то такой материал необходим для разработки аппарата семантического анализа этих текстов.

Таковы лишь лежащие на поверхности проблемы, возникающие из рассмотрения некоторых сторон содержания и формы древнекитайских текстов. На данной стадии структурный анализ, пожалуй, в большей степени ставит новые проблемы, чем дает решения уже существующим. Но поскольку он основывается на реальных свойствах текстов, постольку эти проблемы в науке неизбежны.

⁹⁴ Имеется в виду лишь «легкий» канон.

Часть III

ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ, ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К СТРУКТУРЕ ТЕКСТОВ

1. ТЕРМИНЫ *бянь* (辯), *лунь* (論), *шо* (說)

До сих пор мы рассматривали вопросы структуры «изнутри» — на основании анализа строения отдельных отрывков. Было обнаружено, что самые разнообразные тексты, начиная поэтическими¹ и кончая математическими, подчиняются определенным правилам построения. Регулярность соблюдения этих правил не оставляет места для каких-либо иных предположений, кроме одного: тексты сознательно строились по этим правилам, и последние были известны всем авторам или составителям. Значит, в источниках должны сохраниться какие-то сведения относительно структуры.

Как мы могли убедиться на многих примерах, вопросы структуры неразрывно связаны с вопросами содержания источников. Построение каждого отрывка предполагает для автора решение целого ряда принципиальных вопросов соответствующей теории и выражение своих выводов в особом построении текста. Таким образом, здесь вопрос о структуре — это не просто вопрос формы изложения, а по существу также и вопрос методологии либо отдельной отрасли знания, либо всякого знания вообще. Поэтому наиболее вероятно, что сведения древних авторов о структуре — это сведения о методологии науки того времени². Они имеют главным образом не форму сообщений о каких-то исторических явлениях структуры, а форму рассуждений по методологии вообще или частных замечаний по тексту, причем таких, что их порой не отличишь от замечаний по содержанию.

Поэтому задача использования свидетельств древних авторов о структуре принимает вид задачи выявления и использования для интерпретации структуры тех понятий и терминов древнекитайской идеологии, которые имеют к ней отношение. Здесь сразу же возникают большие трудности. По существу каждое сколько-нибудь общее понятие (термин) имеет отношение к строению текста, так как оно неразрывно с формой текста, которая и дает понятию (термину) определенное значение, а само понятие (термин) содержит в себе сведения о форме построения какого-то текста. Задача выявления и описания всех понятий, связанных со структурой, равносильна задаче описания терминов всей китайской философии. Это неизбежное следствие соединения воедино онтологии, с одной стороны, и гносеологии и методоло-

¹ Если таковым считать «Даодэ-цзин».

² Иногда высказываются мнения, что вопросы методологии вообще чужды древнекитайской идеологии или освещались в ней лишь спорадически. Основываются они, видимо, на том, что структура текстов вообще не замечалась, а следовательно, вне поля зрения оставались и неразрывно связанные с ней проблемы методологии.

гии — с другой. Так что понятий и терминов, имеющих отношение исключительно к структуре, к ее формальной стороне, мы, вероятнее всего, не найдем.

Но имеется другое направление поисков — выявление в общих философских понятиях того времени определенной стороны их значения, относящейся к структуре.

Выше уже были использованы такие общеполитические понятия, как *дао* 'График', *ли* 'норма', *гу* 'основание', 'факт', для интерпретации явлений структуры. Можно было видеть связь таких понятий, как *син* 'природный характер'³, *жэнь* 'человечность', и 'долг', с определенным построением текста. Изыскания в таком направлении можно продолжить, и они, вероятно, могут дать очень многое для понимания вопросов структуры, но лишь в том случае, если нам хорошо известны все стороны значения этих общеполитических терминов и понятий, т. е. если древнекитайская философия уже известна во всех ее подробностях. Однако нельзя утверждать, что в настоящее время уже достигнут такой уровень знания. Поэтому использование общеполитических терминов и понятий целесообразно отложить на будущее.

Более подходящей представляется попытка использования понятий и терминов, у которых обнаружена их причастность прежде всего к области методологии.

Методология в древнем Китае, конечно, не выделилась в полностью самостоятельную отрасль. Но все же можно заметить, что к концу периода Чжаньго в известной мере специальному изучению подвергаются вопросы теории познания, семантики и логики. Все эти вопросы рассматривались в одном комплексе, который и играл роль методологии того времени, и им посвящены специальные разделы в таких произведениях, как «Мо-цзы» и «Сюнь-цзы», которые необходимо использовать для выявления терминологии, имеющей отношение к структуре.

В методологии древнего Китая большую роль играют понятия (которые, видимо, являются терминами): *бянь* 'разделяющее рассуждение', *лунь* 'суммирующее заключение', *шо* 'вывод'. Попробуем определить их значение. В качестве основного текста возьмем главу «Сяоцзюй» трактата «Мо-цзы», в которой эти понятия представлены в комплексе с другими, что позволяет подойти к данным терминам с точки зрения цельной теории того времени.

Схематизация и перевод главы «Сяоцзюй» трактата «Мо-цзы»

Глава «Сяоцзюй» довольно часто привлекала внимание ученых. Уже есть более или менее установившиеся границы интерпретации отдельных терминов, встречающихся в этой главе, сделаны попытки наметить общие контуры теории, представленной в ней. Но существующие исследования этого источника не учитывают его собственной структуры, а также возможных в древности представлений о логической и семантической функции структуры. В связи с этим недостаточно конкретно выясняется смысл примеров, приводимых в этой главе, их связь с теоретическими положениями источника. Интерпретация терминов часто основывается на исправлении иероглифов и совсем не связана с контекстом. Это позволяет утверждать, что представления о цельной теории памятника нет и необходимо новое исследование дан-

³ Перевод 性 как «природный характер» не отражает общеполитического смысла этого термина. Он является условным.

§1

a. 夫辯者將

- a) 以明是非之分
- b) 明同異之處
- c) 處利害

- 0) 審治亂之紀
- 2) 察名實之理
- c) 決嫌疑焉

§4

- a) 辯也者舉也物
而以明之也
- b) 援也者口乎然
我笑獨不可以然也

- 0) 侔也者比辭
而俱行也
- 2) 推也者以其所不取之
同於其所取者予之也

§5

- a) 是猶謂也者同也
吾豈謂也者異也

- 0) 夫物有以同
而不率遂同
辭之侔也

- b) 有所止而正其然也
有所以然也同其所以然
不必同

- 2) 其取之也有以取之
其取之也同其所以取之
不必同

§5'

a' 是故辨檢援推之辭

a) 行而異	0) 轉而危	0) 則不可不審也
b) 遠而失	2) 流而離本	c) 不可常用也
州) 故言多方	3) 殊類異故	4) 則不可偏觀也

§2

2. 摹略萬物之然

論求聲言之比

- a) 以名舉實
- b) 以說出故
- c) 有諸已不非諸人

- 0) 以辭抒意
- 2) 以類取以類予
- c) 無諸已不求諸人

§6

- a) 夫物或乃是而然
- b) 或一周而一周

- 0) 或是而不然
- 2) 或一是而一不是也
- 2' } →

§7

- a) 1) 白馬馬也 乘白馬乘馬也
 - 2) 驪馬馬也 乘驪馬乘馬也
 - 3) 獲人也 愛獲愛人也
 - 4) 臧人也 愛臧愛人也
- 此乃是而然者也

- 0) 1) 獲之親人也 獲事其親 非事人也
- 2) 其弟美人也 愛弟 非愛美人也
- 3) 車木也 乘車 非乘木也
- 4) 船木也 人船 非人木也

0' } →
此乃是而不然者也

0'' } →
2' } →

- b) 1) 愛人 2) 不愛人
 - 待周愛人 不符周不愛人
 - 而後為愛人 不爰周愛
 - 因為不愛人矣
 - 3) 乘馬 4) 逮至不乘馬
 - (不) 待周乘馬 待周不乘馬
 - 然後為乘馬也 而後為不乘馬
 - 有乘於馬
 - 因為乘馬矣
- 此一周而一周者也

- 2) 1) 之馬之目盼 2) 之馬之目大
- 則為之馬盼 而不謂之馬大
- 3) 之牛之毛黃 4) 之牛之毛象
- 則謂之牛黃 而不謂之牛象

2' } →
此乃一是而一非者也

- 0) 或也者不盡也
- 1) 效者為之法也
- 2) 故中效則是也

- 0) 假者今不然也
- 2) 所效者所以為之法也
- 3) 不中效則非也 此效也

→ 2. {不可常用也故言多方 殊類異故則不可偏觀也 非也

盜人人也 多盜非多人也 無盜非無人也
 是以明之
 惡多盜非惡多人也 欲無盜非欲無人也
 世相與共是之 若若是則雖盜人人也 愛盜
 非愛人也 不愛盜非不愛人也 殺盜非殺人也
 無難盜 無難矣
 此與彼同類 世有彼而不自非也
 墨者有此而非之 無故也焉
 所謂內膠外閉 與心毋空乎內膠而不解也

且夫讀書非好書也
 且鬪雞非雞也 好鬪雞好雞也
 且入井非入井也 止且入井止入井也
 且出門非出門也 止且出門止出門也
 若若是且夫非夫也 壽夭也有命非命也
 非執有命非命也
 無難矣
 此與彼同類 也有彼而不自非也
 墨者有此而非之 無故也焉
 所謂內膠外閉 與心毋空乎內膠而不解也
 此乃是而然者也

居於國則為居國 有一宅於國而不為有國
 桃之實桃也 棘之實非棘也
 問人之病問人也 惡人之病非惡人也
 <人之鬼非人也 兄之鬼兄也
 祭(人)之鬼非祭人也 祭兄之鬼乃祭兄也

一馬馬也 二馬馬也 馬四足者 一馬
 而四足也 非兩馬而四足也
 一馬馬也 馬或白 二馬而或白也
 非一馬而或白

ного произведения методом структурного анализа, чтобы понять смысл интересующих нас терминов.

Схематизированный текст главы «Сяоцуй» [19, 250—254] имеет следующий вид (см. стр. 147—149).

ПЕРЕВОД⁴

§ 1

‘а. Разделяющее рассуждение, оно применяется для того, чтобы:

- а) посредством ясного осознания частей «это» и «не есть это», б) [посредством] тщательного проведения линии, разделяющей упорядоченное и путанное, в) [посредством] ясного осознания мест тождественного и различного, г) [посредством] всестороннего глубокого усмотрения норм (*ли*) имен и реальностей д) определить, где польза и где вред, е) разрешить сомнения и неопределенности.

§ 2

‘а. Совокупно представив здесь, какова каждая вещь, в суммирующем решении достигают сопоставлений всех изречений [при этом]:

- а) именами представляют реальности, б) фразами дают значение, в) при помощи выводов *шо* выходят из оснований, г) при помощи [представлений о] видах включают и исключают [явления]. д) То, что есть у себя, не отрицают у других; е) то, чего нет у себя, не требуют от других.

§ 3

а) «Некоторые» — это не все, б) предполагаемое — это то, что ныне не таково, в) применение нормативного соотношения — это применение меры, делающей [что-либо], г) подведение под нормативное соотношение — это применение меры, которой [что-то] делается⁵.

⁴ Ввиду крайней неравномерности параграфов и элементов приводить перевод в схематизированном виде крайне неудобно. Поэтому он дан в линейной последовательности. (Разбивка на параграфы и элементы проведена нами.)

Представленный в таком виде перевод может демонстрировать большие трудности понимания содержания источника, представляемого в линейном виде. Для его понимания необходимо обращаться к схеме китайского текста.

⁵ Содержание отрывков «в» и «г» мы интерпретируем следующим образом. Устанавливается некое постоянное соотношение значений индивидуальных переменных x и y , возможно, в виде схемы:

$$\frac{x_1 x_2 \dots x_n}{y_1 y_2 \dots y_n}$$

Такое соотношение содержит в себе некую функциональную зависимость между переменными x и y , которая является «нормативным соотношением» (效). Это «нормативное соотношение» можно представить как некое выражение $x \leftrightarrow y$, совмещающее в себе две функции $f(x)=y$ (или $x \rightarrow y$), $g(y)=x$ (или $x \leftarrow y$). В простом случае символы f и g , видимо, совпадают по значению с коэффициентами a и b в выражениях: $ax=y$ и $by=x$, они представляют «меры» (法). (Вспомним, что при решении систем уравнений 法 обозначает именно такие коэффициенты; см. выше, стр. 118). Поскольку «нормативное соотношение» совмещает в себе две конкретные функции, есть смысл говорить о «применении нормативного отношения» (效者) и о «подведении под нормативное отношение» (所效者), имеющем в виду функцию $g(y)$ (или $x \leftarrow y$). В первом случае «мера» (法) из x «делает» y , это «мера, которая делает» (爲之法). Во втором случае x «мерой делается» (所以爲之法). Первый случай соответствует функции $f(x)=y$, второй — функции $x=g(y)$.

д) Поэтому если [что-то] соответствует нормативному соотношению, то считают правильным, е) если не соответствует нормативному соотношению, то считают неправильным⁶. Это — нормативное соотношение.

§ 4

а) «Представить как главное» — это [значит] представить [относительно других явлений отдельную] вещь и благодаря этому ясно осознать ее. б) «Приравнивать» — это [значит] поставить рядом фразы (суждения), и [в результате они] составят цельные ряды. в) «Обособление» — это [значит, что когда есть выражение] «учитель такой», [то] я, чем выделяясь, не могу быть таким [же]? г) «Заместить» — это [значит] произведение вычитания из чего-то отождествить с прибавлением вычитаемого.

§ 5

а) «Это (есть)», — кажется, сказывается о тождественном, «я» — разве сказывается о разном? б) [Отдельные] вещи чем-то отождествляют, но не коэффициенты отождествляют(ся). [Это] — приравнивание фраз (суждений). в) Есть нечто отграничивающее и делающее [предмет] однозначно таким, каков он есть, и есть то, чем он [в данном случае] делается таким (функция, которая делает его таким). Из тождественности [предметов] не следует тождественности того, чем они делаются такими⁷. г) При вычитании из чего-то бывает, что учитывается [особенность] вычитаемого; из тождественности вычитания не следует тождественности того, благодаря чему происходит вычитание.

§ 5'

'а. По этой причине фразам (суждениям), в которых есть представление как главного, приравнивания, обособления, замещения, свойственно то, что: а) ряды различаются, б) оборачивания опасны, в) удаление ведет к ошибке, г) вольная передача [по традиции] отрывает от основы. д) В таком случае нельзя обойтись без тщательного [их] рассмотрения, е) нельзя [их] неизменно использовать. Если изречения о связи следования (*gy*) составляют многие квадраты з) и специфические виды содержат разные связи следования (*gy*), и) то нельзя [к ним] подходить односторонне.

§ 6

а) Некоторые вещи бывают этим и таким, б) некоторые бывают этим, но не таким, в) некоторые бывают одно всеобъемлющее, а одно не всеобъемлющее; г) некоторые бывают одно это, а одно не это. г'. Нельзя неизменно использовать. Если изречения о связи следования (*gy*) составляют многие

⁶ Возможна следующая аналогия. При подстановке в функциональное выражение одних постоянных получается равенство, при подстановке других — неравенство.

⁷ В «Чжудзы» конец элемента «в» имеет вид 其然也同其所以然不必同. Фраза 其然也 внесена в текст комментатором Ван Инь-чжи. Мы ее опускаем.

квадраты и специфические виды содержат разные связи следования (*gy*), то нельзя [к ним] подходить односторонне.— Неверно⁸.

§ 7

а) 1) Белая лошадь — лошадь; ехать на белой лошади — ехать на лошади. 2) Вороная лошадь — лошадь, ехать на вороной лошади — ехать на лошади. 3) [Человек по имени] Ху — человек; любить Ху — любить человека. 4) [Человек по имени] Цзан — человек; любить Цзана — любить человека. Это и есть то, что является этим и таким.

б) 1) Родители Ху — люди; Ху служит своим родителям — не [значит] служит людям. 2) Его младший брат — красивый человек; любит младшего брата — не [значит] любит красивых людей. 3) Телега — дерево (деревянная), ехать на телеге — не [значит] ехать на дереве. 4) Лодка — дерево (деревянная), набрать пассажиров [в] лодку — не [значит] набрать пассажиров [на] дерево.

б'. Разбойный человек — человек; обилие разбойников — не [значит] обилие людей; отсутствие разбойников — не [значит] отсутствие людей. Как это ясно осознать? Ненавидеть обилие разбойников — не [значит] ненавидеть обилие людей; желать отсутствия разбойников — не [значит] желать отсутствия людей. Обычно сопоставляют с этим общим [образцом]. А если провести соответствующие подстановки подстановок в это, то хотя разбойный человек — человек, любить разбойников — не [значит] любить людей; не любить разбойников — не [значит] не любить людей; убивать разбойников — не [значит] убивать людей. [Если] не будет трудности, [проистекающей от неопределенности значения имени] «разбойник», [то] нет уже трудности (разнозначности). Это и то́ одного вида. Обычные люди берут то́ и не отрицают (исключают) себя. Моисты берут э́то и отрицают (исключают) его. Отсутствует в этом — связь следования⁹. [Это] называется «к своему прилипнув, на внешнее не реагировать» и «сердце невосприимчивое, к своему прилипло и не оторвется».

Это и есть то, что является этим, но не таким.

б". Вот-вот начну читать книгу — не [значит] [уже] понравилась книга. Вот-вот стравлю петухов — не [значит] [уже сами] петухи [дерутся]; нравятся стравленные (дерущиеся) петухи — [значит] нравятся петухи. Вот-вот упадет в колодец — не значит [уже] упал в колодец; остановить [процесс, когда некто] вот-вот упадет в колодец, — [значит] остановить падение в колодец. Вот-вот выйдет из дверей — не [значит уже] вышел из дверей; остановить [процесс, когда некто] вот-вот выйдет из дверей, — [значит] остановить выход из дверей. [Если] провести соответствующие подстановки подстановок в эту [форму], [то получим]: Вот-вот погибнет — не [значит] погиб, [а значит] продолжительное погибание. «Есть данное [мне] повелением свыше (судьбой)» — не [значит] повеление свыше (судьбу). Но отвергнуть¹⁰ [тот факт, что кто-то] держит «данное повелением свыше», — [значит] отвергнуть повеление свыше (судьбу). Нет уже трудности (разнозначности).

⁸ Отрывок «г'» повторяет элементы «е—ж—з—и» из § 5'. Возможно, поэтому известный интерпретатор счел их ошибочными и выразил это словом *фэй* 'неверно'. При компоновке текста могла быть действительно допущена ошибка, однако есть и другие объяснения (об этом см. стр. 155).

⁹ В «Чжуцзы» — 無也故焉, что является переработкой Ван Инь-чжи исходной фразы 無故也焉. Мы берем первоначальный вариант.

¹⁰ 非 мы здесь переводим как «отвергнуть» на основании контекста, в котором находится данная фраза в другом отрывке «Мо-цзы» [19, 168].

Это и то́ одного вида. Обычные люди берут то и не отрицают (исключают) себя. Моисты берут это, но ошибочно отрицают его. В этом отсутствует связь следования. (Это) называется «к своему прилипнув, на внешнее не реагировать» и «сердце невосприимчивое, к своему прилипло и не оторвется».

Это и есть то, что является этим и [не] таким¹¹.

в) 1) «Любит людей». Нужно, чтобы всеобъемлюще любил людей, и уж после считают, что любит людей. 2) «Не любит людей». Не нужно, чтобы всеобъемлюще не любил людей. Не всеобъемлюще, упуская [что-то]¹², любит — на этом основании считают, что не любит людей. 3) «Ездит на лошадях». [Не]¹³ нужно, чтобы всеобъемлюще ездил на лошадях, и уж после сочли бы, что ездит на лошадях. Случалось, что ездил на лошадях, — на этом основании считают, что ездит на лошадях. 4) Что же касается «не ездит на лошадях», то нужно, чтобы всеобъемлюще не ездил на лошадях, и уж потом считают, что не ездит на лошадях.

Это то, что представляет собой одно всеобъемлющее, а одно не всеобъемлющее.

г'. Если проживает во владении, — то считают, что проживает во владении; если имеет одну усадьбу во владении, — тогда не считают, что имеет владение. Плод (дерева) персика — персик, [но] плод колючки не есть колючка. Спросить о здоровье (букв. болезни) человека — спросить о человеке (человека); [но] ненавидеть болезнь человека — не [значит] ненавидеть человека. Дух [умершего] человека — не есть человек, [но] дух [умершего] старшего брата — старший брат. Приносить жертвы духу [умершего] человека — не есть приносить жертвы человеку, [но] приносить жертвы духу [умершего] старшего брата — это приносить жертвы старшему брату.

г) 1) Если у данной лошади глаза косые, то считают, что данная лошадь косая. 2) У данной лошади глаза — большие, но не говорят, что данная лошадь большая. 3) Если у данной коровы шерсть рыжая, то говорят, что данная корова рыжая. 4) У данной коровы шерсть обильная, но не говорят, что данная корова обильная.

г'. Одна лошадь — лошадь, две лошади — лошади. Лошади четырехногие — это [значит, что] у одной лошади четыре ноги, а не [то, что] у двух лошадей четыре ноги. Одна лошадь — лошадь. Некоторые из лошадей белые — [значит] из двух лошадей некоторая белая, [но] не [значит], из одной лошади некоторая белая. Это (то, что представляет собой) одно это, а одно не-это.

Приведенная схема в ряде моментов не является очевидной, поэтому остановимся на основаниях для данной схематизации и продемонстрируем некоторые особенности структуры текста.

Наиболее простым с формальной стороны является выделение §§ 1—3¹⁴.

¹¹ В «Чжуцзы» зафиксирована фраза 此乃是而不然. Отрицание 不, однако, добавлено в текст комментатором Ван Инь-чжи.

¹² В «Чжуцзы», фраза 不周愛. Она является предложенной Юй Юэ переработкой первоначальной фразы 不失周愛. Знак 失 здесь, видимо, является пояснением к отрицанию 不, поэтому его нужно сохранить. В противном случае выражение 不周愛 можно, видимо, понять и в смысле: «совсем никого не любит».

¹³ Отрицание «не» (不) вставлено издателями на основании комментария Ван Инь-чжи. Мы не принимаем этой поправки, искажающей текст. Подробнее см. ниже, стр. 167.

¹⁴ Одним из оснований выделения §§ 1 и 2 служит рифма: в § 1 рифмуется весь второй столбец, в § 2 — элементы «в» и «г».

§ 7 несомненно является пояснением к § 6, поскольку элементам § 6 соответствуют по содержанию элементы § 7.

Рассмотрев §§ 4 и 5, мы также можем обнаружить отношение, аналогичное отношению §§ 6 и 7, что хорошо видно при сопоставлении элементов «б»: заключительная фраза элемента «б» в § 5 свидетельствует о тождественности его содержания с содержанием элемента «б» § 4. Кроме того, в §§ 4 и 5 очень близки между собой по содержанию элементы «в» (тема 然) и «г» (тема 取). Наконец, начало § 5¹⁵ показывает, что предшествующий ему текст, т. е. § 5, рассматривает те же предметы, что и § 4, причем этих предметов в обоих случаях четыре. Таким образом, каждому элементу § 4 соответствует элемент § 5, и порядок элементов в обоих параграфах совпадает. Более или менее очевидно и совпадение содержания соответствующих элементов. Все это является основанием для рассмотрения содержания каждого элемента одного параграфа в тесной связи с содержанием формально соответствующего ему элемента другого.

§§ 4, 5 состоят только из четырех элементов. § 1 можно свести к пяти элементам, объединив отрывки «д» и «е». Поэтому можно полагать, что § 1 является обрамлением к §§ 4, 5. Аналогично этому при объединении отрывков «д» и «е» в один элемент в § 2 он также может быть представлен обрамлением к §§ 6, 7. Связь §§ 6, 7 с § 2 подтверждается и тем, что по содержанию совпадают элементы «в» в §§ 2 и 7, так как понятия 故 и 因 близки по значению и не встречаются в других элементах¹⁵.

Остановимся на выделении в § 7 четырех главных элементов.

В элементах «а» и «в» § 7 особым формулам, указанным в § 6, строго соответствуют четыре фразы, отмеченные у нас цифрами 1—4. В тексте, следующем после элемента «а», строго соответствуют формуле 是而不然 первые четыре фразы. Они и составляют элемент «б». Последующий текст (отрывок «б'») вплоть до первой формулировки 是而不然者也 либо лишь частично, либо совсем не подходит под эту формулу, поэтому он выделен нами из § 7. Содержание отрывка «б'» явно указывает на то, что здесь дается либо материал дискуссии по уже сформулированным положениям, либо приводится способ доказательства этих положений, но не сами положения. Иначе говоря, это явно какой-то другой текст или текст другого слоя, отличный от основного. После первой формулы 是而不然 идут опять четыре фразы (начало отрывка «б''»), которые не подходят под эту формулу, а также под формулу, завершающую отрывок «б''». Поэтому и эту часть мы не можем считать основным текстом. Текст, тождественный второй части отрывка «б'», также исключается из основного текста по тем же причинам, что и конец отрывка «б'». Таким образом, из всего отрывка, следующего после элемента «а», только незначительная часть остается в элементе «б».

Точно так же в тексте, следующем за элементом «в», в элемент «г» выделяется лишь часть его, поскольку под формулу 一是而一非 подходят лишь фразы, отмеченные цифрами 1—4. Часть фраз текста, предшествующего элементу «г» (отрывок «г'»), также совсем не подходит под эту формулу (фразы 人之鬼非人也 ...) ¹⁶, остальные же представляются излишними, так как формула обычно иллюстрируется лишь четырьмя фразами. Отрывок «г'» также содержит фразы избыточные

¹⁵ К соотношению обрамления и основания канона сводится и отношение § 3 с § 5'. Но эти параграфы в данном случае нас специально не интересуют.

¹⁶ Часть этих фраз встречается в главе «Дацой» [19, 246]. Это обстоятельство подчеркивает сомнительность отнесения их к основному тексту рассматриваемой главы.

с указанной точки зрения. Кроме того, здесь сомнительна возможность подведения этих фраз под формулу ввиду чрезвычайной их сложности, не характерной для подводимых под формулы фраз.

Рассмотрим теперь отрывки, которые исключены нами из § 7. Части текста «б'» и «б''» могут быть элементами, так как заканчиваются совпадающими отрывками. Части текста «г'» и «г''» (без отрывка 人之鬼... 乃祭兄也) также могут быть элементами по количественному признаку (43 и 44 иероглифа). Это значит, что либо § 7 является «трудным» текстом, либо в нем указанные четыре элемента находятся по ошибке. Мы полагаем, что последнее более вероятно. Вероятнее всего, отрывки «б'», «б''», «г'», «г''» являются элементами, составляющими основание канона самостоятельного параграфа, параллельного §§ 5, 6, поэтому мы и переносим их в правую часть. Этим переносом воссоздается параграф, который вместе с § 3 попадает в столбец III схемы.

В столбце III схемы отсутствует параграф, параллельный §§ 4, 6. Этот пропуск ликвидируется путем перенесения в столбец III фразы «г'» § 6, совпадающей с частью § 5'. Поэтому, вероятно, весь § 5 нужно поместить на место под § 3.

В целом приведенный формальный анализ показывает, что для главы «Сяоцуй» характерны черты обычного канонизированного текста, состоящего из девяти элементов. Элементы столбцов II и III, второй и третьей строк стояли рядом, что и послужило причиной их смешения.

Интерпретация части главы «Сяоцуй», посвященной *бянь* (§§ 1, 4, 5)

Обнаружение структурного единства главы «Сяоцуй» позволяет понять и единство ее содержания. Положения этой главы являются не разрозненными фразами, а последовательным изложением единой логико-гносеологической концепции. Мы попытаемся представить эту концепцию при помощи модели. Это позволит нам понять, что нечто, с нашей точки зрения не представляющееся теорией, в источнике понимается под единым углом зрения и систематизировано.

Существо логико-гносеологической концепции «Сяоцуй» можно представить в виде следующей модели:

	0	I	II	III
0	ПС(A)	П _I	П _{II}	
1	C ₁	П _{I1} ∩C ₁	П _{II1} ∩C ₁	← $\frac{P_1 P_2}{S_1}$
2	C ₂	П _{I2} ∩C ₂	П _{II2} ∩C ₂	← $\frac{P_2 P_2}{S_2}$
3		$\frac{P_1 C_1}{P_1 S}$	$\frac{P_2 C_2}{P_2 S}$	SP(A)

Эта модель построена на основании изучения формы и содержания источника в их единстве. Ее смысл мы постараемся раскрыть путем объяснения отдельных элементов текста.

Поскольку интересующий нас здесь вопрос, что такое *бянь*, *лунь*, *шо*, рассматривается лишь в первых двух столбцах «Сяоцуй», и особенно в содержащих основания канонов §§ 4—7, ограничимся интерпретацией лишь этих отрывков.

В рассматриваемом произведении использование математических понятий отчетливо видно лишь в элементе «б» § 5 и в элементах «г» §§ 4 и 5. Но связь содержания этих элементов с другими элементами, цельность всей концепции свидетельствуют о том, что это лишь наиболее очевидные факты проявления более глубоких явлений. Суть последних заключается в том, что метод составления и решения системы уравнений в данном источнике рассматривается как образец или аналог всяких правильных построений типа «разделяющего рассуждения» и «суммирующего решения (вывода)». Метод составления и решения уравнений здесь возведен в ранг общего логико-гносеологического метода.

Сколь ни странным кажется такое понимание с точки зрения современного состояния науки, проанализировав содержание данного произведения, его приходится признать существовавшим. Лишь поняв указанную «математизацию» содержания произведения, можно понять единство его содержания.

Мы не будем специально останавливаться на доказательстве связи тех или иных элементов друг с другом. Полагаем, что раскрытие их содержания выполняет и эту функцию. Для отдельных случаев какого-либо иного доказательства указанной связи, кроме интерпретации их содержания и данных структуры главы в целом, пока не существует.

Рассмотрение содержания отдельных элементов в тесной связи со структурой всего произведения позволило выявить некоторые черты строения главы «Сяоцой» и с точки зрения содержания. Поскольку эти черты чрезвычайно важны для понимания содержания отдельных элементов, мы отметим их специально.

Глава по содержанию делится на три части, составляющие три столбца схематизированного текста. Первая часть — это § 1 и примыкающие к нему §§ 4 и 5. Вторая часть — это § 2 и примыкающие к нему §§ 6 и 7. Главной темой первой части является понятие *бянь* 'разделяющее рассуждение'. Во второй части, по нашему мнению, главным является понятие *лунь* 'суммирующее решение (вывод)'.

Между элементами, составляющими основания канонов, в §§ 4—5 и 6—7 этих частей существует такая связь по содержанию, что элементы «а» и «г» §§ 4, 5 соответствуют элементам «а» и «г» §§ 6, 7, элементы «б» §§ 4, 5 — элементам «в» §§ 6, 7, элементы «в» §§ 4, 5 — элементам «б» §§ 6, 7.

Напомним, что элементы §§ 1 и 2 являются обрамляющими по отношению к элементам соответственно §§ 4—5, 6—7¹⁷.

ЭЛЕМЕНТЫ «а» §§ 1, 4, 5

Чтобы рассуждать о чем-то, нужно прежде всего выделить предмет рассуждения. Такое выделение представляется как отнесение к какой-то объективной сфере характеристик «это» (*ши*) и «не-это» (*фэй*). Вся область предметов, таким образом, делится на: «это» и «не-это» (§ 1, «а»).

¹⁷ А. Грэхэм отмечает совпадение содержания элементов «а», «б», «в», «г» из § 2 и таких же элементов и в той же последовательности из § 4. Он указывает, в частности, что в этих элементах используются одни и те же слова, а именно: 舉 («а»), 辭 («б»), 故 («в») (последнее он считает близким по значению с 然 и 所以 в сочетании 所以然), 取 («г») [67, 21—22]. Наблюдения А. Грэхэма частично совпадают с данными строения источника. Но он упустил очень много существенных формальных связей, придав чрезмерную значимость некоторым повторам слов. Как это видно из фразы 辟倅援推之辭 (§ 5'), связывать 辭 только с 倅 невозможно. Вряд ли следует

В качестве объекта рассуждения берется «это», которое на схеме обозначается буквой *A*. Поскольку данная операция является выделением предмета мысли, то ее, естественно, следует понимать как «представление (чего-то) как главного» (辟). Посредством ее предмет мысли представляется (舉) как особый объект или «вещь» (物 *y*), который и осознается (§ 4, «а»). В математике это аналогично определению области значений переменных.

Главный предмет мысли в речи может быть представлен как подлежащее, что на модели обозначено буквой *П*. Выделение предмета мысли предполагает ясное осознание тождества и различия объектов (§ 1, «в»). Так, например, «именами», выражающими подлежащие, являются местоимения «это» и «я», которые обозначают целую группу тождественных элементов множеств (§ 5, «а»). Подлежащее, обозначаемое буквой *П*, — это абстракция от обычного грамматического подлежащего, означающая понятие предметности в каждом данном контексте¹⁸. Его противоположностью является абстракция от сказуемого, обозначаемая у нас через *С*.

ЭЛЕМЕНТЫ «б» §§ 4, 5

Когда имеется выделение предмета мысли и обозначение его «именем», то возникает проблема соотношения «имени» и «реальностей» (т. е. элементов множества). Это соотношение характеризуется определенной «нормой» (*ли*), которую нужно всегда учитывать (§ 1, «г»). В сочетании с принципом разделения «этого» и «не-этого» (§ 1, «а») такой подход предполагает, что элементы данного множества *A* по каким-то признакам объединяются в группы, приравниваются друг к другу, образуя определенные подмножества, или классы. Таким образом, происходит «приравнивание» (侔) элементов в классе. Это «приравнивание» выражается в постановке рядом в параллели высказываний об элементах одних и тех же классов (§ 4, «б»).

Здесь уместна аналогия с составлением уравнений. Когда изложены условия какой-то задачи (что в целом соответствует определению предмета *A*), для ее решения нужно упорядочить этот материал в систему уравнений. В этой системе члены уравнения, содержащие одинаковые неизвестные, ставятся параллельно друг другу (比 *би*) таким образом, чтобы образовавшиеся скрещивающиеся ряды (行)¹⁹ были «цельными» (俱). Последнее условие означает, что в каждом уравнении число членов должно быть одинаковым. Объясняется это, видимо, тем, что уравнение, в котором один из членов равен нулю, представляется не как исходное, а как этап решения системы. Каждый ряд в системе уравнений представляет «вещь» (物). Представление о такой «вещи» является тем, что объединяет соответствующие члены уравнения воедино, отождествляет (同) их друг с другом. Об этом говорит фраза: «Отдельные вещи чем-то отождествляют» (§ 5, «б»). В системе уравнений столбцы объединены понятием подмножеств («вещей»), но они различаются коэффициентами. Чтобы подчеркнуть

отождествлять понятие 故 с 然 и 所以然. Самое же главное заключается в том, что Грэхэм не заметил связи § 2 с §§ 6 и 7.

¹⁸ В выражении *байма* «белая лошадь», например, в каком-то контексте «белое» может обозначать предмет рассмотрения и являться подлежащим. «Лошадь» в таком случае выступает в качестве сказуемого.

¹⁹ В математических текстах 行 означают как ряды, выражающие уравнения, так и ряды коэффициентов при одних и тех же неизвестных. При принятом нами порядке построения текста — это и вертикальные столбцы и горизонтальные строки.

эту особенность, в элементе «б» § 5 говорится: «Но не коэффициенты отождествляют»²⁰.

Элементы «б» §§ 4, 5 указывают на то, что объект рассуждения должен быть в целом упорядочен по вертикали. Дается общая основа для такой упорядоченности: параллелизм фраз в горизонтальных рядах, причем поскольку говорится, что отождествление в столбцах происходит не по коэффициентам, которые являются аналогами сказуемых²¹, то ясно, что имеется в виду параллелизм фраз по подлежащему.

В результате операций, описанных в элементах «а» и «б», выделяется некая предметная область или множество A , которое делится на подмножества («вещи»). В общей семантической модели соответствующие подмножества обозначены через Π_I и Π_{II} .

ЭЛЕМЕНТЫ «в» §§ 1, 4, 5

Множество A делится на части, составляющие его элементы, которые на схеме обозначены буквами $a, b, в, г$. Эти элементы должны быть упорядочены, ибо в элементе «б» § 1 говорится о «тщательном проведении линии, разделяющей упорядоченное и путаное». Между этими элементами существуют отношения тождества и различия. Для построения «разделяющего рассуждения» нужно осознать эти отношения и разместить (處) элементы так, чтобы их порядок отражал систему их взаимоотношений (§ 1, «в»).

Если раньше в операции 辟 'представление главного' речь шла об отделении какой-то области как предмета мысли от другой области и далее о подразделении этой области на подмножества Π_I и Π_{II} , то теперь речь идет о подразделении внутри и этих подмножеств. Такое подразделение называется «обособлением» (撥). Проходит оно на основе разделения характеристик такого и не-такого (*жань, бу-жань*), что, видимо, является свойством предикатов как выражений некоторых функций, применимых к предметам²² и являющихся возможными сказуемыми. Объекты, таким образом, делятся на группы по сказуемым, которые к ним применимы. На схеме различие по сказуемым обозначено через C_1 и C_2 .

Разделение строк в модели соответствует «обособлению». Такое «обособление», проводимое по определенному более или менее очевидному признаку, неизбежно сопровождается установлением отношений между элементами строк. В уравнении это отношение, в частности, выражается знаком, стоящим между переменными x и y . Но это отношение можно понимать и более широко, как функцию, преобразующую один элемент в другой в его ряду. С этой точки зрения какой-то элемент, будучи этим (*ши*), не обязательно будет таким (*жань*)²³, ибо он в другой связи (функции) может оказаться не-таким. У элемента «есть то (функция), чем он делается таким» (有所以然也)²⁴.

²⁰ В системе уравнений 率 означает коэффициенты при неизвестных [20, 111].

²¹ В китайской записи коэффициент следует за указанием предмета, к которому относится, поэтому по положению он аналогичен сказуемому.

²² О 然 и 不然 см. объяснение элементов «а» и «б» §§ 6, 7.

²³ Ср. элемент «б» § 7.

²⁴ Сопоставление содержания элементов «в» § 5 и «б» § 7 дает возможность интерпретировать выражение 所以然. Из схем элементов «а» и «б» § 7 следует, что к группе явлений, характеризуемых, как та к и е (*жань*), относятся явления, описываемые в выражениях типа 乘馬, 事人. Ряды этих выражений можно, видимо, интерпретировать выражением 用之, 所以 — это логизированная инверсия от 用之, так как 以 соответствует 用, а 所 заменяет 之. В русском языке мы не обнаруживаем какого-

Кроме того, тождественные объекты могут быть результатом применения разных функций, как, скажем, в случае совпадения значений функций $f(x)$ и $g(x)$, так что из тождества объектов не следует тождества функций (§ 5, «в»).

Таким образом, «обособление» элементов как особых видов предметов (по признакам ряда Π) в каждом конкретном случае дополняется сведениями относительно тех функций, которые выполняются этими элементами или которые применяются к ним. Эти функции выражают отношения между элементами внутри каждого горизонтального ряда. При этом очевидно, что эти отношения не обязательно однотипны (скажем, оба аналогичны сложению или вычитанию).

ЭЛЕМЕНТЫ «г» §§ 1, 4, 5

Дифференциация явлений представляется завершенной тогда, когда для каждой вещи определена ее «норма (ли)»²⁵. «Норма» является качественной и количественной характеристикой вещи²⁶.

То обстоятельство, что «нормы» выражают качественные и количественные характеристики вещи, означает, что какое-то явление, будучи одним и тем же как предмет (в плане Π), может подразделяться по «нормам». Поэтому деление по «нормам» представляется как более дробное деление, дополняющее деление на предметы.

На схеме выделение явления в аспекте, выражаемом C , дополняется более дробным делением в этом же аспекте на C_1 и C_2 . Таким образом, все частные элементы делятся на обладающие качеством C_1 или качеством C_2 , тем самым, в дополнение к вертикальной дробной упорядоченности, вводится горизонтальная упорядоченность по качеству и количеству индивидуальных явлений. В этом заключается смысл положения «в» § 1.

С введением дробного принципа деления каждый индивидуальный предмет получает две характеристики: характеристику плана Π и характеристику плана C . При этом индивидуальные предметы обладают собственными качествами, представленными выражениями, аналогичными коэффициентам при переменных в уравнениях, что влияет на тот результат, который получается при применении к ним какой-либо функции. Например, при применении вычитания к члену, имеющему отрицательный знак, происходит сложение. Об этом говорит элемент «г» § 4, называя соответствующую операцию «замещением».

Элемент «г» § 5 тоже описывает отношение разных элементов, возникающее на основе их собственных свойств. Здесь указывается, что при осуществлении фактического вычитания то, благодаря чему происходит вычитание, может быть разным. Вероятно, здесь имеются в виду такие разные случаи, как $ax - by$, $ax + (-by)$ и т. п. Все зависит от определенного знака при члене уравнения.

Таким образом, итогом «разделяющего рассуждения» является строгая упорядоченность индивидуальных явлений, определение для каждого из них своего места. Такая упорядоченность касается как

либо аналога для выражения 所以: словосочетание «то, чем...» лишь весьма приблизительно передает значение этого выражения, поэтому в переводе мы и даем пояснение: функция.

²⁵ В «Хань Фэй-цзы» говорится: 萬物各異理 [2, 107] 'Во всем множестве вещей каждая отличается (своей) нормой'.

²⁶ 短長大小方圓堅脆輕重白黑之謂理 [2, 111] 'Длина, величина, форма, прочность, вес, цвет — называются нормами'.

«имен (*мин*)», так и «реального содержания (*ши*)»²⁷. Общий ход мысли здесь можно охарактеризовать как идущий от крайне абстрактных принципов к конкретным определениям индивидуальных явлений.

Интерпретация части главы «Сяоцюй», относящейся к *лунь* и *шо* (§§ 2, 6, 7)

Отрывок «'а» § 2 раскрывает существо перехода от первой части ко второй. Он говорит о том, что при помощи «разделяющего рассуждения» для каждой вещи устанавливается свое место в системе явлений, устанавливается, какова она в связи с другими вещами данного комплекса. Эта, представляемая объективной, упорядоченность вещей дает возможность создавать упорядоченные изречения, делать определенные выводы. Такие изречения и выводы называются «суммирующими выводами (*лунь*)», содержание которых и раскрывается в §§ 2, 6, 7. Вторая половина отрывка «'а» имеет существенное значение для понимания формы столбца II текста «Сяоцюй», поскольку позволяет установить связь § 2 с §§ 7 и 6.

Мы понимаем 比 (*би*) как сопоставление каких-то изречений 言 (*ян*), которые поставлены рядом друг с другом (возможно, что 比 *би* в отношении языковой формы вообще означает параллелизм в элементарном его понимании). И действительно, в основном тексте § 7 мы обнаруживаем элементы, состоящие из четырех подэлементов, которые во всех случаях составляют параллелизмы, логическая и семантическая суть которых суммирована в выражениях, содержащихся в § 6. Поэтому весь основной текст § 7 мы считаем состоящим из логико-семантических схем, в основу которых положено грамматическое сходство и различие высказываний. Анализ этих схем позволяет понять содержание соответствующих им элементов текста §§ 2 и 6.

ЭЛЕМЕНТЫ «а» §§ 2, 6, 7

Первым вопросом, возникающим при рассмотрении элемента «а» в § 7, является вопрос о том, что такое *ши* и *жань* и почему все примеры (фразы) этого элемента суммируются в выражении *шиэржань* (是而然). Ответить на эти вопросы можно, проанализировав схему, по которой построены все примеры данного элемента. Она представляется следующей:

I		II	
1	白馬 馬也 'Белая лошадь — лошадь'	乘白馬 'ехать на белой лошади (едуший на белой лошади, белая лошадь, на которой едут)'	乘馬也 'ехать на лошади (едуший на лошади, лошадь, на которой едут)'
2

²⁷ В «Сюн-цзы» отмечается, что в «разделяющем рассуждении» (*бянь*) «имена» и «реальности» не различаются [4, 281]. Здесь, видимо, возможна следующая аналогия. Представление какого-либо числа *s* в виде произведения *ax* не предполагает какого-либо принципиального различия между *a* и *x*. В системе уравнений также безразлично, что принять за коэффициенты (*a*), а что — за неизвестные (*x*). Так возникает семантическая система, не признающая принципиального различия между *II* и *S*.

3	獲人 'Человек Ху — человек'	人也 человек'	愛獲 'любить Ху (Ху, которого любят, любимый Ху)'	獲人也 'любить человека (человек, которого любят, любимый человек)'
4
	是 'Это есть (ши)'		然 'Такое есть (жань)'	

Примечание. Примеры 2 и 4 пропущены, так как они формально совершенно тождественны приведенным.

Схема составлена из двух рядов (столбцов), различие между которыми прежде всего семантическое, а не логическое и грамматическое. Характер суждений здесь тождествен, различий с количественной стороны нет, и предложения представляются однотипными. Конкретное же содержание двух рядов предложений не одинаково. В столбце I находятся предложения, описывающие явления такими, каковы они есть сами по себе, или представляемые как существующие сами по себе. В столбце II описываются явления не сами по себе, а в их определенной функции, или как объекты какого-то определенного воздействия.

Это различие и фиксируется в двух частях выражения *шиэржань* 'это есть' и 'такое есть', которое обозначает, что ряды предложений выражают утвердительные суждения²⁸. Возможность соотношения выражения *шиэржань* с двумя указанными рядами отчетливо вырисовывается при сравнении предложений элемента «а» с предложениями элемента «б»:

Предложения элемента «а»		Предложения элемента «б»	
I	II	I	II
白馬 'Белая лошадь — лошадь'	馬也 'Ехать на белой лошади — ехать на лошади'	乘白馬 'Ехать на белой лошади — ехать на лошади'	乘馬也 'Ехать на лошади — ехать на лошади'
車 'Телега — деревянная'	木也 'Дерево'	乘車 'Ехать на телеге — не ехать на дереве'	非乘木也 'Не ехать на дереве'
П 是 С 'это есть (ши)'	П 然 С 'есть такое (жань)'	П 是 С 'это есть (ши)'	П 不然 С 'не есть такое (бужань)'

Таким образом, выражения *шиэржань* и *шиэрбужань* следует понимать как формулы, позволяющие представить логико-семантический характер соответствующих им предложений. Каждая из этих формул описывает определенную группу объектов, что выясняется из фразы «а» § 6: 夫物或乃是而然 'из (отдельных) вещей некоторые эти и та-

²⁸ *Ши* и *жань* здесь, видимо, понимаются как связки для такого рода суждений.

ковы'. К явлениям «белая лошадь», «родители Ху», «телега» и т. п. прилагаются мерки двух типов: субстанциональные («лошадь», «человек», «дерево» и т. п.) и функциональные («ехать на лошади», «служить людям», «ехать на дереве» и т. п.)²⁹. В языковых выражениях явления описываются при помощи этих двух мерок.

Таким образом, каждое индивидуальное явление характеризуется с двух сторон, что находит свое отражение в общей модели, где явления *a*, *b*... имеют две характеристики: план *n* и план *c*. Сведенные в одно, они бы выглядели, видимо, так: «белая лошадь» (*n*) — «на ней ездят как на лошади» (*c*): «родители Ху» (*n*) «им служат не как служат людям» (*c*).

Деление фраз элемента «а» § 2 на *n* и *c*, если принять во внимание связь: § 7 «а» — § 2 «а», представляется как разделение «имен» и «реальностей», например, следующим образом: «Белая лошадь» (реальность) — «лошадь» (имя). Таким образом, примеры элемента «а» § 7 являются иллюстрацией положения элемента «а» § 2: 以名舉實 'именами представляют реальности'.

Подойдя с этой стороны, мы можем обнаружить, что фразы элемента «а» § 7 выражают значения одноместных предикатов вида $P(x)$: «белая лошадь (x_1 или *a*) — лошадь (*P*)»; «вороная лошадь (x_2 или *b*) — лошадь (*P*)» и т. д. При этом, поскольку примеры таковы, что в них происходит замена одного аргумента другим, очевидно, что цель набора этих примеров не в демонстрации самих «фраз» (высказываний), а в показе предикатов, содержащихся в этих «фразах»³⁰.

Следовательно, в данном случае источник предлагает подходить к языковым выражениям — «именам» как к символам переменных. Это, очевидно, важная предпосылка, если ставится цель построения выводов из выражений языка. Теперь мы можем довольно отчетливо осознать, что значит «представлять реальности». Такое действие подразумевает, что разные «реальности» — «любить Ху», или «любить Цзана», посредством «имени» — «любить людей» — объединяются вместе и вы-

²⁹ В элементах «в» и «г» § 3, возможно, указаны эти две мерки. Так, схему примеров элемента «б» § 7 можно, видимо, интерпретировать через элементы «в», «г» § 3. Получится следующая схема:

獲之親人也	獲事其親	非事人也	примеры элемента «б» § 2
車 木也	乘 車	非乘木也	
效者為之法也			интерпретация их через § 3 (элементы «в», «г»)
所效者 所以為之法也			

Отсюда можно полагать, что различие между тем, что мы назвали субстанциональной и функциональной мерками, основывается на различии меры, которая «делает», и меры, «которой делается», и проявляется в различии выражений «применение нормативного отношения» и «подведение под нормативное отношение» (см. прим. 5 на стр. 150).

³⁰ Этим объясняется тот факт, что они рассматриваются до того, как в элементе «б» будет выдвинуто само понятие «фраза» (辭 子).

Некоторые ученые полагают, что в комплексе 名 — 實 'имя — реальность' «имя» выражает предикат, а «реальность» — субъект суждения. Тань Цзе-фу в своем исследовании главы «Сяоцзюй» именно так интерпретирует элемент «а» § 2 [93, 106]. Это мнение основано на недооценке того факта, что в источнике дано последовательное изложение теории, в котором переход к высказываниям и суждению делается лишь на следующем этапе.

деляются из других реальностей³¹. В этом плане элементы «а» §§ 2, 6, 7 близки по содержанию к элементам «а» §§ 1, 4, 5.

В данном случае мы имеем начало процесса, обратного итогу «разделяющего рассуждения», при котором проходило отграничение индивидуальных явлений друг от друга. Здесь при помощи «имен»-предикатов начинается их объединение, как бы логическое суммирование «реальностей»³². Такая операция связана с составлением «вывода (шо)» (элемент «в» § 2), о котором речь пойдет ниже.

ЭЛЕМЕНТЫ «б» §§ 6, 7

В элементах «а» «имена» рассматривались в их связи с «реальностями». Было установлено, что они («имена») представляют определенные группы «реальностей», или определенные классы. Такое отношение можно считать отношением имени и его содержания.

Схемы фраз элементов «б» §§ 6, 7 выявляют нечто новое, касающееся «имен». Для анализа предложений элемента «б» § 7 воспользуемся следующей символикой: x_0 будет обозначать некую постоянную «реальность», конкретный предмет; P — «имя», т. е. предикат; f — некую операцию над объектом, функцию. Отрицание обозначим знаком неравенства \neq . При этом согласно положению «а» § 2 будем полагать, что «имя» представляет некую совокупность «реальностей», некий класс явлений или «вид» (*лэй*), который можно представить как $[xP(x)]$, т. е. все «реальности» x_0 , которые удовлетворяют предикату $P(x)$. Включение элемента в класс будем обозначать символом ε , отрицание включения — $\bar{\varepsilon}$.

В таком случае на примере первого предложения все предложения элемента «б» § 7 интерпретируется следующим образом:

獲之親	人也	獲事	其親	非	事	人也
'Родители Ху — люди'		'Ху служит	своим родителям — не		служит	людям'
x_0	P	f	x_0	не	f	P
x_0	ε $[xP(x)]$		(x_0)	$\bar{\varepsilon}$		$[xP(x)]$
	是			不然		

Предположим, что f , как и всякое имя, образует класс предметов, причем одно имя всегда образует один и тот же класс. При таком предположении сравнение содержаний выражений $f(x_0)$ и $f(P)$ может проходить без учета f , и суть приведенных предложений может быть

³¹ В указанном понимании фраза 以名舉實 (§ 2, «а») может быть соотнесена как с элементом «а» § 7, так и с элементом «б» § 7, поскольку в этих элементах содержатся аналогичные фразы, сводимые к виду $P(x)$. Причем в элементе «б» § 7 есть отрицательные предикаты (выражения типа «не ехать на дереве»). В этой связи элементов можно обнаружить значение элемента «а» § 2 как обобщающего элементы «а» и «б» §§ 6, 7.

³² Здесь вероятна аналогия с уравнениями. В последних «реальностью» называется некое постоянное, полученное из операций над свободными членами. Например, в выражении $ax=c$ «реальность» — это c . В нашей интерпретации положений главы «Сяодой» «реальности» — это постоянные, удовлетворяющие некий предикат.

понята, как $x_0 \varepsilon [xP(x)]$ и $x_0 \bar{\varepsilon} [xP(x)]$. Первое из них представляет включение элемента в класс («вид»), второе — исключение этого же элемента из этого же класса. «Имя» *жэнь* ‘люди’ оказывается разнозначным: оно выступает не как один, а как два предиката, представляющих два разных класса (в данном случае). В зависимости от того, какой из классов имеется в виду в данном контексте, x_0 то включается, то исключается из него — «при помощи [представлений о] видах включают и исключают [явления]» (§ 2, «г»).

В данном случае «имя» *жэнь* ‘люди’ (*P*), вероятно, означает не предикат, а слова, меняющее свое значение в зависимости от позиции в предложении³³. Как сказуемое оно представляет один предикат, а как дополнение — другой. Это различие можно понимать как различие в значении языкового выражения, зависящее от того, есть ли перед ним другое (можно сказать функциональное) выражение, меняющее значение данного выражения. Аналогом такого положения являются члены уравнения, которые меняют значение в зависимости от применения к ним некоторого множителя (делителя), способного изменить даже знак выражения и тем самым отождествить его с первоначально кажущимся совершенно другим выражением³⁴. Если иметь в виду, что такие множители аналогичны коэффициентам, то их можно отнести к сказуемым нашей модели, т. е. к выражениям, объединяющим ее строки.

ЭЛЕМЕНТЫ «в» §§ 2, 6, 7

Уже при рассмотрении элементов «б» становится ясно, что «имена», когда они ставятся рядом друг с другом, могут рассматриваться как функции над функциями. Поэтому соединение «имен» является образованием иного рода, нежели отдельные «имена». Оно составляет «фразы» (*цзы*). «Фразы» как комплексы «имен» представляют не набор отдельных «реальностей» (областей истинности отдельных «имен»), а «значения». В «Сюнь-цзы» говорится: «Фразы (*цзы*) — это соединение имен разных реальностей, чтобы тем самым суммарно определить одно значение (или единственные значения)» [4, 281]³⁵. В нашем источнике тоже констатируется, что «фразами дают значение» (§ 2, «б»). В переносе на нашу модель это означает, что в принципе каждая «фраза», имеющая структуру *nc*, отделяет какой-то данный предмет от других и по линии *n*, и по линии *c*, представляя его как нечто единственное в своем роде³⁶.

Выделение единственного предмета «фразой» отражается и на содержании входящих в нее «имен». Здесь под *n* и *c* понимается не все множество предметов, обозначаемых соответствующими именами, а только те их группы или стороны, которые определенным образом связаны между собой в обозначенном данной фразой предмете. Таким образом, фраза, содержащая суждение, имеет вид *nc(a)*, где *a* — определенный предмет. Например, суждение «родственники Ху — люди»

³³ Предикатом, имеющим строго определенную область истинности, в данном случае является *f*.

³⁴ Об этом говорится в элементе «в» § 5.

³⁵ Это определение свидетельствует о том, что «фраза» рассматривается как функция, имеющая каждый раз при подстановке постоянных единственное значение. Фэнь Ю-лань считает, что «значение» (意) — это суждение, содержащееся во «фразе» (*цзы*) [94, 417]. Это, видимо, верно, поскольку значения «фраз» выражаются в высказываниях.

³⁶ Отметим, что «одно» содержит в себе «тождество и различие». В «Мо-цзы» в частности, говорится: 同異而俱於之一也 [19, 194] ‘Тождество и различие совмещаются в своем одном’. Это свидетельство является основанием для интерпретации «фраз» (комплексов *n—c*) как выражающих систему тождеств и различий.

обозначает одно совершенно определенное явление. «Люди» здесь имеют значение, ограниченное объемом понятия n . Точно так же значение n ограничивается объемом c . Такое взаимное ограничение и создает значение для c и n .

Из указанного следует существенный вывод. Во «фразах» составляющие их «имена» являются своеобразными квантифицированными предикатами. В комплексе $nc(a)$, который составляет фразу, каждое из «имен» по отношению к другому является своеобразным коэффициентом. В силу этого появляется возможность каждый объект, описываемый такой фразой, сопоставлять с другими объектами либо по «материальному» содержанию (например, по n), либо по коэффициенту (например, по c) и тем самым строить «суммирующее решение (выводы)»³⁷.

Все указанное нужно иметь в виду при попытке понять элементы «в» §§ 2, 6, 7.

Элемент «в» § 7 выражен в конкретных примерах, поэтому анализ легче начать с него. Содержание этого элемента в общем сводится к тому, какие основания нужны для выведения фраз типа «любит людей», «ездит на лошадях» и их отрицательных форм. Причем материал явно тот же, что и в элементе «а» этого же параграфа. Воспользуемся этим материалом для воссоздания возможной формы вывода и дадим следующую схему, представляющую собой, как нам кажется, конкретную форму «выводов (шо)»:

I		II	
$n_I c_1$ 愛獲	‘любит (n_I) Ху (c_1)’	$n_{II} c_1$ 乘白馬	‘едет (n_{II}) на белой лошади (c_1)’
$n_I c_2$ 愛臧	‘любит (n_I) Цзан (c_2)’	$n_{II} c_2$ 乘驪馬	‘едет (n_{II}) на вороной лошади (c_2)’
$n_I C'_I$ 愛人	‘любит (n_I) людей (C'_I)’	$n_{II} C'_{II}$ 乘馬	‘ездит (n_{II}) на лошадях (C'_{II})’

В данном построении первая и вторая строки представляют собой «основания (gy)», вывод из которых сформулирован в третьей строке. Это построение наглядно демонстрирует содержание фразы: «при помощи выводов выходят (или выводят) из основания» (以說出故), где «выходить из» (出) означает выход из одной сферы в другую.

Смысл «выхода из основания» заключается в следующем. В первых двух строках высказывания представляют собой частные суждения действительности, они описывают конкретные единичные факты или состояния. И «имена» в них имеют конкретное значение.

Иной характер носят суждения третьей строки. Отчетливо это раз-

³⁷ По тем же причинам факт описания явлений «фразами» (суждениями) с точки зрения «разделяющего рассуждения» является «обособлением» (撥) каких-либо явлений — либо по n , либо по c . Явления, тождественные в одном плане, не обязательно тождественны в другом, на что и указывает элемент «в» § 4.

личие выступает в ряде C . На место «частных имен»³⁸ здесь встают «видовые» или «родовые». Получаются суждения типа суждений необходимости. Можно полагать, что «имена» C'_I и C'_{II} представляют результаты какого-то категориального деления явлений определенного класса (например, живых существ) на подклассы («люди», «лошади»).

Приведенную выше схему вывода можно уподобить матрице коэффициентов двух уравнений с двумя неизвестными:

$$a_{1x} \quad b_{1y}$$

$$a_{2x} \quad b_{2y}$$

В этой системе x и y аналогичны «именам» n_I и n_{II} , а коэффициенты при них — «именам» ряда C . «Имена» n_I и n_{II} указывают на разные виды, а «имена» ряда C — на «коэффициенты» при них. В таком случае в выводе происходит сопоставление типа сложения коэффициентов при «именах» одних и тех же видов. В приведенных примерах это сопоставление на первый взгляд сводится просто к сложению:

$$\begin{array}{l} Xy + Цзан \quad \quad \quad = \text{люди;} \\ \text{белая лошадь} + \text{вороняя лошадь} = \text{лошади.} \end{array}$$

Но оно не обязательно должно быть сложением: в уравнениях в подобных случаях иногда производится и вычитание. Об этих более сложных, чем простое сложение соответствующих классов предметов, операциях и свидетельствует элемент «в».

Когда мы складываем коэффициенты «оснований» (т. е. «складываем» конкретные явления, обозначенные именами рядов C), то с точки зрения всего построения мы производим сложение или вычитание целых уравнений. «Основания», соответствующие членам уравнений и стоящие в разных столбцах, в этом случае не различаются, они берутся как однозначные элементы единого целого (уравнения)³⁹. В такой ситуации при действиях над членами уравнений не всегда происходит сложение коэффициентов. Если знаки при слагаемых будут разными, то произойдет вычитание абсолютных величин. Нечто аналогичное предусматривается и в данном случае.

Положения пункта «в» § 7 ясно указывают на то, что «сложение» в столбцах I и II приведенной схемы фактически неодинаково. В столбце I вывод дает лишь сумма «оснований» в целом. В столбце II вывод можно получить из каждого отдельного «основания».

Содержание этих столбцов можно соответственно выразить формулами:

$$I \quad (n_I c_1 \wedge n_I c_2) \rightarrow n_I C'_I.$$

$$II \quad (n_{II} c_1 \vee n_{II} c_2) \rightarrow n_2 C'_{II}.$$

Если подформулы, входящие в эти формулы, рассматривать как высказывания, то формулы примут следующий вид:

$$I \quad (A \wedge B) \rightarrow C; \quad II \quad (A' \vee B') \rightarrow C'.$$

³⁸ В «Мо-цзы» различаются «предельные» (達), «видовые» (類) и «частные» (私) «имена». В качестве примера «частного имени» приводится Цзан [19, 211]. По-видимому, «частные имена» в рассматриваемой схеме представляются обозначениями крайних точек, ограничивающих данный вид: «белая лошадь» и «вороняя лошадь» — это крайние точки, между которыми располагается вид — «лошади всех цветов».

³⁹ В этом, видимо, кроется смысл фразы: 比辭而俱行也 'параллельные фразы (суждения) составляют целые ряды' (§ 4, «б»).

Смысл этих формул объясняется в тексте элемента «в» § 7. С истинно при истинности как A , так и B . Оно ложно при ложности хотя бы одного из них. Видимо, подразумевается, как само собой разумеющееся, что C ложно при ложности как A , так и B . Отношения между A и B , таким образом, определяются как конъюнкция. В таком случае C по существу представляет сложное высказывание, логическое значение которого зависит от элементарных высказываний A и B .

Высказывание C' истинно при истинности A' и B' , оно истинно и при истинности одного из высказываний A' или B' . Оно ложно при ложности обоих высказываний A' и B' . Здесь, таким образом, имеется в виду отношение нестрогой дизъюнкции между A' и B' . Это разведнительно-соединительная связь⁴⁰.

Таким образом, и здесь C' представляет сложное высказывание, зависящее от элементарных высказываний A' и B' .

Описанное отношение A, B к C и A', B' к C' выражает чисто логическую сторону «выхода (из пределов) оснований» (出故). Указанный «выход» означает переход от элементарных высказываний к высказываниям логически сложным.

Если суждения, содержащиеся во фразах типа nC , не имеют кванторов, то фразы типа nC уже имеют их. Это опять же следует из содержания элемента «в» § 7. В приведенной модели вывода суждение $n_I C'_I$ содержит в себе квантор всеобщности, а суждение $n_{II} C'_{II}$ — квантор существования.

Конкретно это подразумевает следующее логическое значение выводных фраз:

I. Каждого человека (C'_I) любит (n_I) [или: каждый человек (C'_I) любит (n_I)].

II. На некоторых лошадях (C'_{II}) ездит (n_{II})⁴¹.

Эта форма показывает, что здесь подлежащее (n) и сказуемое (C) превратились в субъект (s) и предикат (p) и при этом произошло то, что можно назвать инверсией логизирования: подлежащее (n) превратилось в предикат (p), а сказуемое (C) — в субъект (s)⁴². Таким образом, логическая форма двух выводных суждений будет такая:

$$I \quad \forall s \quad P(s); \quad II \quad \exists s \quad P(s).$$

Итак, мы можем констатировать следующие черты «выхода из оснований» (出故)⁴³:

⁴⁰ Комментатор, введя отрицание 不 в положении 3 элемента «в», превратил ее в строгую дизъюнкцию, отметив тем самым лишь одну ее сторону — разделительную. Но серьезных оснований для такого исправления текста нет. Под формулу — 周而 — 不周 текст подходит и без этого исправления: достаточно поменять местами фразы 3 и 4.

⁴¹ Необходимо отметить, что формула — 周而 — 不周 не отражает непосредственно деления суждений с кванторами, она лишь средство выявления этих кванторов. В связи с этим возникает проблема правомерности произведенной в тексте замены 害 на 周 в § 6. Вполне вероятно, что 害 стоит отнюдь не по ошибке.

⁴² На общей модели главы инверсия логизирования обозначена следующим выражением:

$$\frac{n_I C'_I}{P_I(s)}$$

⁴³ Для понимания 出 как обозначения выхода за определенные пределы важно учесть следующее положение «Мо-цзы»: 方不虞說也 [19, 211] «Квадрат не ограничивает — вывод (шо)». Контекст этой фразы таков, что он определяет «вывод (шо)» как особый вид получения знаний, отличный от получения их по традиции или путем

— «имена» типа *c* заменяются «именами» с большим объемом, превращаются в «имена» *C*;

— высказывания превращаются из элементарных в сложные (не обязательно по форме, а по логическому содержанию);

— суждения превращаются из суждений единичных в суждения с кванторами;

— при совершении вывода может происходить инверсия логизирования⁴⁴.

Приведенный материал позволяет сделать предположение, что «вывод (*шо*)» — это определенная логическая операция выведения следствия по общей формуле «если...то». При этом «основаниями» здесь, очевидно, являются те части текста, которые совпадают с основанием канона. В таком случае «вывод (*шо*)» предполагает два элемента «оснований», чему как будто противоречат встречающиеся довольно часто выводы из одного предложения, связанные союзом *и*. Нам представляется, что эти случаи не могут опровергнуть того, что с точки зрения теории того времени «вывод (*шо*)» должен быть по крайней мере трехсоставным.

Чтобы не возникло сомнений относительно самой возможности существования соответствующей теории, рассмотрим дополнительный материал. Это тем более необходимо, что он, подтверждая уже изложенное, дает возможность более наглядно представить некоторые особенности «вывода (*шо*)», на которые мы пока не обратили должного внимания. Рассмотрим положения о «больших» и «малых» «основаниях» (大故, 小故: дагу, сяогу).

В «Мо-цзы» о них говорится:

[Канон:] «Основания. [Явление] получает их, а затем свершается» [19, 190].

[Вывод (*шо*):] «Основания. Малое основание — когда оно есть, то не следует, что явление таково; если же его нет, то следует, что [явление] не таково. [Например, нечто] является частью, если обладает крайней точкой. Большое основание — если оно есть, то следует, что нет таково [явления]. [Например,] если [кто-то] видит нечто, то стал зрячим» [19, 202].

Примеры данного отрывка, очевидно, составляют следующую схему⁴⁵:

личного опыта. В проекции на общую модель это значит, что «вывод (*шо*)» не ограничивается теми конкретными знаниями, которые зафиксированы в предложениях, характеризующих индивидуальные явления *a*, *b*, *c*, *d*. Последние и образуют «квадрат», который, по-видимому, может состоять как из знаний, полученных на основе личного опыта, так и по традиции (например, цитата).

⁴⁴ Инверсия логизирования объясняет довольно часто встречающиеся случаи, когда «имена» вдруг меняют свои места в выводе. Приведем пример из «Чжуан-цзы» [3, 9]:

a) 物无非彼	b) 自彼則不見
b) 物无非是	c) 自知則知之
d) 故曰彼出於是	c) 彼是方生
是亦因彼	之說也

Отметим, что данное построение названо «выводом (*шо*)».

⁴⁵ В схеме мы переводим 若 словом «если», подчеркивая тот факт, что после него идет указание на основание «вывода», что не должно устранять его основного значения как показателя аргумента функции. Это «если» имеет сложное значение: «аргумент, дающий фразу, являющуюся основанием вывода».

I		II
«Малое основание»		«Большое основание»
1	若有端 'Если обладает крайней точкой'	若見之 'Если видит что-то'
2	[и обладает другой точкой]'	[и не видит чего-то]'
3	Вывод: 體也 'является частью'	Вывод: 成見也 'стал зрячим'

Сходство столбца I данной схемы со столбцом I приведенной выше (см. стр. 165) модели вывода очевидно. Так же как любовь к одному «частному» человеку Ху еще не является достаточным основанием для характеристики кого-либо как «любящего людей», точно так же наличие одного конца (точки) еще не является достаточным основанием для утверждения, что данное явление — тело или часть пространства⁴⁶. Но вторые столбцы тоже тождественны по логическому содержанию. Точно так же как в случае с определением кого-либо «ездящим на лошадах», здесь для вывода, что кто-то «стал зрячим», не нужно, чтобы он одновременно видел все явления. Достаточно, что он видит что-то. Для утверждения же, что он не является зрячим, нужно, чтобы он не видел ничего.

В семантическом плане различие между столбцами заключается в том, что в столбце I описываются факты совместимости (можно одновременно любить всех людей, иметь две точки), а во втором столбце — факты несовместимости (нельзя ехать одновременно на нескольких лошадях, нельзя видеть сразу все). Но это семантическое различие имеет определенную логическую форму выражения. Форма столбца I довольно проста. Но понимание «большого основания» требует некоторых пояснений.

При рассмотрении «большого основания» весьма существенно понимание фразы 有之必無然 'Если оно есть, то, следовательно, [и] нет такого [явления]'⁴⁷, для чего мы и ввели вторую строку, состоящую из добавленных нами фраз.

В столбце I второе «основание» может быть сформулировано только как логически однозначное с первым суждением, а в столбце II — сформулировано как суждение, логически противоположное первому. Выводы будут истинными. Таким образом, смысл данной фразы заключается в том, что она отмечает случай дизъюнкции в посылках столбца II. Но в таком случае формула столбца II может быть представлена и в виде $A' \vee B' \rightarrow C'$, и в виде $A' \wedge \bar{A}' \rightarrow C'$.

⁴⁶ 體 имеет довольно широкое значение. Это и часть прямой («отрезок»), и часть трехмерного пространства («тело»). Если взять последнее из указанных значений, то выражение 有端 можно понимать как «имеет крайние точки». Такого признака тоже еще недостаточно для определения, что это «тело» (а не плоская фигура).

⁴⁷ Обычно для облегчения понимания этой фразы отрицание 無 объявляется «ошибкой» в тексте и опускается. После этого объяснение «большого» и «малого оснований» получается довольно гладким для данного отрывка, но вместе с этим исчезает реальное логическое значение «оснований».

Итак, формулы «выводов», сформулированных в двух столбцах, могут быть представлены следующим образом:

$$IA \wedge B \rightarrow C; \quad II A' \wedge \bar{A}' \rightarrow C'$$

Эти формулы показывают, что «сложение» высказываний, дающее вывод, осуществляется с учетом того, в каком отношении (конъюнктивном или дизъюнктивном) находятся «слагаемые», т. е. может выражаться введением знаков для каждого выражения.

Но это, в свою очередь, означает, что всякая фраза в «выводах (шо)», имеющая вид $nc(a)$, помимо указания на предмет и «коэффициент» при нем обладает еще и логической характеристикой, аналогичной знаку при члене уравнения. Она может быть положительной или отрицательной в зависимости от того явления, которое описано в выводе⁴⁸, или, наоборот, вывод будет зависеть от того, какими знаками обладают «фразы (суждения)», являющиеся основаниями.

Во всех рассмотренных случаях мы наблюдали, что «вывод (шо)» обладает следующими чертами:

— то, о чем идет речь (понятия плана Π), как в основаниях, так и в следствии являются тождественными по «имени»;

— операции производятся лишь над понятиями, обозначающими сказуемые описываемых явлений (понятия плана C)⁴⁹;

— в заключении сказуемое рассматривается как более общее понятие;

— учитывается качество суждений, составляющих основание.

В переводе на язык общей семантической модели все это означает, что «вывод (шо)» — это связь высказываний по столбцам, своеобразное суммирование исходных высказываний типа nc , в результате чего выводятся предложения типа nC' , содержащие суждения типа $P(S)$ ⁵⁰.

ЭЛЕМЕНТЫ «Г» §§ 2, 6, 7

Рассмотрим схему предложений отрывка «г» § 7, представив ее в следующем виде:

I				II			
S_I	P_I			S_I	P_{II}		
(1) 之馬之目	盼	S_I	P_I	(2) 之馬之目	大	S_I	P_{II}
	則為之馬		盼		而不謂之馬		大
S_2	P_{II}			S_2	P_{II}		
(3) 之牛之毛	黃	S_2	P_I	(4) 之牛之毛	象	S_2	P_{II}
	則為之牛		黃		而不謂之牛		象
此乃一是				而一非者也			

⁴⁸ Рассматривая элемент «а», мы отмечали, что в выражении nc определенным знаком могут обладать как n , так и c . Но эта возможность не обязательно реализуется всегда. Логично полагать, что на уровне рассмотрения «фраз» она реализуется только для одного члена этого комплекса, вероятнее всего для c .

⁴⁹ Как это видно в схеме к элементу «в» при «выводе (шо)», понятия планов Π и C всегда занимают одно и то же место во фразах. Такая строгость в форме изложения, видимо, и имеется в виду во фразе: «оборачивания опасны» (§ 5, «б»).

⁵⁰ Поскольку выводные суждения типа $P(S)$ логически строго определены (что выражается в учете кванторов общности и существования, а также знаков отрицания),

ПЕРЕВОД

I	II
(1) Если [у данной] лошади глаза (s_1) косые (p_I), то считают, что [данная] лошадь (S_1) косяя (p_I). (3) Если [у данной] коровы шерсть (s_2) рыжая (p_I), то считают, что [данная] корова (S_2) рыжая (p_I).	(2) [У данной] лошади глаза (s_1) большие (p_{II}), [о ней] не сказывается: «[данная] лошадь (S_1) большая (p_{II})». (4) [У данной] коровы шерсть (s_2) густая (p_{II}), [о ней] не сказывается: «[данная] корова (S_2) густая (p_{II})».
Формула схемы: Это то, что представляет собой одно это есть (правильно),	одно не есть это (неправильно).

Данная схема состоит из четырех выводов, которые грамматически оформлены союзом **И** и эквивалентным ему в данном контексте союзом **III**. Как ни в какой другой схеме, здесь видно стремление составителя сохранить тождественность языковой формы всех фраз. Этим лишь отчетливее выделяется ее логико-семантическое значение: различие между строками здесь, очевидно, считается несущественным. Различие же между столбцами, наоборот, представляется главным, и оно зафиксировано в формуле этой схемы.

Столбцы отличаются друг от друга тем, что в столбце I выводное суждение правильно, в столбце II — неправильно. Таким образом, это своеобразная таблица истинности данного типа выводов. Суть ее кратко может быть представлена следующими формулами:

$$I \quad sp_I \rightarrow Sp_I; \quad II \quad sp_{II} \rightarrow Sp_{II},$$

где прописные буквы от строчных отличаются тем, что первые представляют некий предмет в целом, а вторые — его часть или сторону. (Лошадь — целое, глаза лошади — «часть» лошади.)

Суть вывода заключается в переходе от суждения о части к суждению о целом. Схема ясно показывает, что условием истинности здесь является характер p . При p_I выводы истинны, при p_{II} выводы ложны.

Насколько можно судить по примерам § 7, p_I — это обозначение признаков видообразующих, а p_{II} — это обозначение признаков, не дающих разделение на виды в данном контексте.

Так, виды деревьев различаются по плодам, но деревья могут различаться и по другим признакам. Поэтому и получается, что «плод персика — персик, плод колючки — не есть колючка».

Имя «старший брат» обозначает вид существ по признаку определенных родственных отношений между ними. Имя же «человек» тоже обозначает вид существ, может быть тех же самых, но по совершенно другому признаку. Вид «человек» выделяется не по признаку «дух (умершего)», но вид «старший брат» выделяется именно по признаку наличия этого «духа (умершего)». Поэтому и получается, что «дух (умершего) человека — не человек, [но] дух (умершего) старшего брата — старший брат».

из них всегда можно вывести совершенно определенные фразы типа *пс*. Такой вывод, видимо, тоже можно считать «выводом (*шо*)».

Несколько труднее понимаются другие примеры. Но их логическая суть та же. Например, выражение «спрашивать о человеке» означает определенный вид деятельности субъекта, интересующегося человеком как объектом, его состоянием. Совсем иным представляется выражение «ненавидит человека». Здесь признаком является определенное эмоциональное отношение к другому человеку.

Вследствие того что признаки, по которым выделяются виды, могут быть разными, одни и те же явления, или, вернее, формально (грамматически) совершенно одинаковые «имена», обозначающие одинаковые явления, в одних случаях представляют данный вид и включаются в него, а в других не представляют его и исключаются из него. Плод сливового дерева представляет вид «слива» и включается в него. Плод колючки не представляет вида «колючка» и не включается в него.

Действие или состояние «проживания во владении» представляет вид «заселять владение» и включается в него; но действие или состояние, аналогичное или тождественное по содержанию «проживанию во владении», а именно: «иметь одну усадьбу во владении», не представляет вида «иметь владение» и не включается в него.

Примеры пункта «г» § 7 поэтому являются примерами включения или не включения каких-либо явлений в определенный вид. В этом смысле они представляют собой иллюстрации положения «г» § 2: 以類取以類予 'При помощи представления о видах (явлений) либо включаются, либо исключаются'.

Переведем на язык общей семантической модели положения пункта «г». Имеются конкретные фразы, например, $p_I c_I$ и $p_{II} c_I$. Они рассматриваются как суждения соответственно $p_I s_I$ и $p_{II} s_I$ («имена» не меняются местами, так что p выражает p , а $c — s$). Такое рассмотрение вполне оправданно, так как здесь предполагаются действия, проводимые после описанных в элементе «в», а там уже говорилось о превращении p в p и c в s .

Выражения типа $p_I s_I$, $p_{II} s_I$ нужно понимать как суждения о частях некоего S_1 . Из этих суждений о частях можно сделать выводы о целом. Эти выводы можно представить следующим образом:

$$p_I s_I^{\#} \text{ и } p_{II} s_I \leftrightarrow p_I S_1 \text{ и } p_{II} S_1.$$

Консеквент этой формулы можно, видимо, представить и как одно сложное выражение: $(p_I \text{ и } p_{II}) S_1$. Последняя формула означает, что предикаты p_I и p_{II} относятся к одному субъекту S .

Условия правильности таких выводов представляют собой следующее. Нужно, чтобы p_I и p_{II} представляли собой видообразующие признаки. На схеме это значит, что различие между p_I и p_{II} должно соответствовать разделению единого класса Π на подклассы Π_I и Π_{II} , т. е. чтобы p_I и p_{II} были обозначениями или выражением деления класса Π по определенному признаку, а не чем-либо иным⁵¹.

Как и в вертикальных выводах, здесь, вероятно, подразумевается, что логическое отношение между p_I и p_{II} не обязательно сводится к их «сложению» в выводе. Вероятно, и здесь эти отношения могут быть как типа конъюнкции, так и типа дизъюнкции, или же

⁵¹ Здесь возможна следующая аналогия с системой уравнений. Решение системы может быть определенным лишь в том случае, когда между неизвестными есть строго установленное отношение, выражающееся в однозначном коэффициенте их пропорциональности и в постоянстве свободных членов. Данная аналогия и послужила поводом для обозначения этой связи знаком \leftrightarrow .

p_I и p_{II} могут иметь разные знаки, соответствующие разным знакам при членах одного и того же уравнения.

Результатом действий, предусмотренных в элементах «в» и «г», являются понятия p_I , p_{II} , S_1 и S_2 .

Рассмотрение текста «Сяющей» не идет дальше этого. Но можно предполагать, что возможен синтез и этих понятий: P_I и P_{II} в некое P ; S_1 и S_2 в S и, наконец, синтез P и S в единое логическое понятие о данном предмете — $(A) SP$. Все это уже наши дополнения.

Термины *бянь*, *лунь*, *шо* как обозначения особых построений текста

Приведенные разъяснения показывают, что основное содержание главы «Сяющей» можно интерпретировать указанной семантической моделью.

Но главу «Сяющей» мы рассматривали лишь с довольно узкой целью — выяснить, не связаны ли понятия *бянь*, *лунь*, *шо* с определенными структурами текста. Семантическая модель содержания «Сяющей» показывает возможность такой связи. В этой схеме выделяется часть, относящаяся к описанию индивидуальных явлений (комплекс предметов *a*, *b*, *v*, *г*), и часть, обрамляющая ее. Такое строение явно дублирует строение канона с его основанием и обрамлением. При этом комплекс, содержащий описание индивидуальных явлений, совпадает с основанием канона. Различие по содержанию комплекса *a — b — v — г* и обрамляющих его элементов семантической модели «Сяющей» также соответствует различию по содержанию основания канона и его обрамления. Поэтому мы считаем, что в рассмотренной нами части главы «Сяющей» по существу дается описание разных структур канонизируемого текста, рассматриваемых со стороны логико-гносеологического содержания.

В семантической модели «Сяющей» «разделяющее рассуждение» содержится в первых трех столбцах и строках схемы. Это соответствует строению канона с разъединяющей структурой⁵². Отсюда можно предположить, что термин «разделяющее рассуждение (*бянь*)» означает ход развития мысли в канонизируемом тексте с разъединяющей структурой.

Данное определение можно подтвердить следующим конкретным примером из «Сюнь-цзы» [4, 56]:

'a. 有聖人之辯者

a) 不先慮

b) 發之而當

г) 成文而類

e' 是聖人之辯者也

a) 不早謀

b) 居錯遷徙

г) 應變不窮

⁵² Характеристики «канон с разъединяющей (объединяющей) структурой» представляют собой распространение на форму канона определенных форм соотношения частей текста, вне зависимости от того, совпадают или не совпадают между собой части текста и части канона. Очевидно, что при таких характеристиках текста можно учитывать лишь порядок следования основания канона и его обрамлений. Если основание канона начинается текст, имеется объединяющая структура текста; если же, наоборот, текст начинается с обрамления канона, структура называется разъединяющей.

'а. Есть [следующий пример] разделяющего рассуждения совершенномудрого человека: «а) Не [следует], забегая вперед, выражать предпочтение; б) не [следует] заранее составлять планов. в) Лишь раскрыв их [явления], ставить на свои места; г) лишь завершив грамотное [представляющее определенный узор] составление текста, определять виды⁵³. д) [Нужно лишь учитывать, что] расположенное в сплетающихся [накрест рядах] перемещается, е) и в ответах на перемены не оставлять пустых мест⁵⁴. е'. Это (именно) разделяющее рассуждение (из всех действий, мыслей и т. п., характерных для) совершенномудрого человека».

Выражение «разделяющее рассуждение совершенномудрого человека» (聖人之辯) здесь относится как к содержанию, так и к форме цитируемого фрагмента: $\overline{\text{一一}}$. Таким образом, здесь разъединяющая

структура канонизируемого текста прямо названа «разделяющим рассуждением».

Суммирующий вывод (*лунь*) на семантической модели «Сяоцзой» содержится в трех последних строках и столбцах. Это соответствует объединяющему строю канонизируемых текстов. Отсюда можно предположить, что «суммирующий вывод (*лунь*)» означает ход развития мысли в канонизируемом тексте с объединяющей структурой.

Указанный вывод можно подтвердить следующим отрывком из «Сюнь-цзы» [4, 101—102]:

а. 王者之論

а) 無德不貴	б) 無功不賞	в) 朝無幸位
д) 無能不官	г) 無罪不罰	е) 民無幸生
ж) 尚賢使能	з) 析愿禁悍	и) 百姓曉然皆知
而等位不遺	而刑罰不過	夫為善於家而取賞於朝也
		為不善於幽而蒙刑於顯也

и'. 夫是之謂定論 是王者之論也

⁵³ Выражение «не [следует], забегая вперед, выражать предпочтение» мы понимаем как предостережение против «опережающего знания» (前識 или 先知). Последнее означает какие-то субъективные действия, предпринимаемые до наблюдения предмета и до выяснения его «норм (*ли*)» (см. определение «опережающего знания», данное в «Хань Фэй-цзы» и приведенное нами выше, на стр. 135). Элементы «в» и «г» данного текста свидетельствуют о явлениях, противоположных этим двум сторонам «опережающего знания». «Нормы (*ли*)» выясняются тогда, когда данное явление поставлено в определенную систему, контекст или «грамотный текст (*вэнь*)».

⁵⁴ Содержание элементов «д», «е» мы понимаем следующим образом: явления располагаются в некоторой координатной сетке («сплетающихся рядах»). Важен порядок их следования. Изменение этого порядка дает новую ситуацию — «перемену». Каждый замысел должен учитывать возможные «перемены» и соответствовать им. Число возможных перемен в каждой системе ограничено, и их можно учесть все.

ПЕРЕВОД

'а. Суммирующий вывод действительного правителя-вана [заключается в следующем]: а) Не имеющий Достижений (дэ) не ценится как знатный; б) не обладающий способностями не назначается на пост управляющего [чем-либо]; в) не имеющий заслуг не награждается; г) не совершивший преступлений не наказывается; д) при дворе [правителя] никто не получает положения по счастливому случаю; е) в народе никто не живет по счастливому случаю. ж) При возвышении совершенноспособных и поощрении способных не допускается [каких-либо] упущений в степенях и положении [их]. з) При предостережении доброжелателей и пресечении противников не допускается какое-либо превышение [норм] наказаний и осуждений. и) Все семьи совершенно ясно знают, что при свершении добрых дел у себя дома [они] получают награду от двора [правителя]; при совершении недобрых дел втайне [они] будут подвергнуты наказанию публично. и'. Об этом сказывается: «определенный суммирующий вывод (лунь)». Это — суммирующий вывод действительного правителя-вана.

Этот текст, названный «суммирующим выводом (лунь)», имеет структуру

Значение термина «вывод (шо)» в основном раскрыто в комментарии к элементам «в» §§ 2, 6, 7 «Сяоцзюй».

Как правило, эти выводы в текстах трехсоставные, т. е. содержат три высказывания, каждое из которых образует один элемент. Это объясняется не столько природой этого явления самого по себе (ибо трудно представить, что количество оснований всегда равно двум), сколько его ролью как составной части «суммирующего вывода (лунь)» в канонизированных текстах⁵⁵. При этом подведение под трехсоставную форму в некоторых случаях скрывает тот факт, что логических оснований больше чем два.

Рассмотрим еще один отрывок из «Сюнь-цзы» [4, 298]:

			Ж. 詩曰
а) 有兼聽之明	б) 有兼覆之厚		Ж) 顯顯印印
б) 而無奮矜之容	в) 而無伐德之色		З) 如珪如璋
в) 說行則天下正	г) 說不行則白道而冥窮		И) 令聞令望
	г' 是聖人之辨說也		
И) 豈弟君子	И) 四方為綱		М) 此之謂也

ПЕРЕВОД

а) Обладает ясностью [ума] все равно слышащего. б) И нет [у него] привычки возноситься над слабыми. в) [Он] обладает добротой, все равно охватывающей. г) И нет [у него] манеры выдавать [себя] за карающее и дающее Достижения (дэ). д) Если выводы [такого] приняты к действию, то Поднебесная в порядке. е) Если выводы [та-

⁵⁵ Здесь возможна аналогия с системой уравнений. Вообще говоря, уравнений с двумя неизвестными может быть сколько угодно, но решить их можно лишь при наличии двух уравнений.

кого] не приняты к действию, то [он] проповедует График (*дао*) существования всего, а [сам] в тени оставляет себя⁵⁶. е'. Это отдельные выводы (*шо*) [относительно] совершенного человека.

'ж: В «Стихах» говорится: ж) «Величья полон твой достойный вид. з) Будь духом чист, как скипетра нефрит. и) Пусть слава добрая твоя звучит. к) Ты, наш счастливый, добрый государь, л) для всей страны ты — правило и щит!»⁵⁷ м) Об этом [и] сказывается [в «Стихах»].

В этом отрывке элементы «а», «б», «в», «г», «д», «е» названы «выводами (*шо*)». В тексте явно имеются два вывода, состоящие из комплексов «а — б — д» и «в — г — е». Эти выводы аналогичны, поэтому можно ограничиться рассмотрением лишь первого из них.

Построим на основании материала элементов «а», «б», «д» «вывод (*шо*)», строго придерживаясь его формы:

- 1) Так как совершенный человек (n_1) всех понимает (c_1)
- 2) и так как совершенный человек (n_2) никем не пренебрегает (c_2),
- 3) то совершенный человек (n_3) всю Поднебесную приводит к порядку (C_3).

В этой «чистой» форме «вывода (*шо*)» нет места для фразы: «Если выводы (его) приняты к действию (или действуют)». Но эта фраза тем не менее есть в тексте и имеет существенное значение для сформулированного там заключения. Наличие ее можно объяснить тем, что в представленном в тексте выводе помимо «оснований», содержащихся в первой и второй строках, есть еще одно «основание», включенное в третью строку и не выделяемое в особый элемент.

Этот пример показывает, что между элементами текста, в котором заключен «вывод (*шо*)», и составными логическими частями вывода может и не быть полного совпадения. В рассмотренном тексте, содержащем «вывод (*шо*)», отсутствуют n_1 , n_2 , n_3 , но зато в третьем элементе наряду с заключением содержится еще одно дополнительное «основание».

Значит, можно говорить лишь о том, что ряды (в рассмотренных нами примерах — это столбцы) канонизированного текста содержат в себе «выводы (*шо*)», но отождествлять форму и логическое содержание текста нельзя.

В только что рассмотренном примере конкретный «вывод (*шо*)», содержащийся в тексте, не назван «выводом (*шо*)», а назван более определенно: «раздельным выводом (*шо*)» или «выводом (*шо*), содержащимся в разделяющем рассуждении» (辨說 *бяньшо*).

Выражение *бяньшо* в «Сюнь-цзы» имеет терминологическое значение и определяется следующим образом: «Раздельные выводы (*шо*) — это [такое] неразличение имен и реальностей, которое выясняет Графики (*дао*) как активного, так и пассивного» (辨說也者不異實名以喻動靜之道也 [4, 281]).

В этом определении указываются два момента: отсутствие различения «имен» и «реальностей» и проведение различий между активной и пассивной функциями. Рассмотрим эти моменты отдельно.

Обратившись к семантической схеме главы «Сяоцой» (см. выше, стр. 155), первый момент можно интерпретировать следующим образом. Объективные факты¹ — а, б и т. п. описываются «фразами», со-

⁵⁶ Согласно комментарию Юй Юэ, 窮 выступает в значении 躬.

⁵⁷ Перевод цитаты выполнен А. А. Штукиным [47, 369]. Этот перевод неточно отражает содержание, однако передает форму «стихов», что позволяет понять функциональную роль цитаты в тексте.

стоящими из «имен»: $n_I c_1$, $n_{II} c_1$ и т. п. Различение «имен» и «реальностей» важно тогда, когда речь идет об отдельных «именах» в плане их непосредственного отождествления с элементами объективной действительности. Когда же речь идет о «разделяющих рассуждениях» или «выводах», то здесь учитываются не отдельные «имена», а «фразы», и важно только, чтобы последние отражали какие-то реальные связи явлений (вообще говоря, функции).

Во «фразе» nc «имя» n еще не обозначает определенного элемента множества — «реальности», точно так же, как не обозначает его и «имя» c . Такой способностью обладает только сочетание nc ⁵⁸, в том случае когда оба «имени» не являются переменными. Но в таком случае «фраза» nc может быть заменена «именем» одного предмета (реальности) — «а» или каким-либо указанием на сам этот предмет «а». Так исчезает различие «имен» и «реальностей».

При отсутствии строгого различия «имен» и «реальностей», т. е. при рассуждении о неких постоянных объектах, возможно представить себе текст, в котором n или c отдельно обозначали элемент «реальности» за счет привлечения более широкого (чем данная фраза) контекста, позволяющего опустить «имя». Это обстоятельство и позволяет в «выводах (шо)», стоящих в более широком контексте, опускать какие-либо логические части. При этом все построение остается «выводом (шо)», хотя его языковая форма («имена») не во всех деталях соответствует его логической сути. Примером такого «вывода» и является рассматриваемый нами отрывок из «Сюнь-цзы». В нем «имена» n_1 , n_2 , n_3 в «выводе (шо)» опущены, так как их постоянное значение указано ниже (во фразе «е») и легко определяется по смыслу фраз, составляющих данное построение.

Определение «выясняет График (дао) как активного, так и пассивного (видов)» достаточно четко соотносится с рассматриваемым примером «раздельного вывода», в котором столбец I описывает случай активного действия совершенного мудрого человека, а столбец II — его воздействия на мир в «пассивном состоянии». Непосредственно это различие проявляется во фразах «д» и «е», но, поскольку они являются завершениями соответствующих «выводов (шо)», различие распространяется на все столбцы. Поэтому данное построение называется «раздельным» или содержащим «разделяющее рассуждение».

Начала фраз «д» и «е» содержат в себе описания как бы двух видов совершенного мудрого человека — активного (может быть, занятого на службе) и пассивного (возможно, занимающегося частными, а не государственными делами). В семантической модели главы «Сяоцуй» такое различие «совершенного мудрого человека» соответствует различию n_I и n_{II} или разделению P на P_I и P_{II} , т. е. одному из шагов «разделяющего рассуждения», включаемого в качестве одного из оснований в столбцы текста. Математическим аналогом различия n_I и n_{II} является различие в уравнении неизвестных x и y , между которыми устанавливается функциональная зависимость, выражаемая «Графиком (дао)».

Все указанное свидетельствует о том, что, хотя в некоторых текстах не обнаруживается строгого соответствия между составными частями логического вывода и формальными элементами текста, ряды канонизированного текста в определенном аспекте (у нас в аспекте вертикального строя) выражают именно «выводы (шо)». Расхождения

⁵⁸ Здесь возможна аналогия с уравнением. В уравнении $ax=c$ c — это «реальность», а x в отдельности еще не обозначают ее.

между рядами текста и строго выдержанным «выводом (шо)» объясняются тем, что последние включаются в более широкие построения.

Рассмотренный пример показывает, что конкретный «вывод (шо)» может содержать в себе шаги как «разделяющего рассуждения», так и «суммирующего вывода (лунь)». Отсюда ясно, что различие между последними нельзя абсолютизировать. Существуют отрывки, в которых совмещаются шаги и того и другого. Такое совмещение обязательно происходит в самых сложных формах (разъединяющих-соединяющих или соединяющих-разъединяющих), но, возможно, оно имеет место и в более простых. Поэтому формальный анализ структуры не может заменить логического анализа текста. Он дает лишь возможность для определения границ исторически достоверной интерпретации логического содержания того или иного отрывка. Трудность отождествления элементов текста или их комплексов с какими-либо логическими шагами усугубляется тем, что в канонизированных текстах наряду с необходимым обрамлением основания канона [т. е. полной и неполной строкой (столбцом) канона] довольно часто встречается дополнительное обрамление.

В последнем рассмотренном примере из «Сюнь-цзы» таким дополнительным обрамлением являются элементы «к» и «л», которые дополняют построение типа «суммирующего вывода (или решения) (лунь)».

Можно привести и пример дополнительного обрамления «вывода (шо)».

Так, в «Люйши чуньцю» [17, 31] имеются следующие отрывки, не сомненно иллюстрирующие «выводы (шо)»:

I		II	
何以說天道之圓也		何以說地道之方也	
П	С	П	С
1) 精氣	一上一下	1) 萬物	殊類殊形
2)	圓周複雜	2)	皆有分職
3)	無所稽留	3)	不能相為
4) 故曰天道	圓	4) 故曰地道	方

ПЕРЕВОД

I	II
<p>Каким образом делают вывод (шо) о том, что График (дао) неба — круг?</p> <p>1) Тончайшее ци (n_I) одно движется вверх, другое движется вниз (c_I); 2) кружась вокруг, возвращается и смешивается (c_2); 3) и нет места, где бы, скопившись, [оно] остановилось (С). 4) Поэтому и говорят: «График (дао) неба — круг».</p>	<p>Каким образом делают вывод (шо), что График (дао) земли — квадрат?</p> <p>1) Множество вещей (n_{II}) особых видов, особых форм (c_I); 2) все [они] имеют назначения, отделенные друг от друга (c_2); 3) и не могут друг друга превращаться (С). 4) Поэтому и говорят: «График (дао) земли — квадрат».</p>

Здесь в первых двух предложениях каждого столбца сказуемые описывают некоторые конкретные качества явлений; в третьем предложении указывается общее свойство этих конкретных качеств (переход от c_1 и c_2 к C'), так что каждый «вывод (*шо*)» сделан в пределах трех первых высказываний. Наличие четвертой строки объясняется, вероятно, прежде всего, тем, что подразумеваются еще какие-то логические операции, которые в данном тексте не зафиксированы, но вытекают из какого-то более широкого контекста. Этот более широкий контекст, видимо, можно представить и как «разделяющее рассуждение», и как «суммирующий вывод (*лунь*)». Возможно также, что мы здесь имеем дело с фрагментом «трудного» (многослойного) текста.

Здесь требуется специальный логический анализ, для которого сохранившиеся тексты не всегда дают достаточно материала⁵⁹. Однако найденная связь элементов текста с логическими шагами свидетельствует о том, что такой анализ в принципе возможен. Рассмотренные примеры показывают, что определенные структурные построения прямо называются терминами логико-гносеологической теории. Поэтому исторически обоснованным будет такой подход к источникам (по крайней мере к некоторым), при котором структурный анализ будет сливаться с логическим.

2. ТЕРМИН *и* (疑)

Вспомним, что «вывод (*шо*)» означает построение, которое можно записать следующими формулами:

$$\begin{array}{cc} n_1 c_1 & n_1 C' \\ n_1 c_2 & \text{и} \quad n_1 c_2 \\ n_1 C' & n_1 c_3 \end{array}$$

«Выводы (*шо*)» содержатся в рядах канонизированного текста и могут означать эти ряды в плане логико-семантического содержания.

Исходя из этого, можно условно внести определенность в направление рядов текста. Будем считать, что ряды, составляющие «выводы (*шо*)», всегда являются столбцами. «Вывод (*шо*)» представляет логическую связь элементов в столбцах, и ее аналогом в системе уравнений является связь членов с одними и теми же переменными.

Если наши соображения относительно связи «вывода (*шо*)» со структурой текстов и аналогия с системой уравнений верны, то для канонизируемых текстов наряду с термином «вывод (*шо*)» должен существовать другой термин или понятие, которое бы обозначало связь элементов по строкам. Таким понятием является термин *и*. Для слова *и* словари указывают значения широкого диапазона — от сомнения и неуверенности через предположение до утверждения и определенности. Все эти значения можно считать отдельными проявлениями одного общего значения в конкретных текстах. В некоторых текстах *и* выступает в качестве понятия. Такими текстами являются произведения и отрывки, содержащие логико-гносеологические положения⁶⁰.

⁵⁹ Известно, что лица, «редактировавшие» древние тексты, устраняли из них повторы. Если верна аналогия канонизированных текстов с системой уравнений, то такое «редактирование» неизбежно серьезно разрушало текст, поскольку всякое последовательное решение системы уравнений требует повтора некоторых выражений.

⁶⁰ Логико-гносеологическая проблематика древнего Китая изучена пока слабо, поэтому часто к логико-гносеологическим текстам подходят не в соответствии с их характером. Для избежания дополнительных пояснений мы будем пользоваться только отрывками из «Мо-цзы» и «Сюнь-цзы», логический характер которых очевиден для многих.

Здесь *и* является термином, обозначающим понятие о достижении определенности через выбор разных возможностей.

Рассмотрим сначала текст [19, 195, 214], который показывает правомерность сопоставления *и* с «выводом (*шо*)»:

經 止類以行人 說在同
 說 止彼以此 其然也 說是其然也
 我 以此 其不然也 疑是其然也

ПЕРЕВОД

[Канон:] «Устанавливаются вехи видов посредством распределения по скрещивающимся рядам [категорий] людей. Вывод (*шо*) в [положении о] тождестве».

[Вывод (*шо*):] «Отграничиваем другое через вот это. Оно — такое. [В таком случае] делается вывод (*шо*), что это — оно такое. [Отграничиваем] я с тобой через вот это. Оно — не такое. [В таком случае] устанавливаются условия определенности (*и*) того, что это — оно такое».

Параллелизм строк в «выводе (*шо*)» является несомненным свидетельством сопоставления в этом тексте понятий *шо* и *и*.

Поясним этот весьма лаконичный текст. Фраза канона означает следующее. «Устанавливаются вехи»⁶¹, определяющие границы категорий, называемых «видами». Эти «виды» в данном случае являются категориями людей. Судя по «выводу», это — категории, обозначенные местоимениями «другое», «вот это» и «я с тобой». Категории находятся в отношении скрещивающихся рядов⁶². Их скрещивание дает определенные пункты совпадения или отождествления. Отсюда и ссылка на «тождество»⁶³.

Для понимания «вывода (*шо*)» построим следующую схему:

Вид 彼 'другое', 'другой'	Вид 此 'вот это'	
		Вид 我 'я с тобой', 'мы с вами'

⁶¹ О «вехах» см. также ниже, стр. 205.

⁶² То, что ряды берутся разных направлений и как скрещивающиеся, является предположением. Основывается оно прежде всего на основном значении 行 'перекресток дорог'. Анализ содержания «вывода (*шо*)» подтверждает это предположение.

⁶³ Виды «тождества» (同), о которых идет речь в «Мо-цзы» [19, 212], мы понимаем как виды совпадения определенных множеств. Как это видно из дальнейшего, в данном случае речь идет о соотношении множеств, обозначенных местоимениями 此 и 我. Здесь тождество — это частичное совпадение множества 我 с множеством 彼. Наглядно такое тождество можно представить на схеме в виде частичного совпадения ~~первого~~ столбца со второй строкой. В терминах «Мо-цзы» — это «тождество видов» (類同). Математическим аналогом его является, видимо, частичное совпадение множеств, обозначенных в уравнении разными переменными *x* и *y*.

止匕

В «выводе (шо)» говорится, что категория «другое», т. е. по схеме столбец I, отделяется строгой границей при помощи противоположной ей категории «вот это». Эти категории обозначают противоположные подклассы одного и того же класса, и здесь возможны «выводы (шо)» относительно элементов данного класса. (Вспомним операции над членами уравнений, имеющих одни и те же переменные.)

Иная ситуация складывается, когда рассматривается категория 我 'я и ты (мы с тобой, мы с вами)'. Для этой категории категория «вот это» не может служить границей. На современном языке это означает, что эти категории не представляют подклассы одного и того же класса. Это — подклассы разных классов (или множеств). Для решения вопроса об элементах таких подклассов и применяется операция *и*, имеющая объектом переменные, конкретное значение которых неопределенно. В таком случае термин *и* как действие, вносящее определенность, может означать именно придание определенности этим переменным. Конкретно это, видимо, свидетельствует о том, что местоимение 我 обозначает такую группу людей, которая может по-разному делиться на подгруппы, и в каждом случае это определяется путем выбора из разных возможных вариантов разбивки.

Рассмотрим другой отрывок из «Мо-цзы» [19, 196, 217], в котором нет неопределенности в значении местоимений; он достаточно наглядно иллюстрирует необходимость применения логических понятий, которые мы лишь по иронии истории науки вынуждены называть современными:

疑說在逢循遇過					
	I	II	III	IV	V
1	疑逢為務則士	為牛廬者	夏寒	[.....]←	逢也
2	舉之則輕	廢之則重	[沛從削] 若石羽	非有力也 [非巧也]	循也
3	鬪者之敵也	以飲酒	若以日中	是不可智也	愚也
4	智與	以己	[.....]←	為然也	與愚也
	<i>xa</i> <i>nc</i>	<i>yб</i> <i>nc</i>	область определения функции	c^{64} <i>c</i>	

Текст канона крайне лаконичен. В нем только называется термин *и* и не дается никакого определения. По общему мнению исследователей, здесь содержится лишь перечисление видов *и*. Текст «вывода (шо)» обычно рассматривается как объяснение указанных в каноне четырех видов *и*, что отражено в нашей разбивке «вывода (шо)» на четыре строки. Последний столбец обычно понимается как повторение названий видов *и*. Мы не можем полностью принять это, но для

⁶⁴ Уравнение $ax \pm bx = c$ записано так, чтобы было видно соответствие между переменными (x, y) и выражениями ряда *П*.

наших целей это и несущественно: важно только, что столбец V отличается от столбца IV. Разбивка текста на четыре строки позволяет выявить определенный параллелизм этих строк. Разбивка на столбцы делает этот параллелизм наглядным. Если параллельны отрывки, входящие в столбцы III и IV, то параллельны и отрывки, предшествующие им, ибо они более (в первой и второй строках) или менее (третья строка) явственно делятся на два элемента.

Явления, которые кажутся нарушением параллелизма строк, на самом деле подтверждают его. Во второй строке столбец IV представлен двумя элементами, зато этот столбец пуст в первой строке, и общее число элементов и в этом случае равно необходимому для параллелизма строк. Столбец III во второй строке усложнен каким-то дополнительным текстом. Но, во-первых, этот текст, видимо, подлежит стиранию (削), а во-вторых, поскольку в четвертой строке отсутствует элемент столбца III⁶⁵, то этот текст может восполнять этот недостаток, и опять мы имеем основание констатировать, что в столбце III столько элементов, сколько требуется для четырех строк. Вторая же строка после удаления из нее формально лишних элементов становится подобной первой и третьей строкам.

Указанные формальные особенности текста существенны. Если мы будем придерживаться принципа тождества формы и содержания, то формальное тождество строк здесь будет для нас выражением того общего, что свойственно термину и вне зависимости от его видов и что должно отражаться в столбцах данного построения.

Рассмотрим столбец IV. Здесь грамматическая форма фраз указывает на то, что они суть сказуемые, относящиеся к каким-то подлежащим или к предметам, обозначенным этими подлежащими, т. е. можно полагать, что в каждой строке есть описания каких-то предметов *a*, *b*, *v* и *z*, к которым относится сказуемое, указанное в столбце IV. Это значит, что, по-видимому, строки построены по формуле $(a,b)C$ (читается: предметы *a*, *b* имеют сказуемое *C*). Как можно убедиться на ряде примеров канонизируемых текстов, такие сложные выражения имеют два предмета и одно сказуемое. Эти компоненты соответствуют строкам канонизированного текста, разделенным по частям канона по формуле (I, II) III. Поэтому если в данном случае столбец IV действительно соответствует *C* из формулы $(a,b)C$, то его элементу должны предшествовать элементы, содержащие описания двух предметов. В столбце III в первой и второй строках имеется описание двух предметов, но, подставив их в высказывания, составленные по формуле $(a,b)C$, получим довольно странные, если не бессмысленные высказывания типа: лето (*a*) и зима (*b*) не есть искусные (*C*); камень (*a*) и перышко (*b*) не есть имеющие (мускульную) силу (*C*).

Попробуем теперь отождествить компонент (a, b) с элементами столбцов I и II. Такое отождествление формально имеет следующие основания. Компонент (a, b) обычно соответствует двум элементам основания канона, а эти элементы как составные части основания канона чаще всего выражены в строго параллельных фразах, причем этот параллелизм наиболее простой и наглядный, часто просто грамматический. В нашем тексте пары параллельных элементов встречаются именно в столбцах I и II, что наиболее отчетливо проявляется в первых двух строках.

⁶⁵ Четвертая строка, видимо, сильно искажена, и каких-либо достоверных выводов на основании ее строения сделать нельзя. При проведении структурного анализа мы в данном случае исходим из общих черт первых трех строк.

Таким образом, на основании формальных данных можно утверждать, что элементы столбцов I, II, IV в каждой строке могут быть интерпретированы как выражения, построенные по формуле $(ab)C$. Формула $(ab)C$, как мы полагаем, является логико-семантической сутью, в частности, и выражения, соответствующего уравнению вида: $ax \pm by = c$, в котором члены с неизвестными аналогичны a и b , а свободный член аналогичен C . Поэтому после последней строки схематизированного текста мы даем интерпретацию столбцов через их аналогию с членами уравнения.

Аналогия с уравнением в данном случае нам нужна для наглядного представления того, как формула $(ab)C$ может быть понята как сложная функция, в которой аргументами являются a и b . Точно так, как в уравнении значение C находится в функциональной зависимости от x и y , значение C находится в зависимости от переменных, содержащихся в описании объектов a и b . Понимание функциональной природы всех выражений в строках позволяет понять их логическую суть. Поясним подробнее, откуда и как получается такое представление о выражениях, содержащихся в строках.

Рассмотрим вначале наиболее простую для понимания вторую строку, исключив из нее все, что является формально лишним. Перевод выражений, входящих в эту строку, будет следующим: I) «поднять его — легко»; II) «бросить его — трудно»; III) «соответствуют — камень и перышко»; IV) «не есть имеющий (мускульную) силу». Этот набор нельзя, видимо, признать выражающим какую-то определенную мысль. Он становится осмысленным сложным выражением, если мы на место местоимения «его» поставим названия предметов, указанных в столбце III, а столбцы I и II вместе будем понимать как описания, относящиеся к какому-то лицу, характеризующему и в столбце IV, т. е. применим оператор дескрипции («тот, кто...»).

Получим четыре осмысленных выражения:

- 1) «Поднимает перо с легкостью (a) и бросает камень с трудом (b) — такого можно назвать (считать и т. п.) несильным (C)».
- 2) «Поднимает камень с легкостью (a) и бросает перо с трудом (b) — такого можно назвать несильным (C)».
- 3) «Поднимает камень с легкостью (a) и бросает камень с трудом (b) — такого можно назвать несильным (C)».
- 4) «Поднимает перо с легкостью (a) и бросает перо с трудом (b) — такого можно назвать несильным (C)».

Здравый смысл подсказывает, что истинным является лишь первое выражение. Значит, данный во второй строке набор выражений образует истинное высказывание лишь при строго определенных условиях, выполненных в первом из возможных выражений. Эти условия следующие: элементы столбцов I и II понимаются как описания какого-то объекта, и к ним применяется оператор дескрипции; в эти элементы подставляются выражения, взятые из столбца III, при этом фактически истинное выражение получается лишь при строго определенной подстановке. В других строках наблюдаются такие же явления.

Первая строка. Входящие в нее выражения вместе с элементом IV, перенесенным из второй строки⁶⁶, можно перевести следующим обра-

⁶⁶ Из второй строки в первую можно перенести либо **非有力也**, либо **非巧也**. Выбор второго из них основывается на здравом смысле (говорить о наличии или отсутствии мускульной силы естественно на основании поднятия или отбрасывания чего-либо). Понимая, однако, что наш здравый смысл может оказаться ненадежным, приведем другое, более историчное обоснование данного переноса. В «Мо-цзы» есть словосочетание **巧士** [19, 373] 'искусный служилый'. Таким образом, эпитет «искусный» может относиться к «служилому», который упоминается в первой строке.

зом: I) «Занят заботами, подобающими служилому»; II) «Занят летним стойбищем коров — такой вот»; III) «Лето, зима»; IV) «Не есть искусный».

Данный комплекс примечателен тем, что здесь второй элемент подтверждает правомерность применения оператора дескрипции, поскольку последний выражен в тексте через 者 'такой вот', 'тот, который'. Этот знак делает сочетание I, II 者非巧也 формально осмысленным выражением.

Как и в ранее рассмотренном примере, здесь в элементе III имеются имена предметов, которые можно подставить в выражения I и II и в результате получить осмысленные выражения, например: «Летом занят заботами, подобающими служилому, зимой занят [заботами] летнем стойбище коров — такой вот не является искусным». Очевидно, что у древних было совершенно четкое представление о необходимом сезонном распределении «забот». При помощи этого критерия они могли безошибочно определить, какое из получающихся в результате подстановки высказываний является фактически истинным и какое — ложным. Очевидно, что истинное высказывание здесь получается лишь при строго определенной подстановке.

Третья строка существенно не отличается от предыдущих. Ее можно перевести следующим образом: I) «Тот, кто сражается, [+] уходит в укрытие»; II) «Там (или тогда) [+] пьет вино»; III) «Соответствует: учет полдня»; IV) «Это не может быть умудренный».

Как и в предшествующих случаях, выражение, имеющееся в элементе столбца III, может быть перенесено в элементы I и II (место, где оно может стоять, отмечено знаком +), после чего весь комплекс становится осмысленным и, очевидно, истинным высказыванием. Смысл этого получающегося предложения, видимо, следующий: «I) Если руководящий сражением выбирает позицию, учитывая лишь положение солнца и возможность уйти в полдень в тень, II) и если он среди дня (в полдень) пьет вино, IV) то это свидетельство того, что он не умудренный»⁶⁷.

Рассмотренный материал показывает, что компоненты строк во всех случаях имеют один и тот же логический смысл, близкий по содержанию к некоторым представлениям современной логики. В частности, наблюдаемая в примерах особенность столбца III заставляет полагать, что в этом столбце указаны предметы из области определения функции. Очевидно, что прежде чем указать эти предметы, можно определить саму область. Только после указания предметов нужно определить, какой предмет в какие выражения нужно подставить. Все эти стадии представляют собой последовательное устранение неопределенности исходных высказываний.

Наличие столбца III делает все строки данного текста отличными от обычных выражений, построенных по формуле (ab)C. Поэтому вероятно, что именно этот столбец и характеризует особенность термина *и*. Поскольку столбец III означает установление области определения функции, выделение предметов из этой области и предполагает определение того, какой предмет в какое выражение нужно подставить, постольку все эти логические операции предусматриваются в понятии *и*. Указанные операции направлены на создание истинного высказывания. Это значит, что высказывания считаются вполне определенными лишь тогда, когда в области определения выделена область

⁶⁷ И в данном комплексе есть 者, выражающее значение оператора дескрипции. Тот факт, что оно стоит не после выражения II, а как бы возглавляет выражения I и II вместе, не меняет сути дела.

истинности⁶⁸. Поэтому *и* можно охарактеризовать как определение области истинности или установление условий истинности выражения, рассматриваемого как функция возможных аргументов. В этом и заключается содержание *и* как логического термина.

Для понимания связи этого термина со структурой текстов продолжим рассмотрение отрывка в несколько ином плане. Аналогия с уравнением показывает, что возможные аргументы подставляются на место неизвестных *x* и *y*. Эти неизвестные соответствуют именам ряда *П*⁶⁹. Для определения различий *и* и «вывода (*шо*)» важно выяснить следующее. «Вывод (*шо*)» предполагает отождествление выражений ряда *П*. Каковы эти выражения в операции *и*?

Пример третьей строки показывает, что соответствующие понятия могут отождествляться, но другие примеры демонстрируют обратное, что является аналогом различия в уравнениях *x* и *y*, недопустимого для «вывода (*шо*)». Из этого мы можем сделать заключение, что отождествление *n_I* и *n_{II}* — это лишь частный случай их отношения, в принципе же они могут различаться.

Функциональную зависимость значения *C* от аргументов *a* и *b* в формуле (*аб*)*C* можно представить как вид вывода: (*аб*) → *C* (читается: если *a* и *b*, то *C*)⁷⁰. Если же знаки предметов заменить их описаниями, а *C* — символом *S*, то выводы, в которых применяется операция *и*, можно представить как проходящие по формуле *n_I C*, *n_{II} C* → *S* (читается: если *n_I C* и *n_{II} C*, то *S*). В наших примерах заданы значения *C* и *S*. Эти компоненты являются в данных построениях постоянными. *n_I* и *n_{II}*, наоборот, переменные. Именно их, собственно, и нужно определить при помощи *и*, чтобы данный вывод был достоверным или истинным. В этом принципиальная разница между операцией *и* и «выводом (*шо*)», в котором как постоянные заданы «имена» ряда *П*, а определяются «имена» ряда *C*. Это и подводит нас к выводу, что *шо* и *и* отличаются друг от друга как выражения разных направлений выводов, возможных в построениях типа системы уравнений, каковыми являются канонизированные тексты. Если «выводы (*шо*)» представляют связь по столбцам, то *и* представляет связь по строкам.

Таким образом, анализ второго отрывка приводит нас к тем же выводам, что и анализ первого отрывка из «Мо-цзы». Такое совпадение можно считать фактом, подтверждающим правильность установления терминологического значения *и* и его определенной связи со структурой текстов.

Наш анализ значения *и* исходит из предпосылки, что этот термин означает одну из операций в сфере решения проблемы тождества и различия объектов. Для нас такая предпосылка естественна, ибо вытекает из необходимости сопоставления *и* и *шо*, а последнее ввиду его связи с *бянь* и *лунь* неизбежно должно относиться к области этой проблемы. Но если поставить под сомнение нашу интерпретацию *бянь*,

⁶⁸ Рассматривая строки в приведенном тексте, мы исходим из представления о фактической истинности получающихся суждений. Этим мы, может быть, упростили проблематику текста. При четком выяснении значения строк, их различия, возможно, выяснится, что здесь имеется в виду логическая истинность. Но нельзя ожидать корректного противопоставления фактической и логической истинности, поэтому и наши суждения могут быть только уточнены, но не отвергнуты.

⁶⁹ Тот факт, что подстановке подвергаются имена ряда *П*, определено и наглядно выступает во второй строке 舉之 (*П*) 則輕 (*C*).

⁷⁰ Как и в приведенной выше формуле «вывода (*шо*)», союз «и» здесь не является логической константой. Это содержательный союз, включающий в себя возможность и конъюнкции, и дизъюнкции.

лунь и шо, а также всю семантическую интерпретацию рядов схематизированного текста, все равно понятие *и* останется непосредственно связанным с проблемой тождества и различия. Об этой связи прямо говорится в следующем отрывке из «Сюнь-цзы» [4, 276]:

а. 然則何緣而以同異曰緣天官

а) 凡同類同情者

其天官之意物也同

б) 故北方之疑似而通

в) 是所以共

其約名以相期也

ПЕРЕВОД

а. В таком случае [спрашивается], основываясь на чем происходит отождествление и различение? — основываясь на [данных] органов (познания). а) Всякий раз то, что относится к одному и тому же виду, к одному и тому же состоянию⁷¹, то как предмет(ы) и значение(я), данные естественным органам (познания), также тождественны; б) в квадрате сопоставления (параллелизма) оснований, установив в возможном подходящее, пронизывают [единством]; в) это то, с помощью чего обобщают, это связывает имена, чтобы тем самым соотнести [компоненты] четырехсоставного построения.

Этот отрывок упоминает *и* в контексте целого ряда других операций и действий, поэтому дадим его подробное объяснение по элементам текста.

а) Явления распределяются по «видам» (類) и «состояниям» (情.) Это распределение улавливается естественными органами познания — как чувственного, так и разумного. То, что относится к одному и тому же «виду», для органов познания предстает как одинаковые «предметы» (物). То, что относится к одному и тому же «состоянию», для органов познания предстает как имеющее одно определенное «значение». «Значение» и «предмет» — это единый комплекс, который можно понимать и как значащий предмет, и как означение предмета, и как определенчивание (обосбливание) значения. В этом сочетании просто указаны две стороны явлений, принадлежность их одновременно и к определенному «виду», и к определенному «состоянию». Такое представление об объектах можно изобразить в виде схемы:

$$n_I \ c_{II} \quad n_{II} \ c_{III}$$

$$n_I \ c_{2I} \quad n_{II} \ c_{2II}$$

Столбцы представляют «виды», и в каждом из них есть тождество «предметов» n_I и n_{II} . Строки представляют «состояния», в каждой из

⁷¹ Выражение 同類同情者 комментаторы и исследователи обычно понимают как «те, кто одного рода и одинаково чувствуют (переживают)». Мы не принимаем эту интерпретацию по следующим причинам. 者 необязательно указывает на субъект познания или деятеля; 情 может относиться и к объектам, означая их состояние. Данный текст рассматривает проблему тождества и различия, считая их явлениями однопорядковыми. Кроме того, если бы элемент «а» объяснял тождество через тождество воспринимающих субъектов, то различие должно было бы объясняться также через различие воспринимающих субъектов. Но ниже в тексте различие объясняется через различие объектов.

них есть «тождество значений», аналогичное тождеству, выражающемуся в равенстве: $ax = by$. Эта сторона компонентов выражена в характеристиках плана *C*. Хотя теоретическое осмысление тождественности элементов по строкам может представлять определённые трудности⁷², эту тождественность можно понимать как непосредственно данный факт, аналогичный тому, что условия задачи позволяют безошибочно сводить одни части этих условий в одно уравнение, а другие — в другое.

б) Распределение явлений согласно данным «естественных органов» по указанным категориям «видов» и «состояний» составляет «квадрат сопоставлений (параллелизма) оснований» (故比方). Этот «квадрат» соответствует основанию канонизируемых текстов⁷³.

Для понимания выражения 疑似 уместно вспомнить, что в «Мо-цзы» предметы из области определения функции назывались «соответствующими» (若). Близость значений 若 'подобие', 'соответствие' и 似 'сходство' несомненна. Оба слова употребляются вместе с термином *и*. Поэтому 似 мы понимаем как обозначение того же самого, что обозначает 若, т. е. предметов из области определения функции (отсюда и перевод его — «подходящее»). Поэтому выражение 疑似 'устанавливается в возможном подходящее' имеет значение определения предметов из области определения функции, которые «подходят» для ее истинного значения (для характеристик плана *П* подбираются такие значения, которые делают строки осмысленными и истинными, т. е. соответствующими действительному соотношению соответствующих объектов).

Аналогом указанного определения значений *П* является подбор значений для неизвестных, которые бы превращали отдельные уравнения в равенства. Но такой подбор еще не означает решения системы уравнений. Нужно, чтобы эти значения совпадали во всех уравнениях системы. Такая операция и имеется в виду, когда говорится, что нужно «пронизать (единством)» (通). На этой стадии отождествления значений рассматриваемых элементов все построение становится до конца понятным в плане выявления тождественности его компонентов.

в) Осознание тождественности компонентов построения дает возможность обобщить определенные группы компонентов и выразить их в общем «имени». Обобщаются те компоненты, которые оказываются тождественными по принадлежности к одним и тем же рядам, связаны этими рядами. Если учитывать «имена» самих компонентов, то эти «имена» представляются «связанными»⁷⁴. А если иметь в виду

⁷² Эти трудности связаны, в частности, с тем, что характеристики плана *C* нельзя отождествлять с любыми коэффициентами при неизвестных: они аналогичны коэффициентам лишь поскольку они являются признаком наличия не просто комплекса, а именно системы уравнений. В этом плане как коэффициенты, так и характеристики типа *C* обозначают, что даны принципиально разные строки. Это различие строк можно назвать различием по «нормам (ли)».

⁷³ Возможность интерпретации 故 не как союза следует из параллелизма выражений 其天官之 и 故比方之. Кроме того, отрывок имеет строение (1, 2)3, где основанию канона соответствует компонент (1, 2). В таких случаях, как правило, союз 故 не употребляется.

⁷⁴ Характеристика «имен» (т. е. слов), участвующих в данных операциях как «связанных», может быть объяснена следующим образом. Здесь «имена» нельзя понимать как действительные переменные. В уравнении *x* и *y* — это не знаки, которым можно придавать любое значение. Контекст связывает или обуславливает значение этих условных переменных. Или, наоборот, определенность их значения связывает их в контекст. «Связанные (обусловленные) имена» — это фиксированные переменные или параметры. Словосочетание 約名 указывает на контекстуальную обусловленность значения «имен». См. также стр. 190 данной работы.

Общие имена этих компонентов, то они называются «связывающими именами» (約名). «Связывающим именам» соответствуют понятия, выраженные в обрамлении основания канона. Здесь предметы рассматриваются вместе с «именами», их обозначающими. Вся система может пониматься и как система предметов, и как система «имен» одновременно.

«Связывающие имена», вследствие того что они отражают связь компонентов, дают возможность соотносить друг с другом связанные группы компонентов. Поскольку все это происходит в «квадрате», имеющем четыре элемента, обобщение здесь происходит на основе и выражает определенную соотнесенность по парам того «четырёхсоставного построения (ци)»⁷⁵, которое соответствует основанию канона и состоит из «связанных» элементов.

Содержание рассмотренного отрывка из «Сюнь-цзы», показывая широкий логико-гносеологический контекст термина *и*, утверждает нас в уверенности, что *и* представляет связь элементов по строкам канонизированных текстов. Причем связь эта устанавливается в результате глубокого осознания тождественности логических характеристик явлений посредством чувственного и разумного познания. По-видимому, с точки зрения ученых древнего Китая, познавать вообще — значит познавать структуру (текстов или явлений — безразлично) как единства тождественности и различия объектов.

3. ТЕРМИН *ци* (期)

Мы уже дважды⁷⁶ интерпретировали *ци* как четырехсоставное построение, имея в виду особое построение текста или форму систематизации описываемых текстом явлений (что для нас одно и то же). Такая интерпретация, особенно в части утверждения связи *ци* со структурой текста, может показаться странной или даже нелепой, поскольку словарные значения *ци*, по нашему мнению, не дают повода для указанного понимания. Однако неудовлетворительность их очевидна, что заставляет комментаторов во многих случаях прибегать к довольно сложным приемам объяснения этого слова. Для выяснения связи *ци* со структурой текста достаточно проанализировать следующий отрывок из «Сюнь-цзы» [4, 280—281]:

а) 實不喻然後命	б) 命不喻然後期	ж) 名聞而實喻名之用也
в) 期不喻然後說	з) 說不喻然後辨	з) 累而成文名之麗也
д) 故期命辨說也者		и) 用麗俱得謂之知名
е) 用之大文也	с) 而王業之始也	

ПЕРЕВОД

а) Реальности не выражают [сути явления] — после [этого] дают функциональные определения. б) Функциональные определения не выражают [сути] — после [этого] составляют четырехсоставное построение (*ци*). в) Четырёхсоставное построение не выражает [сути] — после [этого] составляют выводы (*шо*). г) Выводы (*шо*) не выражают [сути] — после [этого] составляют разделяющее рассуждение. д. Поэто-

⁷⁵ См. следующий раздел.

⁷⁶ См. выше, стр. 113.

му «функциональные определения», «четырёхсоставные построения», «выводы (шо)», «разделяющие рассуждения» представляют д) действующего — великое украшение, е) дела правителя-вана — начало. ж) Имена слышатся и реальность выражается — [в этом практическая] функция имен. з) [Они] собираются вместе и составляют [завершённый] текст — в этом изящество имен. и) Об одновременном постижении [указанных] функций и изящества сказывается: «знание имен».

Этот отрывок заставляет нас рассматривать *ци* в качестве понятия, имеющего отношение к структуре, так как оно стоит здесь в одном комплексе с *бянь* и *шо*.

Поскольку с точки зрения структуры переход от *шо* к *бянь* представляет собой расширение определенного построения, прибавление к

нему новых компонентов (например, переход от формы $\begin{array}{|c|} \hline \text{!} \\ \hline \end{array}$ к форме

$\begin{array}{|c|} \hline \text{!} \\ \hline \end{array}$), то мы можем считать, что в этом отрывке элементы «а», «б»,

«в», «г» описывают формы все более расширенные, т. е. с все большим количеством компонентов.

В таком случае *ци* — это то, что меньше *шо*. «Вывод (шо)», входящий в *бянь* (а именно о таком *шо* здесь, очевидно, идет речь), имеет

форму $\begin{array}{|c|} \hline \text{!} \\ \hline \end{array}$ ⁷⁷. Меньше его с точки зрения канонизируемых текстов

будет форма $\text{!}!$. Последняя, несомненно, должна совпадать с основанием канона. Так мы приходим к выводу, что *ци* обозначает основание канона.

Проверим этот вывод, рассмотрев компоненты более мелкие, нежели *ци*, т. е. *мин* (命 'функциональное определение') и *ши* (實 'реальность'). Соотношение *ши* 'реальность' и *мин* 'функциональное определение' можно интерпретировать следующим образом. Понятие *ши* обозначает какие-то объективные явления или события. Для того чтобы «уяснить» (喻) их для себя или для других, человек дает им *мин* 'функциональные определения'. Выразим это на языке семантической модели.

Предположим, что имеются некоторые «реальности» *a*, *b*, *в*, *г*. Воспринимая их по отдельности и давая каждой из них «имя», мы не можем понять и выразить связи между ними. Если же мы поняли связь, скажем, между явлениями *a* и *b*, то мы можем представить ее в виде функциональной связи: $a \rightarrow b$. Такая конкретная связь понимается как конкретное значение некоторой абстрактно понимаемой функции типа $f(x) = y$, где $x = a$, $y = b$. Для выражения функции нужны особые слова, отличные от «имен», обозначающих только «реальности», — нужны «функциональные определения» (命). Такие функциональные определения есть в каждой «фразе» и выступают прежде всего в виде сказуемых в сочетаниях *пс* (аналог — коэффициенты при переменных в уравнениях).

Таким образом, мы приходим к выводу, что указание на «реальности», дополненное «функциональным определением», соответствует

⁷⁷ Здесь, как и в предшествующих разделах, мы считаем, что «выводы (шо)» имеют вертикальное направление, т. е. составляют столбцы.

«фразе», т. е. элементу схематизируемого текста. Итак, компонент меньший *ци* соответствует элементу канонизируемого текста. Это подтверждает понимание *ци* как обозначения основания канона.

Видимо, именно ввиду деления основания канона на комплексы, состоящие не больше чем из пары элементов, «вывод (*шо*)» в «Сюнь-цзы» представляется *большим*, чем *ци*, поскольку «вывод (*шо*)» всегда включает в себя помимо элементов, входящих в основание канона, еще какие-то дополнительные элементы. Но вообще едва ли есть смысл сопоставлять *ци* и один «вывод (*шо*)». Естественно сопоставлять его по крайней мере с двумя «выводами (*шо*)», число элементов в которых безусловно больше, чем в основании канона.

Таким образом, на основании данных о составе других построений мы приходим к заключению, что *ци* — это четырехсоставное построение, состоящее из пар элементов и соответствующее основанию канона.

Такая интерпретация *ци* находит аналогию в основном словарном значении этого слова: «периоды», «времена года», «год в целом». Поскольку год считался состоящим из четырех времен года, постольку использование этого слова в качестве обозначения основания канона было довольно рациональным. Тем более что элементы, составляющие основание канона, часто представляют собой описания разных явлений или событий, следующих друг за другом⁷⁸, как и времена года, и всегда объединяются в пары. На пары разбиваются и времена года. Парные комплексы здесь связаны с представлениями о расцвете природы (весна, лето) или ее увядании (осень, зима), начале процессов (весна, осень) и их завершении (лето, зима) и т. п.

Такое объединение пар четырехсоставного построения, очевидно, можно закреплять в названиях каждой такой пары. Эти названия и будут соответствовать «связывающим именам» (約名), о которых говорилось выше. Такие «связывающие имена» будут соответствовать понятиям, выражаемым в обрамлении основания канона⁷⁹. Тесная связь *ци* со «связывающими именами» выражается в следующем определении «имен»: 名也者所以期累實也 [4, 281] 'Имена — это то, при помощи чего сводятся в четырехсоставное построение собранные (вместе) реальности'.

4. ТЕРМИН *но* (諾)

Недостаточное внимание к структуре древнекитайских произведений иногда приводит к тому, что слова, имеющие значение сравнительно строгих терминов, относящихся к структуре, понимаются как обычные обозначения для повседневных явлений. Так, в частности, произошло со словом *но*. Древний словарь «Шовэнь» объясняет его через знак 鷹 'отвечать', 'соответствовать'. В состав иероглифа, обозначающего это слово, входит элемент 若, совпадающий по форме со знаком

⁷⁸ Примером этого может служить и процитированный здесь отрывок из «Сюнь-цзы».

⁷⁹ «Связывающие имена» (約名), очевидно, являются противоположностью «дробным именам» (散名), о которых говорилось на стр. 113. В математике словом 約 обозначалось, в частности, сокращение дробей. Основой такой операции может быть нахождение общего делителя. Аналогом последнего, видимо, можно признать какое-то общее свойство, позволяющее через него обозначать данный комплекс объектов в «сокращенном» виде, так что словосочетание 約名 можно понимать и как «сокращенное имя».

若, обозначающим соответствие. Первоначальное рассмотрение некоторых текстов позволяет понимать *но* как утвердительный ответ — нечто вроде русского *ладно*, — выражение принятия мысли собеседника и готовности соответственно действовать. Так обычно этот знак и переводят, причем переводы часто получаются осмысленными. Это, видимо, и закрепило понимание *но* как обычного слова разговорного языка⁸⁰.

Однако есть тексты, где говорится о видах или составе *но*, при дается ему какое-то особо важное значение. Например, отсутствие особого вида этого «соответствия» в «Луньё» констатируется как черта, характеризующая Цзы Лу, одного из учеников Конфуция [15, 273]⁸¹. Специальные отрывки посвящены *но* в «Мо-цзы» в главах «Цзиншан» и «Цзиншан шо», которые, как правило, уделяют внимание важным гносеологическим понятиям. Но здесь текст кажется настолько трудным, что исследователи для его толкования совершенно преобразуют первоначальный его состав — заменяют иероглифы, изменяют разбивку текста и меняют местами целые фразы, подгоняя текст под свои представления⁸². На основе такого совершенно переделанного текста иногда делается попытка объяснения видов *но* как разных психологических состояний человека при высказывании согласия. Здесь полностью нарушается связь с реальным текстом⁸³, и мы имеем дело почти с чистой фантазией⁸⁴.

Между тем рассматриваемое слово — это термин, существенный для понимания как структуры текстов, так и некоторых сторон логико-гносеологического учения древнего Китая. Вскрыть это значение можно при помощи достоверного и эффективного в таких случаях метода — метода анализа структуры контекстов. Но прежде чем применять этот метод, рассмотрим свидетельство, в общем опровергающее или по крайней мере ставящее под сильное сомнение существующие мнения о значении слова *но*. Это следующее пояснение, имеющееся в «Гуань-цзы»: «*Но* [и] и⁸⁵ у совершенного человека [закljučаются в следующем:] заранее делается суммирующий вывод (*лунь*) о том, что следует как должное из нормы (*ли*) этого; [заранее] рассчитывается, возможно ли это. Если [по нормам] следует как должное, то *но*, если не следует как должное, то *и*. Если это возможно, то *но*, если невозможно, то *и*. Поэтому его [совершенного человека] *но* никогда не бывает не внушающим доверия. У мелкого же человека и при не следовании как должного тоже *но*, и при невозможности тоже *но*. Высказываясь, [он] всегда [составляет или произносит] *но*. Поэтому его

⁸⁰ Это его значение закреплено, например, в работе Ян Шу-да [103, 327—328], где *но* отнесено к наречиям, выражающим утвердительный ответ.

⁸¹ Контекст фразы таков, что он заставляет комментаторов полагать, что речь идет о каком-то способе убеждения или рассуждения.

⁸² Примером может служить работа Гао Хэна [86, 95—96, 101—102]. Гао Хэн использует замечания более ранних комментаторов относительно возможной порчи текста при переписке, принимает эти замечания и конструирует по существу совсем новый текст. Примеры этого приведены ниже.

⁸³ Еще Шуцкий отмечал, что производимые Лян Ци-чао и Масперо изменения в тексте «Мо-цзы» приводят к тому, что «подлинность текста становится по меньшей мере сомнительной» [48, 29].

⁸⁴ Наряду с указанной работой Гао Хэна этой чертой обладает и работа Тань Цзе-фу; как и Гао Хэн, Тань Цзе-фу в измененном тексте пытается найти указания на пять видов *но* [93, 116—117].

⁸⁵ Обратим внимание на частичное совпадение словосочетаний 經已 и 諾已. Уже было отмечено, что первое из них относится к структуре текста (см. выше, стр. 51). Вероятно, второе также имеет отношение к форме построения текста.

но не всегда заслуживает доверия. Поэтому-то и говорится: „Речи всегда говорящего но — не заслуживают доверия“»⁸⁶.

В данном примере, как и во многих других, но можно перевести словом «ладно». Главная же мысль отрывка заключается в том, что согласие, выражаемое этим словом, может быть разной степени осмысленности. Констатируется, что но у «совершенномудрого человека» и но у «мелкого человека» отличаются. В определенном смысле «совершенномудрый человек» — это мудрец, открывающий и формулирующий глубокие теоретические истины и этим отличающийся от «мелких людей», занятых повседневными делами. Поэтому в данном свидетельстве содержится указание на то, что понимать но только в житейском плане неверно. Нужно учитывать, что у «совершенномудрых людей» оно значит нечто гораздо более серьезное и теоретичное.

«Гуань-цзы» довольно четко определяет это более серьезное значение но в двух пунктах: ему предшествует уяснение «должного, следующего из норм (ли)» (理義) и выяснение «возможного» (可). На этих двух характеристиках но мы подробнее остановимся ниже. Здесь же отметим, что такие характеристики безусловно не относятся собственно к психологии. Как выяснение «возможного», так и любое определение, связанное с пониманием «норм (ли)», относятся к области логики.

Отрывок из «Гуань-цзы» заставляет отказаться от попыток как упрощенного понимания слова но в значении «ладно», так и от его психологической интерпретации. В то же время «Гуань-цзы» побуждает к поискам логико-гносеологического смысла но. Причем поиск этот, очевидно, должен проходить в пределах источников, отражающих воззрения «совершенномудрых людей».

Одним из таких источников является «Луньцзюй». В нем но встречается дважды. Приведем оба отрывка:

Отрывок 1 [15, 142]

冉有曰夫子為衛君乎 子貢曰諾吾將問之

入曰 伯夷 (a)	叔齊 (b)	何人也 曰古之賢人也 (C ₁)
曰 (b) (c)	怨乎 曰求仁而得仁又何怨 (C ₂)

出曰夫子不為也

Отрывок 2 [15, 365—366]⁸⁷

陽貨欲見孔子 孔子不見 歸孔子豚 孔子時其亡也而往拜之 遇諾塗謂孔子曰來予與爾言

曰懷其寶 (a)	而迷其邦 (b)	可謂仁乎曰不可 (C ₁)
好從事 (b)	而亟失時 (c)	可謂知乎曰不可 (C ₂)

日月逝矣 歲不我與 孔子曰諾吾將仕矣

⁸⁶ 聖人之諾已也。先論其理義。計其可否。義則諾不義則已。可則諾不可則已。故其諾未嘗不信也。小人不義亦諾。不可亦諾。言而必諾。故其諾未必信也。故曰必諾之言不足信也 [10, 329].

⁸⁷ Во всех приводимых в данном разделе примерах схематизируемый текст расположен по простой форме последовательности элементов.

ПЕРЕВОД

Отрывок 1

Жань Ю спросил: «Не считает ли учитель, что [наследники умершего правителя владения] Вэй [настоящие] государи?» — Цзы Гун ответил: «*но* (諾), я спрошу об этом (или: его, т. е. учителя)».

Выйдя [к учителю, он] спросил: «(а) Бо И и (б) Шу Ци что за люди?» — [Учитель] ответил: «(С₁) Древние совершенноспособные [и потому достойные] люди».

[Цзы Гун] спросил [еще]: «[Они] проявляли недовольство?» — [Учитель] ответил: «(С₂) Они стремились к человечности и достигли ее. Какое же тут недовольство!»

Выйдя [от учителя, Цзы Гун] сказал: «Учитель не считает [их таковыми]»⁸⁸.

Отрывок 2

Ян Хо хотел встретиться с Кун-цзы. Кун-цзы не шел на встречу [с ним]. [Тогда Ян Хо] послал [в подарок] Кун-цзы поросенка. Кун-цзы же, [вынужденный нанести визит благодарности], выждал момент, когда его не было дома, и направился, чтобы отблагодарить за это. [Они] встретились на дороге. [Ян Хо] говорит Кун-цзы: «Пришел! Я тебе скажу вот что:

(а) Прячет от людей свои таланты (б) и вводит в заблуждение царство, в котором живет, можно ли [такого] назвать человечным?» Кун-цзы сказал: «(С₁) Нельзя».

(в) Аккуратно выполняет [свои] обязанности (г) и постоянно упускает [благоприятные] случаи, можно ли [такого] назвать мудрым?» Кун-цзы сказал: «(С₂) Нельзя».

Время уходит, лет жизни нам не прибавляется.

...Кун-цзы сказал: «*Но* (諾), я поступлю на службу».

В этих примерах нигде прямо не сформулирован совет, с которым бы слово *но* выражало согласие. Из второго отрывка ясно, что этот совет может присутствовать в скрытой форме и, говоря *но*, произнесший его в значении «ладно» должен уловить этот совет, вскрыв его в высказывании собеседника⁸⁹. Так что уже отсюда можно сделать уточнение к пониманию *но* как выражению согласия с собеседником — это согласие высказывается тогда, когда выражающий его уловил скрытую мысль собеседника. Отсюда следует, что для понимания *но* нужно обратить внимание на высказывание собеседника, которое вызывает *но*, и привлечь методы структурного анализа.

⁸⁸ В переводе на современный китайский язык Ян Бо-цзюнь переводит *но* словом «ладно» [102, 75]. Но при таком понимании *но* возникают следующие трудности. Согласившись с Жань Ю, что существует сформулированный им вопрос относительно наследников, и выразив это согласие словом «ладно» (*но*), Цзы Гун, казалось бы, должен был именно этот вопрос задавать учителю. Но с учителем он заговорил совсем на другую тему, из которой он уже сам вывел ответ на вопрос Жань Ю. Эта трудность снимается, если под *но* понимать определенное логическое построение, годное для выводов и относительно интересующего Жань Ю и Цзы Гуна вопроса. Фраза «спрошу об этом», вероятнее всего, значит, что Цзы Гун собрался узнать у учителя *но*. В этом плане *но* можно понимать как «соответствие», «соответствующий, аналогичный случай». Внутри такого «соответствующего случая», как это будет видно при дальнейшем анализе, проследиваются другие (более дробные) «соответствия».

⁸⁹ Ян Бо-цзюнь и в данном случае переводит *но* словом «ладно» [102, 187]. В первом примере, как уже отмечалось, *но* совсем не значит «ладно». Во втором примере Кун-цзы, говоря *но*, соглашался, скорее всего, не с советом собеседника, а с какими-то своими соображениями, навеянными высказыванием собеседника.

Кроме совпадения слова *но*, в обоих отрывках есть части текста структурно тождественные. Они нами для наглядности выделены. Формальное тождество обоих отрывков заключается в том, что в них есть эти определенные структуры и слово *но*, стоящее вне этих структур. Тот факт, что повторение *но* сопровождается повторением определенной структуры, наводит на мысль о связи *но* с этой структурой. Дальнейший анализ подтверждает эту связь.

Обратимся к семантической стороне выделенных частей. Для анализа используем понятия, аналогичные использованным при интерпретации содержания главы «Сяоцой»: *а, б, в, г* — это знаки некоторых определенных предметов. C_1, C_2 — это выражения, которые могут быть высказаны как сказуемые о некоторых предметах группы *а, б, в, г*. (Вероятно, это «функциональные определения».) Структурное единство выделенных частей заключается в том, что в каждом отрывке дважды повторяется одна и та же форма: о двух предметах высказывается одно сказуемое (C_1 или C_2).

Судя по второму отрывку, аспектом данной структуры является ответ на вопрос, могут ли предметы *а, б* (или *в, г*) «быть названы», т. е. иметь данное сказуемое. В этом аспекте второй отрывок можно рассматривать как иллюстрацию к выяснению «возможного» (可), о чем в «Гуань-цзы» говорится как о предпосылке высказывания *но*. Первый отрывок в этом аспекте существенно не отличается от второго, хотя в нем нет слов «можно» и «нельзя» (不可). Из содержания ясно, что и тут речь идет о том, можно ли предметы *а, б* (или *в, г*) назвать C_1 (или C_2).

Проведенное сопоставление материалов «Луньюя» и «Гуань-цзы» показывает, что *но* предполагает определенную структуру текста, одним из аспектов которой является выяснение возможности характеристики двух предметов каким-либо сказуемым. По форме такое построение напоминает уравнение, в котором два члена приравниваются к третьему (свободному) члену. Если слово *но* значит «соответствие», то в данном аспекте это соответствие означает равенство двух членов третьему. Поскольку структуры «Луньюя» соответствуют не одному, а двум уравнениям, то *но*, очевидно, означает указанное равенство в построениях типа системы уравнений.

Аналогия с системой уравнений позволяет выяснить и другой аспект *но*, который в «Гуань-цзы» связывается с определением «должного, вытекающего из норм» (理義). Два уравнения с двумя неизвестными образуют систему лишь в том случае, когда они имеют общее решение. В этом смысле между уравнениями в системе должно быть тождество. Если понимать каждое уравнение в системе как описание особого вида сочетания явлений, обозначенных членами уравнения, то это тождество представляется как нечто общее для этих видов. Каждое уравнение описывает одну сторону или одно особое состояние этого общего.

Такое разделение чего-то единого на стороны или состояния, по древнекитайской терминологии, по-видимому, означает применение «нормы (*ли*)». «Норма (*ли*)» здесь — это то, что разделяет два уравнения в единой системе из двух уравнений с двумя неизвестными.

Если структуры, представленные в двух примерах из «Луньюя», рассматривать как подобия двух уравнений с двумя неизвестными⁹⁰, то «норма (*ли*)» — это то, что различает строки этих построений, каж-

⁹⁰ В пользу такой аналогии говорит и наличие вопроса, относящегося к предметам *а, б, в, г*. Это значит, что *а, б, в, г* рассматриваются здесь как неизвестные.

дая строка имеет свою «норму (ли)», обозначающую некоторое функциональное отношение. Любой объект, будучи членом данного отношения, «должен» соответственно действовать.

Существуют и определенные отношения между строками.

При осознании «нормы (ли)» определение типа C_1 по мере необходимости вызывает какое-то другое определение типа C_2 , так как C_1 и C_2 — это две стороны одного и того же явления C ⁹¹.

В применении к первому отрывку из «Луньюя» это значит, что если названные в «Луньюе» лица характеризуются как «совершенно-способные», то отсюда неизбежно следует, что они «человечные» (仁 *жэнь*), ибо эти две характеристики также связаны необходимым (義 'должный') образом.

Точно так же во втором отрывке из «Луньюя» необходимым образом связаны характеристики «человечный» (*жэнь*) и «мудрый» (*чжи*). Исходя из этого, можно утверждать, что в отмеченных структурах отрывков из «Луньюя» есть определенное соответствие между элементами, входящими как в строки, так и в столбцы. И если *но* значит соответствие вообще, то это есть соответствие элементов своим рядам (т. е. в семантическом плане, функциональным связям, представленным в этих рядах)⁹².

Следовательно, *но* как согласие («ладно») у мудреца предполагает анализ высказывания собеседника. Этот анализ относится к структурно совершенно определенному тексту в три столбца и две строки. Анализируется текст в двух аспектах — в горизонтальном и вертикальном. В обоих аспектах выявляются определенные «соответствия». К такому выводу мы приходим, учитывая строение текстов, которые относятся с *но*. Этим, однако, едва ли можно закончить исследование данного вопроса, ибо неизвестно, не означает ли *но* определенные логические операции с текстом указанной структуры. Поэтому рассмотрим еще один пример использования в диалоге *но*, сопровождающего формально ясную структуру.

Отрывок из «Мэн-Цзы» [22, 100]

公曰將見孟子

曰何哉君所為輕身 (a)	以先於匹夫者 (b)	以為賢乎 (C ₁)
禮義由賢者出 (b)	而孟子之後喪踰前喪 (c)	君無見焉 (C ₂)

公曰諾

ПЕРЕВОД

[Пин] гун [из владения Лу] сказал: «Я намерен повидаться с Мэн-цзы». [Один из его любимцев, Цзан Цан], сказал:

«(a) Вы государь, [побуждены] проявлять [такое] пренебрежение к себе, (б) и из-за этого забегать вперед простолюдина [т. е. первым искать встречи с ним], (C₁) поскольку считаете [его] совершенно-способным.

(в) Нормы поведения и долга исходят от совершенноспособного, (г) а Мэн-цзы при последнем трауре [по матери] превзошел [роскошью] первый траур [по отцу], (C₂) вы, государь, не видите этого».

⁹¹ В «Гуань-цзы» говорится, что заранее делается суммирующий вывод. Это, вероятно, значит, что производится как бы сложение c_1 и c_2 в некое C .

⁹² Мы рассматривали только строки и третьи столбцы. Но соответствие есть и в других столбцах. В первом примере оно выражается в совпадении «а» с «в», «б» с «г». Есть соответствие содержания и в первых столбцах второго примера.

Гун сказал: «Но»⁹³.

Из продолжения отрывка ясно, что гун не посетил Мэн-цзы. Отсюда создается впечатление, что словом *но* он просто выразил согласие с советом, содержащимся в словах Цзан Цана⁹⁴, и поступил соответствующим образом. Но в дальнейшем тексте есть рассуждение, которое выявляет более сложный характер и этого *но*. В нем по существу становится вопрос о том, что же все-таки привело к отсутствию встречи гуна и Мэн-цзы. Ответ заключается в утверждении, что сыграло роль «небо», а не личность Цзан Цана.

Если под «небом» здесь понимать явление, стоящее выше субъективных человеческих сил, то получается, что к соответствующему поступку гуна побудила либо случайность, либо некая объективная связь явлений, нашедшая отражение в словах Цзан Цана. Последнее более вероятно. Как раз логика этой связи и придала высказыванию Цзан Цана особую силу убеждения.

В таком случае гун, сказав *но*, выразил тем самым не просто свое согласие с мыслью собеседника, а отметил ее убедительность. Такая интерпретация *но* находится в соответствии с положением «Гуань-цзы» относительно того, что в случаях правильного использования *но* всегда имеет место факт внушения доверия. Значит, возможно, словом *но* гун охарактеризовал высказывание Цзан Цана.

В этом высказывании можно обнаружить структурное совпадение с текстами из «Луньюя», уже рассмотренными выше. Хотя семантический аспект выделенной в процитированном отрывке части не столь ясен, как в отрывках из «Луньюя», он может быть интерпретирован аналогичным образом. В этой части утверждается, что «а» и «б» есть S_1 и что «в» и «г» есть S_2 . Эта связь находит свое выражение в грамматической форме отрывков, составляющих строки.

Труднее улавливается единство элементов, составляющих столбцы. Его можно обнаружить при следующей интерпретации содержания. Единой темой столбца I является личная жизнь. Эта тема характеризуется в двух ситуациях или состояниях: личная жизнь у мудреца такова, что она заставляет других пренебрегать собой (элемент «а»), и она такова, что порождает нормы поведения и долга (элемент «в»).

В столбце II темой является уже социальное бытие, положение человека в общественной иерархии. Об этом свидетельствует употребление термина «простолюдин» (匹夫), который в «Мэн-цзы» антонимичен понятию лица, стоящего наверху социальной иерархии. О социальной иерархии говорит и элемент «г», так как различие в трауре родителей в понимании гуна — это проявление различия по положе-

⁹³ В коллективном переводе «Мэн-цзы» на современный китайский язык, составленном группой ученых Ланьчжоуского университета, *но* интерпретируется как вспомогательное слово, выражающее утвердительный ответ и переводится: «ладно» [92, 53]. В этой работе фраза 君無見焉 переводится: «Вы не посещайте его». Но «ладно» звучит в этом переводе как ответ на этот совет. Наш перевод рассматриваемой фразы основывается, в частности, на том, что наличие 之 в предшествующей фразе 孟子之 свидетельствует, что она представляет собой подчиненное предложение, главным же предложением является 君無見焉. Такая интерпретация второй строки находится в соответствии с параллелизмом двух строк этого текста. 見 может значить не только «видеться (встречаться)», но и «видеть (знать)».

⁹⁴ Понимание фразы 君無見焉 как «государь, Вы не посещайте его» создает видимость наличия такого прямого совета. При предложенном нами понимании этой фразы прямого совета в словах Цзан Цана нет. Но его можно вскрыть путем анализа всего высказывания, что, видимо, и сделал Пин гун.

нию в обществе⁹⁵. Указанная единая тема в элементах столбца раскрывается в двух ситуациях: социальная иерархия забывается в отношении между мудрецом и господином (элемент «б»); социальную иерархию нарушил Мэн-цзы различием траура по родителям (элемент «г»).

В столбце III соотношение элементов можно представить следующим образом. Относиться к кому-либо (или считать кого-либо) как к «совершенноспособному» (элемент C_1) и видеть (или знать) все его поступки как поступки «совершенно способного» (элемент C_2 с противоположным знаком) — это две стороны одного и того же явления, необходимо связанные друг с другом.

Таким образом, и в данном случае употребление *но* неразрывно связано со структурно упорядоченным текстом, формально тождественным другим отрывкам, сопровождающим *но*. Этот упорядоченный текст содержит в себе элементы, строго соответствующие друг другу по рядам. Такое соответствие придает тексту особую убедительность, приводящую к определенным и строго обоснованным этим текстом выводам, которые могут выливаться в поступки.

Можно, в частности, восстановить ход рассуждения, приведший Пин гуна к отказу посетить Мэн-цзы. Он выглядит приблизительно так: «Я собирался, не считаясь с личным удобством и пренебрегая социальной иерархией, первым посетить Мэн-цзы, так как считал его совершенноспособным. Но совершенномудрый человек, не считаясь с личными удобствами, своими поступками дает нормы поведения и долга, а Мэн-цзы нарушил социальную иерархию в своем трауре по родителям — этого я не знал. Значит, мне не следует посещать его». Такого рода рассуждению нельзя отказать в логичности. Основывается же оно на строгом упорядочении соответствующего текста и своеобразном логическом исчислении соотношений элементов этого текста, которые мыслятся как логические элементы.

Обратившись к ранее рассмотренным примерам из «Луньюя», мы также обнаружим в них логические исчисления. В первом примере эти исчисления заключаются, вероятно, в следующем. Вместо данных «а», «б», «в», «г» подставляются другие предметы (т. е. вместо Бо И и Шу Ци рассматриваются наследники царства Вэй)⁹⁶. Такая подстановка в силу свойств этих новых предметов дает C_1 и C_2 , противоположные исходным (не- C_1 и не- C_2). И так как заранее известно, что дает итог C_1 и C_2 [мы бы обозначили его как C , а конкретно имели в виду термин «настоящий государь» (君 *цзюнь*), о котором и идет речь в этом отрывке], то делается вывод, что эти новые предметы не обладают этим качеством (они не- C или каждый из них не- C).

Во втором примере из «Луньюя» логические операции представляются следующими. Комплекс действий «а», «б», «в», «г» дает характеристики не- C_1 и не- C_2 , а нужно, чтобы была характеристика C (которая есть итог каких-то C_1 и C_2). Значит, нужно сменить эти действия «а», «б», «в», «г» на такие, которые характеризуются (имеют сказуемое) C .

⁹⁵ В продолжение цитированного отрывка задается вопрос, смысл которого в следующем: не понимает ли гун фразу «г» как описание соотношения разных, твердо установленных для каждой из социальных групп ритуалов траура? Значит, задавший этот вопрос подразумевал, что именно такое содержание прежде всего можно обнаружить в этой фразе. Далее, однако, поясняется, что в элементе «г» на самом деле констатируется различие по богатству.

⁹⁶ Наследники царства Вэй находились в отношении отец — сын. Бо И и Шу Ци находились в отношении старший брат — младший брат. Эти отношения тождественны как конкретные выражения отношения старшие — младшие, что и объясняет возможность указанной подстановки. Само собой разумеется, что любых лиц можно рассматривать в плане их способностей и «человечности».

Такую перемену и имел в виду Конфуций, сказав, что он намерен по-ступить на государственную службу.

Приведенные соображения показывают, что *но* не обозначает какой-то один способ рассуждения или одну форму вывода. И все-таки оно значит довольно определенное логическое явление, аналогом которого является система равенств, в отношении членов которой происходят вычисления. Различие в вычислениях зависит от того, какие члены даны и что требуется определить.

В этом плане *но* значит нечто подобное выражению: «дано это (имеется в виду определенное структурное построение), из чего соответственно следует (определяется, подсчитывается, делается вывод и т. п.)». Искать здесь какой-либо эквивалент в разговорном языке довольно рискованно, и нужно понимать это слово лишь как термин данной логической теории.

Все приведенные отрывки свидетельствуют о том, что применение термина *но* в прямой речи связано с распределением какого-либо конкретного материала мысли, данного собеседником, на две строки (столбца) и три столбца (строки). Это распределение выражено в формальных особенностях текста с разной степенью ясности, но при учете и содержательной стороны оно выявляется довольно определенно⁹⁷. Все это, безусловно, означает какое-то осмысление самостоятельности логической формы. Поэтому мы полагаем, что *но* относится именно к указанному структурному построению. Более того, оно обозначает и в определенной мере характеризует прежде всего это построение как некую логическую форму, а не относится непосредственно к содержанию, заключенному в этой структуре.

Для подтверждения этого вывода, а также для расширения наших представлений о *но* рассмотрим еще один пример его использования, теперь уже явно не в прямой речи.

§ 63 «Даодэ-цзина» может быть схематизирован в следующем виде:

а) 為無為

б) 事無事

в) 味無味

г) 大小

д) 多少

е) 報怨以德

<p>ж) 尚難於易 (а)</p> <p>為大於細 (б)</p>	<p>з) 天下難事必作於易 (в)</p> <p>天下大事必作於細 (д)</p>	<p>и) 是以聖人終不為大 故能成其大 (с₁) 夫輕諾必寡信 (с₂) 多易必多難 是以聖人猶難之 故終無難 (с₃)</p>
------------------------------------	--	--

ПЕРЕВОД

а) Проявляет(ся) непроявляемое. б) Творит(ся) несотворимое.
в) Вкушает(ся) безвкусное. г) Увеличивается малое. д) Множится малочисленное. е) Воздаст(ся) за недовольство Достижением (дэ).

⁹⁷ Так, в одном из отрывков из «Люйши чуньцю», имеющем *но*, на первое место приходится ставить не формальную, а содержательную сторону. Это выявляет уже указанную форму: там происходит сопоставление упомянутых в тексте двух качеств и трех конкретных действий одного лица [17, 89—90].

ж) (а) Предвидится трудное в легком. (б) Проявляется великое в мелком. з) (в) В Поднебесной трудные дела всегда создаются из легких. (г) В Поднебесной великие дела всегда создаются из мелких. и) (С₁). На этом основании совершенномудрый человек никогда не проявляет величия, поэтому и способен совершать свое великое.

(х) Облегчение *но* неизбежно вызывает уменьшение доверия⁹⁸. Множество легкого всегда сопровождается множеством трудного.

(С₂) На этом основании совершенномудрый как будто затрудняет, поэтому никогда не имеет трудностей.

С формальной стороны отрывок выглядит странно — частей канона при указанной схематизации не обнаруживается. Значит, здесь мы либо имеем не канонизируемый текст, либо какие-то обстоятельства скрывают форму канона. Мы склоняемся ко второму объяснению и рассматриваем текст как сокращенный вариант первоначально существовавшего «трудного» канона, или, что формально то же самое, как «трудный» канон, путем пропуска некоторых частей сведенный к подобию «легкого», в котором каждая строка является остатком одного первоначального «легкого» канона.

Судя по форме первой строки (элементы «а», «б», «в»), она была полной частью канона, вероятнее всего (учитывая ее положение), полной строкой, начинающей первый «легкий» канон. Судя по содержанию ее элементов и некоторым внешним свидетельствам⁹⁹, она имеет структуру (I,II)III, которая согласуется со структурой двух последующих строк анализируемого текста¹⁰⁰. Поэтому данное строение можно считать отражающим строение не только первого, но и последующих «легких» канонов.

Поскольку третья, завершающая, строка¹⁰¹ может представлять собой часть текста, включающую основание канона и его неполную часть¹⁰², можно сделать обоснованное предположение, что все «легкие»

каноны имели структуру .

Вторую строку (элементы «г», «д», «е») нельзя отнести ни к какому слою «трудного» канона на основании каких-либо формальных признаков или внешних свидетельств. Но, судя по тому, что эта строка описывает довольно общие категории¹⁰³: величина (великое —

⁹⁸ Жэнь Цзи-юй эту фразу переводит следующим образом: «Если с легкостью соглашаться с требованиями других...» [90, 48]. Такой перевод, основывающийся на известном словарном значении *но*, здесь неприемлем, поскольку неясно, почему в данном контексте возникает вопрос о согласии с требованием других и доверии.

⁹⁹ Есть цитаты, в которых приводятся только элементы «а—б».

¹⁰⁰ Отметим также совпадение темы 事 в элементах «б» и «з», темы 爲 в элементах «а» и «ж», что послужило одним из оснований для нашей схематизации.

¹⁰¹ Это обстоятельство существенно. Для текста, где элементы третьей строки не завершают текста, наше предположение будет необоснованным.

¹⁰² Это ясно из схемы.

¹⁰³ На основании «Хань Фэй-цзы» можно предположить существование текста, в котором элементы имели расположение:

«г»	«д»
«(в)»	«(г)»
«(а)»	«(б)»

т. е. элементы «ж» и «з» и их части были переставлены местами. Это подтверждает нашу схематизацию текста в плане разбивки ее на части канона. Но главное в том, что в «Хань Фэй-цзы» текст, который соответствует элементам «г», «д», составлен в таких выражениях, которые подчеркивают категориальное значение этих элементов [2, 117].

малое), количество (много — мало), «Достижение» (дэ)¹⁰⁴, она, скорее всего, не включает в себя элементы основания канона, а является обрамлением его — полной строкой канона. Но для первого «легкого» канона уже есть первая строка в виде элементов «а — б — в». Значит, элементы второй строки составляют полную строку либо второго, либо третьего «легкого» канона.

Отнесение элементов «г — д — е» к третьему «легкому» канону представляется маловероятным по следующим соображениям. Если вторая строка данного текста относится к третьему «легкому» канону, ее элементы должны быть связаны с элементами третьей строки (элементы «ж — з — и»). Хотя такое понимание текста, видимо, возможно, оно все же маловероятно. Непосредственная связь наблюдается, вероятнее, между первой и третьей строками (явное совпадение тем), чем между второй и третьей. Положение первой строки и соображения относительно значения второй не позволяют, однако, ставить в непосредственную связь первую и третью строки.

Поэтому мы приходим как к наиболее вероятному предположению, что элементы «г — д — е» составляли полную строку второго «легкого» канона. Третья строка (элементы «ж — з — и») ввиду явного разделения на подстроки, ввиду формы получившихся в результате разделения элементов «ж», «з», «и» новых элементов — «(а)», «(б)», «(в)», «(г)», «(С₁)», «(С₂)», и своего положения, скорее всего, является основанием и неполной частью третьего «легкого» канона. Таким образом, в данном тексте первая строка (элементы «а — б — в») — это полная строка первого «легкого» канона. Две другие строки этого «легкого» канона отсутствуют. Вторая строка (элементы «г», «д», «е») — это полная строка второго «легкого» канона. Две другие строки его также отсутствуют. Третья строка — это две последние строки третьего «легкого» канона. В этом «легком» каноне отсутствует полная строка.

И в данном случае наблюдается определенная последовательность и систематичность сокращения «трудного» канона: части канона, которые сохранились от двух первых «легких» канонов, опущены в третьем; части канона, которые не сохранились от первых двух «легких» канонов, есть в третьем «легком» каноне. Нельзя не заметить, что это сокращение не бессмысленно и не случайно, так как оставляет возможность понять текст со всеми тонкостями, связанными с его «трудностью», для чего нужно лишь знать соотношение «легких» канонов, т. е. глубинное строение текста. Указанный выше способ сокращения «трудного» канона довольно определенно выявляет противопоставление двух первых «легких» канонов третьему. Отсюда следует, что глубинное строение является следующим: (первый и второй каноны) третий канон. Отсюда следует, что первая строка (полная часть) третьего «легкого» канона должна представлять собой некий итог первых строк двух первых канонов.

Но отсюда, в свою очередь, следует, что если мы не имеем текста полной строки третьего «легкого» канона, то ее могут заменить две полные строки предшествующих «легких» канонов, взятые вместе¹⁰⁵.

Таким образом, мы приходим к выводу, что данный текст можно

¹⁰⁴ Предложенный перевод выражений 大小 'увеличивается малое', 多少 'множится малочисленное' совсем не является обязательным. Он исходит из понимания текста как «легкого» и не отражает возможной интерпретации его как «трудного».

¹⁰⁵ Этим объясняется и связь элементов цепи «а — ж», «б — з», которую в таком случае можно понимать как непосредственную.

понимать как «легкий» канон структуры $\begin{matrix} \text{!} \\ \text{!} \\ \text{!} \end{matrix}$, в котором произошло

следующее объединение и разъединение элементов:

$$\begin{array}{lll} \left. \begin{array}{l} \langle a \rangle \\ \langle r \rangle \end{array} \right\} - \langle A \rangle & \left. \begin{array}{l} \langle b \rangle \\ \langle d \rangle \end{array} \right\} - \langle B \rangle & \left. \begin{array}{l} \langle v \rangle \\ \langle e \rangle \end{array} \right\} - \langle B \rangle \\ \langle Ж \rangle - \left\{ \begin{array}{l} \langle (a) \rangle \\ \langle (b) \rangle \end{array} \right\} & \langle З \rangle - \left\{ \begin{array}{l} \langle (v) \rangle \\ \langle (r) \rangle \end{array} \right\} & \langle И \rangle - \left\{ \begin{array}{l} \langle (C_1) \rangle \\ \langle (C_2) \rangle \end{array} \right\}^{106} \end{array}$$

Приведенное толкование данного отрывка показывает, что он построен с соблюдением обычных норм канонизированных текстов, так что здесь контекстом для *но* уже выступает канон или его части.

Как и в рассмотренных выше случаях, в этом тексте *но* сопровождается структурное построение, состоящее из шести элементов, составляющих две строки и три столбца. Но здесь может создаться впечатление, что *но* включено в указанную шестичленную структуру и потому не может быть истолковано, как это было сделано раньше, в смысле выражения, содержащего внешнюю интерпретацию этой структуры.

Внимательное отношение к тексту показывает несостоятельность такого впечатления. Элемент «и» распадается на элементы «С₁» и «С₂» по признаку повторения формы 是以...故. Если проследить параллелизм, обусловленный повторением этой формы, то окажется, что отрывок, содержащий *но* [он обозначен у нас буквой «(х)» и выделен в переводе разрядкой], стоит вне этого параллелизма, а значит, и вне элементов «С₁» и «С₂». Следовательно, этот отрывок, скорее всего, является внешним замечанием, относящимся к шестичленному построению. Рассмотрим возможность такого понимания *но* в этом тексте. Попробуем выяснить, какая особенность в данном шестичленном построении может вызвать «уменьшение доверия».

Подстрока 1 [элементы «(а — в — С₁)»]. Здесь элементы «(а)», «(в)» посвящены теме трудное — легкое. И неожиданно элемент «(С₁)» посвящен теме большое — малое. Соответствие тем здесь кажется нарушенным.

Подстрока 2 [элементы «(б — г — С₂)»]. Здесь элементы «(б)», «(г)» посвящены теме мелкое — большое, а элемент «(С₂)» — теме трудное — легкое. Опять, кажется, произошло нарушение соответствия тем. Конечно, если допущено такое несоответствие, то достоверность выводов сомнительна. Поэтому фразу, содержащую *но* — 夫輕諾必寡信, можно понимать как констатацию именно этого факта. Хотя такая интерпретация фразы с *но* является возможной, она, видимо, неполная, ибо указанный факт можно было бы, скорее, назвать нарушением соответствия (нарушением *но*), но не его «облегчением».

Обратим внимание, что для восстановления, казалось бы, нужного соответствия в подстроках 1 и 2 достаточно было довольно простой операции — поменять местами «С₁» и «С₂». Но составители текста почему-то не сделали этого, как будто сознательно оставляя возможность «уменьшения доверия» к тексту. Объясняется это тем, что предполагается более глубокое понимание отрывка, связанное с выявлением его глубинного строения. При таком подходе ясно, что комплекс «С₁ — С₂»

¹⁰⁶ Обозначение элементов при помощи «(а)», «(б)», «(в)», «(г)», «(С₁)», «(С₂)» здесь используется для подчеркивания тождественности данного построения с другими, связанными с понятием *но* и рассмотренными выше.

представляет собой выводы не только из непосредственно предшествующего текста, но и из текста соответствующих частей «трудного» канона. Возможно, что именно строение «трудного» канона по мере необходимости вызывает имеющуюся здесь последовательность « $C_1 — C_2$ », а не кажущуюся более правильной последовательность « $C_2 — C_1$ ». В таком случае факт «уменьшения доверия» объясняется не тем, что в тексте произошло нарушение соответствия, а тем, что текст и его соответствия (*но*) понимаются упрощенно, лишь в плане строения одного «легкого» канона. Такое упрощенное понимание, видимо, и имеется в виду в выражении «легкое *но*» (輕諾), что полностью соответствует особенностям строения рассматриваемого отрывка.

В данном тексте из «Даодэ-цзина»¹⁰⁷ значение *но* принципиально не отличается от значения, выявленного в других рассмотренных выше текстах. Со стороны структуры пример «Даодэ-цзина» отличается лишь

тем, что здесь построение, сопровождающее *но*, имеет форму $\begin{matrix} \text{!} \\ \text{!} \\ \text{!} \end{matrix}$,

а не $\begin{matrix} \text{—} \\ \text{—} \end{matrix}$. Значит, *но* обозначает понятие, которое не относится лишь

к одной из указанных форм. Хотя мы не имели возможности рассмат-

ривать случай отнесения *но* к построению вида $\begin{matrix} \text{—} \\ \text{!} \end{matrix}$, но можно по-

лагать, что *но* может обозначать и его, относясь к любому построению, состоящему из двух строк и трех столбцов.

Подведем итоги рассмотрения понятия *но*. Используется ли это понятие в прямой речи или в других видах текста, оно соотносится с построением из двух строк (столбцов) и трех столбцов (строк)¹⁰⁸, характеризуя указанное построение как имеющее соответствия элементов по рядам, вне зависимости от того, в одной или нескольких плоскостях рассматривается текст (т. е. вне зависимости от «легкого» или «трудного» построения или понимания текста). Указывая на определенное формальное построение, *но* обозначает возможность определенных логических операций и выводов, проводимых на базе этого построения. Эти операции и выводы могут быть многообразными: термин *но* не обозначает какую-нибудь одну форму рассуждения или вывода.

Особо следует подчеркнуть, что с точки зрения теории, использующей понятие *но*, нет принципиального различия между, казалось бы, особыми построениями текста, которые мы интерпретировали в виде комплекса семантических категорий:

«(а б) C_1 »
«(в г) C_2 »

и тем, что мы называем в данной работе основанием и неполной частью канона. Понятие *но* фактически отождествляет эти явления. Это обстоятельство является историческим обоснованием отождествления в формальном анализе многих явлений, не тождественных с какой-либо другой точки зрения (в том числе и с точки зрения современной лингвистики, логики, семантики и т. д.).

Для проверки и уточнения выявленного значения *но* обратимся теперь к свидетельствам, содержащим сведения о *но* в плане теории

¹⁰⁷ В этом произведении знак *но* употребляется только один раз.

¹⁰⁸ Если заранее не определено значение строк и столбцов, то можно полагать, что построение, сопровождающее *но*, может быть двух видов.

того времени. Одно из таких свидетельств уже было приведено и использовано нами. Цитированный выше отрывок из «Гуань-цзы» показывает, что *но* было особым предметом в гносеологических воззрениях древнего Китая. К такому же выводу можно прийти, рассмотрев еще один пример упоминания *но* в «Мэн-цзы»¹⁰⁹.

«Мэн-цзы» использует цитату из «Лицзи», которую можно перевести следующим образом: «Когда призывает отец, то нет (не нужно) *но*, когда повелевает прийти государь, то не ждут, когда будет приготовлена повозка» [22, 153]. Из этого отрывка можно видеть несовместимость *но* с приказом, повелением. Это значит, что когда какое-то сообщение имеет форму повеления, то реагировать на него при помощи *но* нельзя.

В свете изложенного выше это вполне понятно. Все рассмотренные тексты, на которые была реакция, обозначенная словом *но*, не имели формы повеления, а давали лишь обработанный материал, годный для соответствующего логического вывода. Между этим текстом и каким-либо действием, следующим из него, стоит необходимость размышления, подобная необходимости приготовить повозку для поездки к правителю.

Мы склонны понимать данную цитату из «Лицзи» в довольно широком смысле, а именно как указание на то, что логический текст не имеет формы повеления. Это соответствует современной логике, исключаяющей из сферы своих проблем повелительные высказывания. Несовместимость повеления и *но* в таком случае означает, что текст, к которому относится это понятие, имеет силу побуждать к каким-либо действиям не своим непосредственным воздействием на чувства (что имеет место при повелении), а силой необходимости логических выводов. Примеры практического применения *но* наглядно демонстрируют именно эту функцию.

Более подробные сведения о *но* имеются в «Мо-цзы».

Отрывок 1 [19, 194, 199, 213]

[經] 諾不一利用

[說] 諾超前員止也相從相去先知是可
五色長短前後輕重援

Отрывок 2 [19, 195, 214]¹¹⁰

[經] 無非

[說] 若聖人有非而不非正五諾皆人於知有說
過五諾若員無直無說
用五諾若自然矣

ПЕРЕВОД

Отрывок 1

[Канон:]

«*Но*. Не единственное используется [в нем]».

[Вывод (*шо*):]

¹⁰⁹ В «Мэн-цзы» понятие *но* встречается лишь дважды. Во втором случае упоминание *но*, как и в первом, уже рассмотренном случае, сочетается с построениями схематизируемого текста, имеющими структуру из шести элементов. Такими построениями являются следующие отрывки: слова Цзин-цзы (景子) от 內則... до 主敬, слова Цзэн-цзы (曾子) [22, 152—153].

¹¹⁰ Текст приведен без изменений, вносимых комментаторами. Уже имеющиеся у нас сведения о *но* позволяют понять его, не прибегая к каким-либо поправкам.

«*Но*: за пределами стен вокруг стоят делящие вехи. [Элементы деления] взаимно следуют и взаимно отходят [друг от друга]. Заранее знают, возможно ли это. [Например], пять цветов, длинное — короткое, предшествующее — последующее, легкое — тяжелое — обособляются».

Отрывок 2

[Канон:]

«Не отрицай (не говори „не есть“).»

[Вывод (*шо*):]

«Соответствует то, что совершенномуудрый человек, отрицая, не отрицает. При правильных пятеричных *но* всем людям из [них] известен вывод (*шо*). Нарушению пятеричных *но* соответствует круг, в котором нет прямоты, нет выводов (*шо*). Использованию пятеричного *но* соответствует естественность».

Прежде чем переходить к более подробному рассмотрению этих отрывков, отметим наиболее очевидный факт. Выражение «пятеричное *но*» (五諾)¹¹¹ характеризует те структурные построения, которые мы неизменно обнаруживали при рассмотрении случаев практического использования *но*.— все они состояли из пяти рядов схематизируемого текста.

Различие между этими двумя отрывками из «Мо-цзы» заключается в том, что в первом рассматривается *но* как «разделяющее рассуждение (*бянь*)», а второй — как «суммирующий вывод (*лунь*)».

Логико-семантическую суть строк, входящих в *но*, мы представили в виде выражений (*аб*)*С*, в которых символы *a* и *b* суть постоянные. Если рассматривать столбцы построения, то обнаружим, что они представляют собой некие переменные, обозначающие соответствующие «виды» (*лэй*) «разделяющего рассуждения», так что выражения типа «(*аб*)*С*» — это по существу некое конкретное значение предиката *P(xy)*. Именно такие предикаты и представляют суть *но*. Выражение «(*аб*)*С*» — это «единственное» значение данного предиката. Поскольку *но* содержит в себе предикаты, то «не-единственное используется (в нем)».

В рассмотренных примерах практического применения *но* текст, содержащий собственно *но* (т. е. шестичленное построение), сопровождается другим текстом, который можно представить окружающим текст, содержащий собственно *но*.

Возьмем второй отрывок из «Луньюя» и посмотрим, что описывается в тексте, окружающем *но*. В этом тексте констатируется:

1) чиновник, занимающий важный государственный пост, хочет видеть Конфуция, а тот отказывается от встречи. Этим самым ставится вопрос об использовании способных людей на государственной службе;

2) сановник ухитряется найти способ дать Конфуцию возможность использования благоприятного случая для встречи. Конфуций перехитрил его и тем самым в его лице перехитрил государство;

3) хитрость Конфуция в общем итоге сорвалась — встреча состоялась. Это можно понимать как указание на противоречие поведения Конфуция каким-то непреложным нормам.

¹¹¹ Обратим внимание на сходство выражений 九經 и 五諾. Если первое (как отмечалось на стр. 50 и сл.) относится к структуре, то и второе также может относиться к ней. Различие заключается в том, что числительные здесь указывают разные компоненты структуры (элементы и ряды).

Ясно, что в этом тексте уже имеются те темы, которые, будучи рассматриваемыми как принципы, могут быть основаниями для разделения элементов текста, составляющих *но*, на столбцы — I, II и III.

В примере из «Даодэ-цзина» вторая строка (элементы «г», «д», «е») имеет значение описания общих принципов. Эта строка находится вне собственно *но*, но ее темы развиваются или конкретизируются в третьей строке (элементы «ж», «з», «и»), которая и составляет собственно *но*.

Из этих примеров видно, что в окружающем *но* тексте содержатся те признаки или принципы, которые лежат в основе разделения явлений, описываемых в самом *но*. Это свойство текстов с *но* позволяет понять вторую фразу из первого отрывка «Мо-цзы».

Выражение «за пределами стен», относясь, очевидно, к окружающему *но* тексту, может здесь иметь два оттенка в значении. Близкий к конкретному и прямому смыслу слов — имеется в виду текст, расположенный за пределами границ *но*. Переносное значение — предполагается, что содержание окружающего текста нужно понимать абстрактно, как выходящее за пределы конкретного содержания элементов *но* ¹¹².

В обоих случаях понимается нечто, расположенное за пределами собственно *но*. Этим нечто являются «делящие вехи», под которыми имеются в виду определенные для каждого текста темы, признаки или принципы, по которым семантически различаются столбцы, представляющие разные «виды» явлений ¹¹³.

В переносе на общую семантическую модель содержания главы «Сяоцзюй» (см. стр. 155) такими «вехами» являются понятия типа *П_I*, *П_{II}*. В констатации указанного и заключается смысл фразы: 超城員止也 'За пределами стен вокруг стоят делящие вехи' ¹¹⁴.

Далее, в схемах *но* при распределении текста по столбцам и строкам происходит систематизация явлений по особым классам, находящимся в разных отношениях. Эти отношения могут быть определены как отношения двух типов: отношения «взаимного следования» (*сян-цунь*) и отношения «взаимного отхода» (*сян-цзюй*). Эти отношения в широком плане, возможно, суть выражения тождества и различия явлений по строкам и столбцам. В применении к конкретным случаям это значит, например, что явления, стоящие в одном столбце (строке), «взаимно следуют» как члены столбца (строк) и одновременно «взаимно отходят» как члены строк (столбцов).

Отношения «взаимного следования» и «взаимного отхода» понима-

¹¹² Нечто вроде «выхода за (из) основания» (出故), о котором шла речь выше; см. стр. 167—170.

¹¹³ Слово 止 (*чжи* 'остановка') мы переводим как «делящие вехи», потому что оно обозначает некие пункты, отделяющие явления друг от друга. Так, они отделяют явления как моменты временного развития. В «Мо-цзы» говорится: «Остановка (веха) в длительности...» [19, 190]. «Остановка (止) [это следующее:] если нет безостановочности в длительности, то правильно, что корова — не лошадь... Если есть безостановочность в длительности, то правильно, что лошадь — не лошадь» [19, 207]. Это значит, что если во временном аспекте мы учтем какой-то разрыв непрерывности, то получим возможность отличать вещи или «виды» друг от друга (корову от лошади, например).. В противном случае нет и тождественности вещи самой себе (лошадь — не лошадь).

¹¹⁴ Каждое слово рассматриваемой фразы Гао Хэн меняет: 超 на 詔, 城 на 誠, 員 на 負, 止 на 正, да еще добавляет иероглиф 四. От первоначального текста остается только конечная частица 也. После такой «расправы» с подлинным текстом Гао Хэн пытается объяснить виды *но* путем интерпретации своего текста [86, 95]. Тань Цзе-фу [93, 116] совсем опускает эту фразу, считая ее не относящейся к данному месту.

ются и более конкретно, как различные отношения пар и комплексов элементов в рядах схематизированного текста. Два указанных типа отношений являются аналогом, с одной стороны, логического сложения («взаимное следование»), а с другой — логического вычитания («взаимный отход») элементов в рядах.

Знание этих отношений необходимо при любом способе выведения каких-либо логических следствий из построения вида *но*.

Фраза 先知是可 'Заранее знают, возможно ли это', очевидно, имеет тот же смысл, что и приведенный выше отрывок из «Гуань-цзы». Для того чтобы построения типа *но* могли иметь какое-либо логическое значение, нужно знать заранее, что комплексы элементов вместе со знаками, выражающими отношения «взаимного следования» и «взаимного отхода», образуют некие единства, по отношению к которым «возможны» определенные характеристики в виде предикаторов. В аналогии с системой уравнений это означает, что нужно заранее знать, какие постоянные подходят для данного выражения.

Упоминание пяти цветов кажется совершенно не связанным с *но*¹¹⁵. Однако на самом деле можно полагать, что цветовая гамма представлялась в виде упорядоченных рядов, в основе которых лежат представления о пяти основных цветах. Правомерность такого представления о цветах подтверждается тем, что пять цветов в китайской традиции считается одним из видов «пяти рядов» (五行)¹¹⁶. Вследствие этой пятирядности цвета и составляют построение вида *но*.

Приводимые в рассматриваемом отрывке противоположности: длинное — короткое, предшествующее — последующее, легкое — тяжелое — являются примерами тождества противоположностей в общем роде. Их систему можно представить в следующем виде¹¹⁷:

I	II	III
1. Длинное 2. Короткое	Предшествующее Последующее	Легкое Тяжелое

Здесь дело не только в том, что две строки в каждом столбце составляют род (имеющее длину, имеющее временную характеристику, имеющее вес). Каждая строка в столбцах I и II тоже образует единство, обозначенное особым именем в столбце III. В целом схема переходом от первой строки ко второй представляет собой некий процесс уплотнения. Достаточно поменять строки в столбцах I или II, либо вместо этого в столбце III, и схема будет представлять процесс уменьшения плотности предмета. Так что данная схема представляет совершенно определенное состояние, которое, видимо, может иметь особое обозначение. Ему могут противопоставляться другие состояния с другим обозначением. Эти другие состояния будут описываться теми же элементами, но в другой последовательности. В такой системе элементы

¹¹⁵ Гао Хэн вслед за другими комментаторами полагает, что иероглиф 色 здесь стоит по ошибке вместо 也.

¹¹⁶ 行五 обычно переводят как «пять элементов», что затрудняет понимание характера этого явления.

¹¹⁷ Не понимая связи упоминаемых в тексте противоположных пар с *но*, Гао Хэн совсем исключает эту часть текста из данного отрывка и переносит его в другой, ликвидируя тем самым возможность конкретно представить один из возможных видов *но* [86, 95].

могут относиться к разным уровням, но каждый из них представляет или описывает явление «обособленное», т. е. выделенное из какого-то единства. В этом смысл фразы «Длинное — короткое... обособляются».

Прокомментируем теперь второй отрывок. Как это видно в случае системы *но*, состоящей из элементов «длинное — короткое» и т. д., понятие *но* может рассматриваться как составная часть в более развитой и полной системе (мы бы сказали в «трудном» построении текста). По сравнению с более полной формой, *но* выражает определенную односторонность системы. Эта неразвитость в приведенном примере трех противоположностей («длинное — короткое» и т. д.) выражается в том, что схема обозначает лишь один процесс — уплотнение, которому противостоит другой процесс этого же рода, но обратный — разрежение. Это значит, что утверждению в одном процессе соответствует отрицание в другом. А отсюда утверждение и отрицание теряют свое абсолютное значение. Этим и объясняется фраза «не отрицай». Упоминание «совершенномудрого человека» как в «Даодэ-цзине», так и в рассматриваемом тексте не случайно, так как именно такой человек осуществляет высший синтез, а потому он «отрицает и не отрицает».

Следовательно, наличие противоположностей или описаний противоречивых явлений в одной системе не является свидетельством некорректности *но*. Во втором отрывке в связи с этим делается попытка описать различие «правильных» (正) и «ошибочных» (過) *но*, исходя совсем из других признаков.

«Правильное» *но* — это, видимо, такое построение, в котором соблюдены все правила систематизации его элементов. Если такое построение уподобить системе из двух уравнений с двумя неизвестными, то правильность такого построения обеспечивает получение третьего уравнения путем сложения или вычитания, причем последнее также будет правильным. Третье уравнение здесь получается путем «вывода (*шо*)», поэтому возможность получения правильного «вывода (*шо*)» может служить критерием правильности всего построения, т. е. *но*. Этим и объясняется связь «правильного» *но* с наличием «вывода (*шо*)» и «ошибочного» *но* с отсутствием «вывода (*шо*)».

Не совсем ясно, что значит «отсутствие прямоты» (無直) в неправильном *но*. Возможно, что здесь имеется в виду, что в «правильном» *но* элементы строго разграничиваются под прямым углом и образуют прямоугольник. Здесь не может быть каких-либо лишних элементов¹¹⁸. При нарушении этого условия, т. е. при добавлении лишних элементов, как бы сглаживающих углы и превращающих построение в подобие круга, *но* делается неправильным.

Наконец, сравнение использования *но* с «естественностью» (*цзыжань*), т. е. с процессом, происходящим без какого-либо внешнего влияния, свидетельствует о том, что процесс логических видов из *но* здесь представляется лишенным какого-либо влияния человека, его чувств и эмоций. Таким образом, сведения, которые мы можем получить о *но* из «Мо-цзы», совпадают с другими сведениями, по существу лишь уточняя их в некоторых пунктах.

Источники, использованные нами для понимания *но*, относятся к разным «школам» (*цзя*). Поэтому такое совпадение показывает, что в древнем Китае не было какой-то особой «моистской» логики, стоя-

¹¹⁸ Опять аналогия с системой уравнений, в которой число необходимых для решения уравнений должно равняться числу неизвестных.

щей особняком от произведений, не относимых к так называемой школе Мо. По существу наш анализ иллюстрирует то обстоятельство, что все так называемые школы применяли одинаковый аппарат в своих рассуждениях. Это означает, что сам этот аппарат был элементом общей образованности в древнем Китае. Рассмотренный материал показывает также, что одно из понятий этого логического аппарата — понятие *но* имеет прямую связь со структурой текстов.

5. НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Рассмотрение ряда терминов логико-гносеологической теории древнего Китая позволило нам обнаружить понятия, обозначающие и в определенной мере объясняющие все основные явления структуры текстов: для разъединяющего и соединяющего построений такими терминами являются *бянь* и *лунь*; для связи столбцов и строк — термины *шо* и *и*; для основания канона — *ци*; для построения, включающего основание канона и его неполную часть, — *но*. Таким образом, основные структурные особенности текстов находят свое объяснение в логико-гносеологической теории древнего Китая. Можно утверждать, что вообще структура текстов является определенным выражением этой теории. Отсюда следует, что относительно любых канонизируемых текстов будет неверным утверждение, что им несвойственны постановка и решение логико-гносеологических вопросов. Скорее наоборот, подобные вопросы являются их стержнем. Значит, изучать идеологию древнего Китая, не привлекая данных структуры текстов, невозможно.

В этой связи изучение структуры памятников является серьезным подспорьем для изучения истории логики в Китае. Оно позволяет изучать эту историю в неразрывной связи теории (термины и понятия) и практики (конкретные рассуждения) логического мышления определенного времени. Уже одно это является свидетельством большой ценности структурного анализа, ибо в настоящее время главным недостатком изучения логики в Китае является как раз разрыв между изучением теории и практики в указанном здесь смысле.

Единство осознаваемой логической стороны и структуры памятников ставит новые вопросы, из которых одним из первых является вопрос об исторически строгом определении логического смысла союзов следования. Ответ на этот вопрос, видимо, нужно искать в выявлении связи этих союзов с определенными структурами.

Возникает также проблема формального определения логически законченного отрывка. Ответ на этот вопрос призван дать критерий для обоснованной разбивки текстов. До выяснения всех сторон этой проблемы на основании рассмотренного в данной работе материала можно полагать, что таким критерием для многих текстов является форма канона, т. е. девятичленное построение.

Набор рассмотренных терминов и понятий демонстрирует единство практики построения текстов с теорией их осмысления. Это единство может быть использовано как основание для такого подхода к источникам и их структуре, при котором исходным пунктом исследования являются не сами тексты, а те или иные положения древнекитайской теории, ее понятия. Такой поворот порождает новые пути подхода к изучению формы и содержания источников и к решению других весьма важных проблем.

Возьмем, например, понятие *行*. Мы уже неоднократно встречались с ним как с обозначением рядов схематизированного текста. Связь

син с понятиями лэй (類), и (疑) и шо (說) показывает его логический аспект и тем самым является средством изучения этой стороны текстов, хотя знакомство с источниками показывает, что в них имеются сведения не только и не столько относительно логического аспекта. Наиболее часто 行 употребляется в связи с янь (言 'речь', 'слова'). Обычно эту связь трактуют в узкопрагматическом аспекте: «слова́» (янь) — «дела́» (行). Такая упрощенная интерпретация скрывает ряд важных вопросов, действительно волновавших древнекитайских мыслителей. Это вопросы связи логической упорядоченности явлений (行) с формами выражения этой связи в языке (янь). Это, видимо, и широкая постановка проблемы языка и мышления, включающая в себя вопрос о соотношении грамматики и логики. Структурный анализ, конечно, не открывает этой проблемы; она существовала давно. Но устанавливаемая им связь терминов древнекитайской теории с формами построения текстов позволяет по-новому к ней подойти. Новизна здесь прежде всего в том, что эта проблема представляется историчной, имеющей отражение в теории соответствующего времени. Кроме того, выявляется новый конкретный материал для ее изучения в виде, скажем, соотношения структур текстов и их грамматики.

Возьмем другой пример: понятие шо. Выше мы выяснили его логическое значение, соотношение с другими терминами и связь с определенными структурами. Но в древнекитайской теории это понятие имеет и другой контекст. Например, шо как логический вывод связано с другими способами познания, в частности, с познанием через передачу истин по традиции и их непосредственным восприятием. Естественно, возникает вопрос: как эти другие способы познания обозначаются в текстах, каковы их структурные особенности?

Можно полагать, что эти виды познания выражаются, с одной стороны, через цитаты, а с другой — через какие-то замечания к тексту. Но суть проблемы не в этом формальном определении, а в том, как эти виды познания сливаются в один контекст, какова та специфическая семантическая нагрузка, которую несут цитаты и указанные замечания. Здесь едва ли можно полагаться лишь на наш здравый смысл и догадки, как это обычно пока и делается. Необходимо этим догадкам придать историческую достоверность, для чего нужно привести их в соответствие одновременно и с древней теорией, и с всесторонним изучением строения памятников.

Решение такого рода вопросов весьма перспективно не только в плане выработки методики понимания содержания источников, но и в плане их исторической характеристики. Она, в частности, позволит каждый раз наглядно представить, как из цитат, рассуждений и замечаний, принадлежащих, возможно, разным авторам и написанных в разное время, составлялся единый и цельный текст. Кроме того, если будут обнаружены и точно определены специфические семантические функции цитат, рассуждений и замечаний, то можно будет выявлять эти компоненты и в тех случаях, когда они формально не обозначены какими-то средствами обычного языка.

В настоящее время суждения об авторстве и времени составления текста выносятся на основании определенных представлений об особенностях языка данной эпохи. Такие утверждения будут звучать убедительно лишь в том случае, когда будет доказано, что эти особенности не являются спецификой построения и структуры лишь какого-то определенного источника. Но таких доказательств пока нет, ибо не исследованными пока остаются даже структуры минимальных ячеек источников, состоящих, по нашему мнению, из «легких» канонів.

В данной работе мы более или менее полно затронули по существу лишь одну, логическую сторону значения структур. При этом брался минимальный компонент — канон, точнее, один «легкий» канон. Наличие «трудных» канонов только констатировалось, и лишь изредка мы обращались к возможности понимания текста с точки зрения «трудного» канона. Но вопрос о тексте и его структуре безусловно не исчерпывается вопросами структуры этих минимальных единиц.

«Легкие» каноны объединяются в «трудные», «трудные» объединяются в комплексы, которые, видимо, имеют свои особенности. Для каждого элемента простой «легкий» канон является микроконтекстом. Но для него существуют и более широкие контексты, которые можно назвать макроконтекстами. Существуют, видимо, и какие-то средние контексты. Во всех этих построениях существуют свои ряды, свои части канона, свои основания и т. п. Для всех них, видимо, остается и проблема соотношения компонентов, аналогичных цитатам, рассуждениям и замечаниям, проблема разбивки текста. Возникает необходимость изучения черт и особенностей построения больших связанных текстов. Вероятно, такой анализ может быть эффективным лишь при разработке соответствующей методики. Необходимой составной частью такой методики должен быть достаточно обширный и исторически обоснованный аппарат не только формального, но и семантического исследования.

Разработка такого аппарата в ходе практического изучения строения отдельных памятников сейчас, видимо, является актуальным вопросом развития данной отрасли китаеведения. Наши попытки создания аппарата, приспособленного для анализа минимальных единиц текста, несмотря на всю его неполноту и вероятные неточности, показывают принципиальную осуществимость такой задачи при условии учета структуры (параллелизмов) текста и положений древнекитайской теории познания. Очевидно, что для разработки широкого аппарата структурного анализа кроме дальнейшего исследования древнекитайской теории познания нужно выяснить и учесть значение многих конкретных понятий и терминов, их связь со структурой текстов.

Что значат для построения текста различные виды *шо*, о которых говорится, например, в «Хань Фэй-цзы»; почему те или иные разделы памятников носят названия, повторяющие гносеологические термины; что значат разные виды (жанры?) отрывков, которые называются в «Шуцзине» и других источниках, — эти вопросы еще ждут своего решения путем изучения структуры соответствующих объектов. Почему в «Сюнь-цзы», например, такие произведения, как 禮, 樂, 詩, 書, 春秋, под которыми сейчас обычно понимаются цзинь (каноны), характеризуются наличием одних и отсутствием других компонентов канонизированных текстов?¹¹⁹ Если в «Сюнь-цзы» имеются в виду не нынешние тексты, то можно ли в нынешних текстах выделить части, точно соответствующие характеристике «Сюнь-цзы»? Ответ на такого рода вопросы существенно уточнит наши представления как о древней терминологии, так и о существующих ныне текстах.

Перечень нерешенных вопросов можно было немало увеличить, но и отмеченные здесь иллюстрируют тот факт, что структурный метод стимулирует исследования, могущие значительно уточнить наши представления о памятниках древнекитайской культуры, об их форме и содержании.

¹¹⁹ 禮, например, характеризуется отсутствием *шо* [4, 8].

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Хотя поставленные в данной работе вопросы структуры древнекитайских канонизируемых текстов нельзя считать исчерпанными и достаточно полно исследованными, некоторые предварительные выводы все же возможны. Общим основанием для выводов является обнаружение в источниках семиотического явления, до сих пор ускользавшего от внимания науки. Суть его заключается во вскрываемом структурным анализом единстве определенных фигур плана выражения с фигурами плана содержания. Констатация этого факта и учет его особенностей позволяют наметить новые приемы исследования древнекитайских памятников идеологии, а также обратить внимание на некоторые черты этой идеологии, недостаточно отчетливо вырисовывающиеся при отсутствии данных структурного анализа.

Поводом для рассмотрения вопросов структуры текстов явились для нас трудности, связанные с определением и использованием контекста тех или иных фрагментов древнекитайских источников. В отношении формально выделяемых элементов текста контекст вообще — это связь элементов по рядам схематизированного текста и частям канона. В схематизируемых текстах, таким образом, имеются собственно два контекста: контекст рядов и контекст частей канона. Для понимания каждого элемента важно учесть его роль и в том и в другом.

Практическое понимание контекста в общих чертах представляется следующим. Если нам недостаточно ясно, что значит тот или иной элемент, какой объект или какую объективную сферу он описывает, то необходимо выяснить объект или объективную сферу описания других элементов этого же ряда, учесть их тождество и различие. В простейшем случае, т. е. тогда, когда элементом является слово (иероглиф), из всего семантического поля данного слова нужно выбрать часть, так или иначе совпадающую с семантическим полем других слов этого же ряда (учет тождественности рядов). Кроме того, нужно учесть соотношение значений разных рядов (учет различия рядов). Аналогичным образом нужно поступать и тогда, когда элементами являются более крупные фрагменты текста (предложения, отрывки, главы и т. д.). Учитывая сказанное, контекст элементов в рядах можно назвать экстенсиональным контекстом.

Экстенсиональный контекст не выражает всего содержания отрывка: элементы, входя в ряды, одновременно формируют и части канона. Здесь они описывают определенные этапы в развитии мысли автора. Это значение элементов обнаруживается уже при достаточно последовательном рассмотрении экстенсионального контекста, когда дается какая-то характеристика соотношения тождественности и различия элементов в рядах. С этой стороны элементы отличаются по смыслу от просто членов рядов текста. Они находятся в интенциональном

контексте. Без более или менее определенного выяснения этой стороны содержания элементов нельзя считать, что текст понят.

Сказанное относится к контексту выражений, входящих в определенные структуры. Фрагменты текста, не входящие в определенные структуры, нуждаются в другом подходе. Понять их контекст — значит понять отношение таких выражений к структурам, которые они сопровождают.

Мы не знаем случаев в синологии, когда бы отмеченные черты текста последовательно учитывались, ясно осознавались и формулировались. Это обосновывает определенный скептицизм по отношению к переводам, выполненным до проведения достаточно широких и полных исследований вопросов структуры древнекитайских текстов вообще и каждого конкретного текста в отдельности. Без таких исследований не может быть четкого понимания контекста и, следовательно, не может быть и научного перевода. Случаи, когда кто-то при большом упорстве и глубоком знании языка интуитивно уловил контекст какого-то отрывка, совсем не зная закономерностей его структуры, еще не создают необходимых предпосылок для перевода. Можно утверждать, что в принципе нельзя адекватно перевести текст, построенный не по линейному принципу, линейным текстом, так же как, например, нельзя считать переводом стихов изложение их содержания в прозе. В нашем случае трудностей больше, чем при переводе стихов¹. Здесь связь между элементами текста представляет собой искусственную конструкцию, надстроенную над естественным языком. Чтобы передать эту сторону источника, необходимо и в переводе воспроизвести эту конструкцию. Иначе говоря, адекватный перевод схематизируемых текстов возможен лишь при создании схематизированного перевода.

Необходимость в схематизированном переводе вытекает не только из требования передачи формы оригинала, но из-за стремления как можно полнее передать содержание. Ряды схематизируемого текста и особенности их строения, обусловленные разделением на части канона, несут определенную смысловую нагрузку. Вследствие этого слова (или вообще элементы текста) подвергаются деформации: входя в ряды, они что-то теряют и что-то приобретают по сравнению со своими основными или принятыми в естественном языке значениями. Перевод должен отражать эту деформацию. Для этого, собственно, и нужен схематизированный перевод, который бы давал возможность указания на специфику значений слов в контексте путем обозначения рядов и их составных частей. Такую возможность едва ли можно найти в средствах какого-либо естественного языка.

Разработка техники перевода схематизируемых текстов даст обоснованную возможность избежать «ножниц» между дословными и литературно обработанными переводами. Суть этих «ножниц» заключается в том, что, чем перевод литературно более обработан, тем он дальше от языка оригинала, чем он более дословен, тем менее он понятен современному читателю. Это вызвано расхождением между языками оригинала и перевода. Указание в переводе схемы текста позволит преодолеть этот разрыв.

Итак, подходя к древнекитайским текстам даже просто с точки зрения возможности их перевода, мы сталкиваемся с необходимостью точного понимания их структуры и значения рядов. Но, как можно видеть на многих примерах, содержание рядов, выражающих определенные

¹ С переводом стихов стихами же можно сравнить только перевод элементарных форм путем сохранения в переводе разбивки на элементы и строки оригинала.

категории, относится уже к области идеологии. С формальной стороны это можно объяснить тем, что некоторые элементы канонизированных текстов, прежде всего входящие в обрамление, можно понимать как предикаты, имеющие нормативное значение. Поэтому не может быть резкой границы между просто переводом источников и пониманием их идеологического содержания. Изучение структуры памятников является средством и одним из главных источников понимания идей древнего Китая. Значит, проблематика структурного анализа не является проблематикой какой-то дополнительной и необязательной для истории идеологии древнего Китая. Это проблематика самой этой науки, если она стремится быть наукой, а не комплексом догадок. Разработка чисто формальных проблем текста не ведет к формализму, а позволяет наметить пути развития научного исследования истории такого сложного явления, как идеология древнего Китая.

Структурный метод вскрывает в древнекитайских письменных памятниках формы упорядоченного текста, свойством которых является то, что сама форма здесь выражает категориальное деление явлений объективного мира и часто указывает способ или форму его осознания, вне зависимости от того, названы ли в самом тексте категории или нет. Таким образом, структурный метод позволяет существенно расширить круг источников, дающих сведения о категориальном мышлении в древнем Китае.

Когда категории названы, структура источника дает возможность понять конкретное содержание этих категорий. В том случае, когда категории остаются «безымянными», благодаря определенности структуры их содержание тоже может быть достаточно точно установлено.

Хотя широта содержания категорий не находится в прямой зависимости от размера того или иного текста, тенденция к построению большого связного и упорядоченного текста показывает, что употребляемые или развиваемые в тексте категории в принципе мыслятся как неограниченно широкие, т. е. философские категории. В связи с этим напрашивается вывод, что в древнекитайских классических источниках действительно философская проблематика имеется всегда и нужно только методически правильно вскрыть ее. Разработка методов структурного анализа в конечном итоге даст необходимую методику исследования древнекитайских источников и тем самым существенно восполнит один из пробелов в этой важной отрасли китаеведения.

Изучение древнекитайской идеологии в плане рассмотрения философских категорий существует уже давно. В определенной мере такой подход свойствен и традиционной китайской средневековой науке. Последняя рассматривала выдвижение тем или иным древним мыслителем определенной категории как хороший или плохой совет правителю или чиновнику. Этот «практический» аспект древнекитайской идеологии был предметом постоянного внимания в средние века и остается единственным до наших дней для многих исследователей.

В 20-х годах указанный подход подвергся существенным изменениям. Выражением новых тенденций явилось открытие Ху Ши методологии и логики в древнем Китае [56]. Этим по существу был поставлен вопрос о научном содержании понятий и категорий древнекитайской идеологии.

В работе «Развитие логического метода в древнем Китае» [71] Ху Ши предпринял попытку объяснить важнейшие понятия древнекитайской философии в связи с развитием методологии и логики. Затем последовал целый ряд исследований, направленных на развитие, уточнение или основательное переосмысление сделанного Ху Ши, в кото-

рых авторы стремились конкретизировать и более широко обосновать значение отдельных категорий и их систем.

Если отвлечься от различия в понимании того, что такое наука, методология и логика, то многие авторы старались вскрыть в категориях идеологии именно эти стороны их содержания. Но кроме этого им всем почти без исключения свойственна и другая общая черта — никто не привлекал данных структуры древнекитайских источников. Поэтому объектом изучения могли быть лишь называемые в тексте категории или категории, воссоздаваемые по преимуществу интуитивно. Связь между ними могла быть замечена только в тех случаях, когда она явно описывалась в соответствующих отрывках. Это существенно сужало базу исследований. Мы можем назвать только одного исследователя, являющегося в этом смысле исключением, — это Хьюз, который, находясь под влиянием английской «лингвистической философии», обратил должное внимание на логическую функцию формы построения отрывков, на их язык в широком смысле этого слова. Он, в частности, отметил, что параллелизмы (*пьянь*) являются выражением логики, логического мышления [70, 60]².

В традиционной китайской филологической науке параллелизм уже давно используется для выявления категорий слов. Но там категории, видимо, трактуются просто как факты естественного языка, а не явления идеологии, поскольку связь этих категорий с логикой и методологией не устанавливалась³. Поэтому именно указанное утверждение Хьюза можно считать первым подходом к постановке вопроса о структурном анализе и его значении для истории идеологии Китая⁴.

Но Хьюз имел в виду лишь одну форму параллелизма, встречающуюся только со времени поздней Хань. Не представляя себе других форм параллелизма, он не мог определить его роли в предшествующие периоды. Возможно, именно поэтому его ценные соображения существенно не повлияли на методику изучения древнекитайской идеологии.

Рассматривая содержание отдельных понятий и категорий, а также их связь, исследователи практически ставят свою трактовку в зависимости от того или иного набора отрывков, привлекаемых для анализа. Поскольку эти наборы могут быть различными и ни в одном отрывке четкого проявления контекста нет, неизбежно различными становятся и интерпретации. В конечном итоге эти интерпретации отражают главным образом мировоззрение и конкретные представления самих исследователей. Объективных данных о действительном содержании категорий в них мало.

Указанное состояние синологии весьма существенно подрывает доверие к интерпретации категорий древнекитайской идеологии как компонентов теоретического мировоззрения. Этим в определенной мере объясняется живучесть наивных представлений о преобладании в древнем Китае практической философии. Ориентация на сугубую пракτικότητα китайской идеологии, в частности, проявляется в западной, преж-

² В этой работе Хьюз выдвинул и другие проблемы, важные для структурного анализа. Он отметил, что в древнем Китае большое внимание уделяется категории «функции», что необходимо исследование терминов на уровне современной семантической техники и что чрезвычайно важно изучение коннективов в китайских текстах [70, 57, 63].

³ Окончательные утверждения здесь возможны лишь после тщательного изучения традиционной китайской филологии, в частности вопроса, почему некоторые словари рассматривались как документы идеологические.

⁴ Мы имеем в виду историю изучения предмета (т. е. структурного анализа), а не историю самого предмета. История предмета, видимо, совпадает с историей того комплекса проблем, который именовался теорией «исправления имен» (正名).

де всего американской, синологии. Здесь мысли мудрецов рассматриваются почти исключительно в плане того, как они были непосредственно воплощены в жизнь в политических, моральных, религиозных и т. п. институтах. Однако социальная и политическая история древнего Китая пока выяснена весьма приблизительно и еще не настало время для достаточно надежного и полного синтеза гражданской истории с историей идеологии. Какой-то период времени придется мириться с известным параллелизмом в гражданской истории и истории идеологии. Каждая из этих отраслей еще должна достаточно окрепнуть в своей сфере, прежде чем можно будет рассчитывать на плодотворность союза между ними.

Разработка проблем структуры памятников может сыграть существенную роль в развитии истории идеологии и философии как относительно самостоятельной отрасли знания, ибо даст возможность в каждом фрагменте вскрывать категориальное мышление авторов. Выяснение общих черт этого мышления ведет к обнаружению методов познания, которые для своего времени были едиными как для политики и философии, так и для конкретных наук, иначе говоря, были элементом общей образованности.

Известно, что образование в древности содержало в себе, а может быть, в основном сводилось к изучению канонов (*цзин*). Под последними обычно понимается свод определенных догм. Анализ структуры показывает, что канон может служить средством действительного образования, поскольку он учит систематизировать явления по категориям, дает образцы логически выдержанных выводов, построений, следующих друг из друга и представляющих объекты в разных плоскостях и аспектах. Короче говоря, каноны учили мыслить и всесторонне исследовать объекты. Предметы же, о которых говорилось в канонах, были довольно общими и вели к философским обобщениям, хотя сама философская терминология могла зачастую и не упоминаться. Особое построение текстов было связано с выработкой философской терминологии.

Ясно, что люди, образование которых строилось на таких канонах, в принципе не могли в своей практической деятельности (будь то политика или арифметика) быть чистыми практиками, поскольку это значило бы быть или выглядеть необразованными. Они также не могли излагать свои мысли иначе, как в форме, представляющей для современников обоснованной и убедительной, т. е. в форме канонов, и, следовательно, в теоретической форме (учитывая историчность понятия теории).

Значит, учитывая образованность авторов, мы должны размышлять над источниками, логизировать с целью выявления хода мысли их создателей. Такой подход может дать сведения более достоверные, нежели простой пересказ мнений даже очень авторитетных комментаторов. Структурный анализ определит исторически обоснованные границы логизирования и тем самым даст возможность избежать как применения более сложного, чем это нужно, понятийного аппарата, так и вынесения суждений, которые по своему теоретическому уровню будут ниже уровня источников.

Уже первые сведения, которые дает структурный анализ, не позволяют принимать теоретический уровень древнекитайских источников. Они, в частности, не позволяют видеть в них лишь памятники ораторского искусства⁵. Сколь ни конкретны сюжеты тех или иных отрывков, сколь ни красочен язык тех или иных фрагментов, тексты в

⁵ Эта точка зрения выдвинута Л. Д. Позднеевой в ряде ее работ [42; 41, 15—21].

целом представляют собой довольно сложные построения, требующие от читателя глубокого размышления и знаний. Невозможно представить себе, чтобы такие тексты были простой копией живых споров и бесед или письменной фиксацией каких-то догм, хотя, конечно, истоком их могли быть первые, а историческим продуктом — вторые.

Только в последующие века каноны стали рассматривать как собрание догм, и их гносеологическая суть была предана забвению или стала уделом лишь узкой группы специалистов. Задача же истории идеологии заключается в выявлении первоначального смысла памятников.

Структурный анализ здесь может быть весьма полезен. Древние источники обросли таким количеством комментариев, часто существенно различных или даже противоречивых, что кажется немислимым разобраться во всех них и добраться до исторической сути дела. При достаточно обоснованном структурном анализе можно среди комментариев выбирать как достоверные лишь те, сведения которых согласуются с данными структуры. Все остальное необходимо рассматривать лишь как факты идеологической жизни более поздних, чем первоисточник, времен. Давая исторически достоверный материал, структурный анализ тем самым позволяет последовательно проводить принцип историзма.

Соотношение категорий является в то же время выражением основной философской проблематики того или иного конкретного отрывка или текста. Для выяснения основной проблематики, общей для древнекитайской философии, важны тексты, в которых даются обзоры древнекитайской идеологии. Это — документы историографии китайской философии. Они являются источником для понимания того, как самими древними авторами вычленилась и понималась группа основных вопросов идеологии в целом. Такие тексты древнего времени на первый взгляд представляют наборы характеристик отдельных мыслителей или их групп, которые, может быть, и не случайны, но не связаны друг с другом какой-то единой концепцией. Понимание сложности образования контекста дает основание полагать, что это кажущаяся несвязность. За ней скрыта цельная картина систематизации идеологических явлений.

Это можно сказать о систематизации древних учений в «Сюнь-цзы» и «Шицзи». В них каждая характеристика как элемент текста имеет связь с другими, а вместе они образуют нечто целое. Более или менее обоснованные суждения об этом целом могут быть выработаны лишь при учете структуры текста. Лишь поняв это целое, мы можем быть уверенными, что правильно поняли характеристики отдельных мыслителей или их групп, упоминаемых в каком-либо обзоре. До этого всякая интерпретация сведений источников представляется предположительной. На основании же предположительных суждений нельзя выносить окончательные заключения относительно того, ставил ли тот или иной мыслитель философские проблемы и в какой плоскости он их рассматривал.

Выявление путем структурного анализа философских проблем древнекитайских памятников идеологии позволит более широко и реально посмотреть на связь идеологии с жизнью. Схема непосредственной связи «идея — институт» является слишком односторонней и жесткой. Она не учитывает того, что реальный мир отражается в идеологии через ее собственную структуру, что философские идеи служат прежде всего для познания окружающей человека действительности. В силу этого важным методологическим принципом истории философии является

принцип установления связи философии с научными достижениями того или иного времени.

Проблема связи китайской философии с частными науками об объективном мире в китаеведении поставлена весьма своеобразно. Ее можно сформулировать так: не подавила ли «традиционная гуманитарно-культурная ориентация китайской цивилизации» [32, 11, 432] науку в самом ее истоке, или же в древнем Китае наука сыграла в становлении философии (а тем самым и в цивилизации) такую же роль, что и на Западе.

Широко известно, что в древнем Китае познание природы было для своего времени довольно развитым. Но вот как это отражалось на философии, пока выяснено недостаточно. Существуют даже мнения, что достижения наук или совсем не отразились, или отразились на философии весьма слабо⁶.

Более внимательно ученые, однако, замечают довольно тесные связи тех или иных естественнонаучных представлений древнего Китая с определенными идеологическими построениями, обращая внимание на факты включения астрономических, медицинских и т. п. данных в этические, политические и прочие концепции. Заслугой Д. Нидема [77] можно считать то, что он не ограничился констатацией такого рода фактов, а на огромном материале поставил вопрос о методологическом характере этого явления.

Можно считать установленным, что связь философии с науками осуществлялась прежде всего через основное понятие древнекитайской философии — понятие *дао*, под которым понимается закон природы. Но понятие закона и закономерности столь сложно и предполагает столь высокое развитие науки, что желательно было бы как-то отделить древнее понимание от современного и внести в него какую-то историческую конкретизацию. Структурный анализ дает важный материал для такого рода работы.

По мнению ряда историков философии, на начальных этапах развития философии большую роль сыграла математика. Так, В. Соколов пишет: «Особо важную роль в становлении философии как особой формы общественного сознания, ее выделения из мифологического лона, сыграла математика (в несколько меньшей мере астрономия)» [43, 13].

Математика в древнем Китае была довольно развита и представляла собой компонент общей образованности. Вопрос же о том, насколько древнекитайская математика сама была теоретичной, можно решить, лишь изучив строение математических произведений, которые по форме не отличаются от других письменных памятников культуры древнего Китая. Доверять впечатлению об отсутствии строгой системности в изложении отдельных математических положений не следует. Тем более не следует проводить далеко идущие сравнения древнекитайской науки, изученной пока лишь на основе весьма приблизительных представлений о форме ее изложения, скажем, с древнегреческой наукой, форма изложения которой нам более понятна.

Крупным конкретным достижением древнекитайской математики было открытие способа решения систем линейных уравнений при помощи единообразного алгоритма. Эффективность древнекитайского спо-

⁶ Изложение некоторых точек зрения на данную проблему см. в работе Ф. С. Быкова [31, 12—14]. Сам Ф. С. Быков считает, что в Китае на протяжении длительного времени не было достаточно крепкой и органической связи между достижениями естественных наук и философией, что они не оказывали глубокого и всестороннего влияния друг на друга.

соба решения системы уравнений объясняется, в частности, «удобной символической схемой записи, содержащей прообраз современных определителей и матриц» [49, 131].

Данные структурного анализа показывают, что по аналогичной схеме строились и другие тексты. Этим вскрывается общее влияние древнекитайской математики на язык науки, на язык философии. Эта схема представляет собой определенное логическое построение. Указанное обстоятельство позволяет нам утверждать, что в Китае математика имела огромное методологическое значение в процессе формирования философии, так как благодаря ей в идеологию был внесен принцип рационального обоснования.

Сходство канонов с системой уравнений и логический характер канонов выявляют конкретную форму связи математики и философии. Кроме того, они дают ценнейшие сведения об особенностях логики в древнем Китае. Уже до детального исследования этого вопроса представляются обоснованными следующие соображения. Если признать приоритет математики во введении указанной формы, то можно сказать, что в древнекитайской логике был компонент алгебраического построения логической теории, при котором «изучаемые логические объекты и связи между ними (операции над этими объектами) рассматривают как определенную алгебраическую систему. Логические выражения при этом представляются определенными аналитическими функциями, но не числовыми, а в конечном счете истинностными. Эти выражения по законам данной алгебраической системы можно преобразовывать, приводя их в целях решения той или иной задачи к определенной канонической форме» [46, 24—25].

В форме канона (в древнекитайском понимании) заключены разные формы выводного знания. И видимо, при изучении логики в древнем Китае следует обратить внимание на схемы этих выводов, данные в самих текстах. Вероятно, эти схемы имеют некоторые общие черты с фигурами так называемых натуральных исчислений. Схема комплекса, состоящего из *шо*, имеет черты сходства с «фигурой смешения». Эта фигура в современной логике относится к типу логистических конструкций; однако она приближена к форме «натуральных» выводов. Конечно, нельзя отождествлять древнекитайскую логику с современной, но многие факты, открытые путем структурного анализа, свидетельствуют о тесной связи древнекитайской логики с математикой, а это дает возможность для более решительного применения современных логических воззрений при интерпретации древнекитайской логики.

Отметим еще один важный момент связи математики с китайской философией. Строки упорядоченного текста формируются при помощи «норм (*ли*)». Наряду с этим из аналогии с уравнениями мы видим, что строки упорядоченного текста выражают функции. Следовательно, «норма (*ли*)» означает определенную функциональную зависимость. Это обстоятельство согласуется со сведениями из «Хань Фэй-цзы», где «норма (*ли*)» связывается с союзом *цзэ* 'если... то...' [2, 111]. Но в том же «Хань Фэй-цзы» это понятие связывается с важнейшим понятием древнекитайской философии — *дао*; последнее объясняется как средоточие или основа разных «норм (*ли*)» [2, 107] (萬理之所稽). Отсюда мы можем прийти к выводу, что *дао* тоже выражает функциональную зависимость. Подтверждением этому могут быть довольно многочисленные случаи, когда *дао* определенно понимается как некоторое отношение. Вспомним сравнение *дао* с натягивающимся луком в «Даодэ-цзине» [§ 77]. Суть сравнения заключается в указании обратно пропорцио-

гальной и прямо пропорциональной зависимости, которые называются разными *дао* («небесным» и «человеческим»).

В «Цзючжан суаньшу» словом *дао* называется диагональ прямоугольника. Такую диагональ можно понимать как графическое изображение функциональных отношений сторон прямоугольника. Так мы приходим к пониманию *дао* как графика некоторой функции, что согласуется с коренным значением этого слова — «путь». Как функция, *дао*, конечно, отличается от непосредственно чувственно воспринимаемых явлений и их связей. Таким образом, в результате структурного анализа мы пришли к более конкретному пониманию *дао*, которое означает не закономерность вообще, а лишь функциональную зависимость. Понимание *дао* как функции позволяет увидеть и его нормативную логико-гносеологическую сторону, т. е. *дао* как «мерило правильного и неправильного» (是非之紀) [2, 17]. *Дао* как пропозициональная функция $P(x)$ представляется мерилом высказываний, так как подстановка на место переменной одних постоянных дает истинное высказывание (*ши*), а подстановка других — ложное высказывание (*фэй*).

Нам представляется, что и многие другие категории и понятия древнекитайской философии имеют «математический» аспект. Исследование этого аспекта является весьма важной задачей изучения древнекитайской философии. Так, структурный анализ дает весьма ценные сведения о древнекитайской философии и этим он оправдывает себя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники ¹

1. Ван Би (комм.), Лао-цзы чжу («Комментарий к [произведению] мудреца Лао»),— «Чжуцзы», т. 3.
2. Ван Сян-шэнь (комм.), Хань Фэй-цзы цзицзе («Собрание разъяснений к [произведению] мудреца Хань Фэя»),— «Чжуцзы», т. 5.
3. Ван Сян-цянь (комм.), Чжуан-цзы цзицзе («Собрание разъяснений к [произведению] мудреца Чжуана»),— «Чжуцзы», т. 3.
4. Ван Сян-цянь (комм.), Сюнь-цзы цзицзе («Собрание разъяснений к [произведению] мудреца Сюня»),— «Чжуцзы», т. 2.
5. Ван Фу, Цяньфу лунь («Рассуждения человека, пожелавшего остаться неизвестным»),— «Чжуцзы», т. 8.
6. Ван Чун, Луньхэн («Рассуждения о противоречиях»),— «Чжуцзы», т. 8.
7. Гао Ю (комм.), Хуайнань-цзы («Мудрец из [местности] Хуайнань»),— «Чжуцзы», т. 7.
8. Гэ Хун, Бао Пу-цзы («Мудрец Ба Пу»),— «Чжуцзы», т. 8.
9. «Гуй Гу-цзы» («Мудрец Гуй Гу»),— Сыбу», т. 149.
10. Дай Ван (комм.), Гуань-цзы цзючжэн («Сравнительный текст [произведения] мудреца Гуая»),— «Чжуцзы», т. 5.
11. Ду Дао-цянь (комм.), Вэнь-цзы цзуанъи («Развитие смысла [произведения] мудреца Вэня»),— «Сыбу», т. 151.
12. Дун Чжун-шу, Чуньцю фаньлу,— «Сыбу», т. 152.
13. «Инь Вэнь-цзы» («Мудрец Инь Вэнь»),— «Чжуцзы», т. 6.
14. Кун Ин-да и др. (комм.), Лицзи чжэнъи («Правильный смысл „Записей о правилах поведения“»),— «Шисаньцзин», ч. 6.
15. Лю Бао-нань (комм.), Лунъюй чжэнъи («Правильный смысл „Лунъюя“»),— «Чжуцзы», т. 1.
16. Лю Сян, Шоюань,— «Сыбу», т. 124.
17. Люй Бу-вэй, Люйши чуньцю («Летопись господина Люйя») (с комментарием Гао Ю),— «Чжуцзы», т. 6.
18. Син Бин (комм.), Сяо-цин чжушу («Толкования и комментарии к „Канону о сыновней почтительности“»),— «Сыбу», т. 21.
19. Сун И-жань (комм.), Мо-цзы сянгу («Дополнительный комментарий к [произведению] мудреца Мо»),— «Чжуцзы», т. 4.
20. «Цзючжан суаньшу» («Искусство расчета, изложенное по девяти параграфам»), Шанхай, 1926 (серия «Цуньшу цзичэн», № 1263).
21. Хуань Куань, Яньтелунь («Суммирующие выводы о соли и железе»),— «Чжуцзы», т. 7.
22. Цзяо Сюнь (комм.), Мэн-цзы чжэнъи («Правильный смысл [произведения] мудреца Мэня»),— «Чжуцзы», т. 1.
23. Цянь Си-цзо (сост.), Шэнь-цзы («Мудрец Шэнь [Дао]»),— «Чжуцзы», т. 5.
24. Чжан Чжань (комм.), Ле-цзы чжу («Комментарий к [произведению] мудреца Ле»),— «Чжуцзы», т. 3.
25. «Ши-цзы» («Мудрец Ши»),— «Сыбу», т. 149.
26. Ян Вань-ли (ред.), Шанцзюнь-шу («Книга правителя области Шан»),— «Чжуцзы», т. 5.
27. Ян Сюн, Ян-цзы фаянь («Подведение под образец изречений, проведенное мудрецом Яном»),— «Чжуцзы», т. 7.

II. Литература на русском языке

28. Аникеев Н. П., Европоцентризм и востокоецентризм: их идейное родство и реакционная сущность,— сб. «Ленинизм и современные проблемы историко-философской науки», М., 1970.

¹ В сборниках «Сыбу», «Чжуцзы» и «Шисаньцзин» содержатся в основном комментированные первоисточники по древнекитайской идеологии, поэтому они приведены в списке под именами комментаторов.

29. Арзаканян П. К., Обсуждение методологических проблем истории философии,— ВФ, 1969, № 9.
30. Березкина Э. И., Древнекитайский трактат «Математика в девяти книгах»,— «Историко-математические исследования», вып. X, М., 1957.
31. Быков Ф. С., Зарождение общественно-политической и философской мысли в Китае, М., 1966.
32. Васильев Л. С., Культы, религии, традиции в Китае, М., 1970.
33. Ветров А. А., Семиотика и ее основные проблемы, М., 1968.
34. Гегель, Лекции по истории философии,— Сочинения, т. IX, М., 1932.
35. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах, т. I, М., 1972.
36. Лотман Ю. М., Тезисы к проблеме «Искусство в ряду моделирующих систем»,— сб. «Труды по знаковым системам», т. III, Тарту, 1967.
37. Мысливченко А. Г., Методологические проблемы историко-философского страноведения,— сб. «Ленинизм и современные проблемы историко-философской науки», М., 1970.
38. Петров А. А., Очерк истории философии Китая,— сб. «Китай», М.—Л., 1940.
39. Петров А. А., Ян Чжу — вольнодумец древнего Китая,— СВ, 1940, № 1.
40. Петров А. А., Ван Чун — древнекитайский материалист и просветитель, М., 1954.
41. Позднеева Л. Д., Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая, М., 1967.
42. Позднеева Л. Д., К проблеме источниковедческого анализа древнекитайских философских трактатов,— ВДИ, 1958, № 3.
43. Соколов В., Философия древности и средневековья,— «Антология мировой философии», т. I, ч. 1, М., 1969.
44. Спирин В. С., Системно-структурный подход к древнекитайским письменным памятникам идеологии,— НАА, 1969, № 4.
45. Стяжкин Н. И., Формирование математической логики, М., 1967.
46. Субботин А. Л., Традиционная и современная формальная логика, М., 1969.
47. Штукин А. А. (пер.), «Шицзин», М., 1957.
48. Шуцкий Ю. К., Китайская классическая «Книга перемен», М., 1960.
49. Юшкевич А. П., О достижениях китайских ученых в области математики,— сб. «Из истории науки и техники Китая», М., 1955.
50. Ян Хин-шун, Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение, М.—Л., 1950.
51. Ян Хин-шун, Материалистическая мысль в древнем Китае, автореф. докт. дисс., М., 1967.

III. Литература на западноевропейских языках

52. Ames Van Meter, Zen and American Philosophy,— PEW, vol. V, № 4.
53. Bodde Derk, Chinese First Unifier, Leiden, 1938.
54. Bodde Derk, Types of Chinese Categorical Thinking,— JAOS, vol. 59, № 2 (1939).
55. Bodde Derk, Harmony and Conflict in Chinese Philosophy,— «Studies in Chinese Thought», Chicago, 1953.
56. Chan Wing-tsit, Hu Shih and Chinese Philosophy,— PEW, vol. VI, № 1 (1956).
57. Chang Chung Yuan, rev. to «The Way of Lao-tzu» New Translation by R. B. Blakney,— PEW, vol. VI, № 2 (1956).
58. Chang Carsun, Reason and Intuition in Chinese Philosophy,— PEW, vol. IV, № 2, 1954.
59. Chang Carsun, The Significance of Mencius,— PEW, vol. VII, № 3—4, 1957.
60. Cheng C., Logic and Language in Chinese Thought,— «Contemporary Philosophy», a Survey ed. by Raymond Klibansky, vol. III, Fierenze, 1969.
61. Chmielewski J., Notes on Early Chinese Logic,— RO, t. XXVI, z. 1, 1962, z. 2, 1962; t. XXVII, z. 1, 1963; t. XXVIII, z. 2, 1965; t. XXIX, z. 2, 1965.
62. Duyvendak J. J. L., Hsun-tzu on the Rectification of Name,— T'P, vol. XXIII (1924).
63. Forke A., The Chinese Sophists,— JCBRAS, vol. XXXIV, 1901—1902.
64. Fung Yu-lan, A History of Chinese Philosophy, Peiping—London, 1937.
65. Fung Yu-lan, A Short History of Chinese Philosophy, New York, 1948.
66. Graham A. C., The Composition of the Congsuen Long Tzy,— AM, New series, vol. V, pt 2.
67. Graham A. C., The Logic of the Mohist Hsiao-ch'ü, T'P,— vol. LI, livr. 1 (1964).
68. Holzman Donald, The Conversational Tradition in Chinese Philosophy,— PEW, vol. VI, № 3, (1956).
69. Hughes E. R. (ed. and transl.), Chinese Philosophy in Classical Time, London, 1944.

70. Hughes E. R., Epistemological Method in Chinese Philosophy,—«Essays in East-West Philosophy», ed. by Charles Moor, Honolulu, 1951.
71. Hu Shih, The Development of the Logical Method in Ancient China, Shanghai, 1922.
72. Hu Shih, The Scientific Spirit and Method of Chinese Philosophy,—PEW, vol. IX, № 1—2 (1959).
73. Kou Pao Koh, Deux sophistes chinois, Paris, 1953.
74. Lau D. C., Some Logical Problems in Ancient China,—«Proceedings of the Aristotelian society», New series, vol. LIII, London, 1952—1953.
75. Maspero Henri, Notes sur la logique de Mo-tsen et de son école,—T'P, vol. XXV.
76. Northrop Filmer S. C., Methodology and Epistemology Oriental and Occidental,—«Essays in East-West philosophy», ed. by Charlese A. Moor, Honolulu, 1951.
77. Needham J., Science and Civilisation in China, Cambridge, vol. II, 1956; vol. III, 1959; vol. IV, pt I, 1962.
78. Redfield Robert and Singer Milton, Foreword to «Studies in Chinese Thought», Chicago, 1953.
79. «Sources of Chinese Tradition», comb. by Wm. Theodore de Bary, Wing-tsit Chan, Burton Watson, New York, 1960.
80. Sheldon Wilmon H., What can Western Philosophy Contribute to Eastern,—PEW, vol. V, № 4, 1956.
81. Suzuki D. T., Zen. A Reply to Van Meter Ames,—PEW, vol. V, № 4.
82. Tai Kim, The Logic of Illogical. A Zen and Hegel,—PEW, vol. V, № 1.
83. Wright Arthur F., Preface to «Studies in Chinese Thought», Chicago, 1953.

IV. Литература на китайском языке

84. Ван Ли (гл. ред.), Гудай ханьюй («Древнекитайский язык»), т. 2, ч. 1, Пекин, 1963.
85. Ван Юн-бао, Фаянь ишу («Раскрытие смысла „Подведения под образец изречений“»), [б. м., б. г.].
86. Гао Хэн, Мо-цзин цзяоюань («Сравнение текстов и разъяснение смысла „канонов“ из [произведения] мудреца Мо»), Пекин, 1958.
87. Гао Хэн, Лао-цзы чжэнгу («Комментарий, устанавливающий правильное понимание [произведения] мудреца Лао»), Пекин, 1959.
88. Го Мо-жо, Вэнь И-до, Сюй Вэй-юй, Гуань-цзы цзицзяо («Собрание сравнений текстов [произведения] мудреца Гуаня»), Шанхай, 1956.
89. Лян Ци-сюн, Хань-цзы цянъце («Популярное разъяснение [произведения] мудреца Хань [Фэя]»), Пекин, 1961.
90. Жэнь Цзи-юй, Лао-цзы цзинь («Перевод на современный китайский язык [произведения] мудреца Лао»), Пекин, 1956.
91. Ма Сюй-лунь, Лао-цзы цзяогу («Сравнение текстов [произведения] мудреца Лао и комментарии к нему»), Пекин, 1956.
92. «Мэн-цзы ичжу» («Перевод [на современный китайский язык] и примечания к [произведению] мудреца Мэн»), Шанхай, 1960.
93. Тань Цзе-фу, Мобань фавэй («Раскрытие деталей в рассуждениях моистов»), Пекин, 1958.
94. Фэн Ю-лань, Чжунго чжэсюэши синьпянь («История китайской философии в новой редакции»), т. I, Пекин, 1964.
95. Чжан Синь-чэн, Вэйшу тункао («Общее исследование поддельных книг»), Шанхай, 1957.
96. Чжань Цзянь-фэн, Моцзяды синши лоци («Формальная логика моистов»), Ухань, 1957.
97. Чжоу Чжун-лин, Хань Фэй-цзыды лоци («Логика произведения мудреца Хань Фэя»), Пекин, 1958.
98. Чжу Цянь-чжи, Лао-цзы цзяоши («Сравнение [текстов произведения] мудреца Лао и объяснения к нему»), Шанхай, 1958.
99. Чэн Чжу, Лао-цзы цзишунь («Собрание толкований [произведения] мудреца Лао»), Шанхай, 1928.
100. Чэнь Цы-ю, Хань Фэй-цзы цзиши («Собрание объяснений [произведения] мудреца Хань Фэя»), Шанхай, 1958.
101. Юй Тун, Чжунго чжэсюэ даган («Общий очерк китайской философии»), Пекин, 1958.
102. Ян Бо-цзюнь, Луньюй ичжу («Перевод [на современный китайский язык] и примечания к „Луньюю“»), Пекин, 1958.
103. Ян Шу-да, Гаодэн говэньфа («Высшая грамматика отечественного языка»), Шанхай, 1955.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ — журн. «Вестник древней истории», М.

ВФ — журн. «Вопросы философии», М.

НАА — журн. «Народы Азии и Африки. История, экономика, культура», М.

СВ — журн. «Советское востоковедение», М.

«Сыбу» — сб. «Сыбу бэйяо» («Важнейшие материалы по четырем разделам»), Шанхай, 1936.

«Чжуцзы» — сб. «Чжуцзы цзичэн» («Собрание сочинений мудрецов»), Пекин, 1956.

«Шисаньцзин» — сб. «Шисаньцзин чжушу» («Толкования и комментарии к 13 каноническим книгам»), Шанхай, 1957.

AM — журн. «Asia Major», London.

JAOS — «Journal of the American Oriental Society», New York — New Haven.

JCBRAS — «Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society», Shanghai.

PEW — журн. «Philosophy East and West», Honolulu.

RO — журн. «Pocznik Orientalistyczny», Lwów (Kraków).

TP — T'oung Pao, ou Archives concernant l'histoire, les langues, la géographie, ethnographie et les arts de l'Asie Orientale», Paris — Leiden.

О КНИГЕ В. С. СПИРИНА «ПОСТРОЕНИЕ ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ ТЕКСТОВ»

Монография В. С. Спирина посвящена одному из самых сложных вопросов филологии — исследованию канонических текстов. Канонические тексты в истории любой цивилизации представляют собой как бы исходный пункт этой цивилизации. К таким текстам рукописная традиция возводит самое себя. С точки зрения древности и средневековья канонический текст стоит как бы во главе и в центре текстовой традиции, и все прочие тексты создаются как своеобразные изводы из канонических текстов.

В соответствии с такой ролью канонических текстов формируется специальная литература, целью которой является истолкование канонических текстов. Эта литература называется комментариями. Комментарии призваны объяснять и истолковывать содержание канонических текстов, давать им новое прочтение, развивать и разъяснять их содержание в связи с новыми обстоятельствами в жизни общества. При этом комментарий не только открывает новые коннотации канонических текстов, но и удерживает их старые значения путем экзегетического истолкования этих текстов с точки зрения данных истории, археологии, уяснения обстоятельств создания текстов, филологической интерпретации цельности смысла и замысла канонических источников.

Комментаторская литература носит догматический характер. Это значит, что комментарий ведется с позиций правильного, истинного толкования источников, в котором первоначальное истолкование не должно противоречить последующему. Расхождение в догматике истолкования отсюда как бы разделяет текстовые традиции с точки зрения наиболее глубоких основ их содержания. Расхождение в догмах обычно связано с теми или иными последствиями для единства общественной мысли.

Догматика как основа развития понимания, истолкования и комментирования текстов в традиции текстов записывается только со своей внешней стороны, со стороны тех результатов развивающейся догматической мысли, которые могут быть записаны без ущерба для единства комментирования канонического источника. Вот почему наряду с записанным комментарием, его догматической теорией, составляющей основу древней и средневековой философии, существует еще и устное предание, в котором, строго говоря, реализуется развитие догматической мысли. Это предание, учитывая огромную роль догматического текста в обществе, должно оставаться тайным, с тем чтобы не вызвать смятения умов, недостаточно подготовленных, недостаточно знающих и потому рассуждающих некомпетентно.

Наличие тайного изустного предания, истолковывающего канонические тексты, делает задачу современной интерпретации канонических текстов особенно трудной, так как для филолога оказывается скрытым естественное, нативное понимание и истолкование источника. Филологу приходится прибегать к своеобразной дешифровке скрытого смысла. Такая дешифровка из-за временной удаленности и навязывания современным языком современных коннотаций единиц текста необычайно трудна и редко приводит к подлинному успеху. Обычно филолог улавливает только словарно-лексический слой значений текста и не идет далее.

Китайская текстовая традиция сильна и непрерывна. Китайские канонические тексты много раз комментировались, редактировались, уточнялось их место относительно друг друга. Этот комментарий, построенный на основе догматической деятельности, оказался разнонаправленным и разнородным, различным в разные времена. Дело в том, что в Китае фактически отсутствовал институт, нормирующий предание, — церковь.

Вследствие этого комментарий китайского канона по смыслу неединообразен, перегружен разными системами толкований, что достаточно ясно видно, например, в переводах, выполненных в Китае с древнекитайского на современный язык.

В европейских переводах древнекитайской философии не повезло еще более. Переводы этих текстов на европейские языки немногочисленны в сравнении с переводами, сделанными в буддологии, или с переводами в исламоведении, не говоря уже о древнеевропейских, греческих и латинских источниках, и самое главное — они «внешние», т. е. выполненные только с точки зрения прямой передачи предметного содержания.

Слабое знакомство европейцев с философией китайской античности объясняется не столько недостаточным прилежанием китаистов, сколько особой сложностью самих источников. Эта сложность не относится к грамматике или лексике памятников, так как грамматика китайского языка достаточно детально описана за 150 лет существования грамматической науки о китайском языке, а лексика исключительно полно и совершенно представлена китайской словарной традицией. Сложность перевода лежит в понимании смысла текстов, т. е. в толковании семантики целого источника или его фрагментов. Переводы на современный китайский, равно как и на европейские языки, показывают, что то или иное малое отклонение в толковании одного слова, даже синонимическая замена одного слова другим, нередко полностью меняет общую картину смысла памятника и делает практически бессильной его историко-философскую интерпретацию. Здесь могло бы помочь предание, но оно для китайцев недостаточно догматично, а для европейцев и вовсе закрыто.

В европейском толковании древнекитайская философия одновременно признается и рационалистической и мистической. Рационалистической ее принято признавать потому, что китайской философии в целом несвойственна теологическая идея, равно как и идея пророчества и божественного откровения. Мистической ее принято признавать потому, что путь, которым древнекитайская философия получала свои знания, не был достаточно эксплицитно изложен ею. Вот почему для исследователя, не искушенного в текстах источников, путь получения знания, т. е. сами способы рассуждать, как бы закрыт.

Вместе с тем по своим натурфилософским результатам китайская философия сближается с так называемой физиологией мира в греко-латинской, арабо-персидской и индийской философских традициях, так как оперирует сходными в типологическом отношении понятиями типа «мужского и женского начал» (*ян* и *инь*), противопоставлением «верха», «низа» и «середины» (*шан*, *ся*, *чжун*), «предшествующего», «последующего» и «промежуточного» (*чу*, *мо*, *чжун*), объединяемых понятием «трехначалие» (*саньюань*). «Трехначалие» совпадает с делением вещей на «небо» (*тянь*), «землю» (*ди*), «воды» (*шуй*), находящихся в «триединстве» (*саньхэ*) как «небо» (*тянь*), «свет» (*ян*) и «тьма» (*инь*), и как те же предметные сферы — «трехсферие» (*саньцзе*), которое относится к делению мира на «небо», «землю» и «воды», соотносенные с делением на «верх» (*шан*), «середицу» (*чжун*) и «низ» (*ся*), данными в «трехначалии».

Дальнейшее развитие приводит к «триединому» делению «производящих начал» (*сань цай*) на «небо», «землю», «человека» (*тянь*, *ди*, *жэнь*), «триединому» делению небесных светил (*сань гуан*) на «солнце» (*жи*), «луну» (*юэ*), «звезды» (*син*) и т. д.

Вселенная делится на четыре элемента (*сыда*): «землю», «воду», «огонь» и «воздух», а звуки речи — на соответствующие классы по тонам (*пин*, *шан*, *цуй*, *жу*) и соответствующие стороны света. Далее, есть пять стихий (*у хан*, или *у ци*): «вода», «огонь», «дерево», «металл», «земля», которые определяют темперамент человека, метеорологические явления, планетарные астрологические системы, температуру, цвет и т. д.

Короче, онтологическая картина вселенной в древнекитайской философии типологически близка к античной и средневековой философии Средиземноморья и Индии. Однако она построена своими средствами, в своей системе терминов, и поэтому предполагает тождество или по крайней мере сходство аппарата дедукции понятий. Коль скоро в Европе такой продукт философской мысли нередко принято свя-

зывать с мистическими путями его получения, то и древнекитайская философия трактуется как мистическая.

Китайская традиция комментирования и исследования своих античных философских источников также своеобразна. С одной стороны, как можно подробнее и весьма объективно описывается внешняя история создания текстов и исторические обстоятельства, приведшие к возникновению и существованию текстов, т. е. экзегетика текстов, с другой стороны, интерпретация содержания кажется весьма свободной.

Понимание же источников словно бы предполагается уже данным из заучивания этих текстов наизусть. При этом предполагалось, что адепт, заучивая тексты, как бы «сливался с ними духом».

Попытки исследовать содержание источников, основанные на фиксированных в истории различных отдельных философских школ, принесли определенные плоды, но все же результаты этих исследований не кажутся во всем достоверными, так как отсутствуют систематические описания внутренней системы построения содержания самого текста. Можно предположить, что это, по-видимому, должно быть отнесено к преданию.

Вот почему перед историком китайской философии возникает особая задача — реконструировать систему построения содержания источников, т. е. аппарат «разведения» и выведения понятий.

Монография В. С. Спирина, по сути дела, и представляет собой дешифровку этого аппарата по текстам древнекитайской философии. В основании этой дешифровки лежит очевидное, но нигде специально не отмечаемое и не описанное как формула построения текста, понятие «канон» (*цзин*). Канон, или канонический текст, понимается прежде всего как изложение начал некоторой деятельности, духовной и практической, в том числе и начал мыслительной деятельности и этики. Это прагматическое понимание канона. Но канон как текст внутренне обладает еще одним свойством — правильностью формы содержания, представленной в текстах.

Этот признак канона делает отличимым канонический текст от других разновидностей текстов, например от *ши* — стихов и *шу* — прозаических текстов, и всегда осознается независимо от характера предметного содержания. Вот почему разные философы и разные философские школы, подчас спорящие между собой о предметной и духовной интерпретации канонических текстов, создавали новые правильные тексты в форме канона. Таким образом, как правильно полагает автор, канон есть не стихи и не проза, а третий вид формы текста, обладающий своей конструкцией, своей правильностью формы. Эта правильность есть правильность формы речи-мысли. Вот почему правильность здесь в определенном смысле выступает синонимом логической истинности, если понимать под логикой аппарат выведения и «разведения» понятий.

Правильность речи-мысли осознавалась, заучивалась, репродуцировалась, но, по-видимому, никогда не была описана как формальная система. Мы говорим «по-видимому, не была описана», так как до сих пор не встретилось подобного описания, но не исключена возможность того, что такое описание может быть обнаружено или открыто через предание.

Дешифровка правильности речи-мысли канонических текстов на первый взгляд выглядит чисто филологической задачей. Однако, надо сказать, что нет такой дисциплины внутри филологии, которая занималась бы этим предметом. Ни теория литературы, ни поэтика, ни лингвистика, ни риторика, ни обычная логика не исследуют правильность речи-мысли под углом зрения формы «разведения» и выведения понятий. Вот почему в основе открытия В. С. Спирина лежит своеобразная единица — набор из десяти предложений, которую он вычленил в каноническом тексте на основании его смыслового ритма и которую он тоже называет «каноном». Как нам кажется, здесь этот термин неудачен, так как полезнее было бы сказать каноническая фигура содержания. Выделение такой единицы автор производит чисто филологическими средствами, используя набор филологических единиц из области лексики, грамматики и поэтики, причем оказывается, что комбинация этих единиц образует определенную

фигуру плана выражения текста, которая должна гипотетически отвечать определенной фигуре плана содержания, канону — в терминологии В. С. Спирина.

Нахождение такой фигуры, как единицы текста, в принципе беспрецедентно. Исследование начинается с изучения поэтического приема, называемого автором параллелизмом, т. е. повтора однородных выражений. Этот параллелизм складывается в определенную фигуру, что видно даже в русском переводе (см. «Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах», М., 1972, т. I, стр. 112):

Дао (1), которое может быть выражено словами (2), не есть постоянное (3) *Дао* (1).

Имя (4), которое может быть названо (2), не есть постоянное (3) имя (4).

Безымянное есть начало неба и земли (1, 3 и 5), обладающее именем (4 и 2) — мать всех вещей (5).

Цифры после отрезков текста показывают на повторяющиеся отрезки с одинаковой языковой формой и содержанием. Эти повторяющиеся отрезки группируются параллельно, а их совокупность образует определенную фигуру повторов, укладывающихся в матрицу.

Параллелизм как поэтический прием в канонических текстах выходит за пределы одной сентенции и охватывает группы сентенций, создавая матрицу из трех слов и трех столбцов. Причем эти группы, как правило, составлены из девяти сентенций, и внутри каждой девятки есть определенные фигуры отношений между параллельными сентенциями¹.

Эти фигуры, связывающие девятки, представлены только в канонических текстах и составляют формальное выражение фигур канона и типов канона, представленных разными матрицами.

Доказательство наличия девяток сентенций, связанных параллелизмом (то, что автор называет «универсальным параллелизмом»), произведено чисто филологически, точнее, текстологическими средствами. Оно проводится автором по следующим этапам:

1. Даются исходные положения анализа текстовых структур.

2. Вводятся и широко описываются формальные признаки параллелизма в сентенциях канонического текста.

3. Вводится понятие о связи признаков параллелизма в отдельных сентенциях и устанавливается так называемый универсальный параллелизм, или форма канона.

4. Наличие канона, построенного на универсальном параллелизме, доказывается следующими средствами: а) принципиальной делимостью любого канонического текста на девятичленные единицы; б) статически абсолютным преобладанием девятичленных единиц; в) разбором исключений.

5. При разборе исключений обнаруживается, что, в случае если единица содержит менее чем девять членов, это обстоятельство так или иначе всегда оговорено комментаторами, чаще всего это следствие того, что при переписках текст был утрачен. Если

¹ Параллелизм пронизывает фольклор любого народа, например пословицы и поговорки. Приведу серию русских пословиц:

1. *С кем поведешься, от того и наберешься.*

2. *Куда иголка, туда и нитка.*

3. *Скажи, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты.*

4. *Яблочко от яблоньки далеко не падает.*

5. *Не в моем ли ты хлеву родился, не мой ли ты навоз ел?*

6. *Что посеешь, то и пожнешь.*

Легко увидеть, что пословицы построены на параллелизме относительных местоимений: *с кем — от того, куда — туда, кто — кто, что — то*; личных местоимений: *я — ты, ты — ты*; рифмованных окончаний: *поведешься — наберешься, иголка — нитка, посеешь — пожнешь*; аллитераций: *яблочко — яблонька, моем ли — мой ли* и, наконец, на параллелизме грамматических форм.

Заметим, что пословицы, объединенные параллелизмами, по своему содержанию называют правила и прецеденты деятельности и выражены так, что всегда обладают прямым и переносным смыслом, а также несколько энигматичны, т. е. требуют известного решения умственной задачи для соотнесения с ситуацией речи и приложения к этой ситуации. Такой фольклорный параллелизм пронизывает канонические тексты.

же единица содержит более чем девять предложений, то увеличение происходит за счет роста числа единиц, кратного девяти, и самое главное, что при этом каноническая девятка как бы удваивается или утраивается, т. е. «легкий» канон, в терминах автора, развертывается в «трудный», в котором бывает по девяти и более строк и столбцов. Этим доказывается существование канонических фигур содержания как факта намеренного построения формы текста.

6. Внешние доказательства подкрепляются внутренними, т. е. рассмотрением внутреннего содержательного строения канонических фигур. При этом обнаруживаются формы канона и типы канона как определенная сумма форм, происходящая на основе членности канона на двойную, тройную и четверную подъединицы — части канона. Этим доказывается существование канонических фигур по их внутренней членности.

Таким образом, доказано наличие некоторых формально выраженных структур, имеющих особые логические функции.

Часть II работы посвящена анализу логического значения таких структур. Здесь автор сталкивает математический трактат, написанный в форме канона, с философскими сочинениями, написанными в той же форме. В процессе исследования обнаруживается, что объединение предложений за пределами их линейной последовательности при помощи параллелизмов и образование матричных структур высказываний связано с тем, что горизонтальные строки таких матриц и их вертикальные столбцы связаны каждый некоторым тематическим единством содержания. Пересечение же столбца со строкой, приходящееся на каждую из девяти предложений, есть своеобразное определение понятия, выражаемого предложением, по двум аргументам. Таким образом, вся девятичленная система есть система перекрестного взаимопределения понятий и некоторая форма развития мысли.

Как можно истолковать открытие В. С. Спирина? С точки зрения филологической истории языка образование письменных памятников (а это и есть начало любой античной философии и начало канонических текстов) должно опираться на фольклорные тексты, в которых фактически содержится аппарат «разведения» понятий. Фольклорные тексты во всей их совокупности содержат общую систему содержания (см., например, Г. Л. Пермяков, *Пословицы и поговорки народов Востока*, М., 1968; его же, *От поговорки до сказки*, М., 1970). Эта общая система содержания может быть разбита на участки, где происходит «разведение» и выведение понятий. Например, пара пословиц: *Тихая кошка мышей ловит*, *Языком может, делом — нет*, как бы делит людей на два подмножества — на молчаливых и работающих, с одной стороны, и болтунов и бездельников — с другой. В этом случае молчаливость и трудолюбие соединяются вместе, образуя единый признак трудолюбивого молчания, который противопоставляется признаку праздной болтливости, образованному сочетанием признаков болтливости и безделья.

Но другая пара пословиц: *На язык спор и на руку скор*, *Есть — неладно, говорит — нескладно*, разделяет по крайней мере одно из подмножеств на два подмножества, обнаруживая независимость разговорчивости и трудолюбия. Любители поговорить могут быть и праздными и трудолюбивыми, что выражается матрицей:

Дело \ Речь	Трудолюбие	Праздность
Разговорчивость	+	+
Молчаливость	+	—

Поэтому понятно и своеобразное использование фольклорных форм в канонических текстах. Авторы канонических сочинений используют форму фольклорной параллели, которую они авторизуют, т. е. создают новые, элементарные ситуации своего авторства

в новой фольклороподобной форме. Это объясняет и дробность канонического текста, и его принципиальную иносказательность и энигматичность. Используя форму фольклорной параллели, авторы канонов развивают ее до девятичленной структуры и снабжают самым общим мировоззренческим философским содержанием. Так можно определить место канона в истории текстов, даваемой филологией.

Фольклористика уже разработала определенную систематику фольклорной и мифологической логики (см. работы Леви—Штросса, Греймаса и др.). Кажется, что можно соотносить исследование смысла канонических матриц с данными фольклористики в части принципов «разведения» и выведения понятий. Вероятно, это помогло бы отделению собственно канонической логики от фольклорной.

По-видимому, важнейшим шагом в создании канона на базе фольклорных форм было создание матричной системы «разведения» понятий. Это дало канону полноту и системность содержания. В каноне, как показывает В. С. Спирин, понятия взаимопределяются. Взаимоопределение понятий, по-видимому, единственно возможно в случае их матричного объединения и взаимного различения. При этом минимальной матрицей будет матрица из трех строк и трех столбцов (см. Ю. В. Рождественский, Типология слова, М., 1969).

В системе древнекитайской философской терминологии есть прямые указания на форму канона. Так, в «Даодэ-цзин» говорится: досл. «Один рождает два, два рождает три, три рождает все вещи» (*и шэн эр, эр шэн сань, сань шэн вань у*). Соответственно этому существует и термин *сань* 'триединство' (досл. 'один — три'). Этим термином передаются и картина мира, и правила «разведения», и систематизация понятий (ср. термины *саньюань, саньхэ, саньцзе, саньцай* и другие, упомянутые выше). Это не только картина мира, но и картина текстов, коль скоро правильность имен в античной философии строится на инструментальном соответствии словосоздания и деяния. Аналогичные мысли, выраженные разными авторами, особенно авторами сочинений по догматической философии, подчеркивают суть логико-гносеологической функции канона, если применить к нему принцип правильности имен, когда слово развертывает мир правильным образом.

Вот начало Евангелия от Иоанна:

		1	2	3	4
I	1	(В)	(начало было)	(слово)	(Бога)
	2	(И)	(слово было)	(у)	
	3	(И)	(Бог было)	(слово)	
II	4	{ (Оно)	(было в начале) без исконни	(у) к	{ (Бога) Богу }
		сей			
III	5	(Все)	(через него начало) быть	(ничто не начало быть) (ничтоже быть)	{ (что начало быть) (еже быть) }
	6	{ (Вся)	{ (тем быша) }		
		(и)	{ (без него)		
		{ (и)	{ (без нѣго)		

В фигурных скобках приводится славянский текст для сравнения с русским. В круглых скобках дается деление текста на синтагмы, обусловленные наличием повторяющейся связки «быть», которая встречается с разными словами во 2, 3 и 4-й позициях. Фигурные скобки включают исконную славянскую версию текста, необходимую для членения русского перевода.

Матричное представление структуры текста дает следующую идентификацию понятий:

Позиции Слова	1	2	3	4
«Начало»	—	+	—	—
«Слово»	—	+	+	—
«Бог»	—	+	—	+
Союзные слова	+	—	+	—
«Все» (местоимение)	+	—	—	—
«Бытие»	—	—	+	+

В матрице возникает идентификация понятий, характерная для данного отрезка текста. Строки матрицы отвечают применению одного и того же слова в разных сочетаниях, а столбцы выражают синонимические ряды.

Так, контекстными синонимами оказываются ряды: а) «начало», «слово», «бог»; б) «слово», «союз», «бытие»; в) «бог», «бытие»; г) «союзные слова», «все» (местоимение). Такая контекстная синонимика вполне отвечает нашим представлениям о сущности евангельского учения.

Кроме идентификации значений в контексте в матрице существует также дистрибутивное различие основных понятий: это понятия «слово», «бог», «бытие», которые различены в структурно-функциональном отношении посредством контрастного и дополнительного распределения.

Позиции Понятия	2	3	4
«Слово»	+	+	—
«Бог»	+	—	+
«Бытие»	—	+	+

Таким образом, каноническая форма текста не только идентифицирует, но и различает понятия.

Сходную картину идентификации и различения дает первая сура Корана, а в последующих сурах представлен так называемый тяжелый канон, который в равной мере представлен далее, в тексте Евангелия от Иоанна.

Это подводит к мысли о том, что каноническая фигура содержания и выражения есть особое свойство канонических текстов, призванных в истоках цивилизации различать основные понятия системы мирозерцания и строить на этой основе производные понятия.

Книга В. С. Спирина, по нашему мнению, открывает новую страницу в исследовании формально-содержательной стороны канонических текстов.

Ю. В. Рождественский

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Введение	5

Часть первая

АППАРАТ ФОРМАЛЬНОГО АНАЛИЗА

1. Структурный анализ, его особенности	18
2. Понятие универсального параллелизма	20
3. Необходимые признаки элементов структурного параллелизма	23
Синтаксический признак	24
Количественный признак	26
Композиционный параллелизм	28
Формально-содержательный признак	31
Рифма	35
Внешнее оформление отрывков	36
4. Принципы схематизации текста	38
5. Основа схематизируемого текста — канон (<i>цзин</i>)	45
6. Простые и сложные формы соотношения частей текста, их графическое обозначение	52
7. Части канона, его виды и формы	55
8. «Легкие» и «трудные» каноны	60
9. Выбор наиболее вероятных и воссоздание возможных структур	79

Часть вторая

ЗНАЧЕНИЕ ОБНАРУЖИВАЕМЫХ СТРУКТУР

1. Общий подход к содержательной стороне рядов схематизируемых текстов	91
2. Ряды в математическом тексте	98
3. Ряды в философском произведении	103
4. Части канона в математическом трактате	116
5. Основная логико-гносеологическая функция частей канона в философском произведении	125

Часть третья

ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ, ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К СТРУКТУРЕ ТЕКСТОВ

1. Термины <i>бянь</i> (辯), <i>лунь</i> (論), <i>шо</i> (說)	145
Схематизация и перевод главы «Сяоцзой» трактата «Мо-цзы»	146
Интерпретация части главы «Сяоцзой», посвященной <i>бянь</i>	155
Интерпретация части главы «Сяоцзой», относящейся к <i>лунь</i> и <i>шо</i>	160
Термины <i>бянь</i> , <i>лунь</i> , <i>шо</i> как обозначения особых построений текста	173
2. Термин <i>и</i> (疑)	179
3. Термин <i>ци</i> (期)	188
4. Термин <i>но</i> (諾)	190
5. Некоторые новые проблемы	208
Вместо заключения	211
Список использованной литературы	220
Библиографические сокращения	223
Ю. В. Рождественский — О книге В. С. Спирина «Построение древнекитайских текстов	224

Владимир Семенович Спирин

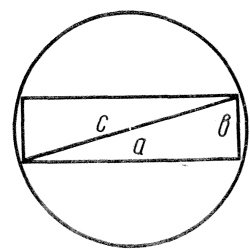
ПОСТРОЕНИЕ ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ ТЕКСТОВ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редакторы *А. М. Каралетьянц,
Л. М. Белоусов*
Младший редактор *Н. И. Платонова*
Художник *Т. Удыма*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректоры *Г. В. Стругова*
и *М. Э. Шафранская*

Сдано в набор 28/1 1976 г.
Подписано к печати 3/VIII 1976 г. А-06671
Формат 70×108^{1/16}. Бум. № 2
Печ. л. 14,5+0,5 п. л. вкл. Усл. п. л. 21,0
Уч-изд. л. 17,8. Тираж 1700 экз. Изд. № 2822
Зак. 96. Цена 1 р. 78 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Задача 4

Дано: c (=尺五寸) = 25;
 b (=寸) = 7.
 Требуется определить: a .
 Ответ (=尺四寸) 24.

Ход решения:

$$c^2 = a^2 + b^2,$$

$$c^2 - b^2 = a^2;$$

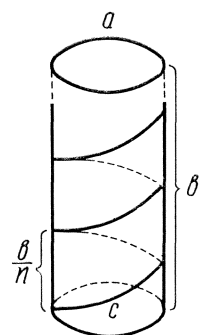
$$\sqrt{c^2 - b^2} = a.$$

Подсчитываем $c^2: 25 \cdot 25 = 625$.

Подсчитываем $b^2: 7 \cdot 7 = 49$.

Определяем $a: \sqrt{25^2 - 7^2} = 24$.

1. 術曰令徑二尺五寸自乘
2. 以七寸自乘減之
3. 其餘開方除之即廣

Задача 5

Дано: a (длина окружности цилиндра) (=尺) = 3,
 b (высота цилиндра) (=丈) = 20,
 n (число витков) = 7.
 Требуется определить: c (длина винтовой линии, обвивающей цилиндр).
 Ответ: 29.

Ход решения:

a и b примем за катет;

c примем за другой катет;

найдем гипотенузу:

$$c = \sqrt{(3 \cdot 7)^2 + 20^2} = 29.$$

1. 術曰以七周乘三尺爲股
2. 木長爲句
3. 爲之求弦
弦者葛之長

Задача 10

Дано: b (=尺) = 10;
 $2a'$ (=寸) = 2, следовательно $a' = 1$;
 $2c = a + a + 2a'$.
 Требуется определить: $2c$ или $a + a + 2a'$.
 Ответ: 101*.

Ход решения:

$$b^2 = c^2 - a^2; a = c - a';$$

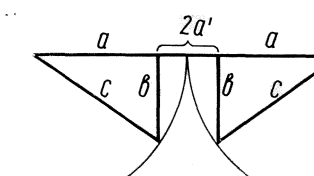
$$\frac{b^2}{2a'^2} = 2c - a';$$

$$\frac{b^2}{2a'^2} + a' = 2c.$$

Подсчитываем $b^2: 10 \cdot 10 = 100$.

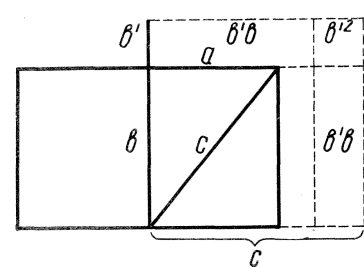
Подсчитываем $\frac{b^2}{2a'^2}: \frac{100}{2} = 50$.

Определяем $2c: 100 + 1 = 101$.

1. 術曰以去闊一戶自乘
2. 所得以不合二寸半之一
3. 所得增不合寸半即得門廣

* В тексте ответ указан неправильно - вместо 丈 написано 尺.

Задача 8

Дано: $2a$ (=丈) = 10, следовательно $a = 5$;
 b' (=尺) = 1;
 $b' + b = c$.
 Требуется определить: b и $b + b'$.
 Ответы: $b = 12$, $b + b' = 13$.

Ход решения:

$$1. b^2 = c^2 - a^2;$$

$$2. b^2 = c^2 - (2bb' + b'^2);$$

$$a^2 = 2bb' + b'^2;$$

$$a^2 - b'^2 = 2bb';$$

$$\frac{a^2 - b'^2}{2b'} = b.$$

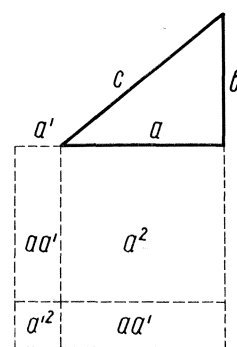
Подсчитываем $a^2: 5 \cdot 5 = 25$.

Подсчитываем $a^2 - b'^2: 25 - 1 = 24$.

Определяем $b: \frac{24}{2} = 12$.

Определяем $b' + b: 12 + 1 = 13$.

3. 術曰半地方自乘
4. 以出水一尺自乘減之
5. 餘倍出水除之即得水深
6. 加出水數得葭長

Задача 8

Дано: b (=丈) = 100;
 a' (=尺) = 10;
 $a' + a = c$.
 Требуется определить: c .
 Ответ: 505.

Ход решения:

$$1. c^2 = a^2 + b^2;$$

$$2. c^2 = a^2 + 2aa' + a'^2;$$

$$b^2 = 2aa' + a'^2;$$

$$\frac{b^2}{a'} = 2a + a'; a = c - a';$$

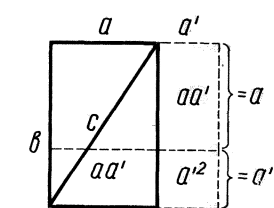
$$\frac{b^2 + a'^2}{2} = c.$$

Подсчитываем $b^2: 100^2 = 10000$.

Подсчитываем $\frac{b^2}{a'}: \frac{10000}{10}$.

Определяем $c: \frac{10000 + 10}{2} = 505$.

3. 術曰以垣高一十尺自乘
4. 如卻行尺數而一
5. 所得以加卻行尺數而半之即木長數

Задача 11

Дано: $b - a = a'$ (=尺八寸) = 68;
 c (=丈) = 100.
 Требуется определить: a и b .
 Ответы: $a = 28$; $b = 96$.

Ход решения:

$$1. a^2 = c^2 - b^2;$$

$$2. a^2 = b^2 - (2aa' + a'^2);$$

$$c^2 = 2a^2 + 2aa' + a'^2;$$

$$c^2 - 2a'^2 = 2a^2 + 2aa';$$

$$\sqrt{\frac{c^2 - a'^2}{2}} = a + \frac{1}{2}a';$$

$$\sqrt{\frac{c^2 - a'^2}{2}} - \frac{1}{2}a' = a;$$

$$\sqrt{\frac{c^2 - a'^2}{2}} + \frac{1}{2}a' = b.$$

Подсчитываем $c^2: 100 = 10000$.

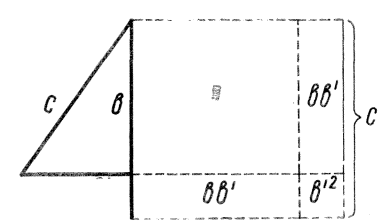
Подсчитываем $c^2 - 2a'^2: 10000 - 4624 = 5376$.

Подсчитываем $\sqrt{\frac{c^2 - a'^2}{2}}: \sqrt{\frac{10000 - 2312}{2}} = 62$.

Определяем $a: 62 - 34 = 28$.

Определяем $b: 62 + 34 = 96$.

3. 術曰令一又自乘爲實
4. 半相多令自乘倍之減實
5. 半其餘以開方除之
6. 所得減相多之半即戶廣
7. 加相多之半即戶高

Задача 7

Дано: b' (=尺) = 3;
 a (=尺) = 8;
 $b' + b = c$.
 Требуется определить: $b + b'$.
 Ответ: $12\frac{1}{6}$.

Ход решения:

$$1. c^2 = b^2 + a^2;$$

$$2. c^2 = b^2 + 2bb' + b'^2;$$

$$a^2 = 2bb' + b'^2;$$

$$\frac{a^2}{b'} = 2b + b'; b = c - b';$$

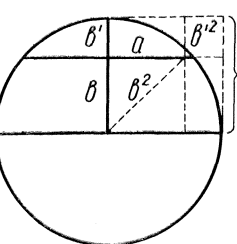
$$\frac{a^2 + b'^2}{2} = c.$$

Подсчитываем $a^2: 8 \cdot 8 = 64$.

Подсчитываем $\frac{a^2}{b'}: 64: 3 = \frac{64}{3}$.

Определяем $b' + b$ (или c): $\frac{64 + 3}{2} = 12\frac{1}{6}$.

3. 術曰以去本自乘
4. 令如委數而一
5. 所得加委地數而半之即索長

Задача 9

Дано: b' (=寸) = 1;
 $2a$ (=尺) = 10, следовательно $a = 5$;
 $b' + b = c$ (радиус).
 Требуется определить: $2c$ (диаметр).
 Ответ: 26.

Ход решения:

$$1. c^2 = b^2 + a^2;$$

$$2. c^2 = b^2 + 2bb' + b'^2;$$

$$a^2 = 2bb' + b'^2;$$

$$\frac{a^2}{b'} = 2b + b'; b = c - b';$$

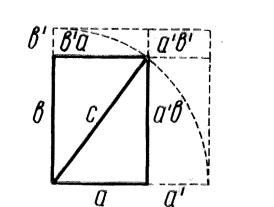
$$\frac{a^2 + b'^2}{b'} = 2c.$$

Подсчитываем $a^2: 5^2 = 25$.

Подсчитываем $\frac{a^2}{b'}: \frac{25}{1} = 25$.

Определяем $2c: 25 + 1 = 26$.

3. 術曰半徑逆自乘
4. 如深寸而一
5. 以深寸增之即材徑

Задача 12

Дано: $c - a = a'$ (=尺) = 4;
 $c - b = b'$ (=尺) = 2.
 Требуется определить: a, b, c .
 Ответы: $a = b, b = \theta, c = 10$.

Ход решения:

$$1. c^2 = a^2 + b^2;$$

$$2. a^2 = ab + ab + ab' + a'b'; b = (a + a') - b';$$

$$2b'a' = (a - b')^2;$$

$$\sqrt{2b'a'} = a - b';$$

$$\sqrt{2b'a'} + b' = a; a = (b + b') - a';$$

$$\sqrt{2b'a'} + a' = b;$$

$$\sqrt{2b'a'} + a' + b' = c.$$

Подсчитываем $b'a': 2 \cdot 4 = 8$.

Подсчитываем $\sqrt{2b'a'}: \sqrt{16} = 4$.

Определяем $a: 4 + 2 = 6$.

Определяем $b: 4 + 4 = 8$.

Определяем $c: 8 + 2 = 10$.

3. 術曰從橫不出相乘
4. 倚而開方除之
5. 所得加縱不出即戶廣
6. 加橫不出即戶高
7. 兩不出加之得戶袤